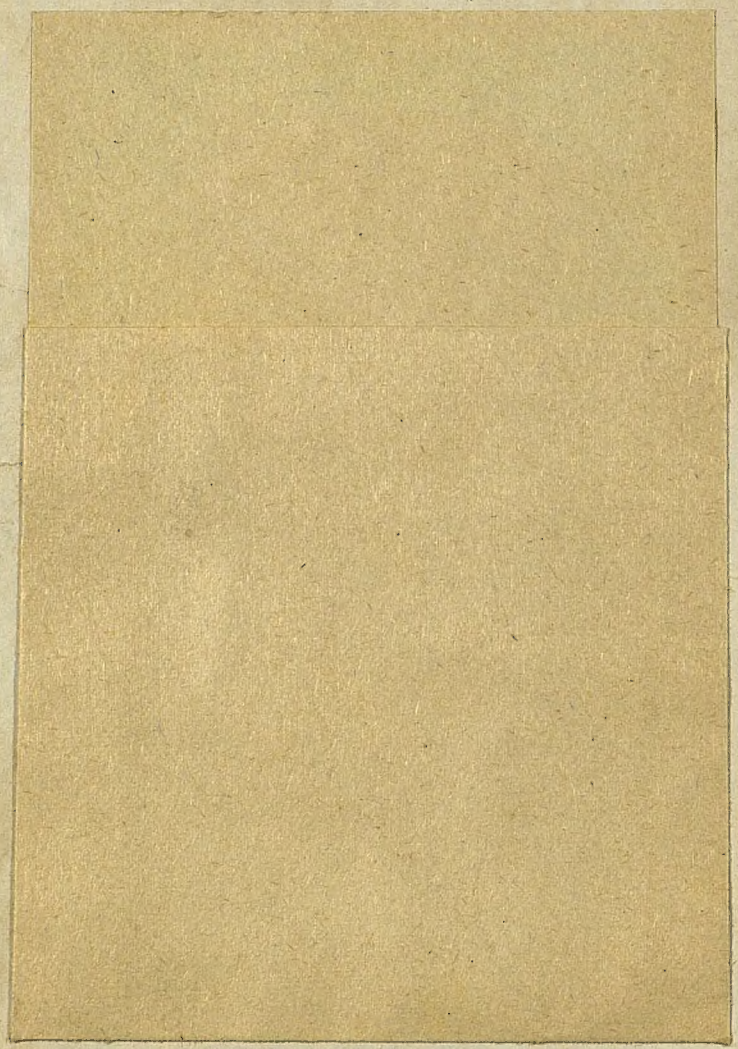
Рус. Старина
№ 9
1906.



Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов.

Центральная Рабочая Библиотека-Читальня Московского Совета Профессиональных Союзов.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. СЕНТЯБРЬ. 1906 годъ

Книга на дом не выдается.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки императр. Екатерины II . . . . . 497—522

II. Русскій Дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія. . . . . 523—535

III. Изъ дневника М. И. Михайлова . . . . . 536—581

IV. Воспоминанія В. Н. Никитина . . . . . 582—669

V. Мысли и воспоминанія поляка . . . . . 670—714

VI. Воспоминанія стараго кавказца. И. Е—скій. 715—749

25261 1906

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1906 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1906 года.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго совета
Профессіональныхъ Союзовъ.

Записки императрицы Екатерины Второй.

V [1]).

Послѣ Святой мы отправились въ Ораніенбаумъ. Передъ отъѣздомъ императрица позволила мнѣ увидать моего сына въ третій разъ послѣ его рожденія. Къ нему въ комнату надо было проходить черезъ всѣ покои ея величества. Его держали въ страшной духотѣ, какъ я уже говорила. Въ Ораніенбаумѣ мы были свидѣтелями оригинальнаго зрѣлища. Его императорское высочество, которому голштинцы безпрерывно твердили о долгахъ, и которому всѣ совѣтовали отпустить домой этихъ безполезныхъ людей, тѣмъ болѣе, что онъ могъ видать ихъ лишь тайно и урывками, вдругъ расхрабрился и вздумалъ выписать себѣ изъ Голштиніи цѣлый отрядъ. Это были опять шутки негоднаго Брокдорфа, который льстилъ господствующей страсти своего государя. Шуваловыхъ онъ увѣрилъ, что, глядя сквозь пальцы на эту дѣтскую забаву, они навсегда обезпечатъ себѣ расположеніе великаго князя, что они займутъ его этимъ и могутъ быть увѣрены, что онъ всегда будетъ доволенъ ихъ прочими распоряженіями. Императрица терпѣть не могла Голштиніи и всего голштинскаго; она видѣла, какъ подобныя военныя забавы повредили во мнѣніи Петра I и русскаго общества отцу великаго князя, герцогу Карлу-Фридриху; и потому сначала, кажется, ей ничего не говорили о выпискѣ голштинскаго отряда, или представляли это такою ничтожною вещью, о которой не стоило говорить. Впрочемъ, одного присутствія графа Шувалова было достаточно, чтобы это дѣло не полу-

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1906 г.

чило никакого важнаго значенія. Отплывъ изъ Киля, голштинскій отрядъ прибылъ въ Кронштадтъ и затѣмъ въ Ораніенбаумъ. Великій князь, бывало, при Чоглоковѣ надѣвалъ голштинскій мундиръ только у себя въ комнатѣ, какъ бы украдкою; теперь же почти не носилъ другаго и снималъ его только въ куртаги; между тѣмъ онъ былъ подполковникомъ Преображенскаго полка, и, кромѣ того, имѣлъ свой кирасирскій полкъ въ Россіи. По совѣту Брокдорфа, онъ всячески старался скрывать отъ меня пріѣздъ этого войска. Признаюсь, когда я узнала о томъ, то не могла безъ ужаса представить себѣ, какое неблагопріятное для великаго князя впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ поступокъ на русскую публику и на самую императрицу, образъ мыслей которой былъ мнѣ хорошо извѣстенъ. Мы стояли съ Александромъ Шуваловымъ на балконѣ въ Ораніенбаумѣ, когда проходилъ этотъ отрядъ. Шуваловъ только помаргивалъ глазомъ; въ сущности онъ не одобрялъ того, на что самъ и родственники его согласились смотрѣть сквозь пальцы. Дворецъ въ Ораніенбаумѣ охранялся Ингерманландскимъ полкомъ, который чередовался съ Астраханскимъ. Я узнала, что солдаты, глядя на голштинскія войска, говорили: „Эти проклятые нѣмцы всѣ проданы прусскому королю; вотъ навезли въ Россію измѣнниковъ“. Вообще всѣ были озадачены появленіемъ голштинцевъ; самые преданные люди пожимали плечами, самые умѣренные находили это страннымъ; въ сущности оно было весьма неблагоразумное ребячество. Что касается до меня, то я молчала, а когда заговаривали со мною, то не скрывала своего мнѣнія, всѣ знали, что я вовсе не одобряю этихъ забавъ, что я считаю ихъ во всѣхъ отношеніяхъ вредными для благосостоянія великаго князя. Въ самомъ дѣлѣ, разобравши дѣло, можно ли было иначе о немъ думать? Удовольствіе, которымъ онъ пользовался, никакъ не могло вознаградить его за ущербъ въ общественномъ уваженіи. Но его императорское высочество былъ въ восторгѣ отъ своего войска, велѣлъ устроить для него лагерь, расположилъ его въ немъ и предался безпрерывнымъ упражненіямъ. Однако, войско надо было кормить, а объ этомъ вовсе не подумали. Начались споры съ гофмаршаломъ, котораго очень удивило новое требованіе. Наконецъ, онъ уступилъ, и придворные лакеи съ гвардейскими солдатами Ингерманландскаго полка должны были носить кушанья новоприбывшему войску изъ дворцовой кухни въ лагерь. Тѣ и другіе носили безъ всякой платы за трудъ; лагерь былъ довольно далеко отъ кухни; можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно было производить это мудрое распоряженіе. Солдаты Ингерманландскаго полка говорили: „Вотъ мы стали лакеями этихъ проклятыхъ нѣмцевъ“. Придворная прислуга говорила: „Насъ заставляютъ ухаживать за грубою сволочью“. Узнавши и увидавши все это, я твердо

рѣшилась держаться какъ можно дальше отъ этой вредной ребяческой игры. Семейные кавалеры нашего двора жили въ Ораніенбаумѣ съ женами; такимъ образомъ у меня было довольно большое общество; самимъ кавалерамъ нечего было дѣлать въ голштинскомъ лагерѣ, откуда его императорское высочество почти не выходилъ. Такимъ образомъ я оставалась посреди моихъ придворныхъ и безпрестанно ходила съ ними гулять, но всегда въ противоположную сторону; къ лагерю же мы не подходили ни близко, ни издали.

Въ это время мнѣ пришла фантазія развести себѣ садъ въ Ораніенбаумѣ, но я знала, что великій князь не дастъ мнѣ для этого ни клочка земли, и потому попросила князей Голицыныхъ продать или уступить мнѣ 100 десятинъ съ давнихъ поръ заброшенной и пустопорожней земли, которою они владѣли возлѣ самаго Ораніенбаума. Земля эта принадлежала восьми или десяти лицамъ изъ ихъ семьи, она не приносила имъ никакого дохода, и они охотно уступили мнѣ ее. Я принялась чертить планы и разбивать садъ, и такъ какъ въ первый разъ занималась планами и постройками, то все выходило у меня огромно и неловко. Старый мой хирургъ Гіонъ по этому случаю говорилъ мнѣ: „Къ чему все это? Помните мое слово, предсказываю вамъ, что вамъ придется все это оставить“. Предсказаніе его сбылось; но мнѣ въ то время нужно было чѣмъ-нибудь развлекаться и занимать воображеніе. Сначала въ разбивкѣ сада мнѣ помогалъ ораніенбаумскій садовникъ Ламберти, бывшій садовникомъ императрицы въ Царскомъ Селѣ, когда она была еще принцессою. Онъ занимался предсказаніями и, между прочимъ, предсказалъ императрицѣ ея восшествіе на престолъ. Онъ же говорилъ мнѣ много разъ и повторялъ безпрестанно, что я буду русскою императрицею-самодержицею, что я увижу сыновей, внуковъ и правнуковъ и умру въ глубокой старости, слишкомъ 80 лѣтъ; мало того, онъ назначилъ годъ моего восшествія на престолъ за шесть лѣтъ до событія. Это былъ очень странный человѣкъ; онъ говорилъ съ такою увѣренностью, что ничѣмъ нельзя было разубѣдить его. Онъ увѣрялъ, что императрица не любитъ его за то, что онъ предсказалъ случившееся съ нею; что она его боится, и по этой причинѣ перевела изъ Царскаго Села въ Ораніенбаумъ.

Кажется, на Троицынъ день, намъ велѣно было ѣхать изъ Ораніенбаума назадъ въ городъ. Около этого времени прибылъ въ Россію англійскій посланникъ, кавалеръ Вильямсъ; въ свитѣ его находился полякъ, графъ Понятовскій, отецъ котораго нѣкогда держалъ сторону короля шведскаго Карла XII. Пробывъ нѣсколько дней въ городѣ, мы возвратились въ Ораніенбаумъ, гдѣ императрица приказала отпраздновать Петровъ день. Сама она не пріѣхала, не желая праздно-

вать первыя именины моего сына Павла, приходившіяся въ этотъ день. Оставшись въ Петергофѣ, она сѣла къ окну и, кажется, просидѣла такъ цѣлый день, потому что всѣ, проѣзжавшіе въ Ораніенбаумъ, говорили, что видѣли ее у окна. Къ намъ наѣхало много народа; въ залѣ, выходившей въ мой садъ, танцовали и потомъ ужинали. Тутъ были также посланники и иностранные министры. Помню, что за ужиномъ возлѣ меня сидѣлъ англійскій посланникъ, кавалеръ Вильямсъ, и что мы вели съ нимъ очень живой и пріятный разговоръ, потому что онъ былъ уменъ, начитанъ и зналъ всю Европу. Послѣ мнѣ сказывали, что ему также было пріятно разговаривать со мною въ этотъ вечеръ, что онъ отзывался обо мнѣ съ похвалою. Такъ случалось всегда, когда я встрѣчалась съ людьми, которые были со мною въ уровень. Въ то время у меня было меньше завистниковъ, и меня по большей части обыкновенно хвалили. Я слыла умницею, и многія лица, знавшія меня ближе, чтили меня довѣріемъ, повѣрялись мнѣ, спрашивали моего совѣта и съ пользою слѣдовали тому, что я совѣтовала имъ. Великій князь съ давнихъ поръ называлъ меня Madame la Ressource, и какъ бы ни дулся и ни гнѣвался на меня, но, какъ скоро въ чемъ бы то ни было былъ въ затруднительномъ положеніи, тотчасъ, по своему обыкновенію, опрометью вбѣгалъ ко мнѣ, требовалъ моего мнѣнія и, выслушавши его, точно также опрометью убѣгалъ назадъ. Помню еще, что въ этотъ вечеръ, когда мы праздновали Петровъ день въ Ораніенбаумѣ, глядя на графа Понятовскаго, который танцовалъ, я заговорила съ кавалеромъ Вильямсомъ объ отцѣ его и о томъ злѣ, которое онъ причинилъ Петру I. Англійскій посланникъ говорилъ мнѣ много хорошаго о сынѣ и подтвердилъ то, что я уже знала, именно, что старикъ Понятовскій и семья жены его, Чарторыйскіе, въ то время были главными представителями русской партіи въ Польшѣ; что они послали молодаго графа въ Россію и поручили его Вильямсу для того, чтобы воспитать въ немъ доброе расположеніе къ Россіи. „Я надѣюсь,—замѣтилъ Вильямсъ, что этотъ молодой человѣкъ сдѣлаетъ успѣхи въ Россіи“. Ему тогда могло быть около 22 или 23 лѣтъ. Я отвѣчала, что, по моему мнѣнію, Россія можетъ служить для иностранцевъ пробнымъ камнемъ ихъ достоинствъ, и, что кто успѣетъ въ Россіи, тотъ навѣрно можетъ разсчитывать на успѣхъ во всей Европѣ. Я всегда считала это замѣчаніе вполнѣ справедливымъ, потому что нигдѣ такъ не замѣчаютъ слабыхъ, смѣшныхъ и дурныхъ сторонъ иностранца, какъ въ Россіи; иностранецъ можетъ быть увѣренъ, что ему ничего не простятъ, и это оттого, что всякій русскій отъ природы, въ глубинѣ души своей, чувствуетъ нѣкоторое отвращеніе къ иностранцу.

Около этого времени я узнала, до какой степени Сергѣй Салтыковъ не умѣрялъ поведенія своего въ Швеціи и Дрезденѣ, и что, кромѣ того, онъ не останавливался ни передъ одною женщиною, какая ему попадалась. Сначала я не хотѣла ничему этому вѣрить; но, наконецъ, со всѣхъ сторонъ ко мнѣ доходило одно и то же, и даже друзья не въ состояніи были оправдать его. Въ этотъ годъ я особенно подружилась съ Анной Нарышкиной. Этому много способствовалъ братъ ея мужа, Левъ, который бывалъ съ нами всегда третьимъ и ни на минуту не прекращалъ своихъ дурачествъ. Онъ говаривалъ намъ: кто изъ васъ обѣихъ будетъ лучше вести себя, для той у меня готовится подарокъ, за который вы поблагодарите меня. На слова его обыкновенно не обращали вниманія, и никто не любопытствовалъ узнать, что за подарокъ у него на умѣ.

Осенью голштинскія войска поплыли назадъ, а мы возвратились въ городъ, въ Лѣтній дворецъ. Въ это время Левъ Нарышкинъ заболѣлъ горячкою, и въ продолженіе болѣзни своей писалъ мнѣ записки; но я хорошо знала, что онѣ не всѣ отъ него. Я посылала ему мои отвѣты. Въ запискахъ онъ обыкновенно просилъ у меня то варенья, то какихъ-нибудь другихъ бездѣлицъ, и получивши присылалъ записки съ изъявленіемъ благодарности. Записки эти были отлично писаны и въ очень веселомъ тонѣ. Онъ говорилъ, что онъ поручаетъ писать ихъ своему секретарю. Наконецъ, я узнала, что этотъ секретарь ни кто иной, какъ графъ Понятовскій, который не отходилъ прочь отъ Льва Нарышкина и дружился съ семьею Нарышкиныхъ.

Изъ Лѣтняго дворца, въ началѣ зимы, мы переѣхали въ деревянный выстроенный императрицею Зимній дворецъ, находившійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ Чичериныхъ. Дворецъ этотъ занималъ цѣлый кварталъ, до противолежащаго дома графини Матюшкиной, который въ то время принадлежалъ Наумову. Окошки мои были напротивъ этого дома, гдѣ тогда жили фрейлины. Переѣхавши туда, я была сначала очень удивлена высотою и величиною отведенныхъ намъ комнатъ. На мою долю было четыре большихъ переднихъ комнаты и двѣ заднія съ кабинетомъ; столько же отведено было и великому князю. Мои комнаты были довольно хорошо расположены, такъ что можно было спасаться отъ сосѣдства великаго князя, что уже составляло великое удобство. Графъ Александръ Шуваловъ, замѣтивъ, что я довольна моимъ помѣщеніемъ, тотчасъ же пошелъ передать императрицѣ, что я очень хвалила просторъ и количество отведенныхъ мнѣ комнатъ, и потомъ самъ сказалъ мнѣ о томъ съ нѣкотораго рода удовольствіемъ, выраженнымъ посредствомъ морганія и улыбки.

Въ это время и долго послѣ главною городскою забавою великаго князя было чрезвычайное множество маленькихъ куколокъ, или сол-

датиковъ, деревянныхъ, свинцовыхъ, восковыхъ и изъ трута. Онъ разставлялъ ихъ на узенькихъ столахъ, которыми загромаживалъ цѣлую комнату, такъ что между столами едва можно было пройти. Вдоль столовъ прибиты были узкія мѣдныя рѣшетки, а къ нимъ привязаны шнурки, и если дернутъ за шнурокъ, то мѣдная рѣшетка издавала звукъ, который, по его мнѣнію, походилъ на бѣглый ружейный огонь. Онъ съ чрезычайною точностью, въ каждый придворный праздникъ, заставлялъ войска свои стрѣлять ружейнымъ огнемъ. Кромѣ того, онъ ежедневно посылалъ ихъ на стражу, т.-е. бралъ съ каждаго стола по нѣсколько солдатиковъ, назначенныхъ выстаивать извѣстные часы. На такомъ парадѣ онъ присутствовалъ въ мундирѣ, сапогахъ, шпорахъ, въ крагенѣ и съ шарфомъ; лакеи, которыхъ онъ удостоивалъ приглашеніемъ на эти экзерциціи, также были обязаны являться во всей формѣ. Въ этотъ годъ, передъ наступленіемъ зимы, мнѣ показалось, что я опять беременна, и мнѣ отворяли кровь. У меня сдѣлался флюсъ въ обѣихъ щекахъ, или, по крайней мѣрѣ, я такъ воображала себѣ, но послѣ нѣсколькихъ дней боли у меня выпали четыре большіе зуба, съ каждой челюсти по два крайнихъ. Пользуясь нашимъ просторнымъ помѣщеніемъ, великій князь еженедѣльно устраивалъ балы и концерты, на которыхъ бывали только фрейлины и кавалеры нашего двора съ женами. На балахъ бывало весело, смотря по тому, кто бывалъ на нихъ; многолюдными нельзя было назвать ихъ. Тутъ бывала семья Нарышкиныхъ, люди болѣе другихъ общительные. Я къ нимъ причисляю Сенявину и Измайлову, которыя были сестры Нарышкиныхъ, и жену старшаго брата, о которой я упомянула выше. Левъ Нарышкинъ съ каждымъ днемъ больше дурачился. Всѣ считали его пустымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ и дѣйствительно былъ. Обыкновенно онъ безпрестанно перебѣгалъ изъ комнаты великаго князя ко мнѣ, нигдѣ не оставаясь подолгу. Подходя къ моимъ дверямъ, онъ начиналъ мяукать по-кошачьи; если я ему отвѣчала, это значило, что онъ можетъ войти. 17-го декабря, между 6 и 7 часами вечера, я услышала у дверей его мяуканье, и впустила его. Онъ принесъ мнѣ поклонъ отъ своей невѣстки, говоря, что она не очень здорова. Потомъ вдругъ сказалъ: по вамъ слѣдуетъ провѣдать ее.—Мнѣ самой хотѣлось бы этого,—отвѣчала я,—но вы знаете, что я не могу выйти изъ дома безъ позволенія, и мнѣ ни за что не позволятъ навѣстить ее.—Я васъ проведу,—сказалъ онъ.—Съ ума вы сошли,—возразила я.—Какъ мнѣ идти съ вами? Васъ посадятъ за это въ крѣпость, а мнѣ будутъ Богъ знаетъ какія непріятности.—И!—сказалъ онъ,—никто не узнаетъ; мы будемъ осторожны.—Какъ такъ?—Тогда онъ сказалъ: я приду за вами черезъ часъ или черезъ два; великій князь пойдетъ ужинать (я съ давнихъ поръ оставалась эти часы у себя въ

комнатѣ подъ предлогомъ, что не ужинаю) и просидитъ за столомъ до полночи, напьется пьянъ и уйдетъ спать (послѣ родовъ моихъ онъ, по большей части, спалъ особо). Для большей предосторожности одѣньтесь по-мужски, и мы пойдемъ вмѣстѣ къ Аннѣ Никитичнѣ.— Его предложеніе начало соблазнять меня. Я цѣлые дни просиживала у себя въ комнатѣ за книгами, безъ всякаго общества. Наконецъ, чѣмъ дальше спорила я съ нимъ объ этомъ похожденіи, въ сущности нелѣпомъ, и на которое сначала я не хотѣла согласиться, тѣмъ болѣе оно казалось мнѣ возможнымъ. Отчего, рѣшила я, не доставить себѣ нѣсколько часовъ развлеченія и удовольствія? Нарышкинъ ушелъ. Я кликнула моего калмыка-парикмахера и приказала принести мужское платье и все, что нужно для мужскаго наряда, сказавши, что кому-то хочу подарить его. Калмыкъ этотъ не отличался разговорчивостью; съ нимъ гораздо труднѣе было завести рѣчь, чѣмъ другихъ заставить молчать. Онъ въ ту же минуту исполнилъ мое приказаніе и принесъ все, что было мнѣ нужно. Я притворилась, что у меня болитъ голова, и сказала, что поэтому раньше лягу спать; только-что Владиславова уложила меня и ушла, какъ я встала, одѣлась съ ногъ до головы по-мужски и подобрала какъ можно лучше волосы (къ чему мнѣ было не привыкать, и что я ловко умѣла дѣлать). Въ назначенный часъ Левъ Нарышкинъ прошелъ комнатами великаго князя къ дверямъ моимъ и замяукалъ. Я отворила ему; мы прошли черезъ небольшую прихожую комнату въ сѣни и сѣли въ его карету, никѣмъ не замѣченные и помирая со смѣху. Левъ Нарышкинъ жилъ въ одномъ домѣ съ женатымъ братомъ своимъ. Мы застали дома Анну Никитичну, которая никакъ не ожидала насъ. Тамъ же былъ и графъ Понятовскій. Л. Нарышкинъ рекомендовалъ его, какъ одного изъ друзей своихъ, просилъ принять въ расположеніе, и мы провели полтора часа самымъ веселымъ и забавнымъ образомъ. Я преблагополучно возвратилась домой, по-прежнему никѣмъ не замѣченная. На другой день было императрицино рожденіе; по утру при дворѣ и вечеромъ на балу мы, участвовавшіе въ секретѣ, не могли смотрѣть другъ на друга, чтобы не разразиться смѣхомъ при воспоминаніи о вчерашнемъ похожденіи. Черезъ нѣсколько дней Левъ Нарышкинъ предложилъ отдачу визита; т.-е., чтобы гости собрались ко мнѣ, онъ точно также привелъ ихъ въ мою комнату и потомъ благополучно вывелъ. Такъ начался 1756 годъ. Намъ чрезвычайно полюбились эти секретныя свиданія; мы стали еженедѣльно собираться по одному, по два и даже иногда по три раза, то у того, то другаго; если же кто изъ нашего общества занемогалъ, то непремѣнно у больнаго. Случалось, что, сидя въ комедіи, по разнымъ ложамъ и иные въ партерѣ, мы, не говоря ни слова, подавали другъ другу извѣстные условные знаки, куда со-

бираться, и никогда не путались. Два раза только мнѣ пришлось возвращаться домой пѣшкомъ; но это было вмѣсто прогулки.

Въ то время готовились къ войнѣ съ Пруссіею. По договору съ австрійскимъ домомъ императрица должна была выслать на помощь 30 тысячъ человѣкъ: такъ разсчитывалъ великій канцлеръ, графъ Бестужевъ; но австрійскій домъ желалъ, чтобы Россія помогла ему всѣми своими войсками. Чтобы добиться этого, вѣнскій посланникъ, графъ Эстергази, употреблялъ всѣ находившіяся во власти его средства и часто дѣйствовалъ въ одно и то же время разными путями. Противниками Бестужева были вице-канцлеръ, графъ Воронцовъ, и Шуваловы. Императрица Елисавета съ этого времени стала часто занемогать; сначала не знали, какая у нея болѣзнь, и приписывали ея нездоровье прекращенію мѣсячныхъ очищеній. Часто замѣчали, что Шуваловы ходятъ весьма огорченные и озабоченные, и отъ времени до времени они становятся необыкновенно предупредительны съ великимъ княземъ. Придворные шушукали между собою, увѣряя, что ея величество въ положеніи, несравненно опаснѣйшемъ, нежели говорятъ о томъ; одни называли ея болѣзнь истерическими припадками, другіе обмороками, третьи корчами, раздраженіемъ нервовъ и т. д. Это продолжалось всю зиму съ 1755 по 1756 годъ. Наконецъ, весною мы узнали, что фельдмаршалъ Апраксинъ ѣдетъ командовать арміею, которой велѣно было идти противъ Пруссіи. Передъ отъѣздомъ явилась къ намъ съ младшею дочерью своею жена его проститься. Я сообщила ей мои опасенія насчетъ здоровья императрицы и сказала, между прочимъ, что мнѣ жаль ея мужа, что онъ уѣзжаетъ въ такое время, когда сила Шуваловыхъ не слишкомъ надежна, что я считаю Шуваловыхъ первыми моими врагами, которые терпѣть не могутъ меня за то, что я предпочитаю имъ ихъ противниковъ, именно графовъ Разумовскихъ. Апраксина все это пересказала мужу, и тотъ былъ очень доволенъ моимъ отзывомъ, равно и графъ Бестужевъ, который не любилъ Шуваловыхъ и былъ хорошъ съ Разумовскими (на одной изъ ихъ племянницъ онъ женилъ своего сына). Фельдмаршалъ Апраксинъ могъ служить полезнымъ посредникомъ между противными партіями, ибо дочь его была въ любовной связи съ графомъ Петромъ Шуваловымъ. Говорили, будто она сдѣлалась его любовницею съ вѣдома отца и матери. Кромѣ того, я хорошо понимала и видѣла ясно, какъ день, что Шуваловъ черезъ Брокдорфа болѣе, чѣмъ когда-либо, старался отдалить отъ меня великаго князя; для этого они употребляли всѣ возможныя средства. Но, несмотря на то, великій князь тогда еще имѣлъ ко мнѣ невольное довѣріе, которое необъяснимымъ образомъ почти всегда сохранялось въ немъ, хотя онъ самъ не замѣчалъ и не подозрѣвалъ того. Въ это время онъ по-

ссорился съ графиней Воронцовой и влюбился въ дѣвицу Теплову, племянницу Разумовскихъ: ему хотѣлось видѣть ее, и онъ совѣтовался со мной, какъ убрать комнату, чтобы она лучше ей понравилась, и для того притащилъ множество ружей, гренадерскихъ киверовъ, перевязей и проч., такъ что комната походила на арсеналъ. Все это онъ показывалъ мнѣ, я ничего не сказала на это и ушла. Кромѣ того, по вечерамъ къ нему приводили маленькую нѣмку-пѣвицу, которую онъ содержалъ, и которую звали Леонорой; она обязана была съ нимъ ужинать. Съ графиней Воронцовой его поссорила принцесса курляндская. Я поистинѣ не умѣю себѣ объяснить, по какой причинѣ эта принцесса пользовалась въ то время при дворѣ извѣстнымъ значеніемъ. Ей тогда было около 30 лѣтъ, она была мала ростомъ, дурнолица, горбата, какъ я говорила выше. Она сумѣла войти въ расположеніе къ императрицыну духовнику и къ старымъ камерфрау ея величества, и ей все прощалось, чтобы она ни дѣлала. Они жила съ фрейлинами ея величества, состоявшими подъ ферулою нѣкоей мадамъ Шмидтъ.

Эта мадамъ Шмидтъ была родомъ чухонка, отличалась необыкновенною толщиною и массивностью, съ повелительными манерами, съ очень грубымъ и мужицкимъ тономъ, оставшимся ей отъ ея молодости. Тѣмъ не менѣе она играла при дворѣ извѣстную роль и находилась подъ непосредственнымъ покровительствомъ старыхъ нѣмокъ и шведокъ, императрицыныхъ камерфрау, а слѣдовательно, и гофмаршала Сиверса, который самъ былъ родомъ изъ Финляндіи и женатъ былъ на дочери мадамъ Крузе; а сестра сей послѣдней, какъ я уже говорила, была одною изъ первыхъ любимицъ. Мадамъ Шмидтъ надзирала за домашнею жизнею фрейлинъ и обращалась съ ними болѣе строго, чѣмъ благоразумно. Сама она никогда не являлась ко двору; въ публикѣ, во главѣ фрейлинъ бывала принцесса курляндская, которой мадамъ Шмидтъ тайно поручала смотрѣть за ихъ поведеніемъ при дворѣ. Отдѣленіе, въ которомъ онѣ помѣщались, состояло изъ ряда комнатъ; на одномъ концѣ жила мадамъ Шмидтъ, на другомъ принцесса курляндская. Фрейлины жили по двѣ, по три и по четыре въ комнатѣ, у каждой своя постель съ занавѣсью; особыхъ выходовъ не было. Съ перваго взгляда казалось, что при такомъ расположеніи комнатъ фрейлены рѣшительно недоступны, потому, что непремѣнно надо было проходить комнатами либо мадамъ Шмидтъ, либо принцессы курляндской; но мадамъ Шмидтъ часто бывала больна разстройствомъ желудка отъ всѣхъ этихъ жирныхъ пироговъ и другихъ лакомыхъ блюдъ, которыя ей присылались родителями фрейлинъ, и такимъ образомъ оставался одинъ выходъ—комната принцессы курляндской. Злые языки говорили, что она взимала плату за проходъ:

можетъ быть это выдумка, но вѣрно то, что принцесса курляндская въ теченіе многихъ лѣтъ совершенно по своему усмотрѣнію распоряжалась замужествомъ императрицыныхъ фрейлинъ, давала за нихъ слово и потомъ брала назадъ, какъ ей хотѣлось. О платежѣ за проходъ разсказывали мнѣ многіе, въ томъ числѣ Левъ Нарышкинъ и графъ Бутурлинъ, что съ нихъ она брала плату, но не деньгами.

Любовныя похожденія великаго князя съ дѣвицею Тепловою продолжались до отъѣзда нашего въ деревню; тамъ они прекратились, потому что лѣтомъ его высочество былъ невыносимъ. Не видя его, Теплова требовала, чтобы онъ писалъ къ ней, по крайней мѣрѣ, разъ или два въ недѣлю, и, думая заохотить его къ такой перепискѣ, прислала ему письмо въ четыре страницы. Получивъ его, онъ пришелъ ко мнѣ въ комнату съ весьма озабоченнымъ видомъ и, указывая на письмо Тепловой, бывшее у него въ рукахъ, сказалъ довольно гнѣвно и нетерпѣливо: «Представьте, она прислала мнѣ письмо на цѣлыхъ четырехъ страницахъ, и воображаетъ, что я стану читать все это, да еще писать ей отвѣтъ, между тѣмъ какъ мнѣ надо идти на ученье (голштинскія войска снова прибыли), потомъ обѣдать, потомъ стрѣлять, потомъ смотрѣть репетицію оперы и балетъ, который будутъ танцовать кадеты; я ей пошлю сказать начисто, что у меня нѣтъ времени; если она разсердится, я брошу ее до зимы». Я отвѣчала, что, безъ сомнѣнія, это будетъ кратчайшій путь. Не правда ли, что все это черты характеристическія? Я поэтому нарочно и привожу ихъ здѣсь. Кадеты очутились въ Ораніенбаумѣ слѣдующимъ образомъ. Весною 1756 г., чтобы отвлечь великаго князя отъ голштинскихъ войскъ, Шуваловы придумали, по ихъ мнѣнію, весьма политическую мѣру. Они убѣдили императрицу поручить его императорскому высочеству начальство надъ сухопутнымъ кадетскимъ корпусомъ, единственнымъ въ то время заведеніемъ этого рода. Въ помощники ему по этой должности былъ опредѣленъ Мельгуновъ, ближайшій другъ и повѣренный тайнъ Ивана Ивановича Шувалова. Жена Мельгунова, нѣмка, была камерфрейлина и одна изъ любимицъ императрицы. Такимъ образомъ Шуваловы имѣли въ комнатахъ великаго князя человѣка, который всегда могъ говорить съ нимъ и былъ совершенно преданъ имъ. Человѣкъ со сто кадетъ были привезены въ Ораніенбаумъ для такъ называемыхъ оперныхъ балетовъ. Съ ними пріѣхалъ и Мельгуновъ и преданнѣйшіе ему корпусные офицеры. Всѣми ими Шуваловы могли пользоваться, какъ соглядатаями. Въ числѣ учителей, пріѣхавшихъ съ кадетами въ Ораніенбаумъ, былъ рейтмейстеръ Циммерманъ, слывшій за лучшаго верхового ѣздока во всей Россіи. Такъ какъ моя осенняя беременность оказалась ложною, то я вздумала брать уроки у Циммермана, чтобы усовершенствоваться

въ верховой ѣздѣ. Я сказала о томъ великому князю; онъ не представилъ никакихъ возраженій; всѣ прежнія запрещенія и правила, введенныя Чоглоковыми, были давно забыты. Александръ Шуваловъ или не зналъ ихъ, или не соблюдалъ. Впрочемъ, и самъ по себѣ онъ не пользовался уваженіемъ; мы смѣялись надъ нимъ, надъ его женою, дочерью, зятемъ, почти въ глаза имъ. Они должны были выносить насмѣшки, потому что были самые ничтожные, самые дрянные люди. Графиню Шувалову я прозвала солянымъ столбомъ. Она была сухощавое, маленькое, низенькое существо: скупость проглядывала даже въ ея нарядѣ, она носила узкія юбки, всегда однимъ полотнищемъ меньше, чѣмъ было нужно, и чѣмъ у другихъ женщинъ. Дочь ея, графиня Головкина, наряжалась точно также; въ ихъ головномъ уборѣ, въ дрянныхъ нарукавникахъ, всегда чего-нибудь недоставало. Хотя онѣ были очень достаточные и богатые люди, но соотвѣтственно своимъ душенкамъ любили все мелкое и узкое. Начавши правильные уроки верховой ѣзды, я снова пристрастилась къ этому упражненію. Я вставала въ 6 часовъ утра, одѣвалась по-мужски и шла въ садъ свой, тамъ у меня было устроено особое мѣсто на чистомъ воздухѣ, служившее мнѣ манежемъ. Успѣхи мои были такъ быстры, что часто Циммерманъ подбѣгалъ ко мнѣ изъ середины манежа и въ какомъ-то невольномъ восторгѣ со слезами на глазахъ цѣловалъ у меня сапогъ. Однажды онъ воскликнулъ: «Во всю жизнь у меня не было ученика, которымъ бы я могъ такъ гордиться, и который бы дѣлалъ такіе успѣхи въ такое короткое время»! — На этихъ урокахъ присутствовали только старый хирургъ мой Гіонъ, одна камерфрау и нѣсколько человѣкъ лакеевъ. Я была очень прилежна и брала эти уроки каждое утро, кромѣ воскресенья; и, по правиламъ манежа, Циммерманъ въ награду трудовъ моихъ подарилъ мнѣ серебряныя шпоры. Въ три недѣли я прошла весь курсъ верховой ѣзды, и къ осени Циммерманъ привелъ лошадь для вольтижированья, и затѣмъ хотѣлъ дать мнѣ стремена; но наканунѣ того дня, когда я должна была начать вольтижированье, пришлось отложить его до слѣдующей весны, потому что намъ приказано было ѣхать въ городъ.

Этимъ лѣтомъ графъ Понятовскій ѣздилъ въ Польшу, откуда потомъ возвратился въ качествѣ министра польскаго короля. Передъ отъѣздомъ онъ пріѣзжалъ въ Ораніенбаумъ проститься съ нами. Съ нимъ былъ тогда графъ Горнъ, привезшій въ Петербургъ извѣстіе о кончинѣ моей бабушки, матери шведскаго короля. Шведскій король нарочно далъ ему это порученіе, чтобы спасти его отъ преслѣдованія французской партіи, или партіи шапокъ, враждовавшей съ партіею колпаковъ, которая была привержена къ Россіи. Преслѣдованіе это на сеймѣ 1756 г. достигло такихъ размѣровъ, что почти всѣ пред-

ставители русской партіи были перебиты. Графъ Горнъ самъ говорилъ мнѣ, что и ему не избѣжать бы этой участи, если бы онъ не пріѣхалъ въ Петербургъ. Графъ Понятовскій и графъ Горнъ оставались въ Ораніенбаумѣ двое сутокъ; въ первый день великій князь обращался съ ними очень хорошо, на второй они ему наскучили, потому что онъ тогда занятъ былъ свадьбою одного егеря, и ему хотѣлось идти туда на попойку; видя же, что графы Понятовскій и Горнъ не уѣзжаютъ, онъ бросилъ ихъ и предоставилъ мнѣ хозяйничать въ домѣ. Послѣ обѣда я повела оставшееся мнѣ общество, которое было не очень многолюдно, показать внутренніе покои великаго князя и мои. Когда мы пришли въ мой кабинетъ, моя маленькая болонка выбѣжала къ намъ навстрѣчу и принялась изо всѣхъ силъ лаять на графа Горна, но, увидавъ графа Понятовскаго, можно сказать, чуть не взбѣсилась отъ радости. Такъ какъ кабинетъ былъ не великъ, то, кромѣ Льва Нарышкина, его невѣстки и меня, казалось, никто не замѣтилъ этого; но графъ Горнъ догадался, въ чемъ дѣло, и когда я проходила черезъ комнаты назадъ въ залу, онъ дернулъ за полу графа Понятовскаго и сказалъ ему: «другъ мой, нѣтъ ничего опаснѣе на свѣтѣ маленькой болонки: женщинамъ, которыхъ я любилъ, я всегда даривалъ прежде всего маленькую болонку, и черезъ нее всегда узнавалъ, есть или нѣтъ у меня соперникъ; это вѣрное и надежное правило. Вы видѣли, собачка чуть не съѣла меня, потому что она меня не знаетъ, между тѣмъ какъ, увидавъ васъ, она не знала, куда дѣваться отъ радости; нѣтъ сомнѣнія, что вы попались ей на глаза не въ первый разъ». Графъ Понятовскій хотѣлъ все это обратить въ шутку, но не могъ его разувѣрить. Графъ Горнъ просто сказалъ ему: «не бойтесь ничего, я человѣкъ скромный». На утро они уѣхали. Графъ Горнъ говаривалъ, что если онъ влюблялся, то всегда въ трехъ женщинъ разомъ. Онъ исполнилъ это на нашихъ глазахъ и въ Петербургѣ ухаживалъ за тремя дѣвушками. Черезъ два дня послѣ того Понятовскій уѣхалъ къ себѣ на родину. Во время его отсутствія кавалеръ Вильямсъ увѣдомилъ меня черезъ Льва Нарышкина, что великій канцлеръ Бестужевъ противодѣйствуетъ возвращенію графа Понятовскаго и проситъ его написать графу Брюлю, бывшему тогда любимцемъ и министромъ короля польскаго, чтобы тотъ не посылалъ Понятовскаго въ Россію. Вильямсъ не исполнилъ этой коммиссіи, но не сказалъ о томъ великому канцлеру, боясь, чтобы тотъ не поручилъ ея кому-нибудь другому, кто, можетъ быть, исполнилъ бы ее съ большою точностію. Вильямсъ говорилъ Нарышкину, что не хотѣлъ вредить своему другу, желавшему непремѣнно возвратиться въ Россію. Онъ подозрѣвалъ, что графъ Бестужевъ съ давнихъ поръ распоряжается польско-саксонскими министрами, и хо-

четъ имѣть на этомъ мѣстѣ кого-нибудь изъ преданныхъ себѣ людей. Тѣмъ не менѣе, Понятовскій получилъ его и къ зимѣ возвратился въ качествѣ польскаго посланника; саксонская же миссія осталась въ непосредственномъ распоряженіи графа Бестужева. За нѣсколько времени передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Ораніенбаума туда пріѣхали князь и княгиня Голицыны вмѣстѣ съ Бецкимъ; они отправились въ чужіе края для здоровья; въ особенности же Бецкому нужно было разгуляться послѣ глубокой горести, причиненной ему кончиною принцессы Гессенъ-Гамбурской, урожденной княгини Трубецкой: княгиня Голицына была ея дочь отъ перваго брака съ господаремъ валашскимъ, княземъ Кантемиромъ. Княгиня Голицына и Бецкій были старые мои знакомые, потому я старалась принять ихъ въ Ораніенбаумѣ какъ можно лучше, и все имъ показывала. Мы ѣздили по окрестностямъ Ораніенбаума, и я возила княгиню Голицыну въ кабріолетѣ, которымъ сама правила. Княгиня Голицына была женщина довольно странная и очень ограниченная; дорогою она начала дѣлать мнѣ намеки, изъ которыхъ я должна была заключить, что она думаетъ, будто я на нее сержусь. Я говорила, что я противъ нея вовсе ничего не имѣю и даже не понимаю, за что бы я могла на нее сердиться, такъ какъ у насъ никогда не было никакихъ споровъ. «Я боюсь, отвѣчала она, что графъ Понятовскій очернилъ меня въ глазахъ вашихъ». Это меня чрезвычайно озадачило: я принялась увѣрять ее, что все это ей только такъ кажется, и что графъ Понятовскій никакъ не могъ чернить ее, и особливо въ моихъ глазахъ, потому что онъ давно уѣхалъ, я же встрѣчалась съ нимъ только въ обществѣ, какъ съ иностранцемъ. Я прибавила, что не понимаю, откуда пришло ей все это въ голову. Возвратившись домой, я позвала Льва Нарышкина и передала ему этотъ разговоръ, который мнѣ казался столь же не скромнымъ и дерзкимъ, какъ и глупымъ. Тотъ на это сказалъ мнѣ, что въ теченіе послѣдней зимы княгиня Голицына всѣми мѣрами старалась привлечь къ себѣ графа Понятовскаго, который изъ вѣжливости и приличія долженъ былъ оказывать ей нѣкоторое вниманіе, что она была съ нимъ необыкновенно предупредительна, но онъ съ своей стороны, разумѣется, не могъ платить ей тѣмъ же, потому что она была стара, дурна, глупа и вздорна, можно сказать, даже взбалмошна; видя, что онъ вовсе не отвѣчаетъ ея желаніямъ, она, по всему вѣроятію, стала подозрѣвать, изъ-за какихъ причинъ онъ безпрестанно бываетъ у Нарышкиныхъ и проводитъ время со Львомъ и его невѣсткой. Во время короткаго пребыванія княгини Голицыной въ Ораніенбаумѣ у меня была страшная перебранка съ великимъ княземъ изъ-за моихъ фрейлинъ, въ которыхъ онъ безпрестанно влюблялся. Замѣтивъ, что онѣ во многихъ случаяхъ

пренебрегаютъ своими обязанностями, иногда даже не оказываютъ мнѣ должнаго повиновенія и почтенія, я однажды послѣ обѣда пошла въ ихъ отдѣленіе и стала дѣлать имъ выговоры, напоминая имъ долгъ ихъ относительно меня и увѣряя, что пожалуюсь императрицѣ, если онѣ впередъ будутъ вести себя такъ. Однѣ всполошились, другія обидѣлись, третьи стали плакать; но только-что я ушла, онѣ немедленно пересказали великому князю о томъ, что происходило въ ихъ комнатахъ. Его императорское высочество взбѣленился, тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ и началъ говорить, что больше нѣтъ никакихъ средствъ жить со мной, что я съ каждымъ днемъ становлюсь болѣе горда и высокомѣрна, что я требую отъ фрейлинъ повиновенія и почтенія и отравляю имъ жизнь, такъ что онѣ цѣлый день проливаютъ горькія слезы; что я обращаюсь съ ними, какъ съ служанками, между тѣмъ какъ онѣ благороднаго сословія; что если я вздумаю жаловаться на нихъ императрицѣ, то онъ самъ пожалуется на меня, на мою гордость, на мое коварство, на мою притязательность, и Богъ знаетъ чего еще не наговорилъ онъ мнѣ. Я выслушала его также не безъ волненія и отвѣчала, что онъ можетъ говорить обо мнѣ, что ему угодно, что если дѣло дойдетъ до тетушки, то она, безъ сомнѣнія, найдетъ наилучшимъ прогнать дрянныхъ сплетницъ, которыя своими пересказами ссорятъ ея племянника съ племянницей; что для возстановленія согласія между имъ и мною, и чтобы ей больше не надоѣдали подобными жалобами, — ея величество выберетъ именно этотъ путь, и что дѣло кончится непремѣнно ссылкою фрейлинъ. Тутъ онъ присмирѣлъ; онъ былъ очень подозрителенъ; ему показалось, что я знаю намѣренія императрицы относительно фрейлинъ больше, чѣмъ показываю, и что онѣ въ самомъ дѣлѣ могутъ быть изъ-за этого сосланы. «Скажите, пожалуйста,—сталъ говорить онъ,—развѣ вы знаете что-нибудь объ этомъ? развѣ объ этомъ уже говорили?» Я отвѣчала, что если дѣло дойдетъ до того, что надо будетъ довести его до свѣдѣнія императрицы, то я не сомнѣваюсь, что она покончитъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ. Тогда онъ задумался, началъ ходить по комнатѣ большими шагами, совсѣмъ притихъ, почти пересталъ на меня дуться и потомъ ушелъ. Въ тотъ же вечеръ я призвала одну изъ фрейлинъ, которая мнѣ казалась умнѣе другихъ, и передала ей, какую сцену я имѣла, благодаря ихъ неблагоразумнымъ переносамъ; съ этихъ поръ онѣ стали осторожнѣе и уже не прибѣгали къ крайнимъ мѣрамъ, боясь, чтобы самимъ не попасть въ бѣду.

Осенью мы возвратились въ городъ. Вскорѣ затѣмъ кавалеръ Вильямсъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Англію. Онъ не достигъ своей цѣли въ Россіи. На другой же день послѣ своего представленія

императрицѣ, онъ предложилъ заключить союзъ между Россіей и Англіей; графъ Бестужевъ получилъ соизволеніе и полномочіе на этотъ договоръ; дѣйствительно, договоръ былъ подписанъ великимъ канцлеромъ, и посланникъ не могъ нарадоваться своему успѣху, какъ на другой день графъ Бестужевъ прислалъ ему ноту, въ которой извѣщалъ, что Россія присоединяется къ конвенціи, заключенной въ Версалѣ между Австріей и Франціей. Это было громовымъ ударомъ для англійскаго посланника, который, такимъ образомъ, какъ казалось, былъ проведенъ и обманутъ въ этомъ дѣлѣ великимъ канцлеромъ, но дѣло въ томъ, что самъ графъ Бестужевъ былъ не властенъ въ своихъ поступкахъ: его пріятели начинали брать надъ нимъ верхъ; они интриговали, или, лучше сказать, подчинялись интригамъ, имѣвшимъ цѣлью увлечь ихъ во французско-австрійскую партію, къ которой, впрочемъ, и сами они были склонны; Шуваловы, и особливо Иванъ Ивановичъ, до безумія любили Францію и все французское. Имъ помогалъ вице-канцлеръ, графъ Воронцовъ, получившій за эту услугу отъ Людовика XV мебелей для дома, который онъ тогда выстроилъ въ Петербургѣ; это были старыя мебели, которыя начинали надоѣдать маркизѣ Помпадуръ; она съ барышемъ продала ихъ королю, своему любовнику. Вице-канцлеръ, кромѣ выгоды, имѣлъ еще другое побужденіе, именно, ослабить кредитъ непріятеля своего, графа Бестужева, и перепродать его мѣсто Петру Шувалову; ему хотѣлось захватить въ свои руки всю торговлю русскимъ табакомъ для того, чтобы продавать его во Францію.

Къ концу этого года графъ Понятовскій возвратился въ Петербургъ министромъ польскаго короля. Зимою съ 1756 на 1757 годъ мы вели точно такой же образъ жизни, какъ и въ прошедшую зиму: тѣ же балы, тѣ же концерты, тѣ же сходки. По возвращеніи нашемъ въ городъ, гдѣ я могла ближе видѣть вещи, я стала замѣчать, что интриганъ Брокдорфъ началъ очень вкрадываться въ расположеніе великаго князя, въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ себѣ довольно много помощниковъ въ голштинскихъ офицерахъ, которыхъ, по его внушенію, великій князь оставилъ на эту зиму въ Петербургѣ. Число ихъ простиралось, по крайней мѣрѣ, до двадцати человѣкъ, не считая въ томъ числѣ еще нѣсколькихъ голштинскихъ солдатъ. Офицеры постоянно были въ обществѣ великаго князя, а солдаты служили у него въ комнатѣ камерлакеями, на побѣгушкахъ, и употреблялись на всякаго рода послуги; въ сущности, все это были соглядатаи, разставленные гг. Брокдорфомъ и К°. Въ эту зиму я выжидала благопріятной минуты, чтобы серьезно поговорить съ великимъ княземъ и откровенно высказать ему мои мысли о людяхъ, которые его окружали, и о происках, которые я замѣчала. Случай представился, и я

не пропустила его. Самъ великій князь однажды пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ сказать, что его убѣждаютъ употребить мѣру, будто бы неизбѣжную, и послать въ Голштинію секретную бумагу съ приказомъ взять подъ стражу Элендсгейма. Этотъ Элендсгеймъ былъ мѣщанскаго происхожденія, но своими свѣдѣніями и способностями достигъ значительнаго мѣста, пріобрѣлъ большое значеніе и былъ однимъ изъ первыхъ лицъ въ Голштиніи. Я спросила великаго князя, какія на него есть жалобы, и что онъ такое сдѣлалъ, за что слѣдуетъ арестовать его. На это онъ мнѣ отвѣчалъ: „видите, говорятъ, что его подозрѣваютъ въ лихоимствѣ. — Кто же обвинители? — спросила я. — О! обвинителей нѣтъ, — сказалъ онъ съ большою увѣренностью:—ибо въ Голштиніи всѣ его боятся и уважаютъ; поэтому и слѣдуетъ взять его подъ стражу; меня увѣряютъ, что, какъ скоро я прикажу его арестовать, обвинителей найдется множество“. Меня ужаснули эти слова, и я отвѣчала: „если поступать такимъ образомъ, то въ мірѣ не найдется невиннаго человѣка; стоитъ только какому-нибудь завистнику распустить въ публикѣ какой вздумается пустой слухъ, сказавши, что обвиненія и преступленія найдутся послѣ, можно арестовать кого угодно; этакъ дѣлаютъ варвары, мой другъ, какъ говорится въ пѣснѣ (c’est à la façon de Barbarie, mon ami); вамъ совѣтуютъ поступить вопреки вашей славѣ и вопреки вашему чувству справедливости. Кто даетъ вамъ такіе дурные совѣты? — позвольте мнѣ васъ спросить объ этомъ“. Мой великій князь нѣсколько смутился этимъ вопросомъ и сказалъ: „вы всегда хотите быть умнѣе другихъ“. Тогда я ему отвѣчала, что говорю не для того, чтобы блеснуть умомъ своимъ, но потому, что ненавижу неправду и думаю, что онъ никакимъ образомъ не захочетъ добровольно сдѣлать неправду. Тутъ онъ принялся ходить по комнатѣ большими шагами, и потомъ вышелъ, болѣе волнуясь, нежели сердясь на меня. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и сказалъ: „подите ко мнѣ; Брокдорфъ разскажетъ вамъ дѣло Элендсгейма; вы увидите сами и убѣдитесь, что я долженъ его арестовать“. Я отвѣчала: „очень рада, пойду къ вамъ и, коли вамъ угодно, выслушаю, что онъ будетъ говорить вамъ“. Дѣйствительно, я нашла Брокдорфа въ комнатѣ великаго князя, который сказалъ ему: „говорите съ великой княгиней“. Брокдорфъ нѣсколько смутился, поклонился великому князю и сказалъ ему: „по приказанію вашего высочества, я буду говорить съ великою княгинею“. Тутъ онъ сдѣлалъ паузу и потомъ сказалъ: „это дѣло такого свойства, что его надо вести съ великою тайною и благоразуміемъ“. Я слушала. „Вся Голштинская земля наполнена разсказами о мздоимствѣ и притѣсненіяхъ Элендсгейма. Правда, что обвинителей нѣтъ, потому что всѣ его боятся; но, когда онъ будетъ

подъ арестомъ, то обвинителей можно найти сколько угодно". Я спросила его, въ чемъ именно заключаются эти притѣсненія и взятки и увидала, что утайки денегъ даже и не могло быть, потому что деньги великаго князя были не у него въ рукахъ; мздоимствомъ же называли то, что во всякомъ судебномъ дѣлѣ одна изъ тяжущихся сторонъ обыкновенно жаловалась на несправедливость и говорила, будто противная сторона выиграла дѣло, подкупивъ судей, а Элендсгеймъ завѣдывалъ судебнымъ департаментомъ. Впрочемъ, Брокдорфъ могъ, сколько ему угодно, блистать краснорѣчіемъ и познаніями, онъ не убѣдилъ меня, и я продолжала, въ присутствіи великаго князя, утверждать, что его высочество сдѣлаетъ вопіющую несправедливость, послушавшись своихъ совѣтниковъ иославъ приказаніе арестовать человѣка, противъ котораго не было ни формальной жалобы, ни формальнаго обвиненія. Я говорила Брокдорфу, что такимъ манеромъ великій князь можетъ во всякую минуту приказать его запереть въ сундукъ, сказавши, что вина и обвиненія найдутся послѣ, и что въ судебныхъ дѣлахъ вовсе неудивительно, если проигравшій дѣло жалуется и говоритъ, что съ нимъ поступили несправедливо. Я прибавила къ этому, что великій князь болѣе, чѣмъ кто-либо, долженъ соблюдать осторожность въ подобныхъ случаяхъ, потому что горькій опытъ показалъ ему, до чего могутъ довести взаимное преслѣдованіе и ненависть партій; не дальше какъ два, или много три года тому назадъ, по моему ходатайству, его высочество приказалъ даровать свободу Гольмеру, котораго лѣтъ шесть или восемь держалъ въ заточеніи, требуя отъ него отчета въ дѣлахъ, совершившихся въ Голштиніи во время малолѣтства великаго князя, и когда Голштиніею правилъ опекунъ его, наслѣдный принцъ Шведскій. Гольмеръ, состоявшій при семъ послѣднемъ, уѣхалъ за нимъ въ Швецію и возвратился оттуда уже въ то время, когда великій князь подписалъ и выслалъ бумагу, въ которой формально одобрялъ все сдѣланное во время его малолѣтства; но, тѣмъ не менѣе, его убѣдили арестовать Гольмера и назначить коммиссію для разбора дѣлъ, совершившихся во время управленія принца Шведскаго; коммиссія эта, начавши дѣйствовать съ большою строгостію, открыла обширное поприще всякаго рода доносамъ, и потомъ, ничего не нашедши, за неимѣніемъ дѣлъ заснула летаргическимъ сномъ; но несчастный Гольмеръ все это время томился въ заточеніи, разлученный съ женою, дѣтьми, друзьями и родственниками; наконецъ, вся Голштинія пришла въ негодованіе по поводу этого дѣла, которое велось съ вопіющею несправедливостью и деспотизмомъ и, конечно, протянулось бы еще очень долго, если бы я не посовѣтовала великому князю разсѣчь этотъ гордіевъ узелъ,ославши приказаніе даровать Гольмеру свободу и уничтожить ком-

25261

Московской обл. библиотеки

миссію, стоившую сверхъ того немало денегъ, между тѣмъ какъ казна великаго князя въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ и безъ того была очень истощена. Но напрасно я приводила этотъ разительный примѣръ; великій князь, какъ кажется, не слушалъ и думалъ о чемъ-то другомъ, а Брокдорфъ, закоренѣлый въ зложелательствѣ, ограниченный умомъ и упрямый, какъ чурбанъ, не прерывалъ меня, потому что ему нечего было возразить; а когда я ушла, онъ сказалъ великому князю, что я все это говорила изъ властолюбія, что я всегда возстаю противъ тѣхъ мѣръ, которыя присовѣтованы не мною, что я ничего не понимаю въ дѣлахъ, что женщины всегда во все хотятъ мѣшаться и только портятъ дѣло, и что въ особенности мѣры рѣшительныя выше ихъ пониманія. Наконецъ, онъ добился, того, что одержалъ верхъ намъ моимъ мнѣніемъ, и убѣжденный имъ, великій князь велѣлъ сочинить, подписалъ и отправилъ приказъ объ арестованіи Элендсгейма. Я узнала о томъ отъ секретаря великаго князя, Зейца, который состоялъ при Пехлинѣ и былъ женатъ на дочери моей повивальной бабушки. Вообще партія Пехлина не одобряла этихъ насильственныхъ и неумѣстныхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ Брокдорфъ наводилъ страхъ на нее и на всю Голштинію. Какъ скоро я узнала, что Брокдорфъ своими происками одержалъ верхъ надо мною въ столь несправедливомъ дѣлѣ и сдѣлалъ напрасными всѣ мои представленія великому князю, я твердо рѣшилась дать ему почувствовать вполнѣ мое негодованіе. Я сказала Зейцу и велѣла сказать Пехлину, что съ этой минуты я смотрю на Брокдорфа, какъ на чуму, отъ которой надо бѣжать, и употреблю всѣ зависящія отъ меня [средства, чтобы удалить его отъ великаго князя. Дѣйствительно, я старалась при всякомъ случаѣ выказывать презрѣніе и отвращеніе, внушаемыя мнѣ поступками этого человѣка; я осыпала его всѣми возможными насмѣшками, и всякому, кто ни попадался мнѣ, передавала мое мнѣніе о немъ. Левъ Нарышкинъ и другіе молодые люди помогали мнѣ въ этомъ и потѣшались надъ нимъ. Когда Брокдорфъ проходилъ по комнатамъ, всѣ кричали ему вслѣдъ: „баба птица! баба птица!“ Это было его прозвище. Эта птица самая безобразная изъ всѣхъ извѣстныхъ птицъ, точно такъ же, какъ Брокдорфъ былъ безобразнѣйшій изъ людей и по внутреннимъ качествамъ, и по внѣшнему виду. Онъ былъ высокаго роста, долгошея, сверхъ того рыжій и носилъ парикъ на мѣдныхъ пружинахъ; голова его была толстая и плоская; глаза впалые, маленькіе, почти безъ рѣсницъ и бровей; углы рта понижались къ подбородку, отъ чего онъ имѣлъ какой-то жалобный и недовольный видъ. О внутреннихъ его качествахъ сказано выше; надо еще прибавить, что онъ былъ чрезвычайно корыстолюбивъ и бралъ деньги отъ вся-

каго, кто ему давалъ, и чтобы августѣйшій государь его со временемъ не сталъ взыскивать съ него за взятки, онъ воспользовался его постоянною нуждою и убѣдилъ его послѣдовать своему примѣру, и, такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности, доставлялъ ему денегъ, продавая ордена и титулы голштинскіе тѣмъ, кто хотѣлъ за нихъ платить, либо заставляя великаго князя хлопотать въ русскихъ присутственныхъ мѣстахъ и Сенатѣ по разнаго рода дѣламъ, часто несправедливымъ, иногда вреднымъ для государства, какъ-то по монополіямъ и пошлинамъ, которыя безъ его ходатайства, конечно, не удались бы, потому что были противны законамъ Петра I. Кромѣ того, благодаря Брокдорфу, великій князь все болѣе и болѣе предавался пьянству и бражничеству; Брокдорфъ окружалъ его всякаго рода искателями приключеній, людьми изъ казармъ и трактировъ, какъ нѣмецкихъ, такъ и петербургскихъ, не имѣвшими ни вѣры, ни совѣсти, занимавшимися исключительно питьемъ, ѣдою, куреньемъ и грубымъ, пошлымъ балагурствомъ. Я старалась словомъ и дѣломъ ослабить вліяніе Брокдорфа; но видя, что все это не удается, и что, напротивъ, великій князь еще больше привязывается къ нему, я рѣшилась передать графу Шувалову мои мысли объ этомъ предметѣ и сказала, что считаю Брокдорфа человѣкомъ, котораго чрезвычайно опасно оставлять подлѣ молодаго князя, долженствующаго со временемъ вступить на престолъ великой имперіи, и что я поставила себѣ долгомъ совѣсти поговорить съ нимъ объ этомъ, дабы онъ могъ предупредить императрицу, или принять мѣры, какія найдетъ приличными. Онъ спросилъ, позволю ли я сослаться на меня. Я отвѣчала, что да и что если императрица станетъ спрашивать меня самоё, то я не запрусь и разскажу ей все, что знаю и вижу. Графъ Шуваловъ очень внимательно слушалъ меня и моргалъ, но онъ никогда не рѣшался дѣйствовать, не поговоривъ напередъ съ братьями, роднымъ Петромъ и двоюроднымъ Иваномъ. Долго онъ ничего не говорилъ мнѣ; наконецъ, дано мнѣ знать намеками, что, можетъ быть, императрица войдетъ со мною въ объясненія по этому предмету. Тѣмъ временемъ, въ одно прекрасное утро, великій князь явился ко мнѣ въ комнату, подпрыгивая; за нимъ вслѣдъ вбѣжалъ его секретарь Зейцъ съ бумагою въ рукѣ. Великій князь сказалъ мнѣ: „посмотрите, вотъ несносный человѣкъ! Я вчера много пилъ и нынче еще хмѣленъ, а онъ вздумалъ приставать ко мнѣ съ дѣлами. Взгляните, цѣлый листъ — одинъ только списокъ дѣлъ, которыя онъ хочетъ, чтобъ я кончилъ. Я не могу отъ него спастись даже въ вашей комнатѣ“. Зейцъ сказалъ мнѣ: „На все это нужно только да или нѣтъ; все можно кончить въ четверть часа“. Я сказала: „Ну, такъ что же? Попробуйте, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, вы кончите ско-

рѣе, чѣмъ думали". Зейцъ началъ читать, и по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, я говорила да или нѣтъ. Это понравилось великому князю, и Зейцъ сказалъ ему: „Вотъ, ваше высочество, если бы вы позволили такъ дѣлать по два раза въ недѣлю, ваши дѣла не останавливались бы; это пустяки, но надо, чтобы они шли своимъ чередомъ; великая княгиня кончила все, сказавши шесть *да* и шесть *нѣтъ*". Съ этихъ поръ его императорское высочество сталъ присылать ко мнѣ Зейца всякій разъ, какъ тотъ требовалъ отъ него *да* или *нѣтъ*. Черезъ нѣсколько времени я сказала ему, чтобы онъ далъ мнѣ подписанный указъ, какія дѣла я могу рѣшать и какія нѣтъ, безъ его спросу. Онъ согласился на это, и объ этомъ распоряженіи знали только Пехлинъ, Зейцъ, да я. Пехлинъ и Зейцъ были въ восторгѣ; когда нужно бывало подписывать, великій князь подписывалъ то, что напередъ было рѣшено мною. Дѣло Элендсгейма оставалось въ рукахъ Брокдорфа; но такъ какъ Элендсгеймъ уже былъ подъ арестомъ, то Брокдорфъ не торопился рѣшеніемъ его участи; собственно, ему только и хотѣлось удалить Элендсгейма отъ дѣлъ и показать въ Голштиніи свое значеніе при великомъ князѣ. Однажды, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ и выбравши минуту, я сказала великому князю, что если ему такъ скучно заниматься голштинскими дѣлами, то по этому образчику онъ можетъ судить, какъ много у него будетъ дѣла, когда ему достанется Русская имперія, и поэтому онъ долженъ впередъ сообразить, какъ тяжело ему будетъ тогда заниматься дѣлами. На это онъ сказалъ мнѣ то же, что я много разъ слышала отъ него прежде, именно, что онъ чувствуетъ, что не рожденъ для Россіи, что ни онъ не годенъ для русскихъ, ни русскіе для него, и что ему непремѣнно придется погибнуть въ Россіи. На этотъ счетъ я сказала ему тоже, что онъ слышалъ отъ меня также много разъ прежде, именно, что ему не слѣдуетъ предаваться такой фаталистической идеѣ, что онъ долженъ, по мѣрѣ возможности, стараться о пріобрѣтеніи любви каждаго русскаго и просить императрицу, чтобы она позволила ему знакомиться съ государственными дѣлами; по моему настоянію, онъ сталъ просить позволенія участвовать въ конференціяхъ, которыя заступали мѣсто совѣта; онъ, дѣйствительно, сказалъ о томъ Шуваловымъ, и императрица позволила ему бывать на конференціяхъ всякій разъ, когда она сама на нихъ будетъ; но это значитъ почти, что онъ совсѣмъ не допущенъ, потому что императрица засѣдала съ нимъ на конференціяхъ всего два или три раза, и послѣ ни она, ни онъ больше не ходили туда. Вообще я давала великому князю благіе и полезные для него совѣты; но тотъ, кто совѣтуетъ, не можетъ совѣтывать иначе, какъ по своему разуму и по своему образу мыслей, согласно съ тѣмъ, какъ онъ самъ понимаетъ вещи и

обращается съ ними; великій же князь считалъ мои совѣты дурными, потому что его образъ дѣйствій и обращенія съ вещами вовсе не похожи были на мой, и по мѣрѣ того, какъ мы старѣли годами, это различіе все больше обнаруживалось. Я старалась всегда во всѣхъ случаяхъ, сколько могла, стремиться къ справедливости; онъ, напротивъ, съ каждымъ днемъ удалялся отъ нея, такъ что, наконецъ, сдѣлался отъявленнымъ лгуномъ. Путь, по которому онъ въ этомъ отношеніи слѣдовалъ, весьма замѣчателенъ, и потому я постараюсь показать его; можетъ быть, черезъ это обнаружится направленіе человѣческаго ума въ этомъ случаѣ, и это послужитъ къ предостереженію или исправленію людямъ, чувствующимъ въ себѣ наклонность къ такому пороку. Первая ложь, выдуманная великимъ княземъ. была слѣдующая. Чтобы похвастаться передъ молодыми женщинами и дѣвушками, онъ воспользовался ихъ невѣдѣніемъ и сталъ разсказывать, будто, когда объ былъ въ Голштиніи у отца своего, отецъ далъ ему начальство надъ отрядомъ гвардейцевъ и послалъ овладѣть египетскимъ войскомъ, которое бродило въ окрестностяхъ города Киля и совершало, по его словамъ, страшныя опустошенія; онъ передавалъ подробности этихъ опустошеній, разсказывалъ, какія хитрости были употреблены имъ, чтобы окружить египтянъ, какъ онъ дрался съ ними, оказывалъ въ этихъ сраженіяхъ чудеса храбрости и ловкости и какъ, наконецъ, захватилъ и привелъ египтянъ въ Киль. Сначала онъ имѣлъ осторожность разсказывать все это людямъ несвѣдущимъ; мало-по-малу сталъ смѣлѣе и пускался въ розсказни передъ людьми, на скромность которыхъ могъ разсчитывать и зналъ, что они не изобличатъ его во лжи; но когда онъ вздумалъ изложить свое сочиненіе въ моемъ присутствіи, я спросила его, за сколько лѣтъ до смерти его отца произошло это событіе. „Года за три, за четыре“, отвѣчалъ онъ, нисколько не задумавшись. „Ну, такъ вы очень рано начали совершать храбрые подвиги,—возразила я,—потому что за три или за четыре года до смерти герцога, отца вашего, вамъ всего было шесть или семь лѣтъ; вы остались послѣ него одиннадцати лѣтъ, подъ опекою дяди моего, наслѣднаго принца Шведскаго. Кромѣ того,—прибавила я,—вы были единственный сынъ, и въ дѣтствѣ, какъ я слышала, не пользовались крѣпкимъ здоровьемъ; поэтому мнѣ удивительно, какимъ образомъ отецъ могъ посылать васъ ловить разбойниковъ, и при томъ еще въ такомъ нѣжномъ возрастѣ. Великій князь страшно разсердился на меня, говоря, что я унижаю его во мнѣніи публики и хочу, чтобы его считали лгуномъ. Я отвѣчала, что его изобличаю не я, а календарь; что пусть онъ самъ разсудитъ, есть ли человѣческая возможность посылать ребенка 6-ти или 7-ми лѣтъ, единственнаго сына и наслѣднаго принца, всю на-

дежду отца—ловить египтянъ. Онъ замолчалъ, я также. Онъ долго послѣ этого дулся на меня; но потомъ забылъ, что я ему говорила, и сталъ по-прежнему, даже въ моемъ присутствіи, разсказывать свою повѣсть, разнообразя ее до безконечности. Послѣ этого онъ выдумалъ другую ложь, несравненно болѣе постыдную и вредную для него, но о ней я скажу въ своемъ мѣстѣ. Въ настоящее время мнѣ невозможно припоминать всѣхъ выдумокъ и бредней, которыя онъ выдавалъ за настоящія событія, и въ которыхъ не было тѣни правды. Достаточно, думаю, приведеннаго образчика.

Въ исходѣ масленицы, въ четвергъ, у насъ былъ балъ. Я сидѣла между невѣсткой Льва Нарышкина и его сестрою, Сенявиной; мы смотрѣли, какъ Марина Осиповна Закревская, фрейлина императрицы и племянница графовъ Разумовскихъ, танцовала менуетъ; она въ то время была ловка и легка; говорили, что графъ Горнъ очень влюбленъ въ нее; но такъ какъ онъ всегда влюблялся разомъ въ трехъ, то разсказывали, будто онъ волочится еще за двумя другими фрейлинами императрицы, графиней Марьей Романовной Воронцовой и Анной Алексѣевной Хитровой. Мы находили, что Закревская, танцовавшая съ Львомъ Нарышкинымъ, довольно мила и танцуетъ хорошо. По этому случаю невѣстка и сестра Льва Нарышкина сказали мнѣ, что мать хочетъ женить его на Хитровой, племянницѣ Петра и Александра Шуваловыхъ, сестра которыхъ была за Хитровымъ. Сей послѣдній часто ѣздилъ въ домъ къ Нарышкинымъ, и мать Льва стала думать объ этомъ бракѣ. Ни Сенявина, ни невѣстка ея вовсе не дорожили родствомъ съ Шуваловыми, которыхъ онѣ не любили, какъ я сказала выше. Что касается до Льва, то онъ и не подозрѣвалъ намѣренія матери, онъ былъ влюбленъ въ упомянутую выше графиню Марью Воронцову. Услышавши это, я сказала Сенявиной и Нарышкиной, что непремѣнно надо разстроить этотъ бракъ, такъ какъ Хитрову никто терпѣть не могъ (она была интриганка и вздорная сплетница), и что слѣдуетъ дѣйствовать рѣшительно и дать Льву жену, которая бы была заодно съ нами, и для этого женить его на помянутой племянницѣ графовъ Разумовскихъ, тѣмъ болѣе, что Сенявина и Нарышкина любили ее, и она постоянно бывала у нихъ въ домѣ. Обѣ онѣ согласились со мною. На другой день, на придворномъ маскарадѣ, я подошла къ фельдмаршалу Разумовскому, бывшему тогда украинскимъ гетманомъ, и сказала ему напрямикъ, какъ ему не стыдно не похлопотать для своей племянницы о такой прекрасной партіи, какъ Левъ Нарышкинъ; что мать хочетъ женить его на Хитровой, но сестра его, невѣстка и я находимъ, что ему гораздо лучше жениться на Закревской; и что онъ, Разумовскій, долженъ, не теряя времени, приняться за дѣло. Фельдмаршалъ одобрилъ нашъ проектъ,

сообщилъ его своему тогдашнему фактотуму Теплову, который тотчасъ же передалъ его старшему графу Разумовскому и получилъ его согласіе. На другой день Тепловъ отправилъ къ петербургскому архіепископу купить за 50 рублей разрѣшеніе на бракъ, и какъ скоро оно было получено, фельдмаршалъ съ женою явились къ теткѣ своей, матери Льва, и умѣли такъ ловко взяться за дѣло, что та противъ воли согласилась. Хорошо, что они поспѣшили, потому что Нарышкина въ этотъ самый день должна была дать слово отцу Хитровой. Затѣмъ, фельдмаршалъ Разумовскій, Сенявина и ея невѣстка принялись за Льва и убѣдили его жениться на дѣвушкѣ, о которой онъ даже не помышлялъ. Онъ далъ согласіе, хотя любилъ другую. Впрочемъ, сія послѣдняя была почти уже сговорена за графа Бутурлина; о Хитровой онъ вовсе не жалѣлъ. Получивъ согласіе жениха, фельдмаршалъ призвалъ къ себѣ племянницу, которая нашла этотъ бракъ слишкомъ выгоднымъ, чтобы отказаться отъ него. На другой же день, въ воскресенье, оба графа Разумовскіе обратились къ императрицѣ съ просьбою о соизволеніи на бракъ, и тотчасъ получили. Шуваловы узнали обо всемъ этомъ, когда императрица уже дала соизволеніе, и не мало удивлялись, какъ мы провели ихъ и Хитровыхъ. Дѣло сдѣлано, назадъ идти было нельзя, и Левъ, который влюбленъ былъ въ одну дѣвушку, котораго мать прочила для другой, женился на третьей, о которой никто, ни онъ самъ, три дня тому назадъ, вовсе не думалъ. Этотъ бракъ Льва Нарышкина еще болѣе сдружилъ меня съ графами Разумовскими, которые очень привязались ко мнѣ за то, что я устроила для ихъ племянницы такую прекрасную и значительную партію, и сверхъ того были довольны, одержавъ верхъ надъ Шуваловыми. Сіи послѣдніе даже не могли жаловаться и должны были скрывать свою досаду. Это я имъ еще разъ насолила. Любовныя похожденія великаго князя съ дѣвицею Тепловою весьма не ладились: главною причиною было то, что они должны были видаться украдкою, а это надоѣдало великому князю, который больше не хотѣлъ знать никакихъ помѣхъ, точно такъ, какъ не любилъ отвѣчать на получаемыя письма. Въ исходѣ масленицы его волокитства начали становиться дѣломъ партіи. Я узнала однажды отъ принцессы курляндской, что графъ Романъ Воронцовъ, отецъ двухъ фрейлинъ (бывшій, сказать мимоходомъ, не въ особенной милости у великаго князя, какъ и его пятеро дѣтей), позволяетъ себѣ весьма неумѣренныя рѣчи насчетъ его высочества и между прочимъ говоритъ, что ему стоитъ только захотѣть, и нерасположеніе великаго князя не только пройдетъ, но и обратится въ милость, что для этого нужно только угостить Брокдорфа, напоить его англійскимъ пивомъ и на прощанье положить ему въ карманъ бутылокъ шесть для его высо-

чества, что послѣ этого онъ и его младшая дочь сдѣлаются первыми лицами у великаго князя. Въ тотъ же вечеръ, на балу, я замѣтила, что его высочество безпрестанно шепчется съ графиней Марьей Воронцовой, старшею дочерью графа Романа (Воронцовы были искренно дружны съ Шуваловыми, у которыхъ Брокдорфъ всегда находилъ ласковый пріемъ), и съ неудовольствіемъ убѣдилась, что дѣйствительно графиня Елисавета Воронцова можетъ сдѣлаться любимицей. Чтобы помѣшать этому, я пересказала великому князю вышеприведенные отзывы ея отца. Онъ взбѣленился и съ великимъ гнѣвомъ сталъ спрашивать, откуда я знаю объ этихъ отзывахъ. Долго я не хотѣла сказывать; но онъ сказалъ, что, такъ какъ я не могу назвать лица, то онъ подозрѣваетъ, что я сочинила эту исторію, чтобы повредить графу Воронцову и его дочерямъ. Напрасно я говорила, что никогда въ жизни не занималась подобнаго рода сочиненіями. Наконецъ, я должна была назвать принцессу курляндскую. Онъ сказалъ, что тотчасъ напишетъ къ ней записку и спроситъ, правду ли я сказала, и если окажется, что я хоть малѣйшимъ образомъ солгала, то онъ пожалуется императрицѣ на мои выдумки и интриги, послѣ чего онъ ушелъ изъ моей комнаты. Опасаясь отвѣта принцессы курляндской и чтобы она не сказала ему чего-нибудь двусмысленнаго, я написала къ ней записку, въ которой просила, чтобы она ради Бога сказала сущую и чистую правду, о чемъ у нея спросятъ. Записка была тотчасъ отнесена и пришла во-время, т.-е. прежде записки великаго князя. Принцесса курляндская написала ему всю правду, и онъ могъ видѣть, что я не солгала. Это еще на нѣсколько времени удержало его отъ связи съ дочерьми человѣка, который имѣлъ о немъ такое дурное понятіе, и котораго вдобавокъ онъ самъ не любилъ. Но, чтобы еще больше помѣшать этой связи, Левъ Нарышкинъ убѣдилъ фельдмаршала, графа Разумовскаго, приглашать къ себѣ великаго князя по секрету на вечера, разъ или два въ недѣлю: это былъ почти замкнутый кружокъ, потому что въ вечерахъ этихъ участвовали только самъ фельдмаршалъ, Марья Павловна Нарышкина, великій князь, жена Теплова и Левъ Нарышкинъ. Собранія эти происходили Великимъ постомъ и подали поводъ еще къ новой выдумкѣ. Домъ фельдмаршала былъ въ то время деревянный; въ отдѣленіи фельдмаршальши обыкновенно собирались гости, и такъ какъ хозяева, мужъ и жена, любили играть, то тамъ происходила постоянная игра. Фельдмаршалъ приходилъ и уходилъ; у него въ отдѣленіи, когда не бывало великаго князя, собиралась своя бесѣда, но, нѣсколько разъ бывая у меня, на моихъ тайныхъ вечеринкахъ, онъ хотѣлъ, чтобы и наше общество пріѣзжалс къ нему. Намъ отведены были двѣ или три комнаты въ нижнемъ этажѣ, и это онъ называлъ своимъ эрмитажемъ.

Гости должны были прятаться другъ отъ друга, потому что мы, какъ я уже говорила, не смѣли выѣзжать безъ позволенія; и такимъ образомъ въ одномъ и томъ же домѣ собирались по три, по четыре разныхъ общества, и фельдмаршалъ переходилъ отъ одного къ другому. Мы все знали, что происходило въ домѣ, тогда какъ объ насъ никто не подозрѣвалъ.

Къ веснѣ скончался Пехлинъ, министръ великаго князя по голштинскимъ дѣламъ. Предвидя его кончину, великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, посовѣтовалъ мнѣ, чтобы я рекомендовала великому князю нѣкоего Штамбке; его вызвали, и онъ поступилъ на мѣсто Пехлина. Великій князь далъ ему приказъ за своею подписью работать вмѣстѣ со мною, что̀ тотъ и дѣлалъ. Такимъ образомъ я имѣла возможность свободно сноситься съ графомъ Бестужевымъ, который довѣрялся г. Штамбке. Въ началѣ весны мы переѣхали въ Ораніенбаумъ. Здѣсь образъ жизни былъ тотъ же, что и прежде, съ тою разницею, что число голштинскаго войска и разныхъ авантюристовъ, занимавшихъ въ немъ офицерскія мѣста, съ каждымъ годомъ увеличивалось; войско это уже не могло помѣщаться въ небольшой Ораніенбаумской деревушкѣ, гдѣ вначалѣ было всего 28 хижинъ, и потому его выводили въ лагерь. Число его никогда не превышало 1.300 человѣкъ. Офицеры обѣдали и ужинали при дворѣ; но такъ какъ придворныхъ дамъ, считая въ томъ числѣ женъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, было не больше 15 или 16, а великій князь страстно любилъ большіе обѣды и давалъ ихъ очень часто у себя въ лагерѣ и во всѣхъ углахъ и закоулкахъ Ораніенбаума, то въ обѣдахъ этихъ участвовали не только пѣвицы и танцовщицы его оперы, но цѣлая толпа простыхъ женщинъ самаго дурнаго общества, которыхъ ему привозили изъ Петербурга. Какъ скоро я узнавала, что на пиру будутъ танцовщицы и пр., то нарочно не приходила и обѣдала у себя въ комнатѣ самъ-другъ или самъ-третій; сначала я говорила, что не прихожу потому, что пью воды; потомъ сказала великому князю, что опасаюсь гнѣва императрицы и для того не хочу бывать въ такомъ пестромъ обществѣ; и дѣйствительно ни разу не приходила, какъ скоро узнавала, что великій князь хочетъ быть черезчуръ гостепріименъ, и если онъ приглашалъ меня, я посылала на мѣсто себя фрейлинъ. На маскарады, которые онъ давалъ въ Ораніенбаумѣ, я надѣвала самое простое платье, безъ всякихъ уборовъ и брильянтовъ, что также нравилось императрицѣ, не любившей и не одобрявшей этихъ ораніенбаумскихъ празднествъ, которыя за обѣдомъ дѣйствительно обращались въ вакханаліи; тѣмъ не менѣе, она ихъ терпѣла, по крайней мѣрѣ, не запрещала. Мнѣ сказывали, что ея величество говорила: „эти праздники не нравятся ни мнѣ, ни великой княгинѣ; она

бываетъ на нихъ въ самомъ простомъ нарядѣ и никогда не садится за столъ съ тамошнею сволочью". Я въ то время разводила и сажала въ Ораніенбаумѣ такъ называемый садъ мой; остальное время гуляла пѣшкомъ, ѣздила верхомъ и въ кабріолетѣ, а, когда оставалась въ комнатѣ, то читала.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русскій Дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Записки кн. Адама Чарторыйскаго).

(1795—1805).

VIII [1]).

(1801 — 1802).

Нашъ тайный совѣтъ.—Бесѣды съ государемъ.—Партія молодыхъ людей.—Назначеніе Строганова и Новосильцева.—Значеніе Ла-Гарпа.—Пріѣздъ принцессы Баденской.—Лѣто 1801 года.—Отставка и удаленіе Панина.—Назначеніе Кочубея.—Облегченіе участи ссыльныхъ поляковъ.—Коронованіе Александра.—Весна 1802 г.—Иностранная политика Кочубея.—Свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Мемелѣ.—Конвенція о раздачѣ духовныхъ нѣмецкихъ владѣній.

Мнѣнія и взгляды Александра, которыми я такъ восхищался, повидимому, остались прежніе; но уже съ того времени, когда императоръ Павелъ приблизилъ его къ власти, и теперь, когда онъ уже самъ сталъ неограниченнымъ властителемъ, мнѣнія эти естественно должны были нѣсколько поколебаться, хотя въ глубинѣ своего сердца онъ все-таки не измѣнилъ своимъ прежнимъ идеаламъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ, онъ сохранилъ ихъ въ глубинѣ своей души, лелѣя и оберегая отъ посторонняго вліянія, какъ тайную страсть, которую онъ не рѣшался раскрыть передъ обществомъ, неспособнымъ понимать ее, но которая постоянно властвовала надъ нимъ и увлекала его, какъ только представлялась возможность ей подчиниться. Мнѣ еще неоднократно придется говорить объ этомъ для объясненія характера Александра, потому что во многихъ случаяхъ своей жизни императоръ, проникнутый сознаніемъ справедливости этихъ принциповъ и сопряженныхъ съ ними обязанностей, могъ бы уподобиться человѣку, который находитъ удовольствіе въ старыхъ игрушкахъ своего дѣтства,

---

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1906 г.

но чувствуетъ съ сожалѣніемъ, что уже настало время покинуть ихъ для болѣе серьезныхъ занятій, отвѣчающихъ требованіямъ дѣйствительности.

О былыхъ мечтахъ и крайнихъ либеральныхъ стремленіяхъ, конечно, уже не было рѣчи; императоръ не вспоминалъ уже болѣе о своемъ намѣреніи отказаться отъ престола, не говорилъ уже со мною о запискѣ, которую нѣкогда заставилъ меня написать, и, которая, видимо, ему такъ понравилась. Въ то же время, онъ не переставалъ думать и заботиться о практическомъ осуществленіи излюбленныхъ своихъ идей: объ усовершенствованіи правосудія, объ освобожденіи народа, о справедливыхъ реформахъ въ цѣломъ рядѣ либеральныхъ учрежденій. Конечно, онъ уже сознавалъ неизбѣжность препятствій, нерѣдко непреодолимыхъ, которыя самыя элементарныя реформы должны встрѣтить въ Россіи; но онъ всегда стремился доказать близкимъ къ нему людямъ, что чувства, которыя онъ имъ нѣкогда высказывалъ, оставались неизмѣнными. Несмотря на его настоящее положеніе, онъ сознавалъ, что ему невозможно высказывать свои чувства откровенно и проявлять ихъ передъ обществомъ, столь мало подготовленнымъ къ воспріятію этихъ идей, и которое встрѣтило бы ихъ съ недоумѣніемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ. Вотъ почему правительственная машина продолжала функціонировать на прежнихъ основаніяхъ, согласно старой рутинѣ, и Александръ волей-неволей былъ принужденъ считаться съ прежними теченіями.

Чтобы до извѣстной степени смягчить это печальное противорѣчіе съ самимъ собою, Александръ образовалъ родъ тайнаго совѣта, составленнаго изъ лицъ, которыхъ онъ считалъ своими личными друзьями, раздѣлявшими его взгляды и убѣжденія. Ядро этого совѣта составили графъ Павелъ Строгановъ, Новосильцевъ и я. Всѣ мы трое, какъ я уже упомянулъ, были связаны самой искренней дружбой. Теперь же отношенія наши приняли болѣе серьезный характеръ. Всѣхъ насъ особенно сближало сознаніе необходимости сгруппироваться около особы императора и всѣми силами поддерживать таившееся въ немъ искреннее стремленіе къ реформамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ союзъ нашъ могъ считаться образцомъ самой искренней, неизмѣнной дружбы; желаніе стать выше всякихъ личныхъ интересовъ, отказываться отъ всѣхъ почестей и наградъ—было девизомъ нашего союза. Девизъ этотъ не могъ, конечно, вполнѣ акклиматизироваться въ тогдашней придворной средѣ, но вполнѣ согласовался съ юношескими взглядами императора и внушалъ ему особенное уваженіе къ своимъ друзьямъ.

Я былъ единственнымъ искреннимъ приверженцемъ этого девиза, который по справедливости подходилъ къ моему особенному поло-

женію. Онъ не всегда приходился по вкусу моимъ товарищамъ, и самъ императоръ сталъ, въ концѣ-концовъ, тяготиться сподвижниками, желавшими отличиться въ его глазахъ, отказываясь отъ наградъ, къ которымъ всѣ такъ жадно стремились.

Первоначальное основаніе этому союзу, какъ я уже упомянулъ выше, было положено въ Москвѣ, во время коронованія императора Павла. Всѣ мы уже давно связаны были дружескими узами и ежедневно собирались у стараго графа Строганова. Четвертый членъ этого союза, принятый императоромъ, былъ Кочубей. Племянникъ Безбородки, вліятельнаго министра Екатерины, онъ съ раннихъ лѣтъ вступилъ на служебное поприще. Онъ былъ назначенъ на постъ въ Константинополь, будучи еще молодымъ человѣкомъ. Во время поѣздки моей за границу, я встрѣтилъ его въ Вѣнѣ, откуда онъ направлялся на востокъ. Это былъ едва не единственный изъ русскихъ дипломатовъ, съ которымъ хорошо обращались въ этой столицѣ. То было время нашего великаго сейма, въ царствованіе императора Леопольда, когда русскіе не пользовались успѣхомъ въ вѣнскихъ салонахъ. У него была чисто европейская складка, изящныя манеры, привлекавшія къ нему иностранцевъ, и въ обществѣ онъ пользовался всеобщимъ вниманіемъ и уваженіемъ. Честолюбіе, недостатокъ, до извѣстной степени свойственный всѣмъ людямъ, но въ особенности являющееся національною чертою русскихъ и всѣхъ вообще славянъ,—дѣлало Кочубея предметомъ нападокъ со стороны завистниковъ. Но онъ на это мало обращалъ вниманія, благодаря прирожденной мягкости характера. Въ дѣлахъ онъ былъ достаточно свѣдущъ, но глубокими и обширными познаніями не обладалъ. У него былъ прямой, хотя и не глубокій умъ, много мягкости характера и еще болѣе доброты и искренности,—явленіе довольно рѣдкое среди русскихъ.

Всѣ эти качества, не исключая, однако, нѣкоторыхъ слабостей и недостатковъ, свойственныхъ его народу: огромнаго стремленія къ почестямъ, служебнымъ повышеніямъ и денежнымъ наградамъ, необходимымъ, какъ для личныхъ его расходовъ, такъ и для весьма многочисленной его семьи. Нельзя также не указать на чрезвычайную слабость его натуры, благодаря которой онъ особенно охотно подлаживался къ господствующимъ мнѣніямъ. Съ нами онъ охотно высказывалъ либеральныя мнѣнія, хотя съ нѣкоторою сдержанностью, такъ какъ подобнаго рода взгляды не сходились съ его личными мнѣніями. Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить особенное честолюбіе, которое у него проявлялось невольно и подвергало его саркастическимъ насмѣшкамъ двухъ другихъ коллегъ, и отъ которыхъ я, по возможности, воздерживался, цѣня его другія качества и дружбу. Послѣднюю онъ неоднократно мнѣ доказывалъ много лѣтъ спустя.

Въ то время, мы пользовались особенною привилегіею являться къ столу государя безъ особаго приглашенія, совѣщанія наши происходили два—три раза въ недѣлю. Послѣ кофе и краткой бесѣды съ окружающими, императоръ удалялся въ свои покои. Въ то время, какъ другіе приглашенные уходили, мы четверо проходили черезъ корридоръ во внутренніе аппартаменты и являлись въ небольшой кабинетъ, гдѣ уже находился императоръ. Здѣсь въ откровенной и непринужденной бесѣдѣ, онъ обсуждалъ съ нами планы будущихъ реформъ. Не было предмета, болѣе или менѣе важнаго государственнаго вопроса, который бы не былъ затронутъ во время этихъ бесѣдъ. Императоръ съ большою откровенностью высказывалъ здѣсь свои мысли и взгляды, и, хотя эти собранія въ теченіе долгаго времени являлись бесѣдами интимнаго, частнаго характера, тѣмъ не менѣе не было важнаго вопроса, касающагося внутренняго устройства государства, который не получилъ бы здѣсь принципіальнаго одобренія и утвержденія. Настоящій совѣтъ, т. е. Сенатъ и министры, тѣмъ не менѣе управлялъ и двигалъ дѣлами; императоръ, по выходѣ изъ нашего тайнаго собранія, снова находился подъ вліяніемъ старыхъ министровъ, повидимому, не былъ въ силахъ провести въ жизнь намѣченныхъ имъ реформъ.

Нашъ тайный союзъ, которому все-таки не удалось укрыться отъ подозрѣній двора, и который получилъ названіе „партіи молодыхъ людей“, чрезвычайно волновался и негодовалъ на пассивность своей роли. Неоднократно дѣлались попытки убѣдить государя въ необходимости проведенія въ жизнь выработанныхъ нами реформъ, но вся наша энергія разбивалась о характеръ Александра, желавшаго идти путемъ уступокъ и избѣгавшаго рѣзкихъ мѣръ. При томъ же онъ считалъ еще свое положеніе недостаточно окрѣпшимъ и не рѣшался прибѣгать къ мѣрамъ энергичнымъ и рѣзкимъ. Самой горячей головой нашего союза былъ Строгановъ; Новосильцевъ былъ наиболѣе опытнымъ; Кочубей—наиболѣе умѣреннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всѣхъ горѣлъ желаніемъ играть активную роль въ дѣлахъ управленія, что касается меня, то, какъ наименѣе заинтересованный, я старался примирить и успокоить болѣе нетерпѣливыхъ.

Тѣ, которые побуждали императора къ принятію немедленныхъ мѣръ, выказывали совершенное незнаніе его характера. Всякій рѣзкій шагъ всегда его тревожилъ и вызывалъ недовѣріе къ лицу, дававшему такой совѣтъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что онъ постоянно жаловался на своихъ министровъ и не любилъ ни одного изъ нихъ, мы рѣшили, прежде чѣмъ убѣдить его въ необходимости смѣнить то или другое лицо,—перейти изъ области мечтаній къ реальной дѣйствительности. Строгановъ рѣшилъ сдѣлаться оберъ-прокуроромъ перваго

департамента Сената; Новосильцевъ былъ назначенъ однимъ изъ статсъ-секретарей—должность, дававшая ему значительныя преимущества, ибо всякая бумага, адресованная на имя государя, проходила черезъ его руки, и онъ имѣлъ право объявлять высочайшіе указы. Былъ еще одинъ пятый членъ нашего тайнаго союза. То былъ извѣстный Ла-Гарпъ, наставникъ Александра, который прибылъ въ Петербургъ навѣстить своего ученика, ставшаго теперь неограниченнымъ монархомъ.

Ла-Гарпъ не участвовалъ въ нашихъ послѣобѣденныхъ собраніяхъ, но онъ имѣлъ частыя бесѣды съ императоромъ и представлялъ ему множество записокъ по разнымъ государственнымъ и административнымъ вопросамъ. Записки эти прочитывались сначала на нашихъ совѣщаніяхъ; а затѣмъ, въ виду ихъ чрезвычайной обширности, передавались намъ для прочтенія на дому. Ла-Гарпу въ это время было сорокъ лѣтъ съ лишнимъ; онъ состоялъ членомъ Швейцарской директоріи и постоянно носилъ присвоенную этой должности форму, съ большой саблей на боку. Онъ казался намъ всѣмъ гораздо ниже своей репутаціи, несмотря на высокое о немъ мнѣніе Александра, искренно любившаго его, какъ наставника и человѣка. То былъ одинъ изъ тѣхъ людей, воспитанныхъ на философскихъ идеяхъ конца XVIII вѣка, которые считали, что ихъ доктрины, подобно философскому камню, являлись всеобщей панацеей, и думали, что при помощи нѣсколькихъ сакраментальныхъ доктринъ можно достигнуть всеобщаго блага и уврачевать всѣ язвы страждущаго человѣчества.

Самъ императоръ, быть можетъ, втайнѣ сознавалъ, что обаяніе его бывшаго наставника уже значительно поколебалось, тѣмъ не менѣе, онъ всюду и во всемъ поддерживалъ его въ нашихъ глазахъ. Онъ не любилъ, когда кто-нибудь изъ насъ иронически относился къ его несбыточнымъ проектамъ, и всегда старался увѣрить его, что его идеи имъ вполнѣ одобрены и будутъ примѣнены при первой возможности. Пребываніе его въ Петербургѣ въ началѣ царствованія Александра, въ дѣйствительности, не имѣло серьезнаго значенія, и самъ онъ весьма мало оказалъ вліянія на будущія реформы Александра. Онъ имѣлъ настолько такту, что самъ не пожелалъ участвовать въ нашихъ собраніяхъ, и императоръ, вѣроятно, былъ также этимъ доволенъ, несомнѣнно, сознавая странную роль, которую пришлось бы играть швейцарскому гражданину и революціонеру при обсужденіи предстоящихъ для русской имперіи реформъ. Впрочемъ, изъ вѣжливости, ему было сказано, что онъ считается членомъ нашего совѣта, и что на собраніяхъ нашихъ для него заготовлено кресло. Уѣзжая изъ Россіи, онъ сказалъ намъ, что мысленно всегда будетъ присутствовать на нашихъ совѣщаніяхъ.

Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Александра, Петербургъ посѣтила принцесса Баденская, мать императрицы Елисаветы Алексѣевны. Она прибыла въ Россію вмѣстѣ со своимъ супругомъ, старшимъ сыномъ царствующаго великаго герцога Баденскаго, горя желаніемъ увидѣть свою дочь послѣ семи-лѣтней разлуки. Съ русскимъ дворомъ ее соединяли двойныя родственныя связи, такъ какъ она была родной сестрой первой супруги Павла Петровича, великой княгини Натальи Алексѣевны, рожденной принцессы Гессенъ-Дармштадтской. Высокаго роста, величественной наружности, она въ молодости блистала красотою и пользовалась въ Германіи репутаціей женщины необычайно умной, образованной и тактичной. Будучи убѣжденной противницей политическихъ взглядовъ и принциповъ Ла-Гарпа, она, повидимому, должна была сойтись съ императрицею-матерью, какъ извѣстно, не сочувствовавшей идеямъ наставника Александра. Между тѣмъ, на дѣлѣ вышло иначе. Какъ мать, принцесса Баденская не могла примириться съ второстепенной ролью, которую играла дочь ея, императрица Елисавета Алексѣевна, въ то время, какъ императрица-мать пользовалась всѣми прерогативами царствующей государыни. Вступивъ на престолъ, императоръ Александръ, въ стремленіи своемъ смягчить горе своей матери послѣ ужасной катастрофы, прекратившей дни Павла, сохранилъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ назначенную ей покойнымъ императоромъ ежегодную сумму въ милліонъ рублей, супругѣ же своей оставилъ скромную сумму, получаемую ею въ качествѣ великой княгини. Молодая императрица подчинилась этому распоряженію, которое впослѣдствіи не разъ ставило ее въ затруднительное положеніе, лишая возможности удовлетворять просьбамъ о помощи, съ которыми къ ней обращались.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вдовствующей императрицѣ предоставлено также вѣдѣніе всѣми благотворительными и воспитательными учрежденіями, которыми она руководила въ минувшее царствованіе. Все это вмѣстѣ взятое сильно огорчало принцессу Баденскую, считавшую не безъ основанія, что дочь ея въ качествѣ супруги царствующаго императора должна была также пользоваться прерогативами своего сына и имѣть возможность оказывать широкую помощь, которую подданные могли ожидать отъ своей государыни.

Я былъ представленъ принцессѣ, которая отнеслась ко мнѣ чрезвычайно милостиво и неоднократно бесѣдовала со мною, при чемъ темою этихъ бесѣдъ почти исключительно служилъ императоръ. Она высказывала при этомъ опасеніе, что многія изъ задуманныхъ имъ реформъ окажутся несвоевременными, безполезными и даже вредными, и всегда стремилась разубѣдить его въ этихъ замыслахъ. Она также открыто высказывала, что не одобряетъ стремленій Александра упро-

стить церемоніалы и блескъ его двора и чрезвычайную простоту его обращенія съ приближенными къ нему лицами, что, по мнѣнію ея, пагубно вліяетъ на окружающихъ и придаетъ неподобающій для двора монарха оттѣнокъ. При этомъ, она всегда проводила параллель между Александромъ и первымъ консуломъ, который, несомнѣнно, хорошо зналъ людей и тѣмъ не менѣе постоянно окружалъ себя пышностью и блескомъ, столь необходимыми для поддержанія престижа верховной власти.

Принцесса Баденская старалась возбудить честолюбіе Александра, указывая на дѣятельность Бонапарта, о славныхъ дѣлахъ котораго уже гремѣла вселенная; она хотѣла бы, чтобы примѣръ этого геніальнаго человѣка вдохновилъ русскаго императора и чтобы государственная дѣятельность послѣдняго носила такой же отпечатокъ величія, могущества и энергіи, которыя одинаково необходимы для русскаго народа, какъ и для Франціи. Съ своей стороны, считая, что многіе взгляды принцессы, несомнѣнно, правильны, я нерѣдко передавалъ Александру содержаніе нашихъ бесѣдъ, но всегда замѣчалъ, что онѣ не производили на него должнаго впечатлѣнія. Правда, онъ также нерѣдко восхищался геніемъ перваго консула, но, повидимому, не считалъ себя въ силахъ брать съ него примѣръ. При томъ же, это были двѣ совершенно противоположныя натуры, и только значительно позже Александръ, передъ угрозой неминуемой опасности и непомѣрнаго честолюбія императора французовъ, выказалъ дѣйствительно великія качества, но, всегда оставаясь, такъ сказать, въ оборонительномъ положеніи, что, впрочемъ, не мѣшало ему выйти побѣдителемъ въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ.

Принцесса Баденская съ своимъ супругомъ вскорѣ оставила Петербургъ и направилась въ Стокгольмъ навѣстить свою младшую дочь, королеву шведскую, вышедшую за Густава IV, бывшаго жениха великой княжны Александры Павловны. Во время этого пребыванія въ Швеціи принцесса-мать скончалась послѣ несчастнаго паденія изъ кареты.

Въ теченіе лѣта 1801 года тайный совѣтъ нашъ продолжалъ собираться. Единственною важною мѣрою, явившеюся результатомъ этихъ совѣщаній, передъ отъѣздомъ въ Москву на коронацію, была отставка и удаленіе Панина. Императоръ давно уже желалъ избавиться отъ этого человѣка, который былъ ему ненавистенъ, подозрителенъ и вообще стѣснялъ его. Въ принципѣ, послѣ удаленія Палена, ближайшая очередь была за Панинымъ, и императоръ только колебался о способѣ и времени его удаленія. Вопросъ этотъ былъ предметомъ долгаго обсужденія, и, въ концѣ-концовъ, было рѣшено отнять у графа Панина портфель министра иностранныхъ дѣлъ и

передать его Кочубею. На этотъ разъ императоръ сдержалъ слово, тѣмъ болѣе, что выборъ Кочубея вполнѣ сходился съ его взглядами. Рѣшено было, что Панинъ предварительно получитъ разрѣшеніе оставаться въ Петербургѣ послѣ своей отставки. Высочайшее повелѣніе было объявлено Панину письменно, и Кочубей немедленно вступилъ въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей къ удовольствію государя и нашего комитета.

За все время пребыванія Панина въ Петербургѣ, онъ находился подъ надзоромъ агентовъ, зорко слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ. Ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ разъ императоръ получалъ самые подробные доклады о томъ, что дѣлалъ и съ кѣмъ видѣлся въ теченіе дня опальный графъ. Все это доказывало, что императоръ чрезвычайно стѣснялся пребываніемъ Панина въ столицѣ и подозрѣвалъ его въ тайныхъ переговорахъ. Видя все это, утомленный постояннымъ преслѣдованіемъ, Панинъ, наконецъ, самъ удалился изъ Петербурга. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ прямое повелѣніе, запрещавшее ему въѣздъ въ Петербургъ и пребываніе въ тѣхъ вообще мѣстахъ, гдѣ будетъ находиться императоръ. Повелѣніе это осталось неотмѣненнымъ, и Панинъ удалился въ свои московскія имѣнія, гдѣ съ тѣхъ поръ жилъ въ совершенномъ уединеніи.

Такимъ образомъ, трое изъ членовъ нашего комитета получили назначенія, давшія имъ возможность принимать активное участіе въ дѣлахъ внутренняго управленія и внѣшней политики. Что касается меня, который никогда не стремился къ занятію какой-нибудь оффиціальной должности, то я по-прежнему оставался членомъ тайнаго совѣта, внѣ всякихъ должностей. Положеніе это тѣмъ не менѣе всегда меня тяготило, и я болѣе чѣмъ когда-либо стремился какъ можно скорѣе снова очутиться на родинѣ и увидать своихъ родныхъ. Единственное, что меня удерживало здѣсь, это была моя личная привязанность къ императору и желаніе принести пользу моей родинѣ. Но надежда эта постепенно уничтожалась, и я рѣшилъ окончательно покинуть Петербургъ. Александръ изрѣдка по-прежнему говорилъ со мною о Польшѣ и судьбѣ ея народа, но разговоры эти уже не носили прежняго характера. Изрѣдка онъ утѣшалъ меня, но въ большинствѣ случаевъ сохранялъ молчаніе по вопросу, нѣкогда служившему основаніемъ нашей дружбы, а теперь видимо все болѣе и болѣе его стѣснявшему. Избѣгая серьезныхъ бесѣдъ по этому вопросу, Александръ тѣмъ не менѣе желалъ убѣдить меня, что чувства его и намѣренія остались неизмѣнными. Но что могъ онъ сдѣлать въ его положеніи? Могъ ли я самъ, разсуждая благоразумно, ожидать отъ него какихъ-либо рѣшительныхъ дѣйствій?

Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ царствованія Александра, я имѣлъ

счастіе оказать услуги многимъ моимъ соотечественникамъ, сосланнымъ въ Сибирь при Екатеринѣ и при Павлѣ, и почти позабытымъ въ ссылкѣ. Многіе изъ нихъ получили при Александрѣ свободу и были возвращены семьямъ. Судебные процессы ихъ были прекращены, конфискованныя имущества были имъ возвращены; польскіе эмигранты, служившіе во Франціи и иностранныхъ легіонахъ, получили разрѣшеніе вернуться на родину. Мало того, Александръ принялъ мѣры къ облегченію участи многихъ поляковъ, заключенныхъ въ крѣпости Шпильбергъ и въ другихъ австрійскихъ тюрьмахъ. Аббатъ Коллонтай, одинъ изъ главныхъ польскихъ революціонеровъ, получилъ свободу и вернулся на родину въ одну изъ провинцій русской Польши. Огинскій и многіе другіе поляки также вернулись на родину и получили обратно свои обширныя владѣнія. Словомъ, время преслѣдованій и политическихъ процессовъ миновало, и снова наступила эпоха тишины, спокойствія и мира.

Императоръ пожелалъ также улучшить административное и судебное устройство въ польскихъ губерніяхъ и, съ этою цѣлью, предоставилъ много должностей наиболѣе выдающимся по своимъ способностямъ полякамъ. Благодаря этому большинство процессовъ были закончены быстро и справедливо, какъ на мѣстахъ, такъ и въ Петербургѣ въ III департаментѣ Сената, въ которомъ сосредоточены были дѣла по судебному и административному управленію польскихъ провинцій. Въ число сенаторовъ этого департамента назначены были нѣкоторые поляки. Всѣ эти прекрасныя и благородныя мѣропріятія императора заслуживали полную признательность поляковъ, но не могли къ сожалѣнію возвратить Польшѣ уничтоженную и утраченную національность, и, конечно, были далеки отъ тѣхъ плановъ и проектовъ, которые нѣкогда составляли предметъ нашихъ юношескихъ бесѣдъ и мечтаній.

Обо всемъ этомъ я съ полною откровенностью продолжалъ бесѣдовать съ императоромъ, отъ котораго я по-прежнему ничего не скрывалъ и полнымъ довѣріемъ котораго я по-прежнему продолжалъ пользоваться. И дѣйствительно, я убѣдился, что со мною онъ по-прежнему чувствовалъ себя болѣе свободнымъ и довѣрялъ мнѣ болѣе другихъ. Съ своей стороны я лучше другихъ понималъ его мысли и имѣлъ возможность болѣе откровенно высказывать ему правдивые взгляды на людей, на вещи и на него самого.

Путешествіе двора въ Москву на коронацію прекратило на время наши совѣщанія. Весь придворный штатъ, министры и петербургская знать отправились въ Москву. Воспоминанія объ этомъ времени произвели на меня, какъ это ни странно, тяжелое впечатлѣніе. Всѣ эти празднества, пріемы, балы и увеселенія произвели на меня впечатлѣніе

*

пустоты, скуки и нѣкоторой грусти; все было такъ натянуто, строго распредѣлено по этикету, напыщенно, что невольно приходишь къ сознанію пустоты и тщетности, и суеты дѣлъ человѣческихъ. Естественная веселость здѣсь очевидно отсутствуетъ именно потому, что все указано заранѣе и дѣлается по обязанности. Подобныхъ торжествъ и пышныхъ празднествъ въ Россіи чрезвычайно много, и мнѣ пришлось ихъ видѣть столько, что воспоминаніе о нихъ для меня чрезвычайно тягостно, и я съ особенной радостью всегда старался избѣгать ихъ, когда это возможно.

Молодая и прекрасная чета, которая шла на коронованіе, не имѣла счастливаго вида, не могла внушать радости и распространять среди окружающихъ тѣхъ чувствъ, которыхъ Александръ и его супруга, повидимому, сами не испытывали. Александръ не владѣлъ искусствомъ властвовать и увлекать умы; качества эти, столь необходимыя для монарха, у него отсутствовали, въ особенности въ первые годы его царствованія. При томъ же коронаціонныя торжества были для него источникомъ усиленной грусти: трагическія событія послѣднихъ лѣтъ вызывали въ немъ тяжелыя воспоминанія, и никогда, быть можетъ, угрызенія совѣсти не мучили его болѣе, чѣмъ теперь, при мысли о невольномъ соучастіи въ кончинѣ отца. Цѣлыми часами оставался онъ въ глубокомъ размышленіи, и въ такомъ мрачномъ душевномъ настроеніи, что приближенные боялись за его разсудокъ. Пользуясь, какъ я уже говорилъ, его довѣріемъ, я въ эти часы входилъ въ его кабинетъ и всѣми мѣрами старался смягчить это мрачное настроеніе и разными доводами примирить его съ самимъ собою. Хотя я не всегда достигалъ полнаго успѣха, но слова мои, несомнѣнно, возвращали ему самообладаніе, и наружно, въ присутствіи постороннихъ, онъ уже держалъ себя вполнѣ спокойно, несмотря на происходившую въ немъ внутреннюю тяжелую борьбу. Вотъ почему воспоминаніе объ этихъ дняхъ оставило на мнѣ самое грустное впечатлѣніе на всю мою жизнь, и я, до сихъ поръ, безъ сердечной боли не могу говорить объ этомъ времени.

Зимою дворъ вернулся въ Петербургъ, и жизнь вошла въ обычный порядокъ. Послѣобѣденныя совѣщанія у государя продолжались и въ скоромъ времени утеряли свое значеніе, къ тому же они были прерваны новой поѣздкой государя, которую онъ предпринялъ весною 1802 года съ дипломатической цѣлью.

Кочубей руководилъ русскою дипломатіей, при чемъ самъ государь сталъ уже спеціально заниматься внѣшней политикой. Система, которую принялъ Кочубей и которая сходилась съ взглядами самого государя, заключалась въ томъ, чтобы держаться во внѣшней политикѣ по возможности въ сторонѣ отъ европейскихъ дѣлъ, не вмѣ-

шиваясь въ дѣла другихъ державъ, дабы тѣмъ самымъ имѣть возможность посвятить болѣе времени внутреннимъ реформамъ и улучшеніямъ. По мнѣнію Кочубея, Россія была достаточно велика и могущественна благодаря своему пространству, населенію и географическому положенію, чтобы не бояться своихъ сосѣдей при условіи невмѣшательства въ ихъ дѣла. Она къ сожалѣнію слишкомъ часто нарушала этотъ принципъ, вмѣшиваясь постоянно въ дѣла другихъ державъ, почему и вовлекалась въ многочисленныя и дорого стоившія ей, но нерѣдко безполезныя для нея войны. Русскій императоръ можетъ между тѣмъ оставаться въ мирѣ со всѣмъ свѣтомъ и всецѣло предаться благодѣтельнымъ для страны внутреннимъ реформамъ, не опасаясь, чтобы кто-нибудь воспрепятствовалъ ему въ этихъ благородныхъ и полезныхъ стремленіяхъ. Россія прежде всего нуждается во внутреннемъ порядкѣ, въ утвержденіи правосудія, въ финансовыхъ реформахъ, въ развитіи ея торговли, промышленности и земледѣлія. Какое дѣло Россіи до европейскихъ войнъ, въ которыя ее такъ часто вовлекали и ради которыхъ она жертвовала столько людей и денегъ? Истинныя пользы государства требовали мирной и мудрой администраціи, а отнюдь не вмѣшательства въ дѣла чуждыхъ ей народовъ.

Таковы были взгляды Кочубея, которымъ въ эту эпоху вполнѣ сочувствовалъ императоръ, все еще мечтавшій о всеобщемъ мирѣ и о проведеніи въ жизнь своихъ завѣтныхъ реформъ для Россіи. Система эта въ общихъ чертахъ была та, которой въ настоящее время держится Франція, при Людовикѣ-Филиппѣ не имѣющая, однако, того выгоднаго географическаго положенія, которымъ пользуется Россія и которую усиленно проповѣдуютъ англійскіе радикалы. Система эта, имѣющая несомнѣнно свои хорошія стороны, можетъ тѣмъ не менѣе пагубно вліять на дѣла государства, которое слѣдуетъ ей слѣпо, сдѣлавъ его послушнымъ оружіемъ въ рукахъ болѣе дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ державъ. Она также требуетъ высокаго дипломатическаго такта и, такъ сказать, пассивной твердости въ политикѣ чуждой полу-мѣръ, которыхъ такъ трудно избѣжать при современномъ положеніи европейскихъ сношеній. Недостатки ея дали себя вскорѣ почувствовать.

Монархи Россіи и Пруссіи выразили взаимное желаніе встрѣтиться. Король прусскій видѣлъ въ этомъ свиданіи удобный способъ покончить съ выгодою дѣло о секуляризаціи духовныхъ владѣній, которое велось подъ вліяніемъ Франціи. Александръ просто хотѣлъ лично сойтись съ своимъ сосѣдомъ и родственникомъ. Къ этому же еще съ гатчинскихъ временъ онъ сохранилъ, какъ бы по наслѣдству отъ отца, склонность къ Пруссіи, ея королю и особенно ея арміи, о которой онъ былъ очень высокаго мнѣнія. Прусскій военный уставъ,

прусская выправка, парады и смотры интересовали Александра, какъ гатчинца, не менѣе, чѣмъ его брата Константина. Не менѣе привлекалъ молодаго императора и образъ красавицы-королевы Луизы и весь ея дворъ, вслѣдствіе чего мысль о поѣздкѣ въ Берлинъ была ему очень по душѣ. Во время этого путешествія Александра сопровождали министръ иностранныхъ дѣлъ Кочубей, Новосильцевъ, въ качествѣ статсъ-секретаря, флигель-адъютанты и лица свиты и оберъ-гофмаршалъ гр. Толстой, который завѣдывалъ его дворомъ еще въ бытность его великимъ княземъ и который неотлучно находился при немъ. Это былъ человѣкъ усердный, искренне преданный государю, но недалекаго ума и мало образованный; императоръ, хотя и довѣрявшій его преданности, нерѣдко подымалъ его на смѣхъ.

Александръ и прусскій король встрѣтились въ Мемелѣ, небольшомъ городкѣ восточной Пруссіи, ставшимъ впослѣдствіи мѣстомъ новаго свиданія тѣхъ же монарховъ, но уже при значительно измѣнившихся обстоятельствахъ. Начались парады, смотры, празднества и балы въ честь высокаго гостя. Къ этому времени положено было основаніе той тѣсной дружбѣ между русскимъ государемъ и королемъ Пруссіи, благодаря которому послѣдній имѣлъ возможность сохранить цѣлость своей монархіи. Король Фридрихъ немедленно воспользовался этимъ свиданіемъ и дружбой съ Александромъ, чтобы заручиться поддержкой Россіи въ дѣлѣ раздачи бывшихъ духовныхъ владѣній свѣтскимъ государямъ Германіи въ цѣляхъ увеличенія прусскихъ владѣній на счетъ Германіи.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Кочубей, бывшій противъ этой поѣздки, все время старался убѣдить Александра въ ея нежелательности для Россіи. Участіе въ вопросѣ о вознагражденіяхъ въ Германіи совершенно нарушало принятую имъ систему невмѣшательства и явно противорѣчило русскимъ интересамъ, тѣмъ болѣе, что главную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ первый консулъ, который велъ все дѣло самостоятельно. Но всѣ усилія Кочубея не могли убѣдить Александра, который велъ лично всѣ переговоры съ королемъ и уже установилъ главные пункты соглашенія.

Во время этого перваго свиданія въ Мемелѣ началось то платоническое ухаживаніе императора за прусской королевой, которое особенно нравилось Александру и которому онъ охотно посвящалъ свои досуги. Объ этомъ много говорили и писали, преувеличивая значеніе этого чисто свѣтскаго увлеченія, тѣмъ болѣе, что мнѣ хорошо извѣстно, что въ большинствѣ случаевъ добродѣтель дамъ, пользовавшихся благоволеніемъ Александра, весьма рѣдко находилась въ опасности. Королева почти всегда находилась въ обществѣ своей сестры, принцессы Сальмской (нынѣ герцогини Кумберлэндской), по-

вѣренной ея тайныхъ мыслей и руководительницы ея дѣйствій. Во время одного изъ посѣщеній Берлинскаго двора, Александръ, въ то время увлекавшійся другою женщиною, сообщилъ мнѣ откровенно, что его очень обезпокоило расположеніе комнатъ, сообщавшихся съ его спальней, которую онъ, во избѣжаніе недоразумѣній, рѣшилъ запереть на ключъ изнутри. Онъ даже высказалъ это двумъ дамамъ Берлинскаго двора, съ откровенностью и рѣшительностью, почти несвойственными его обычному изыскано-вѣжливому обращенію съ женщинами.

По возвращеніи изъ Мемеля трактатъ о раздѣлѣ духовныхъ нѣмецкихъ владѣній былъ опубликованъ. Это было настоящее хищеніе, которымъ больше другихъ воспользовалась Пруссія. Всѣ церковныя земли, распредѣленныя между свѣтскими государями Германіи, раздавались фактически въ Парижѣ, съ утвержденія перваго консула и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Талейрана, учредившаго здѣсь родъ аукціона, на которомъ право оцѣнивалось звонкими аргументами и политическими разсчетами. Германія была перекроена въ интересахъ Пруссіи, пользовавшейся покровительствомъ Бонапарта и тѣхъ владѣтелей, которые заручились поддержкой въ Парижѣ. Престижъ и вліяніе Франціи сильно поднялись. Россія же потеряла его, играя второстепенную роль и принимая участіе въ соглашеніи, далеко не основанномъ на принципахъ права и справедливости. Кочубей былъ сильно огорченъ и смущенъ, слушая въ салонахъ нападки на внѣшнюю политику и упреки по адресу дипломатіи, низведшей Россію до столь ничтожнаго положенія. Франція гордилась своими успѣхами и вліяніемъ, а берлинскіе министры потирали руки. Все это значительно уронило Александра въ мнѣніи высшихъ классовъ и общества. Чтобы позолотить пилюлю, первый консулъ предоставилъ нѣкоторыя преимущества Вюртенбергскому и Баденскому дворамъ, родственнымъ съ Россіей. Впрочемъ, эти послѣдніе хорошо сознавали, что обязаны этимъ исключительно Франціи, оказавшей какъ бы милость Россіи. Что касается герцога ольденбургскаго, зятя императрицы Маріи Ѳеодоровны, то послѣдній тщетно жаловался на неправильное распредѣленіе и нечего не достигъ, такъ какъ Наполеонъ имѣлъ причины быть недовольнымъ его рѣзкими выходками по адресу Франціи

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ дневника М. И. Михайлова[1].

. . . . . Я разговорился съ ними[2]); они стали разспрашивать о моемъ дѣлѣ, я разсказалъ, что считалъ для нихъ интереснымъ; они начали разсказывать о томъ, что слышали обо мнѣ, и, такимъ образомъ, въ первый же день между нами водворилось взаимное довѣріе. Они тотчасъ послѣдовали моему совѣту, опустить свои сабли, отъ которыхъ имъ неловко было сидѣть, и снять мѣшавшіе имъ пистолеты. Вечеромъ, въ Новой Ладогѣ, гдѣ мы ужинали рыбной селянкой въ гостиницѣ при почтовомъ дворѣ, мы уже были какъ будто старые знакомые.

Изъ разсказовъ ихъ я узналъ слѣдующее: между ними былъ слухъ, въ вѣрности котораго они были совершенно убѣждены, что волненіе въ университѣ было произведено мной, что я былъ „всѣмъ студентамъ голова“. Затѣмъ они, на основаніи слуховъ, шедшихъ отъ начальства, были увѣрены, что меня собрались отнять и отбить у нихъ на первой станціи отъ Петербурга, въ Ижорѣ, и опять-таки студенты и что ихъ тамъ должно было собраться человѣкъ двадцать. Вслѣдствіе этого меня отправили не въ моемъ возкѣ, а въ мой возокъ посадили другихъ жандармовъ, и на одного изъ нихъ надѣли мою арестантскую шапку, чтобы его можно было принять за меня. Впереди поѣхалъ фельдъегерь.

Затѣмъ Каменевъ показалъ мнѣ маршрутъ, котораго сначала никакъ не хотѣлъ вынимать, потому что не велѣно, и я увидалъ, что меня повезутъ дорогой, которой я никогда не ѣзжалъ, — именно на Мологу, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь и т. д.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1906 г.

[2]) Въ доставленной въ редакцію рукописи г-жи Шелгуновой недостаетъ одной страницы. Изъ дальнѣйшаго видно, что рѣчь идетъ о сопровождавшихъ Михайлова жандармахъ.

Въ какой мѣрѣ установилось между нами довѣріе, яснѣе всего увидалъ я на другое утро.

Не за долго до свѣта пріѣхали мы въ Тихвинъ, гдѣ при почтовой станціи были прекрасныя комнаты (даже съ зеркальными стеклами въ окнахъ), и мы расположились тутъ пить чай. Мнѣ очень захотѣлось написать вамъ нѣсколько строкъ, что я и сдѣлалъ совершенно явно. Когда мы вышли садиться, я сказалъ Бурундукову, чтобы онъ бросилъ письмо въ ящикъ, прибитый у почтамта, насупротивъ станціи, и видѣлъ самъ, какъ онъ опустилъ его.

Когда я въ первый разъ вынулъ свою запыленную книжку, и сталъ въ ней писать карандашемъ, Каменевъ спрашивалъ меня: „не жизнь ли вы свою описываете?“ Я отвѣчалъ утвердительно, и онъ потомъ обыкновенно говорилъ мнѣ при каждомъ удобномъ случаѣ: „А что, записали про то, какъ опрокинулись? А про то, какъ смотритель содралъ за студень цѣлковый, не забыли?“ и т. под.

Его очень интересовало, что́ такое могло быть написано въ листѣ, за который меня не только ссылали, но и заковали. Послѣднее, какъ говорили они, было для нихъ совершенною неожиданностію и очень ихъ смутило; имъ случалось уже препровождать, такимъ образомъ, разныхъ господъ, но въ кандалахъ никого не возили. „Ужъ видно бѣдовый!“ Потомъ, когда я передалъ имъ, сообразно ихъ понятіямъ, содержаніе воззванія, Каменевъ очень серьезно замѣтилъ, что со мной поступаютъ несправедливо, что дѣло было тамъ написано, что я за правду пострадалъ. И онъ повторялъ это часто во все продолженіе дороги. Особенное впечатлѣніе произвели на него, кажется, мои слова о томъ, что крестьянъ обманули волей и что необходимо уменьшить срокъ службы солдатамъ.

Впрочемъ, мы скоро обо всемъ переговорили, и я большую часть дороги могъ молча предаваться моимъ безконечнымъ, тяжелымъ и грустнымъ думамъ.

Разъ я какъ-то началъ говорить о томъ, какая гадость жандармская обязанность, какой позоръ служить въ третьемъ отдѣленіи, какая низость всякій доносъ и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Провожатые мои, особенно Каменевъ, слушали меня съ большимъ вниманіемъ. Имъ казалось это совершенно ново.

— Ну, что́, правду я говорю?—спросилъ я, наконецъ.

— Правду,—отвѣчалъ, задумавшись, Каменевъ.—Вотъ хоть бы у насъ былъ какой случай. Что ужъ гаже можетъ быть? А есть этакіе подлецы!

И онъ мнѣ разсказалъ объ одномъ жандармѣ, который за какое-то преступленіе былъ приговоренъ къ шпицрутенамъ. Онъ прошелъ сквозь тысячу человѣкъ. Когда его привезли въ лазаретъ, одинъ изъ

товарищей, видя страшное положеніе его, подошелъ къ нему съ сожалѣніемъ и предложилъ ему чарку вина, чтобы подкрѣпился; наказанный жандармъ, почти умиравшій, не нашелъ ничего другаго сказать товарищу, что онъ донесетъ на него за это противузаконное предложеніе.

Я такъ засидѣлся въ послѣдніе три мѣсяца, что мнѣ безпрестанно хотѣлось ходить, хотя этому и значительно мѣшали кандалы. Какъ только мы отъѣхали станціи три отъ Шлиссельбурга, я сталъ выходить изъ возка почти при каждой перемѣнѣ лошадей. Меня смущало только, отчасти, бряцанье моихъ цѣпей; но сдѣлать ихъ менѣе звонкими мнѣ не удалось. Станціи за двѣ до Новой Ладоги, Бурундуковъ принялся обматывать ихъ нашедшимся у насъ холстомъ; но это не помогло. Главное неудобство заключалось въ томъ, что въ городахъ, гдѣ не случалось на станціи ничего поѣсть, нельзя было, не возбудивъ придирокъ, идти въ гостиницу, или въ трактиръ, особенно, если онъ еще былъ далеко отъ почтоваго двора. Одинъ непріятный случай такого рода я сейчасъ разскажу, а теперь стану продолжать по порядку.

Я ужъ сказалъ, что въ Тихвинъ мы пріѣхали рано утромъ 16-го декабря. Хозяинъ долго не хотѣлъ здѣсь взять ничего съ меня за чай, сливки, хлѣбъ, говоря, что это было бы грѣхъ. Здѣсь еще не привыкли къ „несчастнымъ“, ѣдущимъ въ своемъ экипажѣ. Дальше, около Тобольска и за Тобольскомъ, наоборотъ, кажется, потому и норовили взять съ меня за все подороже, что я—„секретный“, а ѣду самъ по себѣ, а не тащусь съ порученіемъ.

Когда я садился въ возокъ въ Тихвинѣ, ко мнѣ подошла нищая и стала просить. И ямщикъ, и всѣ стоявшіе близко начали останавливать ее, крича: „развѣ не видишь? Развѣ у такихъ просятъ? Ты посмотри ему на ноги-то?“ И тутъ разница между мѣстами, близкими отъ Сибири и далекими. Здѣсь я уже не встрѣчалъ больше нищихъ; а тамъ, то есть подальше отъ Петербурга, они на всякой почти станціи обступали меня, и я бралъ постоянно мѣдныя деньги у Каменева, которому жалко было платить ихъ не только даромъ, но и за дѣло, хоть бы, напримѣръ, за ѣду, за чай.

На слѣдующее утро мы пріѣхали въ Устюжну во время обѣдни. День былъ воскресный и надъ городомъ стоялъ гулъ благовѣста. Здѣсь при станціи была гостиница; мы остались поѣсть, потому что больше трудно было разсчитывать на обѣдъ, и я очень обрадовался тремъ-четыремъ нумерамъ „Сѣверной пчелы“, въ которыхъ, впрочемъ, не было ровно ничего интереснаго.

Такъ какъ было еще рано—обѣдня только-что начиналась,—и въ трактирѣ еще не было посѣтителей, то мы расположились въ общей

залѣ, рядомъ съ билліардной. Тамъ скоро раздалось стуканье билліардныхъ шаровъ, и въ полуотворенную дверь было мнѣ видно, какъ тамъ какой-то офицеръ принялся играть съ маркеромъ. Онъ то и дѣло заглядывалъ въ комнату, гдѣ я сидѣлъ, и, наконецъ, вошелъ.

— Вы, вѣроятно, господинъ Михайловъ? — спросилъ онъ меня и отрекомендовался офицеромъ Софійскаго пѣхотнаго полка.

Его особенно интересовало студенческое дѣло. Онъ спрашивалъ меня, выпущены ли студенты изъ крѣпости, и на какихъ основаніяхъ, много ли изъ нихъ сослано, куда именно, на долго ли. Я, на сколько могъ, удовлетворилъ его любопытству.

Замѣчу, кстати, что вѣсть о моей ссылки какъ-то особенно быстро прошла по всей дорогѣ, которую я совершалъ. Не говоря уже о городахъ, не было почти станціи, гдѣ бы смотритель не узналъ моего имени и, завидѣвъ жандармовъ, не спрашивалъ: „не Михайловъ ли это?“ Жандармы не разъ выражали мнѣ свое удивленіе по этому поводу.

Вечеромъ на четвертый день по выѣздѣ изъ Шлиссельбургской крѣпости мы добрались скучной и утомительной дорогой до Ярославля. Цѣлый день мнѣ не удалось нигдѣ перекусить. Богатый торговый городъ Рыбинскъ тоже не выручилъ: гостиница была гдѣ-то за версту отъ станціи, а въ другой по близости ничего не готовили, по случаю поста. Я рѣшился перетерпѣть голодъ до Ярославля.

На станціи тоже ничего нельзя было достать здѣсь, кромѣ чая.

Жандармы мои рѣшили ѣхать въ гостиницу, куда привели бы и почтовыхъ лошадей. Мы отправились, и скоро возокъ мой остановился у хорошо освѣщеннаго подъѣзда очень большаго зданія, какія рѣдко встрѣчаются въ нашихъ губернскихъ городахъ.

Бурундуковъ пошелъ справиться, есть ли отдѣльный номеръ, и послѣ какихъ-то долгихъ переговоровъ, пришелъ съ трактирнымъ слугой во фракѣ объяснить, что свободные два-три номера есть только въ третьемъ этажѣ. Въ общихъ залахъ довольно-таки гостей, а идти въ номера можно по корридору только мимо ихъ. Бурундуковъ замѣчалъ, что это „ничего“. Я вынулъ изъ дорожнаго мѣшка два полотенца и опуталъ ими кандалы; но они не брякали только до входа моего въ большую, очень хорошо убранную прихожую, гдѣ передо мной растворилъ дверь весьма приличный швейцаръ. Эта прихожая и широкая, устланная ковромъ, лѣстница напоминали мнѣ хорошія заграничныя гостиницы, и я никакъ не могъ не подумать, что тамъ нигдѣ не былъ бы возможенъ визитъ въ родѣ моего.

Слуга слегка поддерживалъ меня, чтобы я могъ ступать не такъ твердо, когда мы входили по лѣстницамъ и шли по широкимъ и свѣтлымъ корридорамъ. Кандалы мои предательски позвякивали, не-

смотря на мои старанія ступать какъ можно осторожнѣе. Мы прошли мимо ярко-освѣщенной столовой. Двери въ корридоръ были отворены; но господа, бывшіе тамъ, были слишкомъ заняты разговоромъ или обѣдомъ и не слыхали интереснаго звяканья. Рядомъ были отворены двери и изъ билліардной. Тамъ шла игра; но одинъ господинъ взглянулъ таки на меня въ корридоръ. Замѣчательно то, что звука кандаловъ нельзя принять ни за что другое. Всякій сейчасъ же устремлялъ на меня глаза, и никакъ не подумаетъ, какъ бы тихо они ни брякали, что это звенятъ мѣдныя деньги въ карманѣ, или что-нибудь другое. Выглянувшій господинъ, къ счастію, не отличался, вѣрно, чуткостью.

Наконецъ, взобрались мы въ третій этажъ, въ просторную и чистую комнату, и я заказалъ обѣдъ. Мы еще не успѣли кончить обѣда, какъ явился въ комнату какой-то маленькій горбунъ, слабое подобіе Квазимодо, въ черномъ сюртукѣ. Это, какъ оказалось, былъ староста со станціи, явившійся за полученіемъ денегъ.

Онъ, впрочемъ, не удовольствовался тѣмъ, что взялъ прогоны и, надѣясь, вѣроятно, получить еще хоть цѣлковый, поднялъ вопросъ о томъ, имѣли ль право жандармы въѣзжать со мною, „секретнымъ“ арестантомъ, въ тостиницу.

— Это такъ нельзя оставить,—говорилъ онъ гадкимъ, разбитымъ голосомъ.—Мнѣ законы извѣстны. Вамъ слѣдовало въѣхать въ станціонный домъ. Вы еще за это отвѣтите.

Бурундуковъ вспылилъ.

— Прогоны ты получилъ? — раскричался онъ: — такъ и ступай себѣ. Что ты тутъ за начальникъ, что пришелъ спрашивать? Да я и отвѣчать-то тебѣ не хочу. Почемъ ты знаешь, какія у меня инструкціи? Вонъ сейчасъ отсюда!

Горбунъ, вѣроятно, ждавшій мировой сдѣлки, началъ ворчать что-то подъ носъ себѣ, изъ чего можно было разобрать только:

— Здѣсь, вѣдь, тоже есть и ваше начальство... Штабъ-офицеръ... Здѣсь же назадъ-то поѣдете... Заставятъ васъ отвѣтить!

— Пошелъ, тебѣ говорятъ, вонъ!.. Жалуйся, кому знаешь!—крикнулъ Бурундуковъ уже такъ рѣшительно, что поганый горбунъ разсудилъ убраться поскорѣе отъ грѣха.

Каменевъ все это время сидѣлъ молча и, съ совершенно безстрастнымъ спокойствіемъ въ лицѣ, пилъ чай, стаканъ за стаканомъ. Надо замѣтить, что хоть ему и были ввѣрены деньги и бумаги, но онъ старшинствомъ уступалъ Бурундукову и былъ облеченъ довѣріемъ начальства, вѣроятно, въ этомъ случаѣ только по знанію своему грамоты да по примѣрной своей „умѣренности и аккуратности“. Даже у меня въ возкѣ принадлежало ему лишь второстепенное мѣсто.

Онъ сидѣлъ задомъ къ кучеру, на чемоданѣ моемъ вмѣсто скамейки, и только когда особенно уставалъ и хотѣлъ спать, Бурундуковъ уступалъ ему мѣсто, да и то большею частью лишь тогда, когда самъ уже хорошо выспался.

Только по уходѣ горбуна, Каменевъ, опрокидывая стаканъ на блюдечко, замѣтилъ:

— Чего ему, дураку, нужно было?

Мы выѣхали изъ города благополучно; но насъ какъ-будто преслѣдовало проклятье горбуна. Зимняя дорога шла Волгой. Вскорѣ послѣ того, какъ мы выѣхали, поднялся вѣтеръ, не особенно сильный, но со снѣгомъ, и поднялъ небольшую метель. Мы преспокойно задремали, никакъ не воображая, чтобы, ѣдучи по льду рѣки, можно было, даже при сильной метели, сбиться съ дороги. Но это именно случилось.

Когда кто-то изъ насъ проснулся и тотчасъ разбудилъ другихъ, мы стояли надъ полыньей. Ямщикъ не зналъ, что дѣлать и гдѣ дорога. Послѣ долгихъ поисковъ, онъ рѣшилъ, что мы не по той дорогѣ ѣдемъ, и повернулъ назадъ. Потомъ онъ еще раза два ворочался и, наконецъ, съ самымъ твердымъ убѣжденіемъ заявилъ, что дорога найдена, и что теперь остается до станціи не больше половины пути. Спалъ онъ что ли, или ѣхалъ въ первый разъ, или по какой разсѣянности потерялъ, дѣйствительно, занесенную снѣгомъ дорогу,—но онъ сваливалъ все на какихъ-то проѣзжихъ въ саняхъ, которые, видимо, обошли его. Мы безпрестанно спрашивали его, скоро ли же, наконецъ, станція. Онъ отвѣчалъ все, что сейчасъ.

Ночь была довольно темна, но скоро на снѣгу можно было разсмотрѣть чернѣющія строенія, а за ними бѣлѣющую церковь.

— Это станція?

— Станція.

Не успѣли мы успокоиться на этомъ извѣстіи, какъ ямщикъ, повернувшись ко мнѣ, какъ-то странно проговорилъ:

— А вѣдь это не станція.

— Такъ что же?

— Да я и самъ не знаю.

Это былъ—снова Ярославль, но ямщикъ, какъ Одиссей, вынесенный на родной берегъ, не узналъ его, онъ долго не хотѣлъ соглашаться и съ жандармами, когда тѣ начали увѣрять его, что онъ обратно привезъ насъ въ Ярославль.

Когда онъ убѣдился, наконецъ, въ этомъ, отчаяніе его было невообразимо, и онъ и дорогой, и по пріѣздѣ на почтовый дворъ не переставалъ изумляться своей ошибкѣ и изрекать проклятія на встрѣтившіяся ему сани, и на какихъ-то лѣшихъ, сидѣвшихъ въ нихъ.

Къ досадѣ его прибавилось еще что-то въ родѣ лихорадки: отыскивая дорогу, онъ вымокъ по поясъ въ сугробахъ и зажорахъ.

Горбунъ, вѣроятно, удовлетворенный нашею неудачной поѣздкой (оказалось, что мы плутали пять часовъ), смотрѣлъ уже кротко и помалчивалъ. Но для производства слѣдствія явился почто-содержатель, какой-то отставной офицеръ, и распорядился, чтобы съ нами отправился провожатый съ фонаремъ.

Въ утѣшеніе, онъ сообщилъ, что и самъ начальникъ губерніи этой же дорогой ѣздитъ всегда и недавно еще застрялъ гдѣ-то въ зажорѣ.

На этотъ разъ мы доѣхали до станціи, хоть и тащились опять пять часовъ.

Если бы не это плутанье, по утру могли бы мы быть въ Костромѣ, но были только въ Нерехтѣ, а въ Кострому проѣхали только въ серединѣ дня.

Я былъ уже сильно истомленъ дорогой, потому-что нигдѣ не отдыхалъ; но мнѣ хотѣлось сдѣлать хоть половину пути, который казался мнѣ безконечнымъ. Спутники мои мнѣ надоѣли и опротивѣли; въ головѣ была какая-то путаница отъ неизвѣстности того, что меня ожидаетъ; на сердцѣ горько и одиноко, сны видѣлись все о свободѣ, да о бѣгствѣ, да о васъ,—а иногда и такіе, что просыпался отъ испуга. Съ самаго отъѣзда изъ Петербурга и до Тобольска я вообще былъ словно растерянный какой и не могъ ничего сообразить хорошенько,—и все какъ-будто что-то щемило мнѣ сердце. Спать приходилось мнѣ сидя, и это еще болѣе утомляло меня. Протянуть ноги значило только подвергнуть ихъ холоду. И такъ онѣ у меня безпрестанно зябли, несмотря на толстые и теплые сапоги. Какъ ни старался я укрывать свои кандалы, они быстро холодѣли; холодѣли и кольца, которыя какъ когти охватывали мнѣ ноги, и ноги начинали ныть и тосковать.

Но мнѣ хотѣлось ѣхать скорѣе, чтобы скорѣе добраться до мѣста. Я лишь не на долго остановился въ Вяткѣ, чтобы пообѣдать да написать письмо, которое ты и получила. Хозяйка дома, въ которомъ помѣщается почта, видя, какъ я изнеможенъ, упрашивала меня остаться переночевать, а на ночь сходить попариться въ баню. О банѣ, разумѣется, нечего было и думать, потому что я не могъ бы снять съ себя брюкъ при узкихъ кольцахъ кандаловъ; но и ночевать, несмотря на явное желаніе и моихъ провожатыхъ отдохнуть немного, я не хотѣлъ остаться. „Доѣду хоть до Перми, и тамъ отдохну. Все-таки хоть половина первой части дороги будетъ позади“, думалъ я, и такъ и сдѣлалъ.

Утро Рождества встрѣтили мы въ только-что отстроенной, сѣрой и

холодной станціонной избѣ. Горница была очень большая; вездѣ отъ стѣнъ дуло; изъ оконъ тоже. Одиночныя рамы въ окнахъ дрожали и скрипѣли отъ жестокаго вѣтра, который выл, какъ бѣшеный около одиноко-стоящаго дома. Это былъ праздникъ только для Каменева. Онъ могъ разговориться и перестать завидовать мнѣ, что я пью чай съ молокомъ, когда случалось найти молоко. Въ горницѣ ярко топилась большая печь, и мы оттащили столъ изъ передняго угла къ ней, и тутъ напились чаю; съ одного боку подпекала насъ печка, а съ другаго обдувалъ вѣтеръ; такъ что пламя свѣчи на столѣ колебалось и сало оплывало. Было еще темно.

Въ ночь этого же дня добрались мы, наконецъ, до Перми. Мы пріѣхали туда часу во второмъ. Отдохнуть было уже рѣшительно необходимо: у меня ломило спину и всѣ кости; ноги были какъ онѣмѣвшія. Дорога становилась все хуже и хуже—то ухабы, то снѣгъ по колѣна, то снѣгъ сдуло съ дороги. Въ иныхъ мѣстахъ такъ было выбито, что я ѣхалъ съ постоянно замирающимъ сердцемъ: вотъ сейчасъ ухабъ! и каждый толчокъ экипажа отдавался рѣзкой болью у меня въ головѣ.

Во второмъ этажѣ пермскаго почтоваго дома было нѣчто въ родѣ гостинницъ—три-четыре просторныхъ комнаты съ узкими диванами по стѣнамъ и съ голыми кроватями. Побоявшись клоповъ, я улегся на диванъ и проспалъ ночь, какъ убитый, несмотря на скованныя ноги. Утромъ я чувствовалъ какое-то дрожанье во всемъ тѣлѣ, вѣроятно, застоявшаяся кровь расходилась, хотѣлъ было написать къ тебѣ письмо, но у меня было какое-то отупѣніе въ головѣ, и руки дрожали, какъ у горькаго пьяницы. Мнѣ почему-то думалось, что я получу здѣсь какую-нибудь вѣсточку отъ васъ. Спросилъ, не справлялись ли обо мнѣ до моего пріѣзда—нѣтъ. Утромъ увидалъ я, идетъ казакъ. Дѣйствительно, онъ справлялся, кто пріѣзжіе; но, собственно, мною никто не интересовался, значитъ, письма ко мнѣ не было. Зашелъ на нѣсколько минутъ бывшій студентъ Петербургскаго университета, полякъ, остановившійся тутъ же, рядомъ со мной. Онъ уѣхалъ изъ Петербурга до волненій въ университетѣ на службу сюда. Мнѣ не понравился онъ, и самую фамилію его я забылъ.

Изъ оконъ моей комнаты виднѣлась огромная пустынная площадь, вся перекрытая снѣгомъ. Праздничный звонъ гудѣлъ, поводъ еще болѣе тоски,—и я торопилъ жандармовъ ѣхать.

Во всю почти дорогу отъ Вятки, чуть не на каждой станціи, приходилось слышать:

— Вотъ недавно изъ Варшавы двухъ провезли.

Или:

— Третьяго дня ксендзъ проѣхалъ изъ Варшавы съ жандармами

Въ Кунгурѣ, гдѣ я былъ вечеромъ въ тотъ день, мнѣ сказали, что тутъ провезли, одного вслѣдъ за другимъ, шесть ксендзовъ.

Тутъ меня еще болѣе напугали дорогой. Отсюда-то только и начинаются ухабы.

Это оправдалось какъ нельзя лучше. Безконечные обозы съ чаями потянулись навстрѣчу, и до самой Тюмени почти не прерывались. Дорога, дѣйствительно, была безпримѣрно выбита. Селенія, правда, начинали смотрѣть нѣсколько зажиточнѣе: не кидалась уже въ глаза та голая, вопіющая нищета, какая возбуждала тягостную тоску въ Вологодской, въ Вятской губерніяхъ. Но за то горько и тяжело было отъ другаго зрѣлища. Около каждой деревни темнѣли средь глубокаго снѣга сѣрые частоколы этаповъ. Но раннимъ утромъ около ихъ воротъ стояли бабы съ калачами, съ молокомъ для несчастныхъ. Попадались партіи ссыльныхъ: скованные по четверо вмѣстѣ желѣзными поручнями, съ заиндевѣвшими бородами, шли впередъ каторжные; безъ оковъ сзади, въ жалкой одежонкѣ, въ кучихъ негрѣющихъ казенныхъ полушубкахъ, отправляющіеся на поселеніе; еще дальше—дровни съ бабами, съ больными, съ дѣтьми, закутанными въ разное жалкое тряпье. Солдаты и казаки шли, какъ пастухи за стадомъ.

Екатеринбургъ проѣхалъ я въ три часа ночи съ 27-го на 28-е число. Я, вѣроятно, остался бы до утра, если бъ братъ Павелъ былъ въ это время здѣсь; но мнѣ сказали на почтѣ, что онъ не пріѣзжалъ.

О дальнѣйшей дорогѣ до Тобольска нечего было бы и говорить, если бъ съ нами не случилось смѣшнаго происшествія, станціи за двѣ за три отъ города Тюмени.

На этой станціи мы рано пообѣдали, чѣмъ нашлось. Когда выходили садиться, ямщикъ, еще молодой парень, съ круглымъ, краснымъ лицомъ, съ смѣлыми глазами сдѣлалъ намъ упрекъ, что мы долго слишкомъ проклаждались съ чаемъ, что лошади не стоятъ.

— Ну, такъ поѣзжай скорѣе!

И дѣйствительно лошади помчались, какъ стрѣла.

— Не гони; пристанутъ потомъ — станція длинная!—остановилъ его Каменевъ.

Вдругъ лошади остановились.

— Что такое?

— Гдѣ у васъ ямщикъ-то?—спрашивалъ мужикъ, стучась въ затворенное окно.

Оказалось, что ямщикъ слетѣлъ съ козелъ и остался позади.

Когда онъ догналъ насъ, мы увидѣли, что онъ еле держится на ногахъ. Видно, на морозѣ его разобрало.

— Да ты, парень, пьянъ? того и гляди опять слетишь да и повозку повалишь.

— Пьянъ! такъ закачу, только держись.

— Легче! легче!

Онъ погналъ опять, какъ сумасшедшій. Возокъ трещалъ на ухабахъ.

На шестой верстѣ лошади вдругъ стали, какъ вкопанныя. Какъ ни кричалъ на нихъ ямщикъ и съ козелъ, и слѣзши, онѣ не дѣлали ни шага впередъ. Такъ простояли мы, по меньшей мѣрѣ, четверть часа.

Бурундуковъ вышелъ изъ терпѣнія и выскочилъ изъ возка.

— Вѣдь говорили тебѣ, чтобы ты не гналъ? Вотъ, стали теперь лошади.

Ямщикъ вдругъ разразился самою свирѣпою бранью. Его уже совсѣмъ разобрало.

— Оттого и стали, что ты гналъ меня, кричалъ онъ, чуть не къ каждому слову прибавляя отвратительное русское ругательство,— ты и меня всего избилъ! Саблей—меня въ бокъ тыкалъ!

Онъ вралъ все это.

Шагахъ въ двадцати виднѣлась крайняя изба, только-что проѣханная нами, маленькой деревушки.

— Что съ нимъ толковать?—обратился ко мнѣ Бурундуковъ.— Онъ пьянъ и какъ одурѣлый какой-то. Надо тутъ спросить лошадей въ деревнѣ; эти не довезутъ, онъ ихъ совсѣмъ загналъ.

Изъ деревни кто-то ужъ увидалъ, что съ нашимъ возкомъ что-то случилось, и тутъ какъ разъ подошло мужиковъ пять, шесть. Лошадей у нихъ не оказалось. Ямщикъ, обрадовавшись слушателямъ, началъ кричать съ тою же бранью еще громче.

Въ каждомъ словѣ его выражалось то ожесточеніе, которое глубоко таитъ въ себѣ простолюдинъ противъ всякаго, въ особенности же противъ военнаго начальства. Въ солдатѣ онъ привыкъ видѣть не собрата своего, который несчастнымъ случаемъ попалъ самъ чуть что не въ каторгу, а грабителя своего и притѣснителя. Да, впрочемъ, и не изъ чего было вынести иный взглядъ? Особенно жандармъ долженъ быть ненавистенъ, по своему произволу, по безнаказанности.

Ямщикъ ругался и кричалъ, не умолкая. Онъ на каждомъ словѣ клеветалъ на своихъ провожатыхъ.

— Они избили меня,—вопіялъ онъ;—гнали во всю мочь. Только и кричали, что пошелъ да пошелъ. Съ козелъ меня столкнули.— А ты кто такой?—обращался онъ къ Бурундукову, размахивая руками:—Генералъ ты, что ли, какой? ты солдатъ (и крѣпкое словцо)— солдатъ безштанный (и опять крѣпкое словцо).

Бурундуковъ и Каменевъ объяснялись, между тѣмъ, съ мужиками, и изъ этихъ объясненій оказалось, что въ деревушкѣ всего-то три двора и лошадей нѣтъ.

— Надо съѣздить назадъ на станцію, за лошадьми. Помогите-ка кто-нибудь отпречь пристяжную.

Мужики не двигались.

— Что жъ вы?

— Не замай, братцы!—кричалъ ямщикъ.

— Что жъ—наше дѣло тутъ сторона. Чего жъ мы?

— И то, братцы.

Бурундуковъ пошелъ отпрягать лошадь.

— Нѣтъ, ты не смѣешь отпречь,—закричалъ ямщикъ.—Не дамъ я тебѣ.

Онъ рванулся было къ нему, но свалился и едва приподнялся, скользя на обледенѣломъ снѣгу дороги.

— Видите, какъ онъ пьянъ,—замѣтилъ Каменевъ мужикамъ.

— Точно, что маленько выпивши.

Но не успѣлъ Каменевъ отойти шага на два на три, какъ они принялись наускивать ямщика:

— Не давай, паря, не давай!

Ямщикъ кинулся—и на этотъ разъ удачнѣе,—да поздно. Вдвоемъ жандармы успѣли уже отпречь лошадь, и Бурундуковъ сѣлъ на нее верхомъ.

Тутъ-то разразился нашъ ямщикъ.

Въ то время, какъ Бурундуковъ удалялся отъ насъ назадъ, онъ напустился на Каменева, который, какъ и товарищъ его—надо признаться—велъ себя, какъ нельзя лучше во всей этой исторіи.

Теперь ямщикъ далъ другой оборотъ своимъ ругательствамъ.

— Ты кого везешь?—кричалъ онъ, все съ тѣми же неизбѣжными приговорками.—Ты секретнаго везешь. Вотъ кого! Не генерала ты везешь, а секретнаго. А въ чемъ ты его везешь? Я, братъ, законы знаю. Развѣ въ этакой избушкѣ секретныхъ возятъ. На это перекладная есть. А ты его проходной везешь.

— Молчи ты, когда съ тобой не разговариваютъ,—попробовалъ кротко замѣтить ему Каменевъ.

— Не стану молчать!—еще громче голосилъ ямщикъ.—Секретнаго-то ты въ избушкѣ въ этой везешь? Ты кто такой? Жандаръ ты... (словцо). А сабля у тебя гдѣ? Захочу я тебя все равно расхлещу. Съ секретнымъ ты ѣдешь, а гдѣ у тебя сабля? А!... Жандаръ ты, а я плевать хочу на тебя. А пистолетъ у тебя гдѣ? Секретнаго ты везешь... Секретнаго али нѣтъ?... А какъ же ты его безъ сабли везешь.

Каменевъ подошелъ къ растворенной дверцѣ возка и началъ говорить со мной.

Тутъ совершилось нѣчто совсѣмъ неожиданное.

Пользуясь, вѣроятно, тѣмъ, что жандармъ не обращаетъ на него никакого вниманія и подзадоренный мужиками, ямщикъ вдругъ вскочилъ на козлы, крикнулъ на лошадей въ источный голосъ, и лошади, вѣроятно, съ испугу помчались. Я захлопнулъ поскорѣе дверцу возка и отворилъ маленькое оконце впереди.

— Стой! куда ты? Остановись! Держи лошадей!—кричалъ я ямщику.

Но онъ ничего не слушалъ, размахивалъ кнутомъ, какъ сумасшедшій и только отчаянно ухалъ на лошадей,

— Что, плохо везу? Плохо?—восклицалъ онъ повременамъ. — Пристали лошади? А! Вотъ, какъ я на парѣ троихъ везу.

Ясно было, что онъ ничего не помнитъ.

Видя, что слова мои не помогаютъ, я схватилъ его за полы, потомъ за плечо, но толку никакого не было: онъ продолжалъ гнать все сильнѣе.

Наконецъ уже, онъ какъ-то неловко пошатнулся, неловко потянулъ возжи, и лошади круто повернули въ сторону, и уперлись въ сугробъ. Мы проскакали версты три.

Тутъ догналъ насъ Каменевъ верхомъ. Мужики испугались, видя, что можетъ выйти плохо для нихъ, и поспѣшили дать ему лошадь. Онъ съ великимъ трудомъ усадилъ ругающагося ямщика на козлы, сѣлъ съ нимъ самъ, и мы поѣхали назадъ, чтобы встрѣтиться съ Бурундуковымъ.

Замѣчательнѣе всего то, что когда, стоя около сугроба, ямщикъ опять принялся за ругательства, и опять кричалъ: „ты секретнаго везешь... Какъ же ты его въ избушкѣ везешь?“ и проч., и когда я крикнулъ ему: „Да перестанешь ли ты ругаться?“, — онъ вдругъ нѣсколько присмирѣлъ, подошелъ къ окошку, въ которое я глядѣлъ, снялъ шапку и принялся оправдываться передо мной, называя меня „ваше превосходительство“. Не думайте, чтобы въ этомъ названіи, какъ и вообще въ обращеніи ко мнѣ, была хоть искра ироніи.

Когда мы отъѣхали немного назадъ, и Бурундуковъ встрѣтился намъ въ саняхъ съ посланнымъ со станціи и съ парою свѣжихъ лошадей, на подкрѣпленіе остальныхъ, ямщикъ перепугался и повидимому совсѣмъ отрезвѣлъ. Лошадей припрягли, и онъ, извиняясь, сталъ просить, чтобы ему дозволили довезти насъ до слѣдующей станціи. Онъ и повезъ насъ—уже тихо и смирно, и довезъ исправно.

Если бъ мнѣ въ то время, какъ мы мчались только вдвоемъ съ пьянымъ ямщикомъ, попался какой-нибудь исправникъ или становой,

онъ легко бы могъ принять меня за бѣглаго, улепетывающаго отъ погони. Кандалы мои могли бы только утвердить его въ этомъ предположеніи.

Вотъ самое интересное изъ происшествій со мной по пути отъ Петербурга до Тобольска. Затѣмъ только развѣ упомянуть, что мы четыре раза свалились съ возкомъ и выбирались изъ него въ одну изъ дверокъ, которая оказывалась обыкновенно на мѣстѣ крышки. При этомъ, конечно, всегда почти подламывалась одна изъ оглобель, и въ ближайшей по дорогѣ деревнѣ производилась чинка. Любопытно, что три послѣднія паденія съ возкомъ случились какъ разъ въ три послѣдніе дня моего пути къ Тобольску—по паденію на день. Одно окно разлетѣлось вдребезги, и мы забили его войлокомъ.

Мнѣ не хотѣлось пріѣхать въ Тобольскъ ночью, и мы рѣшили ночевать на послѣдней станціи. Здѣсь мы въѣхали на такъ называемую земскую квартиру, въ опрятную, теплую и довольно просторную избу. Было еще не поздно. Напившись чаю, я принялся писать къ тебѣ письмо, чтобы отправить его съ жандармами. Они обѣщались доставить его аккуратно. Я не зналъ, гдѣ будутъ держать меня въ Тобольскѣ, и допустятъ ли ихъ ко мнѣ,—и потому лучше было сдѣлать дѣло заранѣе. Тутъ же рѣшилъ я дать имъ на водку. Денегъ у меня, какъ ты знаешь, на рукахъ не было. Вывести въ расходъ по данной Каменеву книжкѣ слишкомъ много—мнѣ не хотѣлось. Я еще не искусился опытомъ въ этомъ отношеніи и думалъ, какъ бы не было потомъ какихъ придирокъ. Поэтому я распоролъ подкладку своей шапки, въ которую вы зашили мнѣ на всякій случай денегъ,—и вознаградилъ жандармовъ довольно щедро. Они были, конечно, какъ нельзя болѣе благодарны. Остальныя выпоровъ изъ шапки деньги, я просто-на-просто, безъ всякихъ опасеній и предосторожностей, положилъ себѣ въ карманъ.

По мѣрѣ приближенія къ Тобольску мнѣ не разъ встрѣчались на станціяхъ проѣзжіе и оттуда и изъ дальнѣйшихъ мѣстъ Сибири. Всѣ почти обнадеживали меня, что меня не ждетъ ничего ужаснаго, что со мною будутъ обращаться, какъ нельзя лучше, и проч., и я, признаюсь, нѣсколько успокоился. Меня нѣсколько смущало только то, что я первый и единственный политическій преступникъ, ссылаемый въ нынѣшнее царствованіе въ каторжную работу. Отъ подобныхъ ссылокъ успѣли уже нѣсколько отвыкнуть въ Сибири, и пожалуй я буду поставленъ въ исключительное положеніе, которое, во всякомъ случаѣ, непріятно, потому что возбуждаетъ вниманіе, а слѣдовательно и болѣе строгій надзоръ. Я зналъ, что въ Нерчинскомъ округѣ не осталось уже никого ни изъ декабристовъ, ни Петрашевскаго и сосланныхъ съ нимъ вмѣстѣ трехъ его товарищей.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совѣта
Профессіональныхъ Союзовъ

Къ счастію, того, что я предполагалъ, не случилось. Время все-таки сдѣлало успѣхи, и я встрѣтилъ здѣсь вмѣсто прежняго равнодушія или притѣсненія—болѣе или менѣе искреннее сочувствіе и всѣ возможныя удобства.

Привычка ли къ дорогѣ, или все-таки пріятное чувство, что въ Тобольскѣ узнается хоть что-нибудь рѣшительное,—только я не чувствовалъ уже того утомленія, какъ въ Вяткѣ и Перми. Я уснулъ очень хорошо, но проснулся довольно рано,—и мы почти тотчасъ же отправились.

Двадцать верстъ, считавшіяся отъ станціи, скоро остались за нами, и вотъ забѣлѣли на горѣ зданія и церкви Тобольска. Было около десяти часовъ.

XI.

Мѣсяцъ въ Тобольскѣ. — Приказъ о ссыльныхъ. — Тобольскій острогъ. — Острожные товарищи. — Студентъ Крупскій. — Турецкій капитанъ. — Острожное начальство. — Посѣщенія и выѣзды. — Ксендзъ Маевскій. — Формальности. — Отъѣздъ дальше.

Жандармамъ была дана изъ Петербурга бумага только въ Тобольскій приказъ о ссыльныхъ, но я настоялъ, чтобы ѣхать прямо къ губернатору, который могъ бы, какъ мнѣ казалось, распорядиться самъ куда помѣстить меня. Къ тому жъ день былъ воскресный, и въ приказѣ вѣрно никого не было.

Мы остановились у новаго тесоваго крыльца съ такимъ же навѣсомъ, пристроеннаго къ каменному дому. Бурундуковъ пошелъ съ пакетомъ; но тотчасъ же почти возвратился и сказалъ, что губернаторъ пакета не принялъ и приказалъ отвезти и пакетъ и меня въ приказъ.

Губернаторскій домъ стоитъ въ нижней части города. Теперь намъ пришлось подыматься на высокую гору, гдѣ бѣлѣли зданія присутственныхъ мѣстъ, соборъ, кажется, гимназія или семинарія, Тамъ же помѣщался тюремный замокъ и приказъ. Поднявшись по отлогому, но длинному откосу горы и миновавъ памятникъ Ермаку, и будущее мое помѣщеніе—острогъ, мы, наконецъ, достигли и до приказа о ссыльныхъ, небольшаго и грязноватаго зданія, куда я уже пошелъ прямо вмѣстѣ съ обоими своими спутниками.

Отворивъ первую дверь изъ темнаго и грязнаго корридора, мы какъ разъ очутились въ одномъ изъ отдѣленій приказа. Тутъ была и канцелярія, и прихожая вмѣстѣ. Стояли канцелярскіе столы, и близъ дверей вѣшалки для теплой одежды.

Противъ ожиданія, въ приказѣ не было пусто. Тамъ было человѣкъ десять,—повидимому, служащихъ тутъ чиновниковъ. Это можно было заключить развѣ по тому, что нѣкоторые изъ нихъ писали, нѣкоторые расхаживали, какъ дома, съ развязностью хозяевъ этихъ грязноватыхъ мѣстъ, и всѣ обступили меня съ разспросами, съ предложеніемъ погрѣться у громадной желѣзной печи, которая, какъ адъ, пылала въ углу, или сѣсть, или покурить. Но если бы судить по одеждѣ, ихъ никакъ бы не принять за чиновниковъ. Такіе жалкіе костюмы можно встрѣтить, да и то не всегда, развѣ въ казармѣ, гдѣ помѣщаются ссыльные изъ бѣдныхъ слоевъ общества. Продранные сапоги, продранные валенки, покрытые заплатами штаны, замасленные до послѣдней степени сюртуки съ оборванными пуговицами и продранными локтями, какія-то онучки на шеѣ вмѣсто галстуха, какія-то страннаго покроя (и тоже въ дырахъ) одежды—не то ваточные халаты, не то пальто, обличающіе подъ широкими рукавами отсутствіе хоть какой-нибудь рубашки. Говорятъ, что приказные эти побираются гривенниками и даже пятаками отъ несчастныхъ, проходящихъ черезъ ихъ руки. Оно и не удивительно. Кромѣ звѣрообразнаго воспитанія, полученнаго большею ихъ частью, они лишены всякой иной возможности добыть себѣ денегъ на существованіе. Послѣдній лакей получаетъ болѣе лучшаго изъ нихъ; а работы много. Мнѣ невольно пришло въ голову: если такая голь—управляющіе судьбою людей, въ число которыхъ попалъ и я, то какова же голь должны быть управляемые. Я теперь сомнѣваюсь, чтобы и каторжный согласился обмѣняться своимъ мѣстомъ, платьемъ и дѣломъ съ кѣмъ-либо изъ канцелярскихъ чиновниковъ Тобольскаго приказа о ссыльныхъ.

Ямщикъ въ мохнатой бѣлой шубѣ, вверхъ шерстью, привезшій меня, вошелъ почти вслѣдъ за нами въ канцелярію, попросилъ у одного изъ жандармовъ моихъ папироску и закурилъ ее у печки. Куря, какъ дома, онъ съ такимъ сознаніемъ своего превосходства смотрѣлъ на приказныхъ, что они казались еще жалче. Когда кто-нибудь изъ нихъ заговаривалъ съ нимъ, онъ отвѣчалъ съ такимъ достоинствомъ, что заговорившій какъ будто еще болѣе умалялся и чуть ни начиналъ заискивать его расположенія. А, между тѣмъ, этотъ ямщикъ ждалъ отъ меня гривенника на водку.

Кто-то изъ приказныхъ, болѣе приличнаго и пріятнаго вида, побѣжалъ къ управляющему приказомъ съ пакетомъ и извѣстіемъ о моемъ пріѣздѣ. Прошло минутъ двадцать, пока онъ возвратился и объявилъ, что управляющій скоро будетъ самъ. Надо подождать. Я прождалъ еще минутъ десять. Тутъ пришелъ еще какой-то посланный и сказалъ, что управляющій не велѣлъ ждать его, а приказалъ отвезти меня въ тюремный замокъ.

Поѣхали. До замка было не далеко, и мы скоро были уже у желѣзныхъ рѣшетчатыхъ воротъ, около которыхъ стояло и сидѣло съ десятокъ бабъ, торговокъ калачами, молокомъ и пр. Зданіе тюрьмы имѣетъ довольно внушающій видъ: оно ново, выбѣлено начисто и не напоминаетъ унылыя, полуразвалившіяся тюрьмы этаповъ, мимо которыхъ я проѣзжалъ.

Часовой, стоявшій за рѣшеткой воротъ, дернулъ за звонокъ, проведенный въ кордегардію; на звонокъ его вышелъ съ ключомъ дежурный старшій и отперъ передъ нами завизжавшія на петляхъ ворота.

Тутъ тотчасъ очутился передо мной смотритель замка, толстенькій невысокаго роста человѣчекъ съ какимъ-то сѣроватымъ лицомъ и заговорилъ скороговоркой, раза по три повторяя почти каждое слово. Онъ чуть открывалъ ротъ, когда говорилъ, и такъ торопился, что надо было съ напряженіемъ слушать его, чтобы понять.

— Вещи ваши, вещи ваши, полноте-съ, суетился онъ.—Жандармъ, жандармъ, выкладывай. Продерни, ямщикъ, возокъ-то, возокъ-то.

Возокъ продернули изъ воротъ во дворъ, довольно просторный, окруженный со всѣхъ сторонъ бѣлыми стѣнами. Прямо противъ въѣздныхъ воротъ были другія растворенныя ворота, проходившія подъ такого же почти объема, какъ и наружная часть острога, зданіемъ о трехъ этажахъ. Справа и слѣва были каменныя, бѣлыя стѣны, отдѣлявшія главный дворъ отъ дворовъ разныхъ отдѣловъ тюрьмы. И съ той и съ другой стороны въ этихъ стѣнахъ было по двое воротъ.

— Выкладывай тутъ все изъ возка, изъ возка!—торопливо распоряжался смотритель.

Жандармы вынимали мои пожитки и клали все въ кучу, на землю.

— Все вынимай! все вынимай. А то вѣдь тутъ оставить ничего нельзя. Какъ разъ растащутъ, растащутъ, анаѳемы. Войлочекъ-то вынь. Окна-то не сымаются ли?

И онъ расшатывалъ окна, предполагая, вѣроятно, что и ихъ могутъ утащить.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ въ канцелярію. Ты побудь тутъ покамѣстъ, покарауль,—крикнулъ онъ одному изъ жандармовъ.

Я не понималъ да и теперь не понимаю, зачѣмъ мнѣ нужно было подыматься чуть ли не въ третій этажъ, въ грязную и пустую комнату, именовавшуюся канцеляріей. Каменевъ, пошедшій со мной, предлагалъ смотрителю принять отъ него мои деньги, но онъ возсталъ противъ этого всѣми силами и говорилъ о нихъ, какъ будто это были раскаленные угли, до которыхъ его рукамъ страшно притронуться.—(Потомъ полицеймейстеръ разбранилъ его за это и велѣлъ

получить отъ жандарма мои деньги). Онъ исчезъ минутъ на десять, я походилъ изъ угла въ уголъ, посидѣлъ и ужъ начиналъ, признаюсь, сильно злиться на эти проволочки, какъ смотритель вернулся.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ!—заговорилъ онъ опять такъ же торопливо.

Мы спустились.

— Пожалуйте за мной-съ! Эй вы! берите, берите вещи! Несите сюда, сюда!

Два, три не то казака, не то мужика взвалили мою поклажу на плечи и понесли все за мной. Мы прошли въ среднія ворота, на такъ называемый кандальный дворъ; посреди его стояло невысокое зданіе о двухъ этажахъ (верхній, впрочемъ, больше похожъ былъ на чердакъ). Тутъ влѣво отъ воротъ виднѣлась надъ дверьми крупная надпись славянскими буквами, какой-то текстъ. Это былъ входъ въ церковь. Дворъ, собственно говоря, обходилъ вкругъ этого зданія, лишь какъ корридоръ.

Мы повернули влѣво, потомъ за уголъ. Солдатъ отперъ рѣшетчатую тяжелую дверь. Мы вошли въ темный, сырой и довольно зловонный корридоръ съ тюремными дверями по одну сторону. Одна изъ этихъ дверей была передъ нами распахнута, и я вошелъ въ назначенное мнѣ помѣщеніе.

Это была комната саженей въ шесть квадратныхъ. Она еле освѣщалась маленькимъ полукруглымъ окномъ, которое ближе было къ потолку, чѣмъ къ полу. По двумъ сторонамъ приложены были къ стѣнѣ нѣсколько покатыя широкія нары. Стѣны были запотѣвшія и покрытыя плѣсенью. Воздухъ спертый, пропитанный махоркой, сапожной кожей и прѣлью. На нарахъ помѣщались два арестанта — оба пожилые небольшаго роста. Одинъ зашивалъ себѣ что-то, другой сидѣлъ свѣся ноги.

— Вотъ вы въ уголокъ тутъ, въ уголокъ пристройтесь,— посовѣтовалъ мнѣ смотритель.—А ты оттащи свою-то лопать да подушкуто, крикнулъ онъ спавшему въ углу арестанту.

Уголокъ весь заросъ зеленою плѣсенью.

— Нѣтъ, ужъ я лучше въ серединѣ помѣщусь,—замѣтилъ я:—тамъ сыро слишкомъ.

— Какъ угодно-съ. Да ихъ и вывести отсюда можно. Вотъ надо надзирателю, надзирателю сказать.

Надзиратель, худощавый, старый казакъ вошелъ вмѣстѣ съ нами.

— А впрочемъ погодить можно; вы покамѣстъ, покамѣстъ не раскладывайтесь. Можетъ, полицеймейстеръ прикажутъ васъ отсюда перевести.

Вещи мои сложили на нары, я сѣлъ около нихъ.

Тутъ вошелъ молодой караульный офицеръ.

— Вамъ угодно-съ, угодно-съ будетъ освидѣтельствовать вещи?— спросилъ смотритель.

— Нѣтъ, не нужно,—отвѣчалъ офицеръ, поклонился мнѣ и ушелъ.

— У васъ можетъ чернильница есть?—спросилъ меня смотритель.

— Есть.

— Здѣсь вѣдь не позволено-съ. Въ канцеляріи-съ только дозволяется писать, если что нужно.

— Мнѣ нечего писать теперь, и она у меня далеко заложена. Потомъ объ этомъ.

— Очень хорошо-съ. Такъ вы извольте посидѣть-съ покуда здѣсь, а я къ полицеймейстеру съѣзжу-съ.—Ты ужъ побудь здѣсь, обратился онъ къ надзирателю:—чтобы не безпокоили ихъ, не безпокоили. Или понадобится что.

Я закурилъ папироску и сталъ ждать. Мнѣ пришлось просидѣть тутъ съ полчаса. Я былъ такъ озлобленъ, что я все еще какъ будто не на мѣстѣ, что меня бѣсилъ каждый вопросъ надзирателя. А онъ считалъ, кажется, своею обязанностью занимать меня, какъ гостя. Арестанты, сидѣвшіе тутъ, какъ оказалось изъ его словъ, были только подсудимые. Они то выходили изъ камеры, то опять приходили. Вѣроятно слухъ о новопріѣзжемъ „кандальщикѣ“ изъ благородныхъ разнесся по всему отдѣленію. Дверь ко мнѣ безпрестанно отворялась, и то высовывалось любопытное лицо съ обритой на половину головой, то смѣло переступалъ порогъ вѣроятно болѣе опытный ссыльный, и, чтобы имѣть возможность постоять тутъ и взглянуть на меня (а можетъ и попользоваться какою мелочью), начиналъ какую-нибудь пустяшную просьбу. Надзиратель едва успѣвалъ отдѣлывался отъ этихъ посѣтителей, крича имъ: „Потомъ придешь! — Что вы лѣзете сюда?—Пошелъ вонъ!—Не смѣть растворять дверь“! Это не помѣшало ему увѣрять меня, что мнѣ было бы гораздо лучше, если бъ я остался въ его вѣдѣніи, что для меня можно бы очистить „секретную“ получше другихъ, и проч. Мои чемоданы замѣтно внушали ему уваженіе, и онъ разсчитывалъ, что, теряя меня, теряетъ очень выгоднаго жильца.

— Право, лучше бы вамъ здѣсь было,—шепнулъ онъ мнѣ и тогда, какъ явился смотритель съ извѣстіемъ, что полиціймейстеръ приказалъ перевести меня въ дворянское отдѣленіе.

Я, разумѣется, не увлекся совѣтомъ надзирателя. Если въ дворянскомъ будетъ не лучше, то вѣдь и хуже не можетъ быть—трудно по крайней мѣрѣ.

Опять понесли мои вещи, той же дорогой. Мы вышли на главный дворъ, потомъ влѣво во вторыя ворота, около которыхъ выходилъ сюда узкою стороной съ однимъ высокимъ, маленькимъ полу-

круглымъ окномъ флигель, гдѣ помѣщалось дворянское отдѣленіе. Подъ навѣсомъ неподалеку я увидалъ свой возокъ.

Смотритель, идя со мной, объяснялъ скороговоркой:

— Вы покамѣстъ вдвоемъ-съ, вдвоемъ-съ будете. Одинъ молодой тамъ человѣкъ. Тоже изъ дворянъ. Номеровъ теперь свободныхъ нѣтъ-съ. А вотъ-съ, вотъ-съ какъ партію отправимъ—вамъ отдѣльную можно будетъ дать-съ.

На небольшой продолговатый дворъ, куда мы вступили, флигель смотрѣлъ довольно длиннымъ рядомъ такихъ же маленькихъ окошекъ и казался подслѣповатымъ. У крыльца, на дальнѣйшемъ концѣ, стоялъ часовой около будки. Рѣшетчатыхъ дверей не было, а простыя,—и тѣ не заперты. Вотъ ужъ и лучше, значитъ.

Смотритель просто толкнулъ изъ сѣней дверь. Она тяжко растворилась, притягиваемая кирпичемъ на веревкѣ вмѣсто блока,—и меня охватило удушливымъ теплomъ и маслянымъ чадомъ.

Такой же мрачный (развѣ немножко лишь свѣтлѣе) корридоръ и съ такими же окнами подъ потолкомъ, какъ и въ кандальномъ отдѣленіи, былъ передо мной. Отъ грязныхъ половъ и отсырѣвшихъ, покрытыхъ темными пятнами стѣнъ онъ казался еще темнѣе. При томъ онъ наполненъ былъ сѣроватымъ паромъ или чадомъ, и сразу я ничего не могъ разсмотрѣть.

Двери номеровъ были и здѣсь лишь по одну сторону. Мнѣ назначалась шестая дверь отъ входа.

Приходъ мой, сопровождаемый необычнымъ здѣсь бряканьемъ цѣпей, возбудилъ конечно любопытство моихъ новыхъ товарищей. Изъ дверей выглядывали то мужчины, то женщины; два расхаживавшіе по корридору арестанта, одинъ въ сѣромъ арестантскомъ длинномъ до пятъ халатѣ, другой въ дикаго цвѣта какомъ-то пальто, остановились посмотрѣть на мое лицо и на мои ноги. Откуда-то слышался крикъ груднаго и повидимому новорожденнаго младенца.

Въ отведенной мнѣ комнаткѣ, которая была меньше Шлиссельбургской, встрѣтилъ меня мой сожитель, Станиславъ Крупскій, какъ онъ мнѣ тотчасъ отрекомендовался. Смотритель насъ оставилъ.

— Вы меня застали за обѣдомъ,—сказалъ онъ: — не хотите ли вмѣстѣ?

У него стояли на столѣ двѣ оловянныя тарелки съ жирною бараниной и кашей.

Говорить по-русски онъ затруднялся, и я предложилъ ему, чтобы онъ говорилъ по-польски, а я буду отвѣчать по-русски; но онъ мнѣ сказалъ, что охотно и хорошо говоритъ по-нѣмецки.

Это былъ молодой человѣкъ, двадцати трехъ-лѣтъ, довольно хорошаго роста, не полный, но очень крѣпко сложенный и очень кра-

сивый: прекрасные свѣтлые глаза, прекрасные свѣтло-русые волосы и свѣжій, юношескій цвѣтъ лица. У него было то типическое выраженіе, которое можно замѣтить у большей части поляковъ. Въ губахъ и глазахъ—какая-то смѣсь горечи и ласковой хитрости; въ улыбкѣ что-то полупечальное, полу-злое, полу-насмѣшливое, на Крупскомъ была почти новенькая синяя венгерка польскаго покроя, пестренькій цвѣтной галстухъ. Вообще видно было, что онъ занимается собою даже посреди всей этой тюремной грязи.

У него тутъ было и кой-какое хозяйство: маленькій самоваръ, маленькій погребецъ, чемоданъ, окованный сундучекъ. Когда внесли вдобавокъ все мое имущество, намъ почти повернуться было негдѣ. Въ комнатѣ была одна только койка, и надо было устроиться какънибудь.

Крупскій съ услужливостью младшаго брата принялся суетиться, передвигать чемоданы, развѣшивать по гвоздямъ шубы и проч. Онъ отстранялъ меня отъ всего, и я съ благодарностью принялъ его услуги, потому-что еле шевелился отъ усталости. Ноги у меня ныли страшно.

Когда все было приведено въ нѣкоторый порядокъ, я спросилъ Крупскаго, нельзя ли распорядиться на счетъ чая. Онъ прибылъ сюда дней за пять до меня и успѣлъ уже приноровиться ко всѣмъ здѣшнимъ обычаямъ.

— Здѣсь все можно достать, замѣтилъ онъ:—и вообще ничего, можно еще жить. Тутъ два человѣка для прислуги.—Василій! крикнулъ онъ, выглядывая въ корридоръ.

— Сейчасъ, ваше благородіе.

И немедленно явился пересыльный Василій Непомнящій, какъ оказалось потомъ, удержанный временно въ острогѣ для услугъ въ дворянскомъ отдѣленіи, невысокаго роста черноволосый малый лѣтъ тридцати пяти, съ бойкими, нѣсколько плутовскими черными глазами, съ черными усами, съ бритой бородой и сережкой въ ухѣ. На немъ была ситцевая рубашка, подвязанная тонкимъ пояскомъ; по бойкости и развязности движеній, по изысканности фразъ онъ напоминалъ полового изъ трактира. Онъ взялъ самоваръ Крупскаго и унесъ его грѣть въ корридоръ. Впослѣдствіи я познакомился съ Василіемъ ближе и очень жалѣлъ, что ему пришлось покидать острогъ раньше меня.

Когда мы сѣли за чай, къ намъ вошелъ высокій рыжій арестантъ съ очень рѣшительнымъ, нѣсколько какъ будто болѣзненнымъ лицомъ. У него была густая круглая борода почти огненнаго цвѣта; половина головы, какъ я замѣтилъ, всматриваясь потомъ, была у него вѣрно брита, но волосы успѣли на ней такъ отрости, что сразу этого не видно было. Нѣсколько наглые глаза его смотрѣли прямо, но они были нѣсколько мутны.

— Что вамъ угодно? спросилъ Крупскій.

— Я къ нимъ-съ, отвѣчалъ онъ, показывая на меня и кланяясь мнѣ слегка.

Тутъ я повторилъ ему вопросъ, что ему нужно; но вмѣсто отвѣта онъ самъ спросилъ меня:

— Вы изъ Петербурга изволите слѣдовать?

— Изъ Петербурга.

— Въ крѣпости изволили содержаться?

— Въ крѣпости.

— Er will ein Paar Groschen haben, мимоходомъ ввернулъ Крупскій. возясь около самовара.—Wenn Sie kein Kleingeld haben ich will ihm Etwas geben, und mag er wegspazieren.

— Lassen Sie ihn sich ausreden,—отвѣчалъ я.

— Я вамъ помѣшалъ-съ,—деликатно замѣтилъ нежданный гость.

— Нѣтъ, нисколько,—отвѣчалъ я.

— Позвольте спросить, въ крѣпости плацъ-маіоромъ все еще полковникъ Новоселовъ?

— Нѣтъ, теперь другой.

— Кто же-съ?

— Не помню фамилію.

— А полковника Новоселова изволите знать?

— Знаю.

— Я имъ премного былъ обязанъ... Во время содержанія въ крѣпости... Добрѣйшій, могу сказать, полковникъ.

— А вы въ крѣпости содержались?

— Точно такъ-съ. Вы вѣрно изволили слышать о моемъ дѣлѣ. Я Ѳедоръ Ивановъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— А тогда много было-съ шуму въ Петербургѣ. Смѣю васъ спросить, вы въ каторжную слѣдуете?

— Да.

— По какому дѣлу, если смѣю спросить?

— По политическому преступленію.

— Это значитъ, какъ я же-съ?

— А вы тоже политическій?

— Какъ же-съ!

Это меня заинтересовало.

— Мнѣ это удивительно, что вы не изволили обо мнѣ слышать, продолжалъ онъ.—Кажется, про Ѳедора Иванова всѣ тогда извѣстны были въ Петербургѣ. Въ газетахъ было писано.

— Ну ужъ извините! Я ничего не слыхалъ. Да когда жъ это было?

— Въ шестидесятомъ году насъ судили-съ.

— А вы не одни?

— Нѣтъ-съ, шайка насъ была цѣлая. Большіе тогда грабежи происходили.

— А!

— Сквозь тысячу я прошелъ-съ.

— Was ist das? Von was für Tausend spricht er?— спросилъ меня Крупскій.

— Spitzruthen,—отвѣчалъ я.

— Точно такъ-съ шпицрутенами былъ наказанъ, подтвердилъ рыжій гость.

— Schicken Sie in doch weg!—повторилъ Крупскій, — wollen Sie Kleingeld? Man muss mit die Kerls vorsichtig sein.

— Wozu?

Я дѣйствительно имѣлъ случай достаточно убѣдиться впослѣдствіи, что за не многими исключеніями (къ нимъ, впрочемъ, принадлежалъ и Ѳедоръ Ивановъ) всякій грабитель, воръ, убійца и разбойникъ честнѣе и во сто разъ чище душевно разныхъ Путилиныхъ, Горянскихъ, Кранцовъ и Шуваловыхъ. Мнѣ часто представляется, какъ шли бы къ ихъ мѣднымъ лбамъ черныя клейма здѣшнихъ бѣдныхъ варнаковъ.

Мнѣ, впрочемъ, съ дороги и самому начинала уже нѣсколько надоѣдать бесѣда съ Ѳедоромъ Ивановымъ, хотя новость и привлекала меня.

— Вы можетъ быть имѣете еще что-нибудь сказать мнѣ?—спросилъ я.

— Издержали въ дорогѣ-съ... Теперь же надо будетъ скоро дальше идти. Вотъ на сапоги извольте взглянуть.

— Nun ja!—воскликнулъ Крупскій, обращаясь ко мнѣ съ укоризной:—hab'ich's Ihnen nicht voraus gesagt. Sie wollten mir nur nicht glauben. Haben Sie Kleingeld? Ich kenne schon gut diese Schurken.

Только-что удалился Ѳедоръ Ивановъ, пришелъ еще одинъ господинъ, котораго я встрѣтилъ при входѣ прохаживавшимся по корридору, именно арестантъ въ дикомъ пальто, небольшаго роста, полякъ, съ мягкимъ голосомъ, съ мягкими глазами и съ мягкими манерами. Онъ слѣдовалъ чуть ли не за воровство какое на поселеніе, съ семьей, женой и двумя дѣтьми. Это былъ одинъ изъ ближайшихъ моихъ сосѣдей по корридору (Ѳедоръ Ивановъ помѣщался въ кандальномъ отдѣленіи). У него былъ чрезвычайно опрятный видъ, такъ же какъ и у жены его и дѣтей; но по всему было видно, что они очень бѣдны. Раза два, лишь намеками, онъ вызывался въ теченіе моего сосѣдства съ нимъ на мои сигары, и то дѣлалъ видъ, что хотѣлъ

бы лишь попробовать. Потомъ онъ уже не заходилъ ко мнѣ въ комнату, и я встрѣчался и здоровался съ нимъ только въ корридорѣ, гдѣ онъ обыкновенно прохаживался взадъ и впередъ чуть не цѣлый день.

На этотъ разъ онъ вошелъ съ величайшими извиненіями попросить у Крупскаго на подержаніе чайнаго блюдечка.

Въ этотъ же день у меня было еще нѣсколько посѣтителей, но уже другаго рода. Предсѣдатель губернскаго правленія, учитель словесности здѣшней гимназіи, два доктора,—это все были лица, съ которыми я потомъ познакомился ближе, и которымъ былъ обязанъ многими удобствами, смягчавшими для меня тюремное заключеніе.

Отдохнувъ немного, я вздумалъ пройтись по двору. Крупскій надѣлъ красную конфедератку, и мы пошли вмѣстѣ. Гулять во дворѣ позволялось сколько угодно, только не изъ кандальнаго отдѣленія, или по крайней мѣрѣ не въ кандалахъ. Поэтому я обращалъ на себя особенное вниманіе всѣхъ попадавшихся мнѣ товарищей моего заключенія изъ другихъ отдѣленій острога. Нѣкоторые заговаривали со мной, хотя съ замѣтною сдержанностью, будто съ опасеніемъ. Дворы были почти пусты. Мы обошли ихъ всѣ.

Сожитель мой успѣлъ уже близко познакомиться съ тюремными порядками. Онъ зналъ гдѣ, кто и что помѣщается.

— Вотъ это кухня,—говорилъ онъ, указывая.—Можно все заказать къ обѣду, что нужно. Баба тутъ кухарка ходитъ ко мнѣ. Супъ будутъ вамъ давать больничный; ну, а жаркое или тамъ что другое лучше заказывать. Она ужъ все купитъ. Телятину, рябчиковъ, что угодно, однимъ словомъ. А вонъ здѣсь пересыльный дворъ,—говорилъ онъ, входя со мною подъ ворота: тутъ мужское отдѣленіе, а вонъ съ той стороны женское. Это баня, это столовая... Обѣдаютъ они тутъ. Это, вонъ, пекарня.

Мы обошли дворъ справа отъ главныхъ воротъ (и нашей стороны); потомъ обошли дворъ и слѣва.

— Вотъ это женское отдѣленіе, а вонъ прачешная и т. д.

Больница помѣщалась въ заднемъ фасадѣ главнаго строенія.

Во дворѣ намъ такъ мало попадалось, вѣроятно оттого, что былъ порядочный морозъ, и мы тоже воротились скоро. За то въ кельѣ нашей становилось все тѣснѣе, и съ покатаго окна катилась довольно широкими потоками сырость. Кромѣ печи въ самомъ номерѣ, съ топкою изъ корридора, почти противъ самой двери нашей устроена была большая желѣзная печь, труба которой перекидывалась черезъ корридоръ. Къ вечеру эта печь топилась и нагрѣвала нашу келью съ избыткомъ. Къ утру однако жъ становилось опять сыро и холодно.

Надо сказать нѣсколько словъ о сожителѣ. Въ первый же день

разсказалъ онъ мнѣ свою исторію; но признаюсь, я не много понимаю въ ней и до сихъ поръ. Станиславъ Крупскій—австрійскій подданный, бывшій студентъ Краковскаго университета, а затѣмъ, сыщикъ при краковской, а потомъ при варшавской полиціи. Онъ старался объяснить мнѣ политическими цѣлями поступленіе свое какъ въ ту, такъ и въ другую должность; но опять-таки трудно было что-нибудь положительное извлечь изъ его словъ. Онъ говорилъ, что ему самъ полицеймейстеръ краковскій предложилъ поступить въ его агенты, чтобы шпіонить въ университетѣ; на это онъ согласился, предупредивъ объ этомъ студентовъ. Онъ разъѣзжалъ на счетъ полиціи по разнымъ городамъ и доносилъ о готовящихся демонстраціяхъ, но всегда назначалъ срокомъ ихъ день раньше или день позже. Пріобрѣтя довѣріе въ краковскомъ полицейскомъ мірѣ, Крупскій предложилъ начальству командировать его секретно въ Варшаву, для узнанія будто бы подробностей по большому общепольскому заговору, готовящемуся тамъ, а въ сущности для установленія сношеній между краковскими и варшавскими академиками, т. е. студентами. Въ послѣднемъ пунктѣ Крупскій сбивался: разъ онъ говорилъ, что онъ ѣхалъ именно съ помянутою цѣлью, въ другой, что онъ былъ посланъ для устройства пересылки оружія, въ третій разъ опять наоборотъ. Если онъ говорилъ правду въ томъ или другомъ случаѣ, то мнѣ удивительно только то, что человѣкъ съ такимъ невѣжествомъ въ политическихъ вопросахъ и незнаніемъ даже позднѣйшихъ польскихъ происшествій могъ быть на что-нибудь полезенъ польскимъ патріотамъ. Онъ былъ даже не на столько хитеръ, чтобы обманывать долго варшавскую полицію, хотя этимъ онъ хвалился очень. Вообще, въ каждомъ разсказѣ его главнымъ пунктомъ было то, что онъ могъ отлично жить на счетъ полиціи, разъѣзжать по театрамъ и гульбищамъ, тратить денегъ сколько вздумается и проч., а что именно сдѣлалъ онъ, этого-то и не выходило изъ его разсказа. Онъ говорилъ только, что старался отклонять вниманіе полиціи отъ дѣйствительныхъ движеній своими выдумками: сочинялъ и представлялъ ей рѣчи мнимаго тайнаго общества, наклеивалъ на улицахъ самимъ имъ написанные плакаты и потомъ указывалъ на нихъ и т. д. Я полюбопытствовалъ потомъ посмотрѣть въ Тобольскомъ приказѣ его статейный списокъ. Рѣшеніе судебной коммиссіи подтверждало его слова и прямо называло его вину — составленіемъ фальшивыхъ доносовъ. Между прочимъ, тамъ упоминалось о посланныхъ Крупскимъ безыменныхъ письмахъ къ пяти главнымъ сановникамъ Варшавы съ цѣлью устрашить ихъ готовящимся будто бы большимъ уличнымъ мятежомъ и заставить удалиться изъ Варшавы. Крупскому, какъ онъ говорилъ мнѣ, предложили на выборъ: просидѣть четыре года въ крѣпости и

быть переданнымъ Австріи, или отправиться въ Сибирь на поселеніе. Онъ выбралъ послѣднее.

Вообще, онъ произвелъ на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Не говоря уже о его крайнемъ неразвитіи умственномъ, я не замѣтилъ въ немъ никакого политическаго, не то чтобы организма, но даже просто энтузіазма, свойственнаго такому возрасту, и мнѣ никакъ не вѣрится, чтобы въ такомъ человѣкѣ могло быть хоть зерно того, что составляетъ сущность характера и дѣйствій Конрада Валленрода. Временами онъ пѣлъ патріотическія пѣсни, но онѣ выходили у него не выразительнѣе какой-нибудь „Ваньки-Таньки“. Зато съ особеннымъ жаромъ пѣвалъ онъ глупыя нѣмецкія тривіальности, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, которую купилъ въ Тобольскѣ на послѣднія свои деньги.

Крупскій предлагалъ мнѣ свою постель, но мнѣ совѣстно было отнимать у него привычное мѣсто, и потому я постлалъ на полу бывшій у меня войлокъ и подушку и сидѣнья изъ возка, и легъ, прикрывшись полушубкомъ. Такимъ образомъ, между койкой и моимъ ложемъ оставалось только такое мѣстечко, чтобы съ осторожностью пройти одному человѣку. Я улегся очень рано, не для того, чтобы спать, но хоть немного расправить разбитую спину. Но большой отрады мнѣ не могло быть, я съ какимъ-то болѣзненнымъ напряженіемъ думалъ о томъ, какъ бы это было хорошо сбросить съ ногъ кандалы, снять съ себя штаны и чулки и вытянуться въ опрятной постели. Крупскій сѣлъ на постель и разсказывалъ свою исторію. Я только по временамъ дѣлалъ ему вопросы.

Вотъ прошла повѣрка. Въ нашу полуотворенную дверь заглянули юркій смотритель, караульный офицеръ и солдатъ съ ружьемъ, и пошли дальше. Сосчитавши арестантовъ, они удалились. Мало-по-малу въ корридорѣ прекращались шаги и разговоры, все утихало, только грудное дитя кричало болѣзненнымъ голосомъ, да щелкали временами дрова въ затопленной на ночь желѣзной печи. По мѣрѣ того, какъ все угомонялось у насъ, все слышнѣе и слышнѣе слышались шаги солдата подъ нашимъ окномъ. Крупскій говорилъ тихо, я слушалъ вяло, полудремля, и только вздрагивалъ, пока не привыкъ, когда съ покатаго подоконника вдругъ сливалась быстрымъ ручьемъ на полъ накопившаяся вода.

Вотъ какъ я встрѣтилъ новый тысяча восемьсотъ шестьдесятъ второй годъ.

Я думалъ скоро уснуть, когда мы погасили свѣчу (здѣсь не требуется теплить ночникъ, хоть и слѣдуетъ по закону); но и это мнѣ не удалось. Только-что въ комнатѣ нашей водворилась тишина и темнота, въ углахъ поднялась шумная возня мышей. Не то, чтобы

я боялся ихъ, но одна мысль, что мышь можетъ забраться ко мнѣ подъ полушубокъ или разгуливать на моей подушкѣ, способна была не дать мнѣ заснуть до утра. Я уже обрекалъ себя на безсонную ночь. Мыши возились все больше. Я попробовалъ пугнуть ихъ, ворочаясь и гремя цѣпями; но онѣ видно были тутъ какъ дома и угомонялись развѣ на минуту. Сколько ни старался я не думать о нихъ, это мнѣ не удавалось. При томъ, онѣ такъ постоянно напоминали о себѣ. Я слышалъ ихъ быстрые шаги по полу почти у себя подъ носомъ... Надо было зажечь свѣчу, что я тотчасъ и сдѣлалъ.

Крупскій еще не спалъ и предложилъ мнѣ помѣняться мѣстомъ.

— Мнѣ все равно,—говорилъ онъ:—я сейчасъ же усну, хоть онѣ у меня на лицѣ сиди.

И точно, не успѣли мы улечься каждый на новомъ мѣстѣ, какъ онъ заснулъ легкимъ съ храпомъ.

Утромъ къ намъ явилось не мало поздравителей съ новымъ годомъ. Прежде всего пришелъ какой-то солдатъ съ трубой и принялся съ великимъ усердіемъ трубить передъ нашею дверью. Потомъ наша корридорная прислуга, Василій Непомнящій, въ новой цвѣтной рубахѣ и обильно напомаженный коровьимъ масломъ, и Иванъ, товарищъ его, съ большой окладистой русой бородой, нѣсколько вялый на видъ, съ голубыми кроткими глазами и очень пріятнымъ лицомъ, тоже въ рубашкѣ, хоть не столь элегантный и не такъ тщательно причесанный. Голосъ этого Ивана и его манера говорить напоминали чрезвычайно Огарева. Въ самой походкѣ, пріемахъ и даже отчасти въ лицѣ было много сходнаго съ Николаемъ Платоновичемъ. Онъ расположилъ меня къ себѣ больше, чѣмъ Василій Непомнящій, имѣвшій видъ опытнаго и ловкаго двороваго, хотя Иванъ, какъ потомъ оказалось, былъ вовсе не такъ интересенъ. Иванъ былъ москвичъ.

Поздравивъ съ праздникомъ, Василій обратился къ намъ съ вопросомъ, не изъ насъ ли кто обронилъ въ корридорѣ двѣнадцать рублей бумажками. Крупскій еще вчера, ложась спать, хватился денегъ и нигдѣ не могъ ихъ найти. Больше у него и не было, и потому понятно, какъ онъ обрадовался честности Василія Непомнящаго и его находкѣ.

За служителями пришелъ съ поздравленіемъ надзиратель нашего отдѣленія, изъ казаковъ, невысокаго роста, косой, съ рѣдкими, вьющимися черными волосами, тихій, смирный, съ какимъ-то женскимъ голосомъ, съ тихимъ пріятнымъ смѣшкомъ, вообще, насколько я узналъ его потомъ, человѣкъ очень добрый и хорошій.

— Geben Sie ihm Etwas vom Kleingeld,—замѣтилъ мнѣ Крупскій, вынимая и самъ деньги изъ портмонне.

— So ein Rubel ungefähr.

— Не слѣдовало бы брать съ васъ, господа,—отвѣчалъ онъ:—да человѣкъ-то я семейный. Благодарю васъ нижайше. Желаю вамъ всего наилучшаго.

Поздравленіе и этимъ не кончилось.

Къ намъ вошелъ господинъ въ форменномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, съ грубымъ худощавымъ лицомъ, мутноватыми сѣрыми глазами и почтительно-подобострастною улыбкой подъ густыми рыжеватыми усами. Онъ ловко отправилъ къ себѣ подъ мышку черную мохнатую папаху, расшаркался и протянулъ мнѣ руку.

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастіемъ, Михаилъ Ларіонычъ... Такъ имя и отчество, если не ошибаюсь?

Я кивнулъ головой.

— Мнѣ жандармы ваши сказывали. А я-съ—имѣю честь рекомендоваться—я помощникъ здѣшняго смотрителя, Константинъ Ивановъ сынъ Полетаевъ... Если вамъ что будетъ угодно—извольте только мнѣ сказать. Вонъ съ ними мы уже знакомы. Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, панъ Крупскій.

— Auch Diesem?—спросилъ я Крупскаго, видя, что онъ опять взялся за портмонне.

— O durchaus!—отвѣчалъ Крупскій, узнавшій уже всѣ обычаи острога.

— Благодарю васъ, господа. Чувствительнѣйше меня обязали. Позвольте присѣсть одохнуть и выкурить папироску.

Его, впрочемъ, тотчасъ же кликнули; но онъ минутъ черезъ десять явился съ извѣстіемъ, что полицеймейстеръ приказалъ снять съ меня кандалы.

Принесли большую гирю съ вѣсовъ во дворѣ, молотокъ и ножъ, и ужъ потрудились же съ петербургскими заклепками. Константинъ Ивановичъ сѣлъ на кровать, курилъ папиросу и представлялъ изъ себя руководителя этой операціи. Но—надо признаться—руководство его мало помогало, хоть онъ очень выразительно говорилъ:

— Правѣй, анаѳема! Какъ ты бьешь? А!

Не разъ онъ порывался и самъ приняться; но я его останавливалъ, говоря, что, вѣдь, когда-нибудь разрубятся заклепки, какъ ни мягко ихъ желѣзо, а что торопиться некуда. У него, замѣтно, дрожали руки.

Сначала надъ ногами моими трудился Иванъ. Онъ разъ тридцать ударилъ молоткомъ по ножу и сдѣлалъ лишь чуть замѣтную надрубку на заклепкѣ. Потомъ пришелъ косой надзиратель и, посмотрѣвъ, сказалъ:

— Эхъ, не такъ! Давай сюда. Я это лучше сдѣлаю.

Но тоже ничего не сдѣлалъ, только вспотѣлъ.

— Дозвольте мнѣ-съ!—предложилъ свои услуги Василій Непомнящій.—Мигомъ разобью-съ. Дѣло знакомое.

— Ну, валяй!

Но и Василій, несмотря на свою опытность, долженъ былъ взмахнуть молоткомъ разъ по двадцати надъ каждою заклепкой, прежде чѣмъ онѣ разлетѣлись.

Константинъ Ивановичъ, вѣроятно, успѣвшій надуматься во время этой работы, принялся врать немилосердно. Онъ утверждалъ, что если бъ не онъ, съ меня кандаловъ не сняли бы, что онъ выставилъ передъ полицеймейстеромъ всю незаконность и безполезность такого,—„можно сказать, тиранскаго обращенія“ со мной.

— Если бъ былъ порядочный человѣкъ смотритель у насъ,—продолжалъ онъ:—а то такая скотина, дуракъ. Вмѣсто того, чтобы разъяснить все, какъ слѣдуетъ, полицеймейстеру, онъ только и знаетъ, что глазами хлопаетъ. Долженъ бы, кажется, понять, какой вы человѣкъ, Михаилъ Ларіонычъ. Вотъ, хоть бы я... Я теперича вижу, какіе вамъ люди вистуютъ. Вчера вице-губернаторъ заѣзжалъ къ вамъ и прочіе. Какъ же я-то не стану вистовать. Это надо, развѣ, такимъ олухомъ быть, какъ нашъ Захарка...

Смотрителя звали Захаръ Ивановичъ.

Такъ разсуждалъ Полетаевъ довольно долго, пока не пришелъ самъ Захаръ Ивановичъ и не сказалъ, что меня требуютъ въ приказъ о ссыльныхъ.

— Вотъ вы съѣздите съ ними, Константинъ Иванычъ.

— Кстати, у меня кошева готова.

И мы отправились въ его кошевѣ.

На этотъ разъ приказъ представлялъ очень унылое зрѣлище. Сѣни и корридоръ, наканунѣ совершенно пустые, были теперь биткомъ набиты. Мужчины и женщины, въ кандалахъ и безъ кандаловъ, но большею частью, въ арестантскихъ шинеляхъ, толпились тутъ. Это была пришедшая въ то утро партія ссыльныхъ. Кто стоялъ, кто сидѣлъ на полу съ устали; тутъ были и дѣти—и грудныя, и уже умѣющія ходить. Мы пробрались сквозь толпу къ дверямъ и вошли въ ту же комнату, что вчера. И она была полна народомъ. Бабы сидѣли тутъ, поближе къ печкѣ, съ дѣтьми въ рукахъ, подъ полушубками. Всѣ остальные стояли ряда въ три, ожидая вызова. Шелъ пріемъ ихъ и повѣрка по статейнымъ спискамъ. Посрединѣ комнаты стояла мѣра для роста. Оборванные чиновники скрипѣли перьями за всѣми столами. Какихъ выраженій не было на лицахъ этой тѣсной толпы ссыльныхъ—отъ спокойствія до страданія, отъ робости до наглости, отъ какого-то подобострастнаго сми-

ренія до дерзкой гордости, отъ плутовства до честнаго и прямаго взгляда, отъ злобы и ожесточенія до тихой доброты. Лица были большею частію утомленныя; особенно жаль было смотрѣть на женщинъ. Кто былъ въ кандалахъ, на томъ онѣ сіяли, какъ серебряныя: отчистила ихъ дальняя дорога; у кого была подбритая съ одной стороны голова, онѣ были повязаны кой-какими тряпками.

Управляющій приказомъ, недавно назначенный сюда изъ Петербурга, нѣкто Фризель, маленькій, коренастый и плотный человѣчекъ, съ какой-то бычачьей головой, съ бычачьимъ выраженіемъ въ лицѣ и выставленнымъ впередъ лбомъ, какъ будто онъ хочетъ бодаться, стоялъ передъ строемъ „несчастныхъ“ съ бумагой въ рукѣ, около него еще какой-то чиновникъ и тутъ же два солдата или казака.

— Три съ половиной вершка,—восклицалъ приказный у мѣры.

Изъ мѣры вышелъ старый „кандальщикъ“, въ заплатанномъ полушубкѣ, со сморщеннымъ лицомъ, съ больными, гноящимися глазами, нетвердый на ногахъ.

— Сюда!—отрывисто произнесъ управляющій.

Старикъ сталъ передъ нимъ.

— Клейма есть?

И управляющій смотрѣлъ въ списокъ.

— Посмотрѣть, цѣлы ли клейма у него?

Не то солдатъ, не то приказный какой стащилъ съ головы старика тряпичную повязку, поднялъ свалившіеся на лобъ, свалявшіеся волосы.

— Не видать ничего,—произнесъ управляющій, отрывистымъ, холоднымъ голосомъ:—подправить клейма.—На щекахъ покажи.

Старика повертываютъ за голову сначала одной щекой, потомъ другою.

— Клейма подправить, — громко распоряжался управляющій:— на лбу и на лѣвой щекѣ.

— Пошелъ!

Ссыльный отходилъ.

— Митрофановъ, Андрей!—возглашаетъ управляющій по списку.

— Здѣсь,—раздается въ толпѣ, и выдвигается Митрофановъ.

— Въ мѣру!

— Не подгибай колѣнъ, стой прямо.—Вершокъ и три четверти.

— Клейма стерлись. Поправить клейма.

Вотъ какія сцены засталъ я, войдя въ канцелярію приказа о ссыльныхъ.

Глядя на тупую, деревянно-полицейскую фигуру управляющаго приказомъ, слушая его барабанный голосъ, такъ отчетливо распоряжающійся, я невольно вспомнилъ, какъ смотрительша только на

предпослѣдней станціи къ Тобольску расхваливала мнѣ его. Она сообщила о его недавнемъ пріѣздѣ и называла не иначе, какъ „милый человѣкъ“. Вѣдь, можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ милый.

— Потрудитесь подождать немного, Monsieur(!!) Михайловъ! обратился онъ ко мнѣ бычачьимъ своимъ лбомъ, когда провожавшій меня Константинъ Иванычъ, вдругъ принявшій самый уничиженно-подобострастный и испуганнѣйшій видъ, доложилъ ему.

Я присѣлъ на ближайшій стулъ.

— Айбетовъ, Ибрагимъ!

— Здѣсь.

— Въ мѣру.

— Два вершка ровно.

— Клейма есть?—Пошелъ!

Такимъ образомъ было принято еще человѣка три.

— Пожалуйте сюда, Monsieur Михайловъ, въ присутствіе.

Собственно говоря, мнѣ рѣшительно незачѣмъ было ѣздить въ приказъ. Управляющій спросилъ меня только (на плохомъ французскомъ языкѣ), не родня ли я какому-то Михайлову, дѣйствительному статскому совѣтнику и камергеру, сказалъ, что мой статейный списокъ и указъ Сената еще не получены; что поэтому мнѣ нечего еще торопиться подавать просьбу объ отправкѣ меня далѣе не по этапу, съ партіей, а одного, на свой счетъ, и съ любезностью, достойною дѣйствительно „милаго человѣка“, присовокупилъ, что „все, что только зависитъ отъ него, будетъ сдѣлано по моему желанію“.

Я отправился назадъ и встрѣтилъ своихъ жандармовъ. Они зашли потомъ ко мнѣ и выражали, кажется, неподдѣльное удовольствіе, что видятъ меня въ моемъ платьѣ и безъ кандаловъ. Я поручилъ кому-нибудь изъ нихъ зайти ко мнѣ еще разъ передъ самымъ отъѣздомъ за письмомъ къ тебѣ. Ты его получила.

Въ этотъ день у меня было еще больше посѣтителей, чѣмъ наканунѣ; что бы ни привело ихъ ко мнѣ—дѣйствительное ли сочувствіе, или простое любопытство—я былъ радъ большей части этихъ посѣщеній. Въ сочувствіи нѣкоторыхъ я не могу сомнѣваться, и у меня вѣроятно сохранится навсегда теплое благодарное чувство къ этимъ лицамъ. Во все время моего пребыванія въ Тобольскѣ, я пользовался самымъ дружескимъ, почти родственнымъ вниманіемъ многихъ. Мнѣ не давали ни скучать, ни чувствовать какое-нибудь лишеніе. Я былъ буквально засыпаемъ журналами, книгами; мнѣ присылали со всѣхъ сторонъ всевозможныя газеты въ самый день полученія почты; справлялись о моемъ дѣлѣ и о приказѣ, и у губернатора, и во врачебной управѣ; предлагали мнѣ отправлять письма. Каждое утро къ чаю являлись превосходныя сливки, разное печенье, къ обѣду

жареные рябчики, всякія сласти, сыръ, масло, наливки и т. п. Обо мнѣ не забывали ни на одинъ день. Я рѣшительно не могъ отказываться отъ этихъ „подаяній“, потому-что въ большей части случаевъ не зналъ, кого и благодарить. Крупскій былъ чрезвычайно удивленъ этими знаками общаго сочувствія ко мнѣ и говорилъ, что ему воображалось, будто въ Сибири всѣ въ родѣ нашего помощника смотрителя. Особенно поразило его то, что въ этотъ день подъ вечеръ, когда мы сидѣли съ нимъ въ полумракѣ, къ намъ вошла дама, привезшая мнѣ букетъ цвѣтовъ вмѣсто поздравленія съ новымъ годомъ. Сибирскій букетъ былъ не пышенъ: гвоздика, гераній, миртъ, и нѣсколько полуразвернувшихся китайскихъ розъ, но онъ былъ конечно пріятнѣе мнѣ, чѣмъ въ иное время и въ иномъ мѣстѣ самые красивые и дорогіе цвѣты. Я суевѣрно сберегъ нѣсколько листковъ и лепестковъ его, какъ свѣтлое предвѣстье, что, можетъ, быть, не весь этотъ годъ будетъ такъ теменъ для меня, какъ его начало. Цвѣты нашли меня въ тюрьмѣ; неужто любовь и дружба не найдутъ меня въ ссылкѣ.

Доступъ ко мнѣ былъ не труденъ. Слѣдовало, правда, имѣть для этого записку отъ полицеймейстера; но полицеймейстеръ, круглый какъ шарикъ маленькій человѣчекъ самаго не полицейскаго вида, едва-ли кому отказывалъ. Захаръ Иванычъ былъ большой формалистъ и безъ билета никого не пропускалъ, если не проникался благоговѣйнымъ страхомъ передъ большимъ чиномъ и высокимъ саномъ посѣтителя, или если посѣтитель или посѣтительница не были членами попечительнаго тюремнаго комитета. Но дѣло и въ другихъ случаяхъ обходилось безъ Захара Иваныча. Или вытребовался его помощникъ, который считалъ обязанностью „вистовать“ мнѣ потому-что мнѣ „вистуютъ такія лица“, или, наконецъ, дѣлалось еще проще. Ко мнѣ ходили три студента Казанскаго университета, здѣшніе, удаленные частью по послѣднимъ безпорядкамъ, частью по исторіи о панихидѣ за Антона Петрова [1]) и убитыхъ съ нимъ вмѣстѣ мучениковъ. Одинъ изъ этихъ студентовъ обыкновенно на спросъ дежурнаго ефрейтора у воротъ, есть ли у него билетъ для пропуска, вытаскивалъ изъ кармана какую-нибудь случившуюся тутъ бумажку, показывалъ ее не развертывая и командовалъ: „Отпирай“! И ворота передъ нимъ отпирались. Разъ на такой вопросъ отвѣчалъ, что не только у него билетъ есть, но даже и особое предписаніе, и при этомъ вытащилъ изъ кармана цѣлую пачку какихъ-то бумагъ. Послѣ этого его ужъ и спрашивать перестали. Одно время, правда, вдругъ начались особенныя строгости въ этомъ отношеніи—кажется, потому, что ждали ге-

[1]) Убитъ при усмиреніи крестьянскаго бунта въ Казанской губерніи.

нералъ-губернатора западной Сибири. Часовые, обыкновенно расхаживавшіе молча подъ нашими окнами, начали даже кричать по ночамъ „слушай!“. Но это продолжалось, кажется, всего дня два. Получилось извѣстіе, что генералъ-губернаторъ (онъ же былъ новый) отсрочилъ свой пріѣздъ, и строгости отмѣнились, и „слушай!“ умолкло.

Съ 3 числа, со дня своего рожденія, я много разъ и самъ выѣзжалъ изъ тюрьмы. Дня черезъ два, черезъ три меня стали приглашать на обѣды, и я, конечно, пользовался каждою возможностью— хоть временно почувствовать, будто я на свободѣ. Но я скажу объ этомъ потомъ, а теперь стану разсказывать послѣдовательно. Въ недавно полученномъ мною письмѣ твоемъ ты говоришь, чтобы я писалъ тебѣ все какъ можно подробнѣе, гдѣ чихну, такъ и то бы тебѣ писалъ. Такъ не брани же меня за мою многорѣчивость. Подробности же, которыя я буду приводить, мнѣ кажутся довольно характеристичными въ исторіи моихъ тюремныхъ похожденій.

Надо разсказать еще кое-что о нашемъ помощникѣ смотрителя.

Вечеромъ въ первый день новаго года онъ явился къ намъ съ странною просьбой.

— Господа, я съ надеждой одолжиться у васъ двумя вещами, заговорилъ онъ, расшаркиваясь и ловко подбросивъ подъ мышку свою черную папаху.

— Что такое?

— Дочь пристаетъ—ѣхать въ маскарадъ. Такъ не одолжите-ли... хочу и я нарядиться... Не одолжите ли вашей фуражечки, господинъ Крупскій, и сертучка. Буду, знаете, этакой лихой полякъ.

— Да будетъ ли вамъ въ пору?

— А вотъ-съ я и примѣрю сейчасъ.

Онъ мгновенно сбросилъ съ себя свой форменный сюртукъ и натянулъ на свою ситцевую рубашку щегольскую венгерку Крупскаго, надѣлъ на бекрень его красную конфедератку и представился намъ такимъ смѣшнымъ, что мы оба расхохотались. Крупскій, съ усердіемъ театральнаго костюмера, принялся оправлять его и учить, какъ придать себѣ болѣе польскій видъ, какъ заправить сапоги въ штаны, на который крючекъ застегнуть венгерку, какъ приличнѣе надѣть czapke wolnosci, и прочее. Помощникъ (какъ именовали обыкновенно вкратцѣ Константина Иваныча) былъ совершенно доволенъ. Для полноты костюма нуженъ былъ еще жилетъ, но у него таковаго не оказывалось. Пришлось ему и жилетъ дать. Онъ нашелъ, что весьма прилично было бы украсить жилетъ часовой цѣпочкой, и что вообще если онъ будетъ при часахъ, то никто—зная его скудныя средства— его не узнаетъ. Дали мы ему и часы. Онъ ужъ и переодѣваться не сталъ, а только сверху накинулъ свою баранью шубу и удалился.

На слѣдующее утро, возвращая намъ съ благодарностью маскарадный костюмъ, онъ утверждалъ, что, еслибъ не дочь, ему и въ голову не пришло бы наряжаться „на старости лѣтъ“ и разъѣзжать чуть не полъ-ночи изъ дому въ домъ. Это святочное обыкновеніе сохранилось въ Тобольскѣ во всей своей старинной силѣ даже въ домахъ мѣстныхъ „аристократовъ“.

— Ну, а весело было?

— А какъ же-съ! Домахъ мы никакъ въ двадцати были. Вездѣ графинчикомъ просятъ. Нельзя и отказаться: самъ хозяинъ вистуетъ. Перепустилъ таки вчера немного.

Объ этомъ нечего было и разсказывать. Довольно было взглянуть на его измятое лицо и мутные глаза. Букетъ сивухи, принесенный имъ въ нашу келью, обличалъ, что онъ успѣлъ ужъ и опохмѣлиться.

— И нигдѣ-то меня не узнали, продолжалъ онъ. — Въ одномъ только домѣ по дочери чуть не догадались, потому она была татаркой и какъ малаго роста, такъ примѣтно. Господа! не откажите какъ-нибудь почтить меня своимъ посѣщеніемъ, съ семействомъ моимъ познакомиться. Вы вотъ по двору изволите гулять, такъ милости прошу ко мнѣ. Во всякое время радъ. Я вѣдь не то, что̀ нашъ смотритель. Что же вы и хотите отъ какого-нибудь солдата? Конечно, я самъ по несчастію теръ эту лямку. Такъ какъ я изъ кантонистовъ (онъ ударилъ на о)...

И онъ принялся разсказывать намъ свою біографію, какъ только вслѣдствіе несправедливости начальства попалъ въ строй, а то былъ бы теперь совсѣмъ не то. Эту исторію онъ начиналъ почти при каждомъ появленіи своемъ къ намъ, точно такъ же, какъ и брань свою на смотрителя.

Захаръ Иванычъ, въ свою очередь, приходя ко мнѣ утромъ или заходя вечеромъ, при повѣркѣ, пожелать спокойной ночи и пріятнаго сна, тоже не упускалъ случая сказать своею невнятной скороговоркой, что „помощникъ дурной и дрянной человѣкъ“.

Онъ не прибавлялъ къ этому, что Константинъ Иванычъ вдобавокъ клянча и надоѣда, но это я уже зналъ и безъ него, и старался поскорѣе выпроваживать его отъ себя, когда онъ являлся со своими росказнями.

Однимъ вечеромъ маскарада онъ не удовольствовался и на другой вечеръ опять пришелъ просить тѣхъ же вещей, кромѣ венгерки. На этотъ разъ ему нуженъ былъ полушубокъ. Онъ, видите ли, хотѣлъ изобразить собою „наемщика“ въ солдатѣ. Полушубокъ, предложенный Крупскимъ, показался ему не довольно изящнымъ, и онъ взялъ мой.

Смотритель, на третій день послѣ моего пріѣзда, завелъ съ нами

рѣчь тоже о маскарадѣ, но совсѣмъ другаго рода, именно о банѣ. Полицеймейстеръ дозволилъ намъ, т. е. Крупскому и мнѣ, съѣздить въ торговую баню, если мы этого хотимъ. Мы охотно согласились и отправились туда въ такъ называемой кошевѣ, саняхъ въ родѣ глубокаго ящика, набитыхъ до верху сѣномъ, въ которомъ можно было утонуть по горло. Насъ сопровождалъ и служилъ намъ банщикомъ казакъ.

Крупскій, кромѣ того, почти каждый день ходилъ по-утру съ косымъ надзирателемъ въ городъ „на базаръ“. Иногда, они заходили и въ трактиръ, гдѣ Крупскій игралъ на бильярдѣ. Пользуясь его частыми странствованіями въ городѣ, я давалъ ему разныя порученія, и онъ закупалъ мнѣ вещи, необходимыя даже для тюремнаго хозяйства: самоваръ, погребецъ, чай, сахаръ и пр.

Я былъ очень радъ, когда съ отходомъ первой партіи очистился одинъ изъ нумеровъ въ нашемъ корридорѣ, и въ него перевели Крупскаго. Тѣснота и безпорядокъ, и постоянное присутствіе человѣка, съ которымъ не имѣешь ничего общаго, успѣли мнѣ надоѣсть въ три, четыре дня. Мнѣ при томъ хотѣлось иногда писать, но я долженъ былъ отказываться отъ этого; не было ни мѣста, ни нужнаго для этого одиночества. Потомъ я началъ въ Тобольскѣ романъ, о которомъ говорилъ тебѣ при послѣднемъ свиданіи нашемъ у коменданта, и перевелъ послѣднюю сцену „Протестъ“, посланную къ тебѣ изъ Иркутска. Наконецъ, на пятый или на шестой день по пріѣздѣ, я сталъ полнымъ хозяиномъ своей комнатки. Она тотчасъ получила ч болѣе опрятный, и болѣе порядочный видъ. Простору, конечно, гало тоже больше. На рисункѣ, который ты видѣла, она, впрочемъ, все-таки кажется лучше, чѣмъ была въ дѣйствительности. Отъ сырости и чада, забиравшагося изъ корридора, я не разъ страдалъ сильною головною болью.

Ужъ по первому свиданію моему съ управляющимъ приказомъ о ссыльныхъ и по разговорамъ съ знающими тобольскіе порядки посѣтителями могъ я увидать, что мнѣ придется остаться здѣсь дольше, чѣмъ я предполагалъ. Не будь губернаторъ такой формалистъ, такая сухая приказная строка (я его не видалъ, но таковъ общій голосъ, оправдавшійся на мнѣ, я, конечно, могъ бы пробыть въ Тобольскѣ не болѣе недѣли, много двухъ, однимъ словомъ, столько, сколько бы мнѣ хотѣлось; а я прожилъ тутъ цѣлый мѣсяцъ [1]).

Какъ прошло это время, ты очень хорошо увидишь, если я тебѣ

---

[1]) Объ умѣ здѣшняго губернатора можетъ дать понятіе слѣдующій случай, бывшій во время моего пребыванія въ Тобольскѣ. Кто-то явился здѣсь въ маскарадъ, сдѣлавъ себѣ маску въ видѣ свинаго рыла, и повѣсилъ орденъ на шею. Губернаторъ принялъ на свой счетъ и велѣлъ вывести гостя.

подробно опишу и одинъ день моей тобольской острожной жизни. Всѣ они болѣе или менѣе похожи были другъ на друга.

Вставалъ я довольно рано, никогда не позже семи часовъ. Около этого времени, хотя бывало еще совершенно темно, начиналось уже движеніе въ корридорѣ. Прислуга носила дрова, воду, затопляла печи, мела полы. Подымались и сосѣди; слышались дѣтскіе голоса, и Василій съ Иваномъ (оба чрезвычайно нѣжные къ дѣтямъ) начинали ласково разговаривать съ двухъ-лѣтней дѣвочкой пересыльнаго почтмейстера или казначея и шестилѣтнимъ мальчикомъ поляка, о которомъ я говорилъ. Одна изъ моихъ сосѣдокъ, слѣдовавшая за мужемъ, разрѣшилась, сказывали мнѣ, тутъ въ тюрьмѣ. Особенно забавна была дѣвочка, не умѣвшая еще хорошенько говорить. Василій Непомнящій училъ ее отвѣчать на разные вопросы, напримѣръ: кто создалъ міръ? Богъ.—Кто былъ первый человѣкъ? Адамъ. — Гдѣ лучше, на волѣ или въ острогѣ? На волѣ.

Какъ только я зажигалъ свѣчу, вставалъ и растворялъ въ корридоръ дверь нахолодавшаго за ночь корридора, Василій несъ ко мнѣ шайку и ковшъ съ водой для умыванья, а Иванъ самоваръ, всегда уже заранѣе поставленный. Иванъ былъ довольно молчаливъ; но Василій не могъ пробыть минуты безъ разговора. Подавая мнѣ умываться, онъ обыкновенно сообщалъ мнѣ всѣ тюремныя новости.

— Партія сейчасъ пришла-съ, ваше благородіе, кандальщиковъ ужасть какъ много.

— Къ намъ никого нѣтъ?

— Слава Богу, никого. И такъ ужъ у насъ тѣснота.

Или онъ сообщалъ, что партія въ этотъ день отправляется дальше. Въ первый разъ, на такое извѣщеніе, я сказалъ, что пойду смотрѣть. Василій на это замѣтилъ:

— Это что́ смотрѣть-съ! Партія самая ничтожная. На заводы-съ. И всего-то сотни нѣтъ. А вотъ передъ вашимъ самымъ пріѣздомъ отправка была. Точно, что посмотрѣть стоило. Не мало ужъ я по острогамъ-то шатался, а этого видать не случалось.

— Что такое?

— Пятьдесятъ семей тутъ гнали—по бунту... Безъ всякаго, говорятъ, безъ суда. Бабъ-то, дѣтей-то, дѣвокъ-то! Шли не мало изъ Казанской губерніи, а все видно привыкнуть-то не могли. Пришли, вой да стонъ стоитъ, пошли, еще хуже того. Старухи-то съ причетами воютъ, бабы такъ голосятъ. Дѣти малыя, на нихъ глядя, тоже ревъ этакой подняли. Потому, разорены, какъ есть въ конецъ. Надзиратель нашъ смотрѣлъ, смотрѣлъ въ воротахъ, да и ушелъ поскорѣе, слеза прошибла. Говорилъ я съ ними тоже—вина-то ихъ какая! Объявили фальшивую волю, они и пошли помѣщика спрашивать,—какъ

онъ, значитъ, царскій манифестъ скрылъ. Помѣщикъ за войскіемъ. Стали стрѣлять, убито сколько. А этихъ, кого въ кандалы, кого такъ, да въ каторгу. И суда, говорятъ, никакого. А то просто, сердце мретъ, глядя-то. Я тоже могу это хорошо понимать, какъ самъ изъ этого званія—господскій бывшій.

Въ другой разъ Василій разсказывалъ:

— Купчиха вчера-сь изъ Тюмени пріѣхала. Овдовѣвшая, такъ на поминъ души двѣсти рублей содержающимъ—сама и раздавала, по всѣмъ камерамъ ходила. Провизіи тоже прислано ею много: трое саней съ таньгами однѣми.

Или:

— А у насъ ноньче похороны, ваше благородіе.

— Кто умеръ?

— Содержающій одинъ. Его хоронить будутъ. Здоровенный былъ такой. Въ одной партіи съ нами шелъ. Такъ его назначили въ отправку, а ему идти было не охота. Онъ и пилъ табакъ здѣсь и поступилъ въ гошпиталь. Эта глупость есть тоже, ваше благородіе. Оно точно, что совсѣмъ будетъ казать какъ хворой. Да онъ видно вперовой. Не въ мѣру, значитъ. А можетъ и такъ что попритчилось, и впрямь сталъ расхварываться. Вотъ ноньче хоронить будутъ.

Послѣ чаю я обыкновенно ходилъ гулять по двору. Онъ вообще рѣдко не бывалъ пустъ, развѣ производилась перекличка партіи, отправляемой въ приказъ, или партіи, возвратившейся изъ приказа. Да иногда послѣ мятели, бывшей наканунѣ, арестанты занимались разгребаніемъ снѣга и чисткою двора.

Рѣдкое утро проходило безъ того, чтобы у меня кто-нибудь не бывалъ. Если же не пріѣзжалъ никто изъ гостей, то можно было поручиться, что придетъ надоѣдать или помощникъ, или турецкій капитанъ съ поздравленіемъ.

— Поздравляю васъ, милостивый господинъ.

— Да съ чѣмъ же?

— Съ понедѣльникомъ.

— Развѣ праздникъ?

— Нѣтъ, но это такъ у насъ обычай.

Турецкій капитанъ этотъ—лицо замѣчательное и по своей горькой судьбѣ, и по правосудію нашего правительства. Я засталъ его уже въ острогѣ Тобольскомъ, и когда уѣхалъ, онъ остался еще тамъ, ожидая себѣ новаго рѣшенія изъ Петербурга.

Это уже старый человѣкъ, ему шестьдесятъ лѣтъ; но по всему видно, еслибъ не тюрьма и не тюремныя бѣдствія и лишенія, онъ и теперь поспорилъ бы силой съ любымъ молодымъ здоровякомъ. Довольно коротко остриженные волосы у него на головѣ еще со-

всѣмъ черны, и только частью, усы да длинная и густая борода въ родѣ наполеоновской посѣдѣли. Большіе сѣрые глаза его были бы очень хороши, такъ же, какъ и всѣ остальныя черты его лица, правильныя и строгія, еслибъ на лицѣ не лежало постоянно выраженія слезной сиротливости и нѣкотораго подобострастія, къ которымъ пріучило его скитанье по тюрьмамъ. Оно же вѣрно заставило его придавать своему голосу какую-то льстиво-мягкую интонацію.

Привыкнуть ко всему этому было у него время. Семь лѣтъ проскитался онъ по русскимъ острогамъ. Стоило посмотрѣть на него, чтобы видѣть, какъ успѣлъ онъ обжиться въ своемъ положеніи. Жалкая изношенная одежда его показывала, что ему хотѣлось и въ тюрьмѣ сохранить хоть нѣкоторые внѣшніе признаки своего прежняго достоинства. Онъ постоянно ходилъ въ какой-то странной шапочкѣ комической формы, собственноручно сшитой изъ синей крашенины и вѣроятно похожей на ту, которую онъ носилъ нѣкогда, будучи воиномъ. Сѣрую арестантскую шинель онъ тоже какъ-то особенно передѣлалъ, воротникъ подрѣзалъ и обшилъ его какими-то синими и красными заплаточками, можетъ быть похожими на его прежній турецкій мундиръ или на народный черногорскій костюмъ. Несмотря на службу въ турецкомъ войскѣ, онъ славянинъ. Все остальное въ его одеждѣ, за исключеніемъ шапочки и шинели, впрочемъ, тоже очень ужъ замасленныхъ, представляло жалчайшія отрепья: и платокъ, которымъ онъ широко обматывалъ свою старую, черную истрескавшуюся шею, и въ особенности обувь. Трудно было сказать, что у него на ногахъ. Онъ самъ сшилъ себѣ что-то странное изъ кусковъ войлока, обрывковъ кожи и холстины.

Дѣло его очень просто и тѣмъ ужаснѣе. Въ послѣднюю войну, когда военныя дѣйствія происходили еще на Дунаѣ, несчастный капитанъ перебѣжалъ къ намъ съ шестью товарищами. Ихъ взяли наши лазутчики и пользовались ихъ услугами. Когда театръ военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ въ Крымъ, и войска съ Дуная двинулись обратно, турецкіе перебѣжчики по какому-то случаю отстали отъ арміи. Догоняя ее, они попали въ руки земской полиціи. Военачальники не позаботились снабдить паспортами, по-русски никто изъ нихъ не зналъ ни слова, и ихъ признали людьми подозрительными. Произвели немедленно слѣдствіе, понятно, какъ хорошо, представили въ судъ, и судъ приговорилъ ихъ, какъ бродягъ, къ вѣчному поселенію въ Сибирь. Они не разъ поднимали дѣло о несправедливости ихъ приговора, пріостанавливаясь по дорогѣ въ губернскихъ тюрьмахъ; но сначала должно быть некогда было заняться, или по случаю военныхъ хлопотъ, а потомъ и само принявшее ихъ подъ свой кровъ военное начальство старалось затушить ихъ протестъ, потому,

что само было во всемъ виновато. Шесть товарищей нашего капитана успѣли умереть въ это время, кто въ городской тюрьмѣ, кто на этапѣ, кто и средь дороги. Остался только онъ одинъ, но не переставалъ вопіять о несправедливости. Вслѣдствіе этихъ-то постоянныхъ жалобъ онъ и попалъ въ Тобольскъ такъ поздно. Пріостанавливаясь въ каждомъ городѣ и вездѣ жалуясь или прокурору, или стряпчему, онъ дошелъ впрочемъ до Тамбова, съ этапомъ. Тутъ на него жалобы пришло распоряженіе отправить его въ Николаевъ, вѣроятно, потому, что онъ хотѣлъ представить объясненіе Константину Николаевичу, который гдѣ-то его видѣлъ. Изъ Тамбова его препроводили тѣмъ же способомъ, по этапу, такъ какъ ему нечѣмъ было платить за подводу. Въ Николаевѣ посадили въ острогъ, продержали что-то долго, но ничего не спрашивали, никуда не водили, и вдругъ въ одно прекрасное утро перевели куда-то въ другой острогъ, въ другой городъ, и отправили опять въ Сибирь съ партіей преступниковъ. И шелъ онъ опять годъ безъ двухъ недѣль до Тобольска. Здѣсь опять поднялъ свое дѣло чрезъ прокурора, и пришло изъ Петербурга приказаніе, чтобы онъ все изложилъ подробно (вѣроятно въ сотый разъ) для врученія его объясненія въ собственныя руки его величества. Онъ и сидитъ теперь и ждетъ новаго рѣшенія, по которому можетъ быть опять препроводятъ его по этапу въ Петербургъ, а оттуда опять назадъ въ Тобольскъ, если онъ не отдастъ гдѣ-нибудь на дорогѣ Богу свою многострадальную душу.

Можетъ быть я что-нибудь и не такъ разсказалъ, плохо понимая рѣчь бѣднаго капитана, въ которой онъ мѣшалъ русскія, сербскія, нѣмецкія и турецкія слова; но сущность-то осталась въ моемъ разсказѣ. О вопіющей несправедливости относительно этого несчастнаго говорили мнѣ и прокуроръ, и предсѣдатель губернскаго правленія. Не подобнаго ли рода покровительство такъ вдохновляетъ славянофиловъ, когда они мечтаютъ о томъ, какъ хорошо было бы, если бы нашъ двуглавый орелъ осѣнилъ своимъ могучимъ крыломъ всѣ остальныя славянскія племена?

Приходя по утрамъ ко мнѣ, турецкій капитанъ (такъ его звали всѣ въ острогѣ, и я не узналъ его имени) поздравлялъ меня не только съ понедѣльникомъ, но и со вторникомъ, и со средой, и т. д. Принимаясь обыкновенно за свои жалобы, онъ имѣлъ всегда въ виду попросить у меня или табаку, или чаю, или сахару. Онъ старался подвести разговоръ къ своей просьбѣ исподволь, но послѣ двухъ-трехъ визитовъ его я уже старался предупреждать его просьбы и избавлять себя отъ его долгихъ дипломатическихъ разсказовъ. Эти разсказы, въ которыхъ можно было понять изъ десяти одно слово, способны были вывести всякаго изъ терпѣнія. Онъ не только каждую

фразу повторялъ раза по два, но каждый фактъ принимался пересказывать въ другой разъ, едва успѣвши кончить. Я думалъ, не облегчить ли его, если онъ будетъ говорить мнѣ по-сербски, а я буду отвѣчать ему по-русски. Но я не радъ былъ, что предложилъ ему это. Онъ дѣйствительно началъ говорить на своемъ языкѣ; но каждое слово переводилъ на русскій, а иногда и на турецкій, и сколько ни толковалъ я ему, что по-сербски понимаю его лучше, чѣмъ по-русски, ничто не помогало.

Турецкій капитанъ былъ едва-ли не самый смирный изъ всѣхъ жильцовъ нашего корридора, по крайней мѣрѣ онъ менѣе всего доставлялъ работы прислугѣ; обтирался всегда мокрой тряпкой, служившей ему вмѣсто полотенца, а не умывался, чай заваривалъ когда было у самого) изъ чужаго самовара, остатки обѣда самъ разогрѣвалъ у желѣзной печки себѣ къ ужину, и надо признаться, не разъ производилъ несносный чадъ по корридору, расплескавъ какъ-нибудь свои щи на раскаленное желѣзо печки. Руки у него слегка дрожали.

Впрочемъ, ни на кого нельзя было пожаловаться изъ всего корридора. Одинъ только попался строптивный арестантъ; но онъ при мнѣ и трехъ дней не пробылъ—ушелъ съ партіей. Онъ былъ крайне недоволенъ фамильярнымъ обращеніемъ съ собою прислуги.

— Ты забываешь, каналья, съ кѣмъ ты говоришь?

— Да чего тутъ помнить-то!

— Какъ! ты еще смѣешь, подлецъ, этакія мнѣ грубости говорить! Кто ты такой? Бродяга какой-нибудь, — человѣка, можетъ, убилъ. А я дворянинъ. Понимаешь ли ты, подлая твоя воровская рожа, — дворянинъ!

— Здѣсь, сударь, всѣ равны.

— Всѣ равны! Никогда я тобою не буду равенъ, подлецъ. Вздумалъ себя равнять съ благороднымъ человѣкомъ! Тебя только убить, мерзавца, а не то, что разговаривать съ тобой.

— Вы съ руками-то подальше! подальше! Я вѣдь и сдачи дамъ.

— Что такое? въ чемъ дѣло? раздается голосъ Константина Иваныча.

— Да вотъ-съ они обидѣлись, что я имъ сказалъ: сударь, а не ваше благородіе.

— Опять вы шумѣть! Я вамъ найду мѣсто, гдѣ нельзя вамъ будетъ шумѣть. Что вы въ самомъ дѣлѣ расходились? И еще на весь корридоръ крикъ подымаете! Есть здѣсь почище васъ, да не кричатъ! Я вамъ говорю—найду я вамъ мѣсто, найду!

Смотритель дворянина угомоняетъ; но Константинъ Иванычъ не оставляетъ безъ должнаго наставленія и Василья Немомнящаго.

— А ты что горло дерешь? а! Гдѣ нахлестался, анаѳема?

— Маковой росинки не было...

— Молчать! Знаю я васъ, анаѳемъ!

Но я вѣдь началъ было разсказывать, какъ проходилъ у меня день обыкновенно, а ужь это исключительный случай.

Пока Крупскій не отправлялся въ дальнѣйшій путь, мы заказывали себѣ обѣдъ вмѣстѣ здѣшней кухаркѣ—щи, лапшу или супъ, и жареный кусокъ баранины или телятины съ картофелемъ. Къ этому у меня находилась всегда еще какая-нибудь прибавка. Потомъ мы заказывали себѣ иногда кашу, и посылали къ воротамъ за топленымъ молокомъ; торговки не отходили отъ нихъ весь день.

Кухарка питала большое сочувствіе къ Крупскому, приходила иногда къ нему вечеромъ посидѣть и называла его „милый человѣкъ“. Ей было лѣтъ пятьдесятъ, и она любила выпить. Крупскій угощалъ ее только чаемъ. На меня она почему-то смотрѣла какъ на человѣка болѣе гордаго, пока я ей не поднесъ, придя въ нумеръ Крупскаго, стакана водки. Это ее примирило со мной, и она тутъ же стала называть и меня „милымъ человѣкомъ“. Ее, какъ она говорила, смущало во мнѣ и то, что я—какъ всѣ у нихъ въ острогѣ разсказываютъ—несмѣтный богачъ, въ какомъ вонъ возкѣ пріѣхалъ, да и дальше не съ партіей пойду,—и еще то, что я долженъ быть очень „строгій“ человѣкъ, потому что хотѣлъ царя убить.

— А это вы откуда узнали?

— Да всѣ разсказываютъ.

Я полюбопытствовалъ узнать, она-то кто такая.

— Ахъ, милый человѣкъ!—принялась она разсказывать,—не тѣмъ бы мнѣ теперь быть, чѣмъ я есть. Съ первымъ-то мужемъ мы хорошо жили. Онъ былъ строгаго такого нрава человѣкъ. Вотъ ты самъ посуди! малымъ еще мальчикомъ былъ,—такъ засталъ разъ мать съ любовникомъ... И такъ ему это запретило, запретило—выдержать не могъ и бѣжалъ.—Ну, а я, грѣшница, хоть и за вторымъ мужемъ теперь... Я вѣдь, милый человѣкъ, какъ вдовѣла-то, четыре года съ офицеромъ жила... Теперь ужь гдѣ до офицеровъ-то. А грѣшница, что говорить!

За обѣдъ, изготовленный этою старой грѣшницей, мы садились обыкновенно въ часъ или много что въ два. Только въ это время позволялъ себѣ заходить иногда ко мнѣ нашъ косой надзиратель. Онъ былъ человѣкъ очень деликатный, не любилъ мѣшать не въ пору своимъ присутствіемъ и заходилъ-то не потому въ обѣдъ, что его угостятъ виномъ или сигарой—онъ ни того, ни другаго не бралъ въ ротъ. Онъ являлся ко мнѣ обыкновенно за совѣтами, какъ ему поступить со своимъ маленькимъ сыномъ (котораго онъ разъ при-

водилъ ко мнѣ), оставить ли его кончать курсъ въ уѣздномъ училищѣ, или теперь же перевести въ гимназію, а потомъ, если онъ пойдетъ изъ гимназіи въ университетъ, то высвободится ли, наконецъ, изъ казачьяго сословія, и т. д. Ему очень желалось, чтобы сынъ его былъ докторомъ. Самъ онъ былъ простой казакъ и жилъ только тѣмъ, что получалъ въ острогѣ жалованія, на водку отъ „дворянъ“ да за стирку бѣлья, которое брала его жена.

Въ теченіе мѣсяца, который довелось мнѣ пробыть въ Тобольскѣ, я, какъ ужь сказалъ, нѣсколько разъ обѣдалъ внѣ тюрьмы. Это случалось разъ около десяти. Обыкновенно за мною заѣзжалъ тотъ, кто меня пригласилъ, или полицеймейстеръ, и отправлялся съ ними. Вечеромъ возвращался я, какъ случится, или съ кѣмъ-нибудь, или одинъ. Обыкновенно я пріѣзжалъ обратно въ острогъ пораньше, часамъ къ семи, много что къ половинѣ осьмаго, чтобы поспѣть къ повѣркѣ, хоть этой тонкости могъ бы и не наблюдать.

Когда я оставался дома, въ началѣ сумерокъ обыкновенно у насъ въ корридорѣ бывала нѣкоторая музыка, и я могъ услаждаться ею, отворивъ свою дверь. Или пѣлъ турецкій капитанъ какую-то въ высшей степени странную турецкую пѣсню, всегда одну чрезвычайно быструю и монотонную; это должно быть какая-нибудь очень веселая пѣсня, но она выходила унылою въ устахъ капитана. Голосъ у него былъ еще свѣжій и ровный. Совсѣмъ наоборотъ—очень хорошія и горькія пѣсни выходили у Курпскаго какими-то безжизненными и безхарактерными, когда онъ начиналъ заливаться съ гитарой въ своемъ нумерѣ. „Jeszcze polska nie zginęła“, пѣлъ онъ какимъ-то плясовымъ напѣвомъ; чудная пѣсня Корнеля Уейскаго выходила дикою, тогда какъ въ ней каждое слово и каждая нота кажутся такимъ отчаяннымъ воплемъ „Съ дымомъ пожаровъ“.

Лучше бы ужь онъ не пѣлъ этого гимна.

Иногда (это было впрочемъ не болѣе трехъ разъ) изъ глубины корридора рѣзко доносился тонкій и звенящій, какъ хрусталь, голосъ, пѣвшій „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ“ или какіе-нибудь ирмосы. Я не понималъ, кто это такъ звонко поетъ—то, казалось мнѣ, будто женщина, то—будто дитя.

— Это кто запѣлъ?—спросилъ я Василія, когда услыхалъ его въ первый разъ.

— Содержающій-съ.

— Знаю, да кто такой?

— Андрей-съ—вы видѣли. Онъ еще судится-съ—подсудимый.

Я дѣйствительно видалъ его въ корридорѣ; но не обращалъ на него никакого вниманія. Это былъ высокій молодой человѣкъ, постоянно ходившій въ арестантской шинели. Онъ былъ тутъ какъ свой—

видно давно ужь содержался; надзиратель звалъ его не иначе, какъ Андрюша.

Вскорѣ какъ-то послѣ перваго его пѣнія онъ остановилъ меня въ корридорѣ вопросомъ, не знаю ли я, когда будетъ манифестъ объ тысячелѣтіи. Я отвѣчалъ, что кажется въ августѣ.

— А освободятъ ли меня-съ? спросилъ онъ.

— Да вы за что судитесь?

— Я-съ—по скопчеству.

Вглядѣвшись попристальнѣе въ его одутловатое, дряблое и безбородое лицо, можно было заподозрѣть его тайну и не слыхавши его пѣнія. Онъ разсказалъ мнѣ весь ходъ своего дѣла; но такъ какъ въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего любопытнаго, то я и умолчу о немъ.

Меня поразило въ немъ болѣе всего одно. По вечерамъ, преимущественно послѣ повѣрки (она большею частью проходила раньше срока, то-есть половины восьмаго, въ сумеркахъ) значительная часть нашихъ жильцовъ собиралась въ корридорѣ на общую бесѣду, или, лучше сказать, на сказки, которыя мастерски разсказывалъ Василій Непомнящій. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, прежде чѣмъ Василій принялся за разсказъ, зашелъ разговоръ о томъ краѣ, откуда былъ скопецъ, чуть ли не о Березовѣ,—и я былъ пораженъ одушевленіемъ, съ которымъ этотъ человѣкъ говорилъ о природѣ. Онъ разсказывалъ, какъ отрадно тамъ встрѣчаютъ весну послѣ долгой зимы, какъ начинаетъ все зеленѣть, какіе цвѣты расцвѣтаютъ, какія птицы пролетаютъ. Онъ называлъ каждый цвѣтокъ по имени, описывалъ его краски и листки, и спрашивалъ, есть ли здѣсь такіе; такъ же и птицъ онъ называлъ, и разсказывалъ и о манерѣ ихъ полета, и объ отливѣ ихъ перьевъ—та словно золотомъ отливаетъ, та словно серебромъ, а эта—радугой свѣтитъ. Какъ въ этомъ человѣкѣ, такъ враждебно ставшемъ въ отношеніи къ своей собственной природѣ, могло сохраниться и развиться это живое чувство любви къ природѣ внѣшней? Имя одно смѣнилось другимъ. Переставши понимать красоту женщинъ, онъ можетъ быть сталъ сильнѣе чувствовать то, что говоритъ только зрѣнію, слуху?...

Вечернія бесѣды въ корридорѣ происходили обыкновенно такимъ образомъ. Прежде всего вызывался Василій Непомнящій, и около него садились, кто на длинной скамьѣ, кто на табуретахъ, Иванъ, Андрюша-скопецъ, косой надзиратель и еще человѣка три-четыре изъ „содержащихъ“; послѣдніе смѣнялись, но первые трое оставались постоянно главными слушателями. Василій разсказывалъ громко, внятно, украшая свои сказки разными подробностями своего изобрѣтенія. Онъ зналъ ихъ огромное количество, и русскихъ, и изъ „Тысячи одной ночи“. Случалось ему заводить такія длинныя, что въ одинъ вечеръ

трудно было досказать. Слушатели обыкновенно не отставали и требовали, чтобы онъ докончилъ; но разсказчикъ самъ начиналъ дремать и говорилъ, что если станетъ досказывать въ этотъ вечеръ, сказка хуже выйдетъ. Мнѣ незачѣмъ было выходить въ корридоръ, чтобы слушать. Бесѣда располагалась неподалеку отъ моего нумера, и я могъ отлично слѣдить за разсказами и разговорами, отворивъ дверь и улегшись на койку, что я и дѣлалъ почти каждый вечеръ. Василій оканчивалъ обыкновенно каждую свою сказку извѣстною прибауткой: „Я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало, дали мнѣ млыкъ, я въ ворота шмыгъ, бѣжалъ, бѣжалъ, да въ острогъ и попалъ. Вотъ и теперь тутъ сижу“. Послѣ длинныхъ богатырскихъ сказокъ, разсказывавшихся въ теченіе двухъ вечеровъ, слушатели обыкновенно требовали, чтобы Василій разсказалъ что-нибудь покороче да посмѣшнѣе, не про царевичей ужъ, а про попа. И про попа Василій разсказывалъ и про попадью.

Но у него были въ запасѣ и не такія еще сказки. Разъ принялся онъ разсказывать „Истинное происшествіе“, про нѣкоего солдата Ивана Долгова и про фрейлину государынину княгиню Нарышкину. Эта исторія заняла всѣхъ едва-ли не болѣе всѣхъ остальныхъ сказокъ Василія. И было, впрочемъ, чѣмъ заинтересоваться. Ее стоило бы стенографировать, и я жалѣю, что не сдѣлалъ этого. Что за обиліе фантазіи выказывалъ тутъ Василій, и въ то же время какую историческую достовѣрность прибавлялъ всему самыми мелкими подробностями. Онъ обрисовывалъ намъ физіономіи, манеры каждаго дѣйствующаго лица въ своемъ разсказѣ и представлялъ все въ самыхъ живыхъ краскахъ и образахъ. Я не разъ думалъ, что, родись Василій въ другомъ сословіи, да получи образованіе, изъ него непремѣнно вышелъ бы замѣчательный романистъ.

Въ главныхъ чертахъ исторія Ивана Долгова заключается въ слѣдующемъ. Это былъ солдатъ и стоялъ во дворцѣ на часахъ. Какъ очень красивый и высокій малый, онъ обратилъ на себя вниманіе фрейлины княгини Нарышкиной, отличавшейся вкусами Елизаветы и Екатерины. Княгиня узнала стороной, кто такой, какого полка и пр. плѣнившій ее красавецъ-солдатъ. Василій описывалъ ее любовь очень выразительно, какъ она и ѣсть-то не могла (тутъ перечислялись всѣ прелести царскаго стола), какъ она и спать-то не могла по ночамъ— все только и думала что объ Иванѣ Долговѣ. Наконецъ, отпросилась она у императрицы въ отпускъ, будто бы въ отъѣздъ въ имѣнье свое (губернія, уѣздъ, названіе деревни, количество душъ и пр.), а сама между тѣмъ наняла себѣ квартиру въ Петербургѣ, въ домѣ Жукова (о его табачной фабрикѣ и какъ онъ разбогатѣлъ) на углу Садовой и Гороховой. Тутъ опять-таки со всѣми околичностями и гораздо боль-

шими, чѣмъ прежде, разсказывалось о каждомъ свиданіи влюбленной княгини съ солдатомъ, о томъ, какъ она посылала его въ баню, какое бѣлье ему дарила, какими амбре душила и проч., о великой хитрости самого Ивана Долгова, какъ онъ просрочивалъ въ казармѣ къ зарѣ, сталъ пренебрегать службой, забросилъ „всѣ эти ихніе гультики и пунтики“, не ночевалъ, подкупалъ и старшаго и ротнаго, а потомъ и баталіоннаго командира. Дѣло кончилось тѣмъ, что плѣненный молодцоватостью Ивана Долгова и тронутый любовью къ нему княгини Нарышкиной, покойный императоръ Николай Павловичъ произвелъ его, не въ примѣръ прочимъ, въ полковники, а потомъ тотчасъ въ генералы, и сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Иванъ Долговъ, конечно, женился на княгинѣ Нарышкиной и все пошло какъ по маслу.

Исторія эта возбудила въ корридорѣ государственный вопросъ о томъ, могло ли бы это случиться теперь. По мнѣнію косаго надзирателя, могло, потому что все въ царской волѣ, но Василій Непомнящій не соглашался съ мнѣніемъ надзирателя. Онъ прежде всего обратился къ причинамъ,—и разъяснилъ, что этого не можетъ быть по случаю измѣненія формы. У солдата въ нынѣшней формѣ нѣтъ уже той молодцоватости, какая была при прежнихъ мундирахъ, и потому никакая княгиня Нарышкина плѣниться имъ не можетъ. А форму кто измѣнитъ? Нынѣшняя царица, какъ она большая богомолка. „Что это,—говоритъ,—за гадость такая, что брюхо не прикрыто у солдата? И задъ почти что не прикрытъ! Кромѣ—говоритъ—непристойности, ничего хорошаго“. Вотъ царь и послушался, и далъ новые мундиры. Надзиратель былъ вполнѣ согласенъ съ высочайшимъ мнѣніемъ, что, дѣйствительно, прежняя была безстыжая какая-то форма.

Въ другой разъ Василій разсказывалъ, какъ онъ провелъ три года въ бѣгахъ и заходилъ домой повидаться съ матушкой, съ родными. Разсказъ былъ трогательный, задушевный. Надзиратель только поддакивалъ какимъ-то особенно мягкимъ и кроткимъ голосомъ: „Да... да... Эхъ, что и говорить!.. Точно, что горько, братъ...“ и т. д. Иванъ все молчалъ, и ему, видно, сгрустнулось; когда Василій кончилъ, онъ тихо проговорилъ: „Да, все бы ничего, только съ матушкой охота бы повидаться. Никого не жаль, опричь ея. Были бы крылья, сейчасъ бы, кажется, взвился и полетѣлъ. Посмотрѣлъ бы хоть“.

У надзирателя была значительная склонность къ мистицизму, и онъ заводилъ иногда рѣчь о разныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ, о встающихъ изъ могилы мертвецахъ, объ оборотняхъ и проч. Василій относился ко всему этому скептически и вступалъ съ надзирателемъ въ споръ, приводилъ въ примѣръ разные случаи, какъ мо-

шенники являлись привидѣніями, чтобы обокрасть, или напугать, и проч. Но надзиратель былъ непоколебимъ.

— А вотъ, недавно еще, въ Омскѣ, часовому мертвецъ ноги обглодалъ. На это ты что скажешь?

Василій сталъ, дѣйствительно, въ тупикъ.

— Одно я тебѣ скажу, — заключалъ надзиратель: — Бога человѣкъ долженъ всегда держать на умѣ, вотъ что.

Разсказы тянулись иногда довольно долго. Когда всѣ расходились по своимъ мѣстамъ, и двери номеровъ затворялись, мнѣ не разъ случалось слышать продолженіе бесѣды между Васильемъ и Иваномъ, уже въ постели. Иванъ часто вдавался въ печальныя размышленія о домашнихъ и о родной сторонѣ; Василій же все соображалъ, какъ ему лучше сдѣлать, дойти ли до завода и оттуда бѣжать, или тамъ объявиться, или бѣжать не доходя до завода, съ дороги. „Тяжко ужъ мнѣ больно безъ имени-то быть“. Потомъ онъ приходилъ совѣтоваться со мной, какъ ему поступить, и я справлялся ему по законамъ, что для него выгоднѣе.

Василій съ Иваномъ спали въ корридорѣ на полу, и, разумѣется, нисколько не стѣснялись постоянною бѣготней мышей, которая начиналась въ огромныхъ размѣрахъ, какъ только гасла свѣча въ корридорѣ; свѣтъ отъ топящейся желѣзной печи нисколько не смущалъ ихъ. Меня мыши порядочно-таки безпокоили. Виною были, можетъ быть, голова сахара, стоявшая въ углу, да крошки хлѣба на полу. Онѣ были рѣшительно безстрашны, лѣзли иногда по одѣялу ко мнѣ на постель, и я нѣсколько разъ всю ночь не гасилъ свѣчу, чтобы хоть сколько-нибудь угомонить ихъ. При извѣстномъ тебѣ отвращеніи моемъ отъ кошекъ, я добылъ себѣ даже котенка, и онъ, хоть не ловилъ мышей, но все-таки пугалъ ихъ, пыжась и сердито шипя надъ ихъ норами.

Вотъ какъ обыкновенно проходили дни мои въ тобольскомъ острогѣ. Раза два въ недѣлю, еще до разсвѣта, начиналось мытье половъ въ корридорѣ и въ камерахъ. Его особенно стали учащать въ ожиданіи скораго пріѣзда новаго генералъ-губернатора. Полонъ корридоръ нагоняли бабъ изъ женскаго отдѣленія пересыльныхъ и часа два продолжалась эта пачкотня, скобленье и проч. На цѣлый день оставался вездѣ отвратительный запахъ сырости, въ дополненіе къ постоянному почти чаду.

Потомъ разъ въ недѣлю приходили партіи (обыкновенно по понедѣльникамъ) и отправлялись по назначенію разъ или два, смотря по тому, куда имъ слѣдовать. Отправился въ своей повозкѣ, хоть и съ партіей, упомянутый мною казначей, вмѣстѣ съ женой, дѣтьми и скуднымъ хозяйствомъ, отправлялся полякъ, отправлялся не разста-

вавшійся съ своимъ дворянскимъ достоинствомъ арестантъ. Изъ вновь поступавшихъ въ наше отдѣленіе пересыльныхъ не было никого интереснаго.

Отправка одной изъ партій не обошлась безъ порки. Услыхавъ по утру особенное движеніе и говоръ въ корридорѣ, я вышелъ спросить, что случилось. Всѣ наши дворяне, прислуга и самъ надзиратель взмостились на скамейки, и смотрѣли въ высокія окна корридора, которыя выходили на пересыльный дворъ.

— Наказываютъ,—отвѣчали мнѣ на мой вопросъ.

Я взлѣзъ на одну изъ скамеекъ и увидалъ густую толпу совсѣмъ готовыхъ въ путь „несчастныхъ". Посреди ея подымались и опускались поочередно два толстыхъ пучка длинныхъ розогъ. Константинъ и Захаръ Иванычи суетливо распоряжались около этихъ розогъ, но наказываемаго не было видно. Пріятное напутствіе въ такую легкую дорогу! Я спросилъ, за что? Оказывалось за то, что, имѣя одинъ полушубокъ годный, виновные взяли въ приказѣ по другому полушубку и вшили ихъ одинъ въ одинъ.

Вотъ, наконецъ, простился со мной и Крупскій. Онъ купилъ себѣ кибитку за три съ полтиной, уложилъ свое хозяйство, не забылъ и гитару. Самое начало его путешествія не предвѣщало ничего добраго. Онъ выбралъ, какъ нарочно, такую партію, въ которой не было никого изъ „дворянъ", и у него у одного была своя подвода. Она оказывалась лишнею противъ того числа, къ которому подрядчикъ обязался поставлять лошадей. Онъ не хотѣлъ давать Крупскому лошади и требовалъ прогонныхъ денегъ. Его едва убѣдили; но явно, что такія прижимки должны были повториться.

— Вамъ надо лошадь купить, — совѣтовали Крупскому.

Хорошо было такъ совѣтовать; но исполнить, даже при здѣшней дешевизнѣ, совѣтъ этотъ Крупскій могъ только, обрекши себя на многія лишенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія В. Н. Никитина.

Авторъ „Воспоминаній“, Викторъ Никитичъ, происходитъ изъ существовавшихъ въ старину кантонистовъ. Такихъ заведеній въ Россіи было болѣе 40, а въ нихъ воспитывалось до 270.000 мальчиковъ, стоившихъ казнѣ около 2.570.000 р. въ годъ. Затѣмъ онъ послѣдовательно прослужилъ въ разныхъ учрежденіяхъ болѣе 50, изъ нихъ 35 лѣтъ въ качествѣ директора С.-Петербургскаго тюремнаго комитета посвятилъ облегченію участи военныхъ, морскихъ, въ особенности гражданскихъ заключенныхъ и ихъ семействъ, а также интересамъ комитета, при чемъ постоянно имѣлъ непосредственныя сношенія со множествомъ правительственныхъ общественныхъ дѣятелей, участвовалъ своими трудами въ 27-ми ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ изданіяхъ; многочисленныя [1]) его сочиненія, по различнымъ отраслямъ знаній, сочувственно встрѣчались русскою печатью, а нѣкоторыя даже переводились на иностранные языки. Благодаря всему сказанному, онъ видѣлъ, слышалъ и на себѣ испыталъ всякія превратности, а потому изложенные въ „Воспоминаніяхъ“ факты и свѣдѣнія составляютъ значительный общественный интересъ и значеніе, тѣмъ болѣе, что касаются извѣстныхъ лицъ и наглядно характеризуютъ ихъ образъ дѣйствій на различныхъ поприщахъ.

---

[1]) Отдѣльныя сочиненія В. Н. Никитина: „Жизнь заключенныхъ“, „Общественныя и законодательныя погрѣшности“, „Многострадальные“, „Быть военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ“, „Жажда богатства“, „Тюрьма и ссылка“, „Благотворительные подвиги“, „Евреи земледѣльцы“, „Обломки разбитаго корабля“, „Еврейскія поселенія“, „Разнообразіе“ и пр. и пр.

I.

Мое воспитаніе въ батальонѣ военныхъ кантонистовъ. — Школьное, научное и фронтовое образованіе.—Судебное дѣло за 100 рублей и два куля муки.— Мое фальшивое положеніе.—Всемогущій писарь Зотовъ и полковникъ Фроловъ.—Въ статистахъ.—Въ походѣ.—Грабежи солдатами крестьянъ.— Жестокость начальства.—Пребываніе въ Петербургѣ.—Начальникъ отдѣленія Нельговскій.—Пріемъ писаремъ Зотовымъ генераловъ и пріемъ генераломъ Фроловымъ полковаго командира.—Царскій смотръ.—Въ Боровичахъ.—Смерть Николая I.—Походъ въ Нарву.—Появленіе и дѣйствія непріятельскаго флота.—Возвращеніе полка въ Боровичи.—Мой переводъ въ Петербургъ.

Волею судебъ я попалъ, девяти лѣтъ отъ роду, въ 1848 г., въ кантонисты неранжированнаго баталіона 4-го учебнаго карабинернаго полка (въ Нижнемъ Новгородѣ), а въ этомъ баталіонѣ, называвшемся въ просторѣчіи „живодернею“, кантонистовъ держали впроголодь, одѣвали скверно, муштровали и истязали безпощадно... Какъ и что съ ними творили, подъ видомъ воспитанія, я всесторонне изобразилъ въ книгѣ „Многострадальные“, изд. 1872 года, а здѣсь и черезъ 50 слишкомъ лѣтъ затрудняюсь повторить, даже хоть вкратцѣ; такъ все представляется мнѣ, по воспоминаніямъ, отвратительнымъ, безчеловѣчнымъ издѣвательствомъ надъ обездоленными дѣтьми...

Не могу, однако, скрыть, что лично мнѣ жилось въ „живодернѣ“ несравненно лучше, чѣмъ другимъ, но исключительно по протекціи крестнаго моего отца Никиты Ермолаевича Валова. Онъ, происходившій тоже изъ кантонистовъ, въ ту пору, къ которой относится мой разсказъ, былъ уже пожилымъ губернскимъ секретаремъ и пользовался среди городской аристократіи—репутаціею отличнаго учителя; отъ полковаго командира—полнымъ довѣріемъ, какъ опытнѣйшій, исправный дѣлопроизводитель полковаго хозяйственнаго комитета, по которому производились денежныя операціи не на одну сотню тысячъ рублей въ годъ; значительнымъ вліяніемъ на малограмотныхъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, да и уваженіемъ молодыхъ офицеровъ, между которыми находились и бывшіе ученики его, такъ какъ онъ съ 1820-хъ годовъ учительствовалъ въ барскихъ домахъ и училищѣ для дѣтей гражданскихъ чиновниковъ. И вотъ, зная, что онъ обо мнѣ заботился, они, въ угоду ему, не только сами зря меня не обижали, но запрещали дѣлать это и своимъ подчиненнымъ фельдфебелямъ и капральнымъ унтеръ-офицерамъ.

Такимъ образомъ протекція спасала меня отъ многоразличныхъ невзгодъ, безпрерывно постигавшихъ товарищей. Мало того, мнѣ предоставляли разнаго рода привилегіи, напр., одежду и обувь я всегда носилъ крѣпкую, по всѣмъ праздникамъ меня отпускали и даже посылали со двора къ крестному; учителей унтеръ-офицеровъ прину-

ждали, подъ страхомъ наказанія, носить солдатскую форму и при отлучкахъ изъ казармъ, а мнѣ разрѣшали надѣвать вмѣсто грубыхъ казенныхъ—собственныя, изъ тонкаго сукна сшитыя, на счетъ крестнаго, курточку и брюки, въ томъ вниманіи, что въ его квартирѣ меня видѣли разные господа, а въ числѣ ихъ и наши офицеры, которые въ казармахъ за отстегнутую пуговицу били кулаками или драли кантонистовъ розгами.

Отъ крестнаго я, по его приказанію, ходилъ иногда къ матери крестной, проживавшей въ качествѣ воспитанницы или чтицы, этого я не зналъ,—у богатой, чванной старухи, генеральши Григорьевой, къ которой вся мѣстная аристократія являлась на поклонъ. Крестная, молодая, красивая дѣвица лѣтъ 23-хъ—26-ти, обходилась со мною дружески, но упрочить наши отношенія мѣшало намъ то, что она сама жила въ людяхъ и больше получаса намъ никогда не удавалось провести вмѣстѣ. Каждый разъ она представляла меня ворчливой старухѣ Григорьевой, которая здоровалась со мною, я цѣловалъ ея ручку, она гладила меня по головѣ, повторяя: „бѣдный сиротка,—я ужо позабочусь о тебѣ“, приказывала мнѣ дать гостинцевъ и отпускала меня въ людскую обѣдать.

Однажды меня засталъ возлѣ нея губернаторъ, свитскій генералъ, князь Урусовъ. Отодвигаясь назадъ, чтобы его пропустить къ ней, я съ испугу уронилъ легенькій стулъ. Старуха хотя и обратила это въ шутку, но, наслышавшись о безобразіяхъ, творившихся въ „живодернѣ“,—упрекнула губернатора въ плохомъ наблюденіи за нашимъ начальствомъ и пригрозила ему написать обо всемъ военному министру, князю Чернышеву, ея давнишнему якобы знакомому. Губернаторъ, уходя, въ передней громко сказалъ, что за полученный имъ выговоръ изъ-за меня велитъ меня отпороть, но услышавшіе это крестная и старикъ, братъ Григорьевой, упросили его этого не дѣлать, а напротивъ заступиться за насъ. Онъ записалъ меня и уѣхалъ, а въ слѣдующее воскресенье утромъ прислалъ за мною въ казарму своего адъютанта.

Начальство мое сильно переполошилось, но отпустило меня. Адъютантъ привезъ меня къ губернатору и ввелъ въ его кабинетъ. Тамъ я увидѣлъ, сидѣвшими вокругъ стола, губернатора въ эполетахъ, статскаго генерала со звѣздою на груди, проживавшаго въ одномъ домѣ съ крестнымъ, пожилаго, полковаго нашего учителя унтеръ-офицера Теплыгина въ формѣ (солдатскомъ мундирѣ) и пожилаго же мужика въ перепачканомъ кафтанѣ. Всѣ четверо запросто, какъ равные, разговаривали. Губернаторъ ласково поздоровался со мною и сталъ было разспрашивать меня о нашемъ житьѣ-бытьѣ, но мужикъ и учитель отсовѣтовали ему это дѣлать, доказывая, что онъ безсиленъ улучшить

нашъ бытъ. Губернаторъ согласился съ ними и обѣщалъ при поѣздкѣ въ Петербургъ тамъ похлопотать о насъ, а меня отправилъ въ людскую, гдѣ меня отлично накормили и просвѣтили: Теплыгинъ училъ губернаторскихъ дѣтей, а за это пользовался его милостью и въ казармахъ службы не несъ, а мужикъ былъ богатый хлѣбный торговецъ Бугровъ, хоть и раскольникъ, но въ угоду губернатору выстроилъ каменный театръ и впослѣдствіи подарилъ его городу, да и жертвовалъ значительныя деньги на богадѣльню и прочее, поэтому удостоивался особеннаго вниманія губернатора.

Часа черезъ полтора чиновникъ доставилъ меня въ казарму, съ объясненіемъ начальству, что губернаторъ остался мною очень доволенъ; тѣмъ не менѣе меня потомъ тормошили допросами обо всемъ, что я слышалъ въ дворцѣ, а такъ какъ я боялся открыть истину, то отвѣчалъ, что губернаторъ хвалилъ наше начальство, но оно, навѣрно, сомнѣвалось въ моихъ словахъ, потому что вспомнило о скрытіи мною отъ него первой моей встрѣчи съ губернаторомъ, и за это подвергло меня одному изъ легкихъ взысканій—продержало на часахъ полъ-ночи.

Страшась ежечасныхъ каръ, я велъ себя безукоризненно, скоро заучилъ артикулы, маршировки и команды. За это, да подъ вліяніемъ той же протекціи, меня постепенно возвышали въ десяточные, капральные ефрейторы, знаменщики и ординарцы. Надъ всѣмъ господствовала суровая шагистика съ ея нелѣпыми пріемами, и лишь она одна почиталась наилучшею воспитательною системою, предъ которою всѣ преклонялись. До какой степени это вѣрно, свидѣтельствуетъ вотъ какой фактъ: однажды я, въ качествѣ ординарца, по приказанію инспектора учебныхъ полковъ, генералъ-лейтенанта Петра Николаевича Фролова, въ двѣ минуты раздѣлся донага и подъ его команду совершенно голый маршировалъ минутъ десять по огромному залу губернаторской квартиры, въ которой онъ, Фроловъ, останавливался, тихимъ, скорымъ, вольнымъ и бѣглымъ шагомъ, при чемъ отъ безошибочныхъ моихъ дѣйствій онъ впалъ въ такой восторгъ, что къ удовольствію присутствовавшаго тамъ же моего непосредственнаго начальства, собственноручно наградилъ меня серебрянымъ пятачкомъ...

Школьное наше образованіе находилось, напротивъ, въ полномъ пренебреженіи, отчего кантонисты охотно уклонялись отъ классовъ, гдѣ за лѣность, невнимательность или какую-либо шалость учителя тоже колотили и драли кантонистовъ по своему произволу. Обремененный фронтовыми занятіями я, въ теченіе четырехъ лѣтъ, едва научился читать, писать и четыремъ правиламъ ариѳметики, но за то же время пріобрѣлъ ненависть ко всему окружавшему меня въ

„живодернѣ“ и страстно желалъ вырваться изъ нея, но какъ и куда не понималъ. Я слышалъ, правда, что въ полковой канцеляріи занимались кантонисты и имъ жилось привольно, но какимъ способомъ они туда попадали—мнѣ не было извѣстно, да и я сознавалъ, что совсѣмъ еще не годился въ писаря. Крестный, какъ я догадывался изъ отрывочныхъ его отзывовъ, считалъ шагистику—безполезною, а мое отвращеніе къ ней,—не безосновательнымъ, но просить его объ облегченіи моей доли я не рѣшался. Впрочемъ, онъ своевременно самъ позаботился обо мнѣ: формально—его начальникъ, а частно—пріятель, полковой казначей, поручикъ Кузичкинъ (также изъ кантонистовъ полка и женатый на богатой помѣщицѣ), часто видалъ меня у крестнаго и у себя (я хаживалъ къ нему съ записками отъ крестнаго), зашелъ однажды въ классъ, отыскалъ меня, сказалъ что-то инспектору, древнему чиновнику Гомоюнову, а мнѣ велѣлъ идти съ нимъ и привелъ меня въ полковую канцелярію учиться писать. Это было въ 1852 году.

Не успѣлъ я оглянуться, какъ вошелъ, знавшій меня лично, полковой командиръ, полковникъ Веймарнъ, увидѣлъ меня и спросилъ: зачѣмъ я тамъ очутился? Кузичкинъ доложилъ ему, что взялъ меня для приготовленія въ писаря. Веймарнъ возразилъ, что я, какъ знаменщикъ и ординарецъ,—нуженъ въ ротѣ, что писарство для меня еще рано и, что я, по способностямъ къ фронту, со временемъ буду хорошимъ унтеръ-офицеромъ, а потому приказалъ было отослать меня обратно въ роту, но Кузичкинъ и крестный отъ себя и отъ имени женъ и крестной (онъ ихъ зналъ), съ большимъ трудомъ упросили Веймарна оставить меня въ канцеляріи. Затѣмъ, сомнѣваясь, какъ бы я не избаловался на свободѣ среди писарей, рядовыхъ и кантонистовъ, трудившихся въ канцеляріи, — Кузичкинъ и крестный рѣшили помѣстить меня на жительство и продовольствіе къ состоящему въ вѣдѣніи казначея, завѣдывавшему цейхгаузами холостому унтеръ-офицеру Алексѣеву, слывшему за человѣка религіознаго, отличнаго поведенія и имѣвшему въ казармѣ отдѣльную квартиру изъ трехъ маленькихъ комнатъ и солдата для услугъ. Названному Алексѣеву поручили они быть моимъ попечителемъ и надзирателемъ, а мнѣ велѣли повиноваться ему и безъ его спроса, кромѣ канцеляріи, никуда не ходить. Меня послали съ запискою въ роту сдать свои обязанности по капральству и распрощаться съ товарищами.

Съ невыразимою радостью я въ тотъ же день перебрался къ Алексѣеву въ отведенный мнѣ уголокъ, гдѣ поставили для меня кровать со всѣми принадлежностями и ящикъ для складыванія моихъ мизерныхъ пожитковъ. Когда я совсѣмъ прибрался, Алексѣевъ

угостилъ меня хорошимъ обѣдомъ, потомъ разспросилъ меня о моемъ положеніи у крестнаго и Кузичкина и, наконецъ, объявилъ мнѣ, что солдатъ будетъ мнѣ приносить изъ цейхгауза: еженедѣльно—чистое постельное и тѣльное бѣлье, а по мѣрѣ надобности—и другія вещи; что я буду вкусно обѣдать, ужинать, по утрамъ и вечерамъ пить чай, а иногда получать лакомства, если только съумѣю хранить въ тайнѣ все, что услышу или увижу въ его квартирѣ; если же кому-нибудь о чемъ-нибудь проговорюсь, то мнѣ придется ѣсть въ общей кухнѣ скверную пищу, бѣлье и вещи—доставать въ ротѣ, да и онъ меня возненавидитъ, какъ фискала. Я охотно поклялся ему держать языкъ за зубами, потому что желалъ пользоваться всѣмъ, что онъ мнѣ посулилъ.

Почему именно требовалъ онъ отъ меня строгаго молчанія, я догадался въ тотъ же вечеръ: къ нему пришла, какъ я услыхалъ отъ солдата, возлюбленная, красивая молодая женщина. Онъ долго съ ней шептался, потомъ позвалъ меня къ себѣ, и она меня угостила чаемъ съ кренделями, приголубила, обѣщала снабжать всѣмъ, что мнѣ понадобится, и тоже настойчиво совѣтывала обо всемъ молчать. Я ей обѣщалъ это тѣмъ въ большею откровенностью, что она сразу мнѣ понравилась своимъ ласковымъ, простымъ обхожденіемъ со мною. Послѣ ужина съ ними, они отпустили меня спать. Освободившись внезапно отъ страшнаго ротнаго начальства, я проспалъ всю ночь, какъ убитый, а рано утромъ они напоили меня чаемъ, а Анна Михайловна, какъ звали женщину, предъ уходомъ съ Алексѣевымъ, подарила еще мнѣ цѣлковый, — капиталъ, какой я впервые считалъ своимъ. Я поцѣловалъ ей руку, а она меня въ щеку.

Я отправился въ канцелярію и пробрался въ ту комнату, гдѣ былъ наканунѣ и гдѣ помѣщались казначейская и квартирмейстерская части. Тамъ, несмотря на восемь часовъ,—рядовые и кантонисты уже писали. Одинъ изъ первыхъ Сергѣевъ, согласно полученному имъ съ вечера приказанію, указалъ мнѣ мѣсто и положилъ предо мною очиненное гусиное перо (стальныя еще тогда не употреблялись), чистый, награфленый листъ бумаги и красиво написанный рапортъ, съ котораго велѣлъ мнѣ списывать слово въ слово, букву въ букву.

Я принялся за работу, но она не спорилась: я капалъ чернила, пропускалъ слова, вралъ грамматически и сбивался съ графъ. Сергѣевъ вглядывался въ мой трудъ, находилъ его негоднымъ, рвалъ и мѣнялъ листы, съ досады, что я его утруждалъ, готовъ былъ побить меня, а новые мои товарищи назойливымъ подтруниваніемъ надъ моею пачкотнею довели меня до слезъ: мнѣ становилось обиднымъ, что я, бывши въ ротѣ въ почетѣ, тутъ сдѣлался посмѣшищемъ со стороны кантонистовъ же.

Занимавшихся постепенно прибавлялось, и каждый подходилъ ко мнѣ, всматривался въ мое писанье, морщился и конфузилъ меня. Къ девяти часамъ явилось пятеро въ галунахъ, а въ числѣ ихъ старшій казначейскій писарь Григорьевъ. Онъ пересадилъ меня между мѣстами крестнаго и чиновника Шипилова, куда никто не могъ подойти ко мнѣ, велѣлъ Сергѣеву еще разъ перемѣнить мнѣ листы, а мнѣ отдохнуть. Изъ громкаго разговора галунниковъ я узналъ, что за ношеніе ими сѣро-нѣмецкихъ шинелей, калошъ и длинныхъ волосъ Веймарнъ, если ему попадались, приказывалъ драть попадавшихся, и какой-то кандидатъ даже умеръ отъ жестокаго наказанія за калоши.

Къ десяти часамъ пришли: старый чиновникъ Шипиловъ, квартермистръ, пожилой поручикъ Пономаревъ, Кузичкинъ и крестный. Всѣ предъ ними вставали, они здоровались съ подчиненными, выслушали ихъ сѣтованія на тяжесть службы и о смерти наказаннаго кандидата Иванова, отвѣтили надеждою на лучшее будущее и сѣли на свои мѣста. Водворилась такая тишина, что слышенъ былъ только скрипъ перьевъ. Крестный преподалъ мнѣ урокъ чистописанія, а потомъ занялся самъ бумагами. Около 11-ти вошелъ Веймарнъ, и всѣ вытянулись въ струнку. Окинувъ пристальнымъ взглядомъ стоявшихъ, онъ замѣтилъ длинные волосы Григорьева и приказалъ было отстричь его на барабанѣ: это считалось позорнымъ. Кузичкинъ вступился за него, объяснивъ, что, какъ извѣстно и лѣкарямъ, голова Григорьева золотушная и остричь ее наголо вредно для его здоровья. Видя, что Григорьевъ ускользнулъ отъ наказанія, Веймарнъ рѣзко спросилъ: кто виновенъ въ пропускѣ въ требовательной вѣдомости какихъ-то 5.000 рублей? Шипиловъ принялъ вину на себя. Веймарнъ замѣтилъ, что виновныхъ дерутъ и его, чиновника, тоже слѣдуетъ отодрать. Шипиловъ съ покорностью отвѣтилъ, что его, Веймарна, воля карать или миловать. Кузичкинъ, желая смягчить раздражительность Веймарна, доложилъ ему, что когда онъ, Кузичкинъ, скоро поѣдетъ въ Москву за пріемкою вещей, то тамъ, по знакомству въ коммисаріатѣ, устроитъ возвратъ 5.000 рублей. Веймарнъ возразилъ, что пошлетъ другаго офицера. Кузичкинъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ 5.000 пропадутъ. Вельмарнъ пригрозилъ, что 5.000 рублей, пропущенные по казначейской части, потребуетъ съ него, Кузичкина, но онъ на это отозвался, что тогда рапортомъ донесетъ, что 5.000 р. вовсе полку не причитается и докажетъ разными отчетами, что никакой ошибки не случилось... Вмѣшавшійся, въ видахъ умиротворенія, Пономаревъ, получилъ отъ Веймарна замѣчаніе за опозданіе куда-то. Пономаревъ оправдывался тѣмъ, что былъ на панихидѣ Иванова, умершаго отъ наказанія. Веймарнъ вспыхнулъ и ушелъ гнѣвный...

Изъ всего, мною слышаннаго, мнѣ стало ясно, что служившимъ въ канцеляріи тоже скверно жилось, и я въ умѣ рѣшилъ стараться ни въ чемъ запретномъ не попадаться. Всѣ занимались писаньемъ до 3-хъ часовъ, а тогда разошлись: офицеры, чиновники и женатые учителя, унтеръ-офицеры и писаря—по домамъ, а остальные — въ кухню обѣдать. Отобѣдалъ и я у Алексѣева и вернулся въ канцелярію, гдѣ, по обыкновенію, съ 5 до 9, проводили за работою всѣ нижніе чины и кантонисты, а кончивъ занятія въ канцеляріи, я засталъ въ квартирѣ Алексѣева троихъ его товарищей, такихъ же, какъ онъ, завѣдывавшихъ разными частями полковаго хозяйства. Узнавъ кто я, и что я постоянный жилецъ Алексѣева,—они обошлись со мною очень любезно и также, какъ и онъ, предупредили меня, для общей пользы, тщательно скрывать отъ всѣхъ все, что я увижу или услышу въ его квартирѣ, а увидѣлъ и услышалъ я, какъ они пили водку и вино и играли въ карты на деньги далеко за полночь... Убѣдившись потомъ въ моемъ полномъ молчаніи, Алексѣевъ совсѣмъ пересталъ меня остерегаться, а его Анюта баловала меня и расположила къ себѣ, какъ младшаго брата.

Называвшіеся штабными 8 — 10 унтеръ-офицеровъ завѣдывали разными частями громаднаго полковаго хозяйства, заключавшагося въ мастерскихъ, магазинахъ, цейхгаузахъ, складахъ и проч., на четыре тысячи солдатъ и на 4—5000 кантонистовъ, при чемъ всѣ эти ундера извлекали изъ своихъ должностей значительные доходы, на которые щедро содержали своихъ возлюбленныхъ, кутили и играли въ карты по вечерамъ и ночами, по-фельдфебельски, другъ у друга, поочередно. Алексѣевъ былъ однимъ изъ нихъ, а потому я исподволь ознакомился со всѣми ихними темными дѣлишками и удивлялся только, какъ ничего не доходило ни до Кузичкина, ни до крестнаго, ни, въ особенности, до Веймарна, который всюду ходилъ и зорко слѣдилъ за всѣми подчиненными. Мнѣ казалось, что если бы онъ узналъ хоть о части продѣлокъ штабныхъ, онъ бы всѣхъ ихъ въ одинъ день разжаловалъ и запоролъ, а Кузичкина и Пономарева—выгналъ бы въ отставку, несмотря на ихъ дѣловитость среди полуграмотныхъ офицеровъ и на то, что они занимали должности по выбору офицеровъ.

Не рѣдко меня, правда, одолѣвалъ страхъ, какъ бы, въ случаѣ обнаруженія плутней Алексѣева, и мнѣ не досталось бы за молчаніе, почему я неоднократно покушался разсказать хоть кое-что крестному, но у меня все духу не хватало: я зналъ, что днемъ штабные исправно служили, все аккуратно исполняли, отличались проворствомъ, повиновеніемъ; ходили по субботамъ—ко всенощной, по воскресеньямъ—къ обѣднѣ и отлично умѣли охранять свою репутацію безу-

коризненною, а при этихъ обстоятельствахъ я вѣдь легко могъ прослыть лгуномъ и лишиться тѣхъ благъ, какими пользовался. Чувство самосохраненія и удерживало меня отъ риска, и я продолжалъ молчать, а тѣ вечера, когда Анна Михайловна не приходила, я, отъ скуки, просиживалъ до ночи въ канцеляріи и старательно учился красиво писать.

И вотъ однажды часовъ въ десять вечера полковой аудиторъ, коллежскій секретарь Петровъ заставилъ меня переписать показанія двухъ солдатъ, признавшихся въ кражѣ изъ кожевеннаго завода кожи, изъ которой сдѣлали верхъ на возокъ ротнаго командира, капитана Савина, безъ его вѣдома, и получили отъ него вознагражденія по рублю. Съ теченіемъ времени я совершенно забылъ про свое писанье. Между тѣмъ, Алексѣевъ готовился къ экзамену на офицерскій чинъ и его, въ числѣ другихъ, поучалъ старшій аудиторскій писарь, старикъ. Разъ, во время вечерняго урока, я лежалъ на своей постелѣ, а старикъ, въ доказательство необходимости офицеру подписывать судныя дѣла по всѣмъ ихъ страницамъ, разсказалъ ему, по секрету, что солдаты украли съ завода кожу по приказанію Савина, но, когда его задержали въ возкѣ и онъ предалъ солдатъ,— они упорно показали, что совершили преступленіе по его приказанію, по заключеніи же дѣла аудиторъ, подкупленный Савинымъ двумя кулями муки и 100 р., какъ самъ, выпивши, сознался, вышилъ солдатскія показанія, исправилъ ихъ въ томъ смыслѣ, что они украли кожи по собственному почину, заставилъ кого-то переписать передѣланныя показанія, самъ вшилъ ихъ въ дѣло, отправилъ его, куда слѣдовало, и получился приговоръ прогнать солдатъ сквозь строй чрезъ 150 человѣкъ, а Савинъ остался непричастнымъ къ дѣлу.

Выслушавъ все это, я вскочилъ съ кровати, выбѣжалъ къ нимъ, да объявилъ имъ, что я самъ переписалъ эти показанія и долженъ объ этомъ объявить, чтобы солдатъ избавили отъ наказанія. Оба единогласно отперлись отъ того, что одинъ разсказалъ, а другой— слышалъ. Отъ обиды я расплакался. Они смѣло меня увѣряли, что мнѣ все почудилось отъ простуды, напоили меня пуншемъ и уложили спать, отчего я и проспалъ до обѣда слѣдующаго воскреснаго дня, потомъ провалялся весь день отъ головной боли, а въ понедѣльникъ, рано утромъ, солдатъ дѣйствительно прогнали сквозь строй въ манежѣ, куда я бѣгалъ убѣдиться, правду ли говорилъ старикъ. Экзекуція произвела на меня такое потрясающее впечатлѣніе, что я отъ него долго не могъ освободиться: и на яву, и во снѣ мнѣ часто представлялось, какъ привязанныхъ руками къ ружейнымъ стволамъ раздѣтыхъ по поясъ донага осужденныхъ тащили, посреди двухъ рядовъ солдатъ, которые стегали ихъ длинными палками по

голымъ спинамъ и бокамъ, какъ изъ ихъ тѣла брызгала кровь, вырывались куски, какъ они бросались изъ стороны въ сторону, падали, ихъ поднимали и опять тащили, а отчаянные крики заглушались барабаннымъ боемъ...

Мало-по-малу я свыкся съ своимъ фальшивымъ положеніемъ, сдѣлался скрытнымъ, выучился писать и настолько ознакомился съ порядками, что крестный посылалъ меня съ журналами къ баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ, чтобы подписывали ихъ, и я уже не страшился этихъ грозныхъ начальниковъ.

Вдругъ стали готовиться къ инспекторскому смотру, и насъ заставили даже подписывать шнуровыя книги за разныхъ маіоровъ и капитановъ. Огласилось о пріѣздѣ инспектора, знакомаго генерала Фролова со своимъ любимымъ писаремъ Зотовымъ. Насъ, занимавшихся въ канцеляріи, тоже, на всякій случай, нарядили въ смотровыя вещи. Съ восьми часовъ утра всѣ военные, отъ полковника до послѣдняго прапорщика,—находились на плацу, въ ожиданіи прибытія туда Фролова, инспектировавшаго обыкновенно только фронтовую часть, а административную и хозяйственную самостоятельно ревизовалъ Зотовъ, и потому предъ нимъ трепетало все наше начальство.

Въ 11 часу Зотовъ подъѣхалъ въ колескѣ, на парѣ вороныхъ, важно вошелъ въ канцелярію въ запретныхъ, для нашихъ писарей, сѣронѣмецкой тонкой шинели, замшевыхъ бѣлыхъ перчаткахъ и калошахъ. Всѣ писаря, рядовые и кантонисты адъютантской части сразу встали и поклонились ему. Онъ привѣтливо отвѣтилъ имъ кивкомъ головы, унтеръ-офицеръ снялъ съ него шинель и повѣсилъ ее на вѣшалку, а онъ, скинувъ калоши,—спокойно прошелъ въ нашу комнату, расцѣловался съ крестнымъ, какъ старымъ хорошимъ знакомымъ, остальнымъ всѣмъ, также вставшимъ, поклонился по сторонамъ и сѣлъ въ казначейское кресло. Чиновники, учителя и писаря всей канцеляріи живо собрались къ намъ, а рядовымъ и кантонистамъ приказали выдти въ общую комнату, куда послѣдовалъ было и я. Однако, Зотовъ почему-то подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ, какъ меня зовутъ. Крестный представилъ меня ему, какъ своего крестника. Онъ погладилъ меня по головѣ и предложилъ крестному взять меня въ свой штабъ, чтобы скоро произвести въ писаря, но крестный заявилъ ему, что мнѣ надо года два еще поучиться, а потомъ ужъ онъ воспользуется его предложеніемъ. Онъ велѣлъ мнѣ сѣсть на свое мѣсто, что я и исполнилъ, но покамѣстъ я стоялъ предъ нимъ,—я разглядѣлъ на немъ отличный сюртукъ съ галунами, высунутый изъ-подъ его воротника, бѣлоснѣжный, накрахмаленый воротникъ рубашки, такія же манжеты, въ нихъ—золотыя запонки, по борту сюртука толстую, золотую же цѣпочку, а на его пальцахъ—

кольца съ блѣстѣвшими брилліантами. Лицо его, чисто выбритое, показалось мнѣ пріятнымъ, а выглядѣлъ онъ средняго роста, тѣлосложенія и возраста. Онъ вынулъ изъ кармана брюкъ золотой портсигаръ, открылъ его съ двухъ сторонъ, досталъ съ одной папироску, а съ другой—спичку, чиркнулъ ее объ столъ, закурилъ папиросу (никто и изъ офицеровъ не смѣлъ въ канцеляріи курить) и вступилъ въ разговоръ съ окружавшими его. Отъ его платья и папироснаго дыма комната наполнилась душистымъ запахомъ.

Меня смутили въ особенности его спички, такъ какъ они находились подъ такимъ сильнымъ запретомъ, что за недѣлю предъ тѣмъ жестоко отодрали одного изъ музыкантовъ за то, что онъ откуда-то принесъ и держалъ въ казармѣ опасныя три коробки сѣрныхъ спичекъ, которыя не были въ употребленіи, а огонь добывался ударомъ кремня по огнивѣ, которую держали вмѣстѣ съ трутомъ, и онъ вспыхивалъ.

Зотовъ спокойно покуривалъ, внимательно слушалъ жалобы учителей и писарей на тяжесть службы, обхожденіе съ ними Веймарна и полковаго адъютанта, молодаго еще поручика изъ дворянъ Домашнева, съ удовольствіемъ присутствовавшаго при тѣлесныхъ наказаніяхъ на гауптвахтѣ. Всѣ просили заступничества Зотова вообще и въ частности по различнымъ личнымъ дѣламъ. Онъ обѣщалъ, а потомъ слегка просматривалъ какія-то дѣла и книги.

Часа черезъ три явились: Кузичкинъ и Пономаревъ, уже видѣвшіеся съ Зоторымъ, а за ними и Домашневъ. Зотовъ при всѣхъ сдѣлалъ ему нѣсколько замѣчаній начальническимъ тономъ, отчего онъ только краснѣлъ. Спустя нѣкоторое время пришли и 4 баталіонные командира и тоже почтительно здоровались съ Зотовымъ, а онъ и при нихъ продолжалъ курить. Подполковникъ Филатовъ вкрадчиво освѣдомился у Зотова, гдѣ онъ будетъ обѣдать въ тотъ день, и получилъ отвѣтъ, что у Кузичкина. Онъ же, пригласивъ всѣхъ ихъ и крестнаго, прибавилъ, что угоститъ всѣхъ, какъ казначей—послѣдній разъ, потому служба очень ужъ стала тяжела, въ ней онъ не нуждается и подастъ въ отставку, чтобы угодить женѣ, которая при его служебныхъ занятіяхъ, безъ дѣтей, скучаетъ въ одиночествѣ.

Едва кто-то замѣтилъ, что истинная причина желанія Кузичкина уйти кроется въ его разладѣ съ Веймарномъ, какъ онъ самъ вошелъ, за руку поздоровался съ Зотовымъ, взялъ его подъ руку и увелъ. Немного погодя и все высшее начальство разошлось, а нижніе чины и кантонисты, продолжавшіе занятія до установленныхъ сроковъ, опечалились вѣстью о скорой смѣнѣ Кузичкина, никого не притѣснявшаго и не обижавшаго, тогда какъ вмѣсто него ожидали суроваго офицера, какими считались почти всѣ. Лично меня въ то

утро сильно изумило то, что предъ Зотовымъ, такимъ же, какъ наши, писаремъ, все наше начальство подобострастно заискивало, низко ему кланялось, а онъ предъ нимъ разыгрывалъ роль всевластнаго надъ нимъ начальника.

На другой день утромъ къ канцеляріи подъѣхали въ коляскѣ же самъ грозный Фроловъ и Зотовъ. Въ дверяхъ ихъ встрѣтило все начальство.

— Казначей и квартирмейстеръ, наши старые знакомцы, и ихъ мы провѣримъ дома,—донесся до насъ басистый голосъ Фролова,—а вотъ адъютанта проревизуй, Александръ Ивановичъ, здѣсь, да хорошенько, чтобы было за что пробрать его, драчуна, почувствительнѣе, меня же пустите, полковникъ, на минуту въ казначейскую повидать почтеннаго учителя Валова и его крестника, котораго я уже не видалъ въ ординарцахъ.

Онъ вошелъ къ намъ въ растворенныя заранѣе настежь двери и пробасилъ „здорово, ребята“. Нижніе чины и кантонисты гаркнули „здравія желаемъ, ваше превосходительство“, а Кузичкинъ, Пономаревъ, крестный и Шипиловъ низко ему поклонились, онъ протянулъ крестному руку.

— Отъ казначейства, повторяю, ты, Кузичкинъ, не отказывайся,— произнесъ онъ,—офицеры тебя любятъ, мы также, а полковникъ хоть строгонекъ, но надѣюсь не обидитъ тебя; вѣдь гдѣ строгость, тамъ и милость.

— Мои, ваше превосходительство, глаза сильно ослабли, да и весь я утомился, мнѣ и необходимъ отдыхъ.

— Я гораздо больше тебя утомился, но служу, а ты барствовать хочешь съ молодою женою, благо разбогатѣлъ по ея милости. Впрочемъ, ужо вечеромъ я съ Александромъ Ивановичемъ пріѣду къ тебѣ чай пить и самъ потолкую съ твоею женою; она, моя землячка, разумная женщина, а тебя я вѣдь помню унтеръ-офицеромъ, фельдфебелемъ, а теперь ты всего-то только поручикъ и ужъ усталъ. Не пожалѣешь насъ угостить?

— Сочту себя осчастливленнымъ вашимъ посѣщеніемъ.

— Коли такъ, то я за компанію зову къ тебѣ въ гости и васъ, Пономаревъ и Валовъ.

Оба низко ему поклонились въ знакъ согласія.

— А зачѣмъ ты, Валовъ, лишилъ меня ординарца въ лицѣ этого клопа? Онъ со временемъ былъ бы отличнымъ офицеромъ, а ты его усадилъ бумагу марать!

— Простите, ваше превосходительство,—отвѣтилъ крестный;—онъ не склоненъ къ фронту, а здѣсь я сдѣлаю изъ него хорошаго писаря.

— Разумѣется, для моего штаба? Я буду его ждать и зачислю непремѣнно въ унтеръ-офицеры, а потомъ произведу въ офицеры, ты, я увѣренъ, вполнѣ его образуешь. Поди-ка, клопъ, ко мнѣ?

Я выскочилъ изъ-за стола и вытянулся передъ нимъ въ струнку.

— Покажи мнѣ съ лѣвой ноги портянку?

Я живо снялъ сапогъ и исполнилъ его приказаніе.

— Чиста. Надѣнь, а потомъ переверни свою куртку подкладкою наружу, чтобы я ее увидѣлъ.

Я исполнилъ и это приказаніе.

— Опрятна. Хорошо. Надѣвай свою куртку и отвѣчай мнѣ, не знаешь ли, сколько полагается полковому казначею жалованья въ годъ?

— По чину поручика 380 р., ваше превосходительство.

— Угадалъ онъ, Кузичкинъ?

— Вѣрно-съ.

— Если казначей уволится, сможешь ты его мѣсто занять?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Отчего же нѣтъ?

— Оттого, ваше превосходительство, что казначеемъ можетъ быть только офицеръ, а я кантонистъ.

— Такъ ты развѣ только кантонистъ?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство.

— Жаль, жаль, а какой я имѣю чинъ?

— Генералъ-лейтенантъ и кавалеръ разныхъ орденовъ, ваше превосходительство.

— Учись хорошенько, выростай скорѣй, и я тебя сдѣлаю казначеемъ. Офицеромъ-то ты, конечно, надѣешься быть?

— Плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ, ваше превосходительство.

— Откуда тебѣ это извѣстно?

— Изъ артикуловъ, ваше превосходительство.

— Кто первый это предсказалъ?

— Знаменитый русскій полководецъ, генералиссимусъ Александръ Васильевичъ, князь италійскій, графъ Суворовъ рымникскій, ваше превосходительство.

— Браво, браво. Непремѣнно будешь офицеромъ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство, за вашу доброту.

— Отъ кого ты слыхалъ, что я добрый?

— Отъ своихъ начальниковъ, ваше превосходительство.

— Пересчитай мнѣ, кто тутъ твои начальники.

— Полковой командиръ и кавалеръ, полковникъ Веймарнъ, пол-

ковой казначей, поручикъ Кузичкинъ, губернскій секретарь Валовъ и старшій писарь Алексѣй Григорьевъ, ваше превосходительство.

— Григорьевъ, правда, что ты считаешь меня добрымъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство, откликнулся Григорьевъ; всѣ называютъ васъ очень добрымъ.

— Спасибо друзья, спасибо, а кѣмъ тебѣ приходится этотъ губернскій секретарь Валовъ?

— Крестнымъ отцомъ, ваше превосходительство.

— Разуважилъ ты меня своими знаніями, вполнѣ, братъ, разуважилъ. Молодецъ. А тебя, Валовъ, я благодарю, дважды благодарю отлично вышколилъ крестника, и изъ него будетъ прокъ, такъ какъ ты слывешь мудрымъ учителемъ. Его накорми за меня пирожнымъ, а я радъ еще разъ пожать тебѣ руку.

Исполнивъ это, онъ ушелъ самодовольный, а послѣ его ухода всѣ меня расхвалили за бойкіе отвѣты, даже Веймарнъ благодарилъ за меня крестнаго... Тѣмъ временемъ Зотовъ ревизовалъ адъютантскую часть, сидя въ креслахъ, а Домашневъ стоялъ передъ нимъ. Зотовъ ко всему придирался, говорилъ Домашневу колкости и вразумлялъ его не обижать писарей. Домашневъ трусилъ передъ Зотовымъ, точно такъ же, какъ передъ нимъ трусили писаря, они же, всматриваясь и вслушиваясь въ происходившее между Зотовымъ и Домашневымъ, злорадствовали... Инспектированіе продолжалось цѣлую недѣлю. И чѣмъ сердитѣе дѣлались Фроловъ и Зотовъ, тѣмъ первый—дѣлалъ больше ученій, а послѣдній—сильнѣе рылся въ дѣлахъ и надергивалъ болѣе упущеній, смотря по количеству обнаруженныхъ погрѣшностей—начальство потомъ расплачивалось съ ними изъ „благоразумной экономіи“, она же была столь значительна, что Веймарнъ, какъ я впослѣдствіи слышалъ отъ бывшихъ полковыхъ казначеевъ, ежегодно отсылалъ въ одесскій банкъ по 20.000—30.000 р. совершенно открыто, ибо полки давались для наживы. Не зѣвали, разумѣется, и казначей, квартирмейстеръ, батальонные, ротные командиры до завѣдывавшихъ хозяйствомъ штабныхъ унтеровъ включительно. Смотръ окончился обычнымъ опросомъ Фроловымъ нижнихъ чиновъ и кантонистовъ: не имѣли ли они претензій на начальство, но претензій никто никакихъ не смѣлъ имѣть; всѣ твердо помнили, что за претензіи потомъ „попадало на орѣхи“—по-просту драли.

Послѣ отъѣзда Фролова все приняло обычный характеръ, т. е., вкусная пища прекратилась, смотровыя вещи замѣнились худенькими, а изнурительная шагистика и прерванныя на время смотра безпощадные побои и экзекуціи возстановились въ прежней силѣ...

Вскорѣ Кузичкинъ сдалъ казначейскую должность поручику Никифорову, не за долго передъ тѣмъ переведенному изъ арміи въ полкъ

*

по просьбѣ его отца, отставнаго полковника, проживавшаго въ Нижнемъ. Старикъ этотъ былъ глухой и давно на столько хорошо знакомъ съ крестнымъ, что они въ складчину выписывали „Московскія Вѣдомости", читали ихъ по-очередно, а потомъ сходились для обсужденія прочитаннаго. Я и носилъ газеты отъ крестнаго къ старику, нравился ему за то, полагаю, въ особенности, что на его вопросы я во все горло кричалъ ему на ухо отвѣты, и онъ всегда цѣловалъ меня при встрѣчахъ и чѣмъ-нибудь непремѣнно угощалъ. И сынъ его, естественно, сошелся съ крестнымъ и меня тоже узналъ.

Чуть не съ первыхъ же дней казначейства Никифорова, отецъ его, не взирая на совмѣстное ихъ жительство (сынъ былъ холостой) повадился, какъ бы къ нему, къ намъ въ канцелярію, и проводилъ въ ней часа по два, а я, по его желанію, выкрикивалъ ему разговоръ его съ крестнымъ, Пономаревымъ и съ писарями. Хотя онъ и мѣшалъ всѣмъ заниматься, но его посѣщенія казались пріятными всѣмъ. Онъ нравился, какъ добродушный старикъ. Казначей Никифоровъ, изъ кадетъ, по-тогдашнему считался настолько образованнымъ и умнымъ, что живо понялъ всѣ обязанности и сталъ самъ сочинять бумаги, чего прежніе казначеи никогда не дѣлали. Передъ Веймарномъ держался онъ почтительно, но спокойно и самостоятельно, даже возражалъ ему по дѣламъ. Домашнева, который билъ всѣхъ писарей, предварилъ, чтобы никого изъ казначейскихъ не смѣлъ трогать, а если кто провинится, передавалъ бы о томъ ему, прямому ихъ начальнику. Со своими подчиненными обращался онъ сдержанно, объясненія выслушивалъ внимательно и ни рѣзкихъ словъ, ни угрозъ, ни ругани никто отъ него не слыхалъ. Короче, онъ подчиненными, а подчиненные имъ оказались вполнѣ довольными, а занимавшіеся въ другихъ частяхъ канцеляріи завидовали намъ за пріобрѣтеніе такого еще не бывалаго начальника.

Занятія наши совершенно неожиданно вдругъ уменьшились въ изрядной степени: Веймарнъ освободилъ казначея и квартирмейстера отъ завѣдыванія мастерскими, фурштадтскою командою, огородами и проч., а поручилъ все обширное это хозяйство малограмотному прапорщику Шугурову (изъ солдатъ, женившемуся на богатой купчихѣ) съ тѣмъ, чтобы онъ велъ все самостоятельно и лично ему представлялъ отчеты, для составленія которыхъ подчинилъ ему штабныхъ и ихъ писарей. Распоряженіе это толковалось тройкимъ манеромъ: одни говорили, что Веймарнъ его сдѣлалъ въ увѣренности, что Шугуровъ, по своей тупости, не сумѣетъ ничего утаить въ свою пользу; другіе полагали, что Шугуровъ, какъ богатый, по убѣжденію Веймарна просто не станетъ плутовать, и въ обоихъ случаяхъ всѣ доходы

сполна перейдутъ къ Веймарну, а третьи разсуждали, что Веймарну затруднительно было вертѣть стойкимъ Никифоровымъ, который по чести сразу уменьшилъ его доходы, а дабы Никифоровъ и его отецъ не обидѣлись за умаленіе его значенія, Веймарнъ и предпочелъ отнять мастерскія отъ него и квартирмейстера. Что именно изъ сказаннаго составляло истину—рѣшать не берусь, но вечерній досугъ достался намъ какъ нельзя болѣе кстати.

Въ городскомъ театрѣ представлялись разныя пьесы, для которыхъ требовались статисты, а для этого посылались солдаты, но спектакли кончались поздно, а солдатъ рано поднимали на ученья и съ кѣмъ-то изъ нихъ произошелъ какой-то казусъ, поэтому кто-то предложилъ замѣнить ихъ нами изъ канцеляріи, а наше начальство, по настоянію Никифорова, разрѣшило намъ ходить въ статисты за установленную плату по 7-ми коп. человѣку за спектакль. Театръ меня чрезвычайно заинтересовалъ, но иногда представлялись такія пьесы, которыя меня пугали; напримѣръ, византійскаго полководца „Велизарія“ игралъ извѣстный потомъ актеръ Рыбаковъ (огромнаго роста, плечистый), а онъ, находясь на сценѣ ослѣпленнымъ и въ оковахъ, такъ ими потрясалъ и негодовалъ, что я дрожалъ отъ страха; другой разъ роль „Отелло“,—игралъ настоящій арабъ Айро-Ольриджъ (тоже высокаго роста, тучный) и онъ, задушивъ на сценѣ Дездемону, такъ рычалъ, отчаянно стоналъ, глаза его дико сверкали, зубы оскалились, а звѣрское лицо искажалось въ судорогахъ, что я со страха убѣжалъ въ корридоръ театра.

Въ антрактахъ за кулисами возлѣ молодыхъ актрисъ, особенно помню по фамиліи Шмидгофъ, постоянно увивались разные франты, моментально, впрочемъ, исчезавшіе, какъ только появлялся губернаторъ со своимъ адъютантомъ. Оба приставали къ актрисамъ, заигрывали съ ними и бѣгали за ними по сценѣ. Однажды губернаторъ нечаянно толкнулъ меня, и я упалъ. Актрисы потребовали, чтобы онъ меня вознаградилъ. Адъютантъ вынулъ бумажникъ, но онѣ его вырвали у него изъ рукъ, расхватали деньги, изъ нихъ дали намъ, статистамъ 10 рублей, а пустой бумажникъ возвратили адъютанту. Какъ онъ, такъ и губернаторъ посмѣялись и вмѣстѣ съ актрисами ушли въ уборную, гдѣ адъютантъ раньше еще приготовилъ шампанское и фрукты, чтобы, какъ онъ, помню, выразился, заодно ужъ кутнуть и закатиться. Театръ всю зиму развлекалъ насъ и оживилъ нашу унылую жизнь. Къ лѣту я уже успѣлъ узнать кое-какіе канцелярскіе порядки и, чувствуя твердую опору въ крестномъ и Никифор безъ робости разносилъ по полковому лагерю къ подписи батальонныхъ и ротныхъ командировъ журналы хозяйственнаго комитета, а съ осени опять ходилъ въ статисты въ театръ.

Такъ однообразно, но благополучно текла наша мизерная жизнь. Стали и до меня доходить слухи и рѣчи о происходившей войнѣ, но гдѣ, у кого и съ кѣмъ, я не допытывался и потому не зналъ. Вдругъ въ канцеляріи получилось предписаніе приготовиться полку къ походу на войну. Всѣ муштровки и наказанія сразу прекратились, а начальство растерялось: со времени сформированія полка, въ 1826 г., онъ дальше лагеря (версты за двѣ отъ города) и деревень Нижегородскаго уѣзда (съ августа по октябрь), за 100 верстъ никуда не удалялся. Были, правда, офицеры, участвовавшіе въ турецкой кампаніи 1829 года и въ усмиреніи польскаго мятежа 1831 года, но они, изъ солдатъ же, по старости лѣтъ ничего уже не помнили. Оттого совершившій венгерскую кампанію 1849 года,—казначей Никифоровъ (ему было лѣтъ 30), оказался самымъ свѣдущимъ, и Веймарнъ, проведшій всю свою 25-лѣтнюю службу въ гвардіи, — началъ ежедневно звать его на совѣтъ о томъ, какъ и что предпринять. Большинство офицеровъ не желало разставаться съ своими семьями и съ покоемъ, а потому нехотя собирались въ походъ, а солдаты напротивъ радовались походу: они надѣялись, что жизнь ихъ улучшится. Среди приготовленій и канцелярію раздѣлили: на предназначенныхъ въ походъ и на оставленіе на мѣстѣ, при батальонѣ кантонистовъ, казармахъ, мастерскихъ и полковомъ лазаретѣ, ввѣренномъ крестному, а онъ, по моему желанію, согласился отпустить меня въ походъ подъ покровительствомъ Никифорова, какъ полковаго казначея.

Приблизилось время выступленія полка въ походъ (въ февралѣ 1854 г.). Наканунѣ вечеромъ крестный произнесъ мнѣ длинное наставленіе какъ себя вести, благословилъ меня образкомъ, вручилъ на нужду 10 рублей, а жена его снабдила меня мѣшкомъ съ разными необходимыми вещами и съѣстными припасами на нѣсколько дней, и я распростился съ ними. На слѣдующее солнечное утро, всѣ три батальона солдатъ въ начищенныхъ тяжелыхъ мѣдныхъ каскахъ, съ кремневыми ружьями, въ ранцахъ, туго набитыхъ вещами и въ шинеляхъ стояли фронтомъ на площади между городскимъ соборомъ и губернаторскимъ дворцомъ. Отслужили молебенъ, окропили всѣхъ святою водой, губернаторъ поздравилъ полкъ съ походомъ, пожелалъ ему одолѣть враговъ, выпилъ за его здоровье, а за нимъ и другія власти. Солдатамъ дали по чаркѣ водки, фунту варенаго мяса и по калачу отъ раскольника Бугрова. Послѣ этого парада скомандовали: направо по отдѣленіямъ, и 3.600 человѣкъ солдатъ съ офицерами тронулись вольнымъ шагомъ, въ ногу, въ путь, подъ веселые звуки нашихъ музыкантовъ и пѣсельниковъ, сверкая блестѣвшими въ воздухѣ штыками, касками, манерками, тесаками и пуговицами на шинеляхъ. За строевыми потянулись безоружные — нестроевые, писаря,

рядовые и кантонисты, принадлежавшіе къ канцеляріи, музыкантскому и пѣвческому хорамъ (собственно кантонистовъ было до 40 человѣкъ), а сзади нихъ потянулся обозъ подводъ въ 100... Мы, кантонисты, одѣтые въ куртках, сверхъ нихъ въ шинеляхъ, суконныхъ наушникахъ, шапкахъ и на ногахъ подъ сапогами въ каразеевыхъ портянкахъ, группами съ охотки весело прошли первыя 10 верстъ до привала, гдѣ офицеры окончательно распрощались съ провожавшими ихъ женами, родными и знакомыми. Съ привала приказано было вести солдатъ весь путь фронтомъ по 4 версты въ часъ и направили батальоны, или какъ ихъ называли эшелоны: первый — за 20, второй—за 15, а третій—за 10 верстъ, чтобы въ дальнѣйшей дорогѣ шли приблизительно на такомъ же другъ отъ друга разстояніи, для удобнѣйшаго размѣщенія на ночлегахъ и дневкахъ. Канцелярской нашей командѣ приказано было слѣдовать при послѣднемъ батальонѣ, какъ вздумаемъ, т. е. безъ опредѣленія числа верстъ и не фронтомъ, но ночевать вмѣстѣ съ батальономъ, и чтобы старшіе наши по утрамъ рапортовали батальонному командиру о нашемъ благополучіи, для перевозки же нашихъ вещей дали намъ подводу. Мы бодро отшагали остальную часть станціи, помѣстились 30 человѣкъ въ двухъ избахъ, поѣли кто что имѣлъ, натаскали со дворовъ и разбросали по полу солому и сѣно, разлеглись на нихъ и заснули богатырскимъ сномъ. Въ 5 часовъ утра пронзительный барабанный бой разбудилъ насъ. Мы повскакали, живо умылись свѣжимъ снѣгомъ, закусили, уложили свои пожитки и въ 6 пустились дальше по рыхлому снѣгу, отъ оттепели превращавшемуся въ грязь...

Такъ начался и однообразно продолжался нашъ походъ. Для поддержанія солдатскихъ силъ свыше послѣдовало приказаніе давать всѣмъ ежедневно по фунту мяса и въ обѣдъ и ужинъ по чаркѣ водки, слабосильныхъ и поклажу везти на подводахъ; но эшелонные и прочіе начальники сразу же принялись за наживу: самую пищу варили плохую, за версту отъ деревни, чтобы меньше было охотниковъ ходить туда ѣсть, мяса раздавали едва по полуфунту, а водки по получаркѣ въ непостные лишь дни, садиться на подводы никому не позволялось до полнаго изнеможенія, подводъ брали наполовину меньше положеннаго числа, а контромарками выводили въ расходъ полностью, оставшіяся же и отжиленныя отъ крестьянъ продавали въ уѣздныя казначейства. Ранцы съ вещами, каски, ружья и аммуницію солдаты обязывались нести на себѣ, при чемъ всѣ металлическія вещи ежедневно чистили, чтобы блестѣли, какъ на смотру. Хотя тащиться во всеоружіи при скудномъ питаніи было очень тяжело, тѣмъ не менѣе солдаты предпочитали походную жизнь—казарменной: наказывать въ пути начальство совсѣмъ перестало; почти безотлучное пре-

бываніе офицеровъ при солдатахъ сближало обѣ стороны и вынуждало первыхъ снисходительно относиться къ послѣднимъ, какъ отъ утомленія, такъ и изъ самосохраненія: въ темные вечера и утра они сами рисковали подвергнуться нападенію изъ-за угла, какъ это и случилось на первыхъ же порахъ. По примѣрамъ и подстрекательствамъ офицеровъ солдаты смотрѣли на крестьянское имущество, какъ на военную добычу, и все, что кому попадалось, напр., куриц для офицеровъ, масла для себя—тащили безнаказанно...

Собственно насъ, канцелярскую команду, пожитки наши не обременяли: ихъ везли на подводѣ, къ намъ начальство не придиралось, но насъ отягощали 20—30 верстныя разстоянія, хожденіе за пищей въ поле, откуда приходилось носить ее въ ведрахъ версту и больше, отчего она простывала и превращалась въ какое-то пойло, въ которомъ и сухари не размокали; спанье въ тѣснотѣ, грязи и часто на голомъ полу; мытье и чистка платья, писаніе на дневкахъ цѣлыми днями строевыхъ рапортовъ: изъ каждаго попутнаго города ихъ посылалось о благополучномъ вступленіи и выступленіи полка около сотни. Въ теченіе первой же недѣли мы крайне заморились отъ холода, голода, слякоти, втихомолку плакали и проклинали свою судьбу, но шли и шли... Офицеровъ дворянство угощало въ городахъ обѣдами, а о солдатахъ и объ насъ, безпомощныхъ, никто не вспоминалъ. Офицеры въ знакъ благодарности за угощеніе заставляли нашихъ измученныхъ и голодныхъ музыкантовъ—играть, а пѣсельниковъ—пѣть по нѣсколько часовъ предъ домами, въ которыхъ угощались, а это еще сильнѣе раздражало солдатъ, и они умудрялись впотьмахъ опустошать принадлежавшія жителямъ кладовыя, лавочки, лари со съѣстными припасами...

Встрѣчать Св. Пасху пришлось намъ на дневкѣ, въ уѣздномъ городѣ Покровѣ, куда мы пришли въ страстную субботу нарочно безъ привала, часовъ въ пять по полудни и помѣстились всѣ 30 человѣкъ канцеляріи въ полуразвалившійся домишко, а отдохнувъ немного, отправились въ единственную городскую баню. Такъ какъ платить намъ нечѣмъ было, то мы просто гурьбой ворвались въ предбанникъ и остолбенѣли: мы увидѣли спокойно раздѣвавшихся и одѣвавшихся мущинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ чел. 20—30, но, не взирая на произведенный переполохъ, мы живо раздѣлись и вбѣжали въ горячую баню, гдѣ мылись сидя на лавкахъ и на полкѣ тоже 30—40 мущинъ и женщинъ. Мы похватали у нихъ мыло, шайки и вѣники, изъ-за которыхъ завязалась перебранка, перешедшая въ драку между нами и вольными людьми. Однако мы ихъ одолѣли и изгнали, а на свободѣ вымылись сами и вымыли свое бѣлье, а одѣваясь расхитили у неуспѣвшихъ одѣться вольныхъ разныя вещи,

изъ которыхъ надѣлали себѣ потомъ портянки, нагрудники и кацавейки.

Въ продолженіе мѣсячнаго похода субалтернъ-офицеры шли вмѣстѣ съ солдатами, ротные командиры со станціи выступали съ ротами пѣшкомъ, потомъ ѣхали, а близъ слѣдующихъ станцій вылѣзали изъ экипажей, присоединялись къ ротамъ и съ ними пѣшкомъ вступали на ночлежныя квартиры. Эшелонные командиры, обозрѣвъ утромъ выступавшихъ, уѣзжали впередъ на слѣдующія станціи, гдѣ ожидали прибывавшихъ. Казначей и квартирмейстръ отправились прямо въ Москву, приготовить полку все нужное, а адъютантъ Домашневъ и Веймарнъ уѣзжали впередъ въ города, гдѣ Домашневъ свирѣпствовалъ надъ писарями, а Веймарнъ выходилъ версты за двѣ встрѣчать эшелоны, для узнанія, въ порядкѣ ли всѣ шли, а если замѣчалъ отступленія или оплошности, распекалъ офицеровъ и приказывалъ имъ взыскивать съ провинившихся нижнихъ чиновъ, но эти приказанія офицеры не исполняли изъ самосохраненія и отъ усталости.

Предъ Москвой устроили парочно дневку, на которую стянули весь полкъ, и онъ тщательно вычистился, вычинился, выстригся, выбрился, вымылся и прибодрился, такъ что вступилъ въ столицу точно на парадъ съ музыкою и пѣснями, хотя душевно и физически всѣ страдали. Помѣстили полкъ въ казармы 2-го учебнаго полка, ушедшаго въ походъ, и недѣли двѣ откармливали, отпаивали и нѣсколько разъ водили на смотры къ Фролову. Собственно мы, канцелярія, хотя и цѣлые дни и вечера писали, но зато ѣли сытно, спали въ теплѣ, чистотѣ и на тюфякахъ, оставленныхъ ушедшею канцеляріею. Едва мы оправились, послѣдовалъ приказъ отправиться дальше. Раннимъ, холоднымъ утромъ провели насъ чрезъ всю Москву (тутъ только мы ее разглядывали), прямо на платформу Николаевской желѣзной дороги, пересчитали и загнали въ длинные, широкіе открытые ящики съ глубокимъ дномъ и поперечными скамейками, на которыя усадили вплотную локоть къ локтю, а самые ящики оцѣпили вокругъ, чрезъ торчавшія палки, веревками, чтобы сидѣвшіе съ краевъ, не могли вывалиться. Затѣмъ намъ приказали перекреститься, машина пронзительно свистнула, запыхтѣла, и мы покатили... Сначала мы удивлялись и радовались, а потомъ, черезъ полчаса, стали разочаровываться: изъ машинной трубы дымъ застилалъ намъ глаза, искры прожигали наши сермяги и попадали въ лицо, холодный вѣтеръ со всѣхъ сторонъ пронизывалъ насъ до костей, а полившій дождь свободно мочилъ насъ... Проѣхавъ станцій десять, поѣздъ остановился и намъ приказали выходить, но отъ вѣтра глаза слезились, отъ неподвижнаго сидѣнья ноги отекли, отъ холода тѣло окоченѣло, а отъ дождя вся одежда смокла, поэтому мы съ неимовѣрнымъ усиліемъ выбрались

на платформу и, усердно разминая окоченѣвшіе члены, направились въ поле, за версту обѣдать. Пища была плохая и остывшая, но, проголодавшись, назябшись, и выпивъ по чаркѣ данной намъ водки, мы поѣли, вернулись въ свои ящики и поѣхали дальше; ужинали также въ полѣ, ту же бурду, а ночью, пользуясь темнотой, забирались поочередно подъ лавки, растягивались во весь ростъ, и лежа, проклинали придумавшихъ такіе ящики-вагоны. Утромъ, по жалобѣ нашихъ старшихъ на несносную ѣзду, намъ дали по стакану водки, отъ которой натощакъ мы охмѣлѣли и намъ стало сноснѣе... Обѣдали мы и ужинали опять въ полѣ, а на ночь насъ, мальчиковъ, въ видѣ милости, пустили въ темные вагоны къ лошадямъ, гдѣ въ теплѣ и сушѣ мы отлично проспали ночь на сѣнѣ. Утромъ же, не взирая на всѣ наши мольбы, оставить насъ съ лошадьми, насъ выгнали на наши мѣста въ открытые ящики... На третьи сутки, подъ вечеръ, насъ предварили, что приближаемся къ Петербургу, а потому приказали хорошенько обчиститься, застегнуться и сидѣть смирно, но бодро, а солдаты обтерли каски, ружья, аммуницію, надѣли ранцы, взяли ружья на плечо, и въ сидячемъ фронтѣ въѣхали подъ крышу вокзала уже впотьмахъ.

Все наше начальство осмотрѣло съ фонарями въ рукахъ солдатъ, выстроило и повело ихъ тихонько, точно крадучись, а о насъ, по своей трусости, оно забыло. Мы и остались подъ крышею ждать часа на два, покамѣстъ за нами явился офицеръ и повелъ насъ по проливному дождю, лужамъ и грязи, среди непроницаемой тьмы. Онъ нѣсколько разъ сворачивалъ по сторонамъ, заплутался, наткнулся на будку, вызвалъ будочника, который проводилъ насъ до слѣдующаго, а тотъ тоже къ слѣдующему, такъ что, кажется, пятый по счету привелъ насъ, во 2-мъ часу ночи, на Пески, въ деревянный домъ (помню Холодковскаго), противъ церкви Рождества Христова, гдѣ квартирою намъ отвели чердакъ, съ прогнившей крышей, со слуховыми окнами безъ стеколъ и множествомъ щелей со всѣхъ сторонъ... Мы разгребли руками мокрые песокъ и мусоръ и полегли на нихъ, положивъ подъ головы ладони и шапки. Чердакъ былъ, къ тому же, такъ малъ, что на немъ едва хватило мѣста на 30 человѣкъ канцеляріи и если кто хотѣлъ повернуться на другой бокъ, то долженъ былъ встать на ноги, чтобы другихъ не безпокоить. Физическое и нравственное изнеможеніе смежили наши вѣки, и мы заснули.

Въ шесть часовъ утра зычный голосъ Домашнева разбудилъ насъ. Онъ раскричался, чтобы мы безотлагательно принялись писать. Старшій полковой писарь Ивановъ (человѣкъ пожилой и пользовавшійся общимъ уваженіемъ) доложилъ ему, что мы всѣ простужены и намъ негдѣ, да и не на чемъ писать. За это онъ получилъ отъ Домашнева

пару звонкихъ оплеухъ и приказаніе писать лежа на полу. Изъ насъ одни выравнивали землю руками, другіе принесли изъ сарая канцелярскія принадлежности, и мы всѣ разлеглись на полу писать, когда дрожали отъ лихорадочнаго состоянія, а Домашневъ обходилъ чердакъ и всматривался, красиво ли пишемъ рапорты о благополучномъ вступленіи полка. Кровь приливала къ головѣ, руки дрожали, въ глазахъ темнѣло, но всѣ напрягали свои силы и писали. Писавшій рядомъ со мною, нѣжный юноша Лазаревъ, съ испугу отъ крика Домашнева, капнулъ чернилами на свое писаніе. Увидѣвъ это, обозленный Домашневъ ударилъ его каблукомъ со шпорою по головѣ столь сильно, что изъ его носа и рта хлынула кровь, онъ протяжно вздохнулъ и свалился на меня. Я потолкалъ, было, его, но напрасно: онъ уже былъ недвижимъ. Я вскочилъ на ноги и крикнулъ: „померъ“. За это Домашневъ меня тоже ударилъ кулакомъ по головѣ, и я на кого-то свалился, а пока очнулся и всталъ, — всѣ перестали писать и укоризненно глядѣли на Домашнева. Немного погодя, Лазарева снесли на рогожѣ во дворъ, въ походный лазаретъ, и фельдшеръ оповѣстилъ насъ, что онъ, дѣйствительно, умеръ, а въ приказѣ по полку на другой день объявили о его смерти „отъ тифозной горячки“, но когда и гдѣ его похоронили — мы такъ и не узнали.

Тѣмъ временемъ, въ происшедшей на чердакѣ суматохѣ, старшій казначейскій писарь Григорьевъ незамѣтно ушелъ съ чердака, розыскалъ въ томъ же домѣ казначея Никифорова и разсказалъ ему о всѣхъ нашихъ злоключеніяхъ. Онъ тотчасъ же переселился на жительство къ квартирмейстеру Пономареву, а свою большую комнату уступилъ намъ и квартирмейстерскимъ писарямъ. Насъ живо созвали туда, напоили чаемъ, оба дали Григорьеву денегъ на наше пропитаніе, накупили съѣстныхъ припасовъ, мы поѣли и получили отдыхъ отъ занятій, тогда какъ адъютантскіе писаря цѣлый день писали на чердакѣ голодные и мокрые.

Черезъ три дня полку отвели, для жительства, Семеновскія казармы, куда мы и перешли. Въ казармахъ было свѣтло, сухо, просторно, пищу варили порядочную, но спать всѣмъ приходилось на голыхъ нарахъ. Отъ дорожныхъ мытарствъ, перемѣны климата и, какъ говорили, отъ невской воды среди нашихъ солдатъ появились болѣзни и смертность. Это встревожило столичное наше начальство и оно потребовало отъ нашего объясненія, но оно, не зная, что писать, обратилось, частнымъ образомъ, за совѣтомъ въ департаментъ военныхъ поселеній, къ начальнику отдѣленія, надв. сов. Нельговскому (въ его отдѣленіи производились всѣ дѣла 4-хъ учебныхъ полковъ), который сочинилъ причины и въ числѣ ихъ неимѣніе постельныхъ принадлежностей. Съ его проектомъ всѣ 4 командира ра-

портовали и черезъ недѣлю всѣмъ полкамъ отпустили, какъ я слышалъ изъ разговора Никифорова съ Пономаревымъ, по 7.000 рублей каждому полку. Изъ этихъ денегъ купили отъ завѣдывавшаго казармами и имуществомъ ушедшаго въ походъ Семеновскаго полка старыя постельныя принадлежности и роздали, въ числѣ прочихъ, и намъ, изъ полученныхъ же денегъ удѣлили Нельговскому 1.000 рублей. Узналъ я это потому, что мнѣ, признанному наиболѣе смышленымъ и вращавшемуся среди господъ, пришлось, по порученію Никифорова, снести ихъ въ конвертѣ съ надписью „въ собственныя руки".

— По приказанію командира 4-го учебнаго полка, представляю вашему высокородію конвертъ, а въ полученіи его благоволите росписку,—рапортовалъ я заученныя слова Нельговскому, изящному пожилому франту въ золотыхъ очкахъ, въ его кабинетѣ.—Полковникъ свидѣтельствуетъ вамъ усерднѣйшее почтеніе.

— Спасибо, — отозвался онъ, распечаталъ конвертъ, сосчиталъ деньги, положилъ ихъ въ столъ, написалъ росписку и, подавая ее мнѣ вмѣстѣ съ рублемъ, прибавилъ:—а это тебѣ на чай. Кланяйся полковнику.

Въ казармахъ нашихъ старшихъ навѣщали вечерами бывшіе въ нашей же „живодернѣ" кантонистами, а тогда уже писаря департаментовъ, канцеляріи военнаго министра и даже одинъ изъ канцеляріи наслѣдника цесаревича, со звѣздою на груди. Всѣ они были щегольски одѣты и до того смѣлы, что предъ входившимъ въ комнату Домашневымъ не вставали, а на его замѣчанія подтрунивали надъ нимъ, заводили съ нимъ пререканія, перебранку и угрожали ему донести о его жестокостяхъ своему начальству, такъ что онъ отъ трусости стушевывался передъ ними, а за его отдѣлку ими—мы восторгались счастливыми, какъ намъ казалось, столичными писарями. Нѣсколько дней спустя, Веймарнъ вдругъ велѣлъ Никифорову послать въ помощь заниматься въ штабъ Фролова именно меня, въ надеждѣ, что: во 1-хъ, Зотовъ, по знакомству съ крестнымъ, меня, хотя и не важно писавшаго, не забракуетъ, а, напротивъ, покажетъ Фролову, онъ вспомнитъ мое ординарчество и охотно станетъ балагурить со мною, во-2-хъ, коль скоро я, не зная улицъ, аккуратно доставилъ Нельговскому конвертъ, значитъ, способенъ исполнять порученія, если изъ штаба меня будутъ посылать. Меня сводили въ баню, остригли подъ гребенку, нарядили въ лучшую обмундировку, наказали мнѣ вести себя прилично, осторожно и отправили съ утра въ штабъ съ письмомъ на имя Зотова, котораго на конвертѣ величали „благородіемъ". Я явился въ гостиницу Волкова (въ Большой Конюшенной), гдѣ располагался штабъ. Лакей провелъ меня чрезъ нѣсколько комнатъ, и я предсталъ предъ Зотовымъ, сидѣвшимъ въ

креслахъ въ разстегнутомъ писарскомъ сюртукѣ предъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами. Онъ встрѣтилъ меня очень радушно, около часа разспрашивалъ меня, какъ мы совершили походъ, какъ насъ содержали и пр. Я откровенно разсказалъ ему о претерпѣнномъ нами холодѣ, голодѣ и пр. Разсказъ мой такъ сильно его интересовалъ, что когда дежурный офицеръ почтительно доложилъ ему о желаніи полковаго командира 3-го полка видѣть его, онъ велѣлъ просить его подождать, а продолжалъ бесѣдовать со мною. Потомъ тотъ же офицеръ доложилъ о бригадномъ командирѣ, и онъ приказалъ его впустить, а мнѣ остаться тамъ же. Я сталъ въ углу возлѣ стола. Ввалился тучный генералъ въ эполетахъ, орденахъ и лентѣ черезъ плечо, протянулъ обѣ руки Зотову, сѣлъ противъ него и сталъ его просить сочинить отвѣтъ на какой-то полученный имъ запросъ. Зотовъ предложилъ ему прислать адъютанта, котораго обѣщалъ научить, какъ написать. Генералъ поблагодарилъ его, распрощался съ нимъ за руку же и удалился. Тогда онъ позвалъ писаря и приказалъ ему дать мнѣ переписать бумагу, которую прислать ему со мною же. Когда я явился чрезъ часъ съ бумагою, я засталъ его спорящимъ съ полковникомъ и ждалъ.

— Я тебя, Александръ Иванычъ, жду не дождусь, а ты тутъ лясы точишь,—забасилъ неожиданно вошедшій Фроловъ. Онъ былъ въ красной рубашкѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, въ широкихъ плисовыхъ шароварахъ и въ зеленыхъ туфляхъ. — Вы, полковникъ, — продолжалъ онъ, — зачѣмъ здѣсь, когда вамъ надо готовить полкъ къ смотру государя императора.

— Я приглашенъ объясниться, ваше превосходительство,—растерянно отвѣтилъ полковникъ.

— О чемъ вамъ тутъ объясняться въ столь горячее время?

— По приказанію вашего превосходительства я просилъ г. полковника разъяснить, почему въ полковомъ строевомъ рапортѣ ошибки въ числѣ людей,—сказалъ Зотовъ.

— Ка-акъ? Ошибки?—закричалъ Фроловъ.—Я этого не потерплю. За это я васъ на гауптвахту...

— По неопытности я не досмотрѣлъ за писарями и адъютантомъ, на которыхъ положился... Я позволяю себѣ думать...

— Думаютъ только индѣйскіе пѣтухи. Я врагъ тѣхъ, которые думаютъ, а не исполняютъ своей обязанности, а вы изъ гвардіи полковникъ, просто ариѳметики не знаете. Чрезъ часъ наивѣрнѣйшій рапортъ представьте, не то непремѣнно запрячу васъ на гауптвахту. Ступ-пайте!

Полковникъ удалился красный, какъ ракъ.

— О чемъ ты спорилъ съ этимъ щеголемъ?—допытывался Фроловъ.

— Я ему доказывалъ, что нельзя разсылать рапорты съ ошибками, а онъ мнѣ возразилъ, что рапорты эти читаютъ только любопытные писаря, т. е. оскорблялъ меня въ вашемъ лицѣ.

— Ахъ онъ, прощалыга этакій! Напрасно ты, братецъ, при немъ мнѣ этого не сказалъ; я бы его, шишимору, прямо арестовалъ. Впрочемъ, онъ, дуракъ, еще не знаетъ, что ты — это все равно, что я, ну и сболтнулъ. Однако нѣ-ѣтъ, я его не представлю къ утвержденію командиромъ полка, ни за что не представлю! Отмѣть это на память. А это что у тебя за клопъ?—перевелъ онъ рѣчь, разглядѣвъ меня.

— Я взялъ изъ всѣхъ полковъ по переписчику въ подмогу нашимъ, а онъ одинъ изъ присланныхъ, и вы его изволите знать: онъ бывалъ у васъ ординарцемъ въ Нижнемъ и крестникъ учителя Валова, котораго вы удостаивали своимъ вниманіемъ за его ученость.

— Ахъ да, помню, отлично обоихъ помню. Стоишь ты, клопъ, молодцомъ. А не забылъ, какъ являлся ко мнѣ ординарцемъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Отчего же ты, однако, въ курточкѣ?

— Я кантонистъ, ваше превосходительство.

— Опять кантонистъ, да еще въ походѣ и на войну идешь!.. Это что за фокусъ?

— Судя по строевымъ рапортамъ, всѣ командиры привели кантонистовъ въ числѣ писарей, пѣвчихъ и музыкантовъ, — разъяснилъ Зотовъ. Это совершенный произволъ командировъ и, если свыше замѣтятъ, трудно будетъ отписаться.

— Да, эти черти, командиры, совсѣмъ ошалѣли и подведутъ меня, ей Богу подведутъ!.. Сегодня же предпиши имъ, чтобы ни одного кантониста здѣсь не было черезъ 24 часа; пусть хоть проглотятъ ихъ.

— Вы, вѣроятно, изволите приказывать зачислить всѣхъ ихъ въ рядовые?

— Ну да, ну да, въ рядовые ли, въ фельдфебеля ли, мнѣ все равно, только бы кантонистовъ не было здѣсь, а его произведи, Александръ Ивановичъ, въ писаря.

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, ни одной вакансіи.

Такъ въ унтеръ-офицеры, въ любой полкъ и оставь его при себѣ. Онъ давно мнѣ вѣдь нравится.

— Въ унтеръ-офицеры установлено производить непремѣнно изъ рядовыхъ и не моложе 25 лѣтъ, а ему всего-то 15-й годъ, значитъ, нельзя...

— Жаль, жаль, а мнѣ бы хотѣлось видѣть его въ галунахъ, но коли ты думаешь рано,—пусть будетъ по-твоему. А сколько, скажи мнѣ, клопъ, полагается жалованья рядовому въ треть?

— Одинъ рубль тридцать пять копѣекъ, ваше превосходительство.

— Вѣрно. А сколько государь даетъ мнѣ жалованья?

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— И прекрасно: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

Онъ скорчилъ гримасу, показалъ мнѣ языкъ и ушелъ въ сопровожденіи Зотова въ свои комнаты, а я вернулся въ канцелярію, проработалъ до 2-хъ часовъ, потомъ обѣдалъ, въ числѣ другихъ, вкусную пищу, отдохнулъ съ часъ, затѣмъ опять писалъ до 7-ми часовъ, пилъ чай съ булками и отпущенъ былъ ночевать въ полкъ, съ наказомъ на другой день явиться къ 10 утра.

Со слѣдующаго же дня я, въ числѣ многихъ кантонистовъ полка, считался уже рядовымъ, да еще 18 лѣтъ; право на это званіе имѣли только достигшіе этого возраста, потому всѣмъ, кому не хватало—просто набавили по 2—3 года. Мы возгордились тѣмъ, что станемъ получать 1 р. 35 коп. въ треть. Ежедневныя хожденія въ штабъ тяготили меня лишь тѣмъ, что на улицѣ приходилось снимать шапку передъ всѣми офицерами, а ихъ, по случаю войны, встрѣчалось такъ много, что отъ безпрестаннаго сниманія и надѣванія шапки рука до крайности уставала. Занятій въ штабѣ было дѣйствительно такъ много, что 10 человѣкъ съ утра до вечера охотно писали въ будни и праздники, потому что съ нами обходились деликатно, кормили насъ хорошо, а въ праздники намъ, приходившимъ въ штабъ, Зотовъ давалъ по полтиннику за стараніе. Самъ онъ сочинялъ по полсотнѣ бумагъ въ день, перечитывалъ переписанныя и подавалъ ихъ къ подписи Фролова, да еще принималъ 20—30 человѣкъ отъ генераловъ до прапорщиковъ включительно, выслушивалъ отъ нихъ доклады и снабжалъ: однихъ—совѣтами, другихъ—распоряженіями, а третьихъ—нотаціями, при чемъ нерѣдко, въ отсутствіе Фролова—въ спѣшныхъ случаяхъ даже удачно расчеркивался его фамиліею на бумагахъ, по его уполномочію. Два инспекторскихъ адъютанта офицера находились также въ распоряженіи Зотова, знаніямъ, трудолюбію и энергіи котораго всѣ удивлялись.

Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль моихъ занятій въ штабѣ я убѣдился, что разсказы мои и другихъ, присланныхъ изъ полковъ въ штабъ писать, послужили Зотову темами для различныхъ запросовъ, замѣчаній и выговоровъ полковымъ командирамъ.

Предстоялъ царскій смотръ, а муштровать солдатъ запрещалось, да еще приказывалось хорошо кормить ихъ и отпускать имъ винную порцію, а отступать отъ предписаній было опасно: высшія власти могли внезапно явиться и замѣтить нарушенія. Полковое начальство злобствовало безсильно и до того растерялось, что просило солдатъ постараться отличиться на смотру, хотя солдаты и сами этого жаждали. Насталъ день смотра. Раннимъ утромъ солдаты тихо одѣлись

по-парадному, были въ корридорахъ безмолвно тщательно осмотрѣны по порядку всѣмъ полковымъ начальствомъ и въ 7 часовъ утра выведены на плацъ, а тамъ въ 8 часовъ подверглись поочередно осмотру полковымъ, бригаднымъ командирами, Фроловымъ, директоромъ департамента военныхъ поселеній, генералъ-лейтенантомъ барономъ Пиларъ-фонъ-Пильхау и главнокомандующимъ, генераломъ-отъ-инфантеріи Арбузовымъ, затѣмъ всѣ трое встрѣтили военнаго министра, генералъ-адъютанта князя Долгорукова, тоже объѣхавшаго фронтъ. Фигуры трехъ вмѣстѣ поражали: Фроловъ—тѣлосложеніемъ и ростомъ выглядѣлъ Голіафомъ, Пильхау—длинный, худой, точно жердь, а Арбузовъ—маленькій, казался карликомъ. Наконецъ, прибыла царская свита, а за нею пріѣхалъ, пересѣлъ на лошадь и показался на плацъ величественный царь Николай I-й. Музыка заиграла, смотръ начался и продолжался часъ. Царь хвалилъ маршировку, ружейные пріемы, а солдаты восторженно кричали: „рады стараться, ваше императорское величество“.

Къ концу смотра я опрометью побѣжалъ въ штабъ и доложилъ о царскихъ похвалахъ Зотову, согласно его наказу. Во время моего разсказа въ кабинетъ Зотова ввалился въ мундирѣ, звѣздахъ, орденахъ и лентѣ сіявшій Фроловъ, опустился въ кресло и отпыхивался. Зотовъ поздравилъ его съ благополучнымъ смотромъ. Онъ спросилъ, откуда ему это извѣстно? Зотовъ признался, что отъ меня, по его порученію. Фроловъ назвалъ меня молодцомъ, приказалъ наградить меня тремя рублями, всталъ, отъ избытка радости, поцѣловалъ меня въ голову и ушелъ съ Зотовымъ завтракать, а насъ велѣлъ отпустить гулять.

Въ награду за этотъ смотръ роздали всѣмъ нижнимъ чинамъ, въ томъ числѣ писарямъ и числившимся рядовыми, по рублю, такъ какъ въ рапортахъ набавили человѣкъ на 300 въ каждомъ полку, для увеличенія общей суммы. Затѣмъ, для внушенія нашимъ молодымъ солдатамъ понятія о войнѣ,—прикомандировали къ полкамъ унтеровъ изъ роты дворцовыхъ гренадеръ, или золотой роты, какъ ихъ называли, а въ виду приступа къ Аландскимъ островамъ непріятельскаго флота, послали для усиленія состава войскъ въ Финляндіи нашъ полкъ въ Выборгъ (въ маѣ 1854 г.); тяжелое же полковое имущество и половину канцеляріи оставили въ Петербургѣ въ казармахъ, откуда я продолжалъ ходить заниматься въ штабъ. Напрасно, однако, прождавъ все лѣто непріятеля,—полкъ вернулся въ Петербургъ, а отсюда осенью распредѣлили всѣ наши полки на зимнія квартиры: 1-й—въ село Медвѣдь, Новгородской губерніи, гдѣ онъ постоянно помѣщался; 2-й—въ Москву, тоже во-свояси; 3-й—не помню куда (онъ располагался въ Ярославлѣ), а нашъ 4-й—въ Боровичскій уѣздъ,

Новгородской губерніи, Фроловъ же со своимъ штабомъ собрался въ Москву, куда Зотовъ хотѣлъ и меня взять, но я предпочелъ остаться въ полку, среди товарищей, и онъ меня отпустилъ.

Полкъ нашъ провезли на тѣхъ же открытыхъ платформахъ желѣзной дороги до Валдайской станціи, а оттуда прогнали пѣшкомъ верстъ 60 до Боровичей, въ октябрѣ 1854 г. Тамъ основались полковой штабъ и для карауловъ 2—3 роты солдатъ, а остальныхъ разослали по окрестнымъ деревнямъ, откуда они поочередно должны были приходить на смѣну занимать городскіе караулы. Городишко былъ невзрачный, маленькій, потому насъ размѣстили по 2—4 человѣка въ домѣ. Жители были бѣдные, преимущественно ремесленники, но почти всѣ считались купцами 3-й гильдіи, чтобы избавиться отъ рекрутчины.

Я съ товарищемъ попалъ квартировать къ столяру, у котораго мы застали еще постояльца, инвалиднаго солдата, худаго, какъ щепку Всю первую же ночь онъ не далъ намъ уснуть: страшно кашлялъ, и въ передышку, на наше соболѣзнованіе, разсказалъ намъ, что за упускъ арестанта его прогнали сквозь строй и палками отбили ему всю внутренность, почему онъ и кашлялъ, а лѣчился рѣдечнымъ сокомъ [1]). На утро мы прибрали войлокъ и столярныя стружки, на которыхъ лежали на полу, и отправились въ канцелярію, а тамъ освѣдомились отъ товарищей, что довольныхъ квартирами набиралось едва 5—7 и то только попавшіе къ раскольникамъ, которые за обѣщаніе не курить въ ихъ домахъ и не хватать ихъ посуды,—дали подушки, отвели отдѣльныя горницы и обѣщали хорошо кормить ихъ.

По приказанію старшихъ мы обошли весь городъ, узнали квартиры полковаго и батальоннаго командировъ, адъютанта, казначея, квартирмейстра, аудитора, священника и гауптвахты, дабы въ случаѣ надобности не плутать, а проходя мимо домовъ названныхъ начальственныхъ лицъ исправно снимать шапки. Запимавшіеся въ казначейской части вчетверомъ зашли мы къ казначею Никифорову. Онъ обласкалъ насъ, велѣлъ вести себя скромно, ходить аккуратно: по субботамъ—ко всенощной, по воскресеньямъ—къ обѣднѣ, а изъ церкви къ нему—чай пить, разспросилъ, какъ мы провели дорогу, помѣстились, и далъ намъ по рублю на нужду.

Съ слѣдующаго дня начались наши занятія: съ 9-ти утра до часу и съ двухъ по полудни до 8-ми, а иногда до 10 вечера; досугами же мы чинили свои вещи, мыли бѣлье, отдыхали, ходили другъ къ другу,

---

[1]) Въ теченіе зимы онъ пилъ этотъ сокъ: сперва—по чайной ложкѣ, потомъ—по чашкѣ, наконецъ—по стакану,—два раза въ день и къ лѣту не только выздоровѣлъ, но даже потолстѣлъ.

либо слонялись по улицамъ, субботними вечерами и по воскресеньямъ днемъ угощались у Никифорова, а квартирмейстерскіе писаря—у Пономарева, такъ какъ оба не только никого не обижали и не били, а заботились о своихъ подчиненныхъ, облегчали ихъ грустное положеніе. Напротивъ, адъютантъ Домашневъ по-прежнему истязалъ своихъ подчиненныхъ: билъ, дралъ ихъ, ставилъ съ ранцами съ пескомъ на часы на цѣлыя ночи, добился разжалованія двоихъ унтеръ-офицеровъ въ рядовые, и одинъ изъ нихъ даже покушался повѣситься съ отчаянія, но его сняли съ петли и отодрали.

Квартировавшіе въ деревняхъ ротные командиры съ солдатами занялись ихъ муштровкою, да отжиливаніемъ и утайкою отъ ихъ домохозяевъ солдатскихъ пайковъ за ихъ прокормленіе. Батальонные командиры сводили счеты съэкономленныхъ на подводахъ контромарокъ, которыя сбывали уѣздному казначею за удешевленную плату. Веймарнъ, какъ старшій всѣхъ въ городѣ чиномъ и привыкшій властвовать, ежедневно обходилъ весь городъ, заходилъ въ острогъ, инвалидную казарму, частные дома, трактиры, лавки, все вездѣ высматривалъ и требовалъ: отъ городничаго—древняго, раненаго маіора—чтобы улицы очищались отъ снѣга и грязи, трактиры и кабаки—открывались не ранѣе девяти часовъ утра, закрывались—не позже 9 часовъ вечера, а въ нихъ чтобы водворилась тишина и солдатъ не впускали, чтобы жители ночами не шлялись по улицамъ, въ особенности съ бумажными фонарями (городскаго освѣщенія никакого не было), чтобы лавочники вели себя пристойно, а въ базарные дни квартальный и будочники дежурили на площади и наблюдали за поведеніемъ торговцевъ; отъ инвалиднаго начальника—стараго штабсъ-капитана—чтобы его солдаты ходили въ формѣ, въ чищенной аммуниціи и отнюдь не появлялись на улицахъ не трезвыми, отъ обоихъ и уѣзднаго судьи—чтобы въ острогѣ было чисто, опрятно, арестованные кормились бы исправно, не содержались бы напрасно; подлежавшіе отсылкѣ не задерживались бы, а дѣла ихъ не затягивались бы безцѣльно; наконецъ, отъ городскаго головы,—чтобы жители помѣщали своихъ квартирантовъ солдатъ, писарей и музыкантовъ въ приличныхъ, со свѣжимъ воздухомъ комнатахъ, обходились съ ними пристойно и продовольствовали бы ихъ порядочно; со своими же подчиненными расправлялся просто: поролъ нижнихъ чиновъ—розгами, а офицеровъ—наряжалъ въ караулъ безъ очереди, выговорами и арестами. Однажды, напр., явились къ нему въ канцелярію два вновь прибывшихъ офицера и за то, что осмѣлились признаться ему въ невѣдѣніи, гдѣ квартируетъ батальонный командиръ,—посадилъ ихъ на гауптвахту, на трое сутокъ.

Когда зима окончательно установилась,—Веймарнъ сперва отпу-

стилъ въ отпускъ нѣсколькихъ офицеровъ, а потомъ и самъ уѣхалъ съ Никифоровымъ въ Нижній, оставивъ за себя старшаго батальоннаго командира, подполковника Бакаева, человѣка значительно менѣе его суроваго. Всѣ обрадовались временному хотя избавленію отъ строгостей и распустились. Офицеры стали ѣздить въ гости къ окрестнымъ помѣщикамъ, заводили знакомства въ городѣ и устраивали у себя пирушки, на которыхъ покучивали и дурачились. Напримѣръ, полковые аудиторъ и священникъ квартировали вмѣстѣ и по очереди тоже сзывали гостей, а они, выпивши, однажды переодѣли священника въ солдатскую форму, закричали „пожаръ", выбѣжали на улицу и погнали по ней священника, на потѣху зѣвакамъ. Глядя на высшихъ, и нижніе чины повадились вечерами на „посѣдки", гдѣ мѣстныя молодыя женщины, дѣвушки и парни плясали и пѣли пѣсни. Наши дружно оттѣснили мѣстныхъ кавалеровъ и завладѣли ихъ дамами. Это сопровождалось обоюдными драками, но побѣда дорого стоила нашимъ: очень многіе заразились сифилисомъ и за это въ сумеркахъ били дамъ и вымазывали ворота ихъ домовъ дегтемъ, а полковой лазаретъ переполнился больными. Кромѣ того, къ старику—мѣщанину, занимавшемуся лѣченіемъ, валили толпами писаря, музыканты и унтера, которымъ зазорно казалось лѣчиться въ лазаретѣ. Лѣченіе старика обходилось въ 2—3 рубля и заключалось въ томъ, что въ жарко натопленной банѣ влѣзали на полокъ больные, а старикъ намазывалъ пораженное тѣло сулемой, квасцами и крѣпкой водкой и вѣникомъ парилъ, а чтобы легче выносили боль—поилъ ихъ водкою, настоенною на стрючковомъ перцѣ. Отъ 3-хъ—4-хъ такихъ бань раны засыхали, а послѣ 6—7 дневныхъ такихъ бань выздоравливали, перенеся страшныя мученія. Слава старика такъ быстро разрослась, что и офицеры, даже младшій полковой лѣкарь Краснопольскій у него пользовались.

Но вотъ вернулся Веймарнъ, и всѣ гульбища сразу прекратились, а началась расправа: онъ подвергнулъ недѣльному аресту: аудитора—домашнему, а священника—въ лазаретѣ на слабой порціи. Лѣкарь, разруганный имъ, доложилъ ему, что онъ самъ боленъ сифилисомъ, лѣчится у старика, лѣчитъ до двадцати офицеровъ и до трехсотъ солдатъ, что, по свѣдѣніямъ уѣзднаго врача, по всему уѣзду женщины одержимы этимъ недугомъ и заражаютъ мужчинъ. Веймарнъ распорядился строжайшимъ опросомъ лазаретныхъ больныхъ, отъ какихъ именно женщинъ заразились, потомъ созвалъ: городничаго, уѣзднаго врача, исправника и потребовалъ отъ нихъ наказанія виновныхъ и освидѣтельствованія всѣхъ женщинъ, но тѣ выразили опасеніе взбунтовать этимъ народъ, указанныхъ же женщинъ принялись ловить и свидѣтельствовать. Изъ больныхъ офицеровъ: одни—ночью тайкомъ ходили

къ старику въ баню, или къ лѣкарю, или же онъ къ нимъ, а другіе—удирали въ отпускъ долѣчиваться. Городское населеніе, особенно благородное, вознегодовало за нападки на женщинъ, которыя перестали показываться на улицѣ, даже днемъ.

Всѣ впали въ сильное уныніе, точно предчувствуя новую еще бѣду, которая дѣйствительно не замедлила разразиться. Вдругъ днемъ, въ будни, зазвонили въ церковные колокола. Мы выскочили изъ канцеляріи (помѣщалась въ центрѣ города) на улицу и услышали. что будочники приказывали торговцамъ запирать лавочки, но они не повиновались, а требовали разъясненія причины.

— Въ церковь, въ церковь, шалыганы, маршъ!—кричалъ самъ уже квартальный. Царь, волею Божіею, скончался. Слышите. Пошли присягать, прися-гать...

— Враки, братцы!—оралъ толстякъ-торговецъ;—за этакія рѣчи ей, ребята, и бока переломать впору.

— Присягать? ужъ не хранцузу ли?—подхватилъ другой. Ни въ жисть! Мы, вспомните, православные, вѣдь потомки Марѳы Посадницы, обвязаны постоять за себя, да за Русь святую...

— Манифестъ присланъ и въ церкви будетъ читаться, продолжалъ квартальный, потому идите туда... Тамъ и присягать. Ослушникамъ морды на сторону сверну, поронцу зад-дамъ...

Возраставшая на шумъ и перебранку толпа нехотя направилась къ собору, съ полнымъ недовѣріемъ къ словамъ будочниковъ и квартальнаго. Въ оградѣ городничій повторилъ толпѣ о печальной вѣсти, но она и ему не повѣрила и даже его бранила. На паперть вышелъ, въ облаченіи, старикъ-священникъ съ манифестомъ въ рукахъ и позвалъ всѣхъ въ соборъ, куда толпа и послѣдовала, а окончательно народъ увѣровалъ въ случившееся только послѣ того, какъ солдатъ на площади привели къ присягѣ (20-го февраля 1855 г.).

Однако, и величайшей важности событіе это не ослабило возникшую ожесточенную вражду между начальствомъ нашимъ и мѣстнымъ населеніемъ, которое перестало кормить насъ приваркомъ, а отъ начальства, въ подрывъ его доходовъ, настойчиво требовало и съ злорадствомъ брало нашъ паекъ до весны—ухода полка, въ отместку за хулу на женщинъ.

Описаннымъ уже порядкомъ выступили мы снова въ походъ. Холодъ, голодъ, ненастья и другія невзгоды опять были нашими спутниками. Такъ, валяясь дорогою въ грязи, мы въ Гдовскомъ уѣздѣ вмѣсто бани мылись, какъ крестьяне, въ просторныхъ ихъ избенныхъ печкахъ: сперва натапливались, потомъ внутрь ихъ настилали на подъ солому, втаскивали, въ ведрахъ, горячую воду, влѣзали и, сидя или лежа, мылись, даже парились вѣниками и вылѣзали одурѣ-

лые отъ жары и угару. Въ г. Ямбургѣ, по недостатку помѣщенія, мы ночевали въ одной изъ камеръ острога, рядомъ съ арестованными, подъ замкомъ и карауломъ. На другой день погонщики изъ жалости подвезли насъ, и я, мокрый, уснулъ въ телѣгѣ и настолько простудился, что прибылъ въ Нарву въ сильной лихорадкѣ (въ апрѣлѣ 1855 г.). По чьему-то, не помню ужъ, совѣту, я влилъ теплую воду въ бутылку, всыпалъ туда 1/4 фунта нюхательнаго табаку, взболтнулъ бутылку и выпилъ изъ нея стаканъ воды, отчего меня нѣсколько часовъ сряду рвало... Меня свезли въ госпиталь, гдѣ я пробылъ въ безпамятствѣ двѣ недѣли, а черезъ мѣсяцъ выздоровѣлъ и вернулся въ канцелярію.

Въ крѣпости различныя войска помѣщались тѣсно и на виду другъ у друга, потому невольно дружились между собою; только двѣ дружины петербургскаго ополченія квартировали на форштадтѣ, гдѣ дружинные офицеры, люди знатные и богатые, вели себя по вольности дворянства: устраивали безпрерывные пиры, созывали на нихъ офицеровъ всего гарнизона; за угощеніе и плату наши офицеры и унтера обучали ратниковъ, а писаря—вели письменную часть и отчетность. Весь гарнизонъ подчинялся коменданту и его управленію. Комендантъ былъ глухой старикъ, инженерный генералъ-лейтенантъ Ярмерштетъ, плацъ-маіоръ, подполковникъ съ обвязанною головою отъ ранъ, а плацъ-адъютантъ горбатый и двигался съ помощью костыля. Всѣми тремя самостоятельно управлялъ писарь Чушкинъ такъ же, какъ Зотовъ Фроловымъ.

Въ теченіе поллѣта войска спокойно производили обычныя ученья. Вдругъ огласилось, что съ Балтійскаго моря приближается непріятельскій флотъ, и всѣ власти, начиная съ коменданта, встрепенулись; къ заливу на устье р. Наровы (за 12 верстъ отъ крѣпости), откуда непріятель могъ высадиться на сушь, направили артиллерію, пѣхоту и казаковъ; глубокіе рвы между тремя крѣпостными стѣнами тщетно пытались наполнить водою: протоки заросли травою и землею; къ размѣщеннымъ на крѣпостныхъ стѣнахъ пушкамъ приставили артиллеристовъ, подвезли порохъ и снаряды, да напрасно старались стрѣлять, пушечныя внутренности отъ времени заржавѣли, а плохой порохъ не дѣйствовалъ; въ опредѣленное мѣсто рѣки, откуда предполагался приходъ непріятельскихъ кораблей, опустили боченки съ порохомъ и пробовали его взорвать подъ водою, но съ крѣпостной стѣны лишь смыло всю краску, къ огорченію коменданта. Внутри крѣпости и вокругъ нея усилили караулъ, патрули, подняли разводные черезъ рѣку мосты на крѣпостныя ворота, а войска расположили по площадямъ. Короче, приготовились къ бою. Изъ любопытства мы сновали повсюду, такъ какъ занятія наши прервали. И вотъ, къ ко-

мендантскому управленію казачій патруль привелъ задержаннаго имъ въ полѣ, какъ „фискалу“,—рыжаго молодаго человѣка въ сѣромъ платьѣ. Я пробрался за казаками въ управленіе и услышалъ, какъ они объяснили, что фискалъ что-то рисовалъ. Вышелъ комендантъ, и рыжій заявилъ ему, что онъ чиновникъ канцеляріи военнаго министра, Шубертъ, сынъ члена военнаго совѣта, полнаго генерала, гоститъ у знакомаго помѣщика, близъ водопада и лѣсопильнаго завода, дѣйствительно чертилъ карандашемъ на папкѣ, но казаки его заподозрили въ шпіонствѣ и привели, ибо онъ отъ волненія сильно заикался и не могъ ихъ вразумить. Комендантъ, плохо говорившій по-русски, заговорилъ съ Шубертомъ по-нѣмецки, увелъ его къ себѣ и потомъ отпустилъ, а казаковъ распекъ за неосмотрительность. Однако, часа черезъ два другой патруль опять привелъ Шуберта [1]), какъ шпіона, къ коменданту, который отправилъ его домой въ своей уже коляскѣ, а за это прослылъ среди солдатъ измѣнникомъ.

Бродя по улицамъ крѣпости, я остановился случайно возлѣ однихъ воротъ, подъ которыми содержались, въ отдѣльныхъ казематахъ нижняго этажа, какіе-то „важные преступники“, къ которымъ раньше близко никого не подпускали, а на этотъ разъ караулы занимали ратники, относившіеся къ своимъ обязанностямъ зря... Изъ окна черезъ рѣшетку выглядывалъ сѣдой человѣкъ, спросившій меня: отчего происходитъ сильное движеніе? Я отвѣтилъ ему, что непріятель подступаетъ. Онъ освѣдомился, съ кѣмъ воюемъ? Я отозвался, съ нехристями. Онъ пожелалъ, чтобы непріятель взялъ крѣпость, а тогда выпустили бы его изъ заключенія. Я полюбопытствовалъ, за что онъ заточенъ и кто такой? Онъ отвѣтилъ за то, что старался водворить равенство и правду, а содержится подъ нумеромъ, который извѣстенъ только въ Петербургѣ. Вдругъ часовой крикнулъ: „полковникъ идетъ“, и я отскочилъ съ большимъ сожалѣніемъ о заточенномъ, завернулъ за уголъ къ казармѣ крѣпостной арестантской роты, гдѣ въ воротахъ стояла толпа арестантовъ, а судя по слышанному мною ихъ говору, они желали: одни—тоже нашего плѣненія непріятелемъ и освобожденія ихъ изъ неволи, а другіе—„въ первѣйшій огонь за вѣру, царя и отечество“.

Къ вечеру я вернулся домой, переполненный самыхъ разнородныхъ ощущеній. Намъ велѣно было спать одѣтыми, чтобы при первой же тревогѣ выскочить на улицу. Мы легли на нары, но сонъ мой былъ очень тревожный, а подъ утро я проснулся и, почувствовавъ страстное желаніе видѣть войну, тихонько разбудилъ товарища-сосѣда

---

[1]) Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника правителемъ канцеляріи главнаго штаба арміи, на театрѣ войны 1878 г.

и предложилъ ему отправиться вмѣстѣ на устье. Онъ охотно согласился. Крадучись, вышли мы въ 5 часу изъ казармы, направились къ подземному ходу, по которому многократно раньше ходили изъ любопытства, нашли его отвореннымъ, пробрались черезъ него версты двѣ до открытаго поля и опустились на землю. Солнце ярко озаряло зеленѣвшую окрестность, а въ воздухѣ ничего не шелохнулось. Подышавъ свѣжимъ воздухомъ и отдохнувъ, мы пустились дальше, а не доходя съ версту до устья, мы разглядѣли сверкавшіе солдатскіе каски и штыки; приблизившись же къ мѣсту расположенія войска—разсмотрѣли, какъ круглый шаръ ударился о крышу деревянной рыбацкой избы, лопнулъ, и крыша запылала... Изъ избы выскочили начальникъ отряда, нашъ подполковникъ Бакаевъ и нѣсколько офицеровъ, приказавшіе солдатамъ спасать изъ избы и со двора ея запасы водки и провизіи. Покамѣстъ солдаты исполняли приказаніе, новыя бомбы подожгли избу съ разныхъ сторонъ, а одна бомба упала близъ стоявшаго баталіона, взбороздила землю и зарылась въ песокъ. Въ сумятицѣ насъ, пришельцевъ, никто и не замѣтилъ.

Изъ поставленныхъ, по берегу, на лафетахъ 10 орудій, одно подалъ отъ другаго, отвѣтили залпомъ, и всѣ очутились въ клубахъ густаго дыма, а земля подъ нами, кажется, задрожала отъ пальбы; но когда дымъ разсѣялся, мы увидали, что наши ядра шлепались въ воду, далеко отъ кораблей. Стрѣльба безцѣльно повторилась съ обѣихъ сторонъ. Стали палить изъ ружей, но тоже безполезно; пули, посвиставъ въ воздухѣ, падали въ воду, шаговъ за 100—150 отъ насъ... Принялись снова стрѣлять изъ пушекъ, но одна изъ нихъ не дѣйствовала, и Бакаевъ подошелъ къ ней, велѣлъ вложить двойной зарядъ и выпалить. Это было исполнено и... и Бакаева не стало; разорвало на части его и пушку. Въ этотъ же моментъ непріятельская бомба ударилась о смежную пушку, и два трупа артиллеристовъ покатились на землю, а пушка слетѣла съ лафета въ песокъ... На всѣхъ напалъ паническій страхъ, увеличившійся еще тѣмъ, что корабли подплыли ближе къ намъ, и мы ихъ отчетливо разсматривали... Наша артиллерія продолжала стрѣлять, а пѣхота отодвинулась подальше отъ берега, даже безъ команды, потому что офицеры растерялись... Тогда увѣшанный крестами и медалями старикъ-унтеръ золотой роты выступилъ впередъ, всматриваясь въ направленіе непріятельскихъ снарядовъ и командовалъ: „вправо, влѣво, назадъ“ и едва это исполняли, какъ на опустѣвшее мѣсто падалъ снарядъ и либо разрывался, либо зарывался въ песокъ. Такъ продолжалось цѣлый день, въ теченіе котораго изъ нашихъ артиллеристовъ было 8 убитыхъ и 10 раненыхъ и столько же контуженныхъ. Однако, подъ вечеръ и наши бомбы на столько удачно попали въ первый корабль, что онъ зака-

чался, пронзительно просвисталъ и тихо поплылъ въ море, окруженный остальными... Когда корабли скрылись изъ виду, всѣ перекрестились, ружья составили въ козлы, сбитыя съ лафетовъ пушки втащили на свои мѣста (три оказались попорченными), розыскали куски тѣлъ убитыхъ и снесли въ сарай, и раненыхъ перевязали, а здоровые роптали на неудачу, на неимѣніе даже лодокъ, на которыхъ многіе готовы были бы плыть къ кораблямъ и тамъ сразиться съ врагомъ въ рукопашную...

Сварили кашицу, выпили по чаркѣ, поѣли и полегли спать на голой землѣ. Ночь была лунная, теплая и тихая... Рано утромъ снарядили повозки, уложили раненыхъ и повезли въ крѣпость. Съ ними отправились и мы, удовлетворенные пришельцы, во-свояси и вернулись въ свою казарму благополучно, такъ какъ изъ начальства: на устьѣ растерянное—насъ не замѣтило, а въ крѣпости—озабоченное приготовленіями къ отраженію врага—не хватилось насъ, двухъ мальчишекъ. Въ свою очередь, и мы, во избѣжаніе бѣды за самовольную отлучку, тщательно скрыли ее отъ всѣхъ. Между тѣмъ, войска все еще стояли на площадяхъ, а въ ратушѣ и нѣкоторыхъ домахъ оконныя стекла разбились отъ отдаленной стрѣльбы, которая съ полудня возобновилась на устьѣ и доносилась до крѣпости... Всѣ впали въ уныніе почти на сутки, пока съ устья получилась вѣсть, что непріятель ушелъ далеко въ море, а еще черезъ сутки, когда все высшее начальство съѣздило на устье, всѣ успокоились и мирное житіе возстановилось. Тогда отправили въ Петербургъ донесеніе о происшедшемъ и объ оказанныхъ войсками подвигахъ, а оттуда вскорѣ же прислали въ награду болѣе отличившимся офицерамъ чины, ордена, солдатамъ 15 георгіевскихъ крестовъ и на всѣхъ участвовавшихъ—по рублю; рублей же оказалось столько надбавленныхъ противъ наличнаго состава бывшихъ на устьѣ нижнихъ чиновъ, что писарямъ канцеляріи дали по два, а намъ—по одному рублю. Послѣ пережитыхъ треволненій, обычное времяпровожденіе всѣмъ казалось уже скучнымъ, тоскливымъ. Тѣмъ не менѣе насъ продержали въ Нарвѣ до глубокой осени (до половины ноября 1855 г.).

Зима стала рано и сразу. Въ морозы, вьюги и снѣжныя мятели побрели мы опять въ Боровичи. Дорогою мы по-прежнему питались скверно, дрогли, мерзли ужасно. На протяженіи, напр., одной станціи до Гатчины изъ 40 человѣкъ канцеляріи, счетомъ 30 отморозили: кто—пальцы, кто—уши, кто—носъ, кто—щеки. Въ Гатчинѣ мы случайно нашли Никифорова, онъ далъ нашему старшему денегъ, и мы въ трактирѣ, въ кипяткѣ, отогрѣвали окоченѣвшія руки и ноги, а изъ Гатчины въ Петербургъ пріѣхали, по распоряженію Никифорова же, въ товарномъ вагонѣ съ сѣномъ. Узнавшій объ этомъ нарушеніи

порядка Домашневъ доложилъ Веймарну, а онъ за это распекъ Никифорова. Тѣмъ не менѣе изъ Петербурга до Валдайской станціи провезли насъ, по его ходатайству, тайно въ вагонѣ съ лошадьми, а остальныя 60 верстъ мы добрались до Боровичей пѣшкомъ въ двое сутокъ.

Въ день прибытія полка въ Боровичи, Веймарнъ объявилъ строгій приказъ, чтобы дважды въ недѣлю всѣмъ нижнимъ чинамъ производить тѣлесный осмотръ, съ тѣмъ, чтобы при обнаруженіи больныхъ сифилисомъ: унтеръ-офицеровъ—разжаловать въ рядовые, а рядовымъ—отсчитывать по сотнѣ розогъ. Домохозяева, помня прошлогодній переполохъ и хулу на ихъ женщинъ, — встрѣтили насъ, постояльцевъ, враждебно, при чемъ одни—совершенно отказывались кормить, другіе—требовали впередъ паекъ, третьи—помѣщали ихъ въ конурахъ, четвертые—и ихъ не топили и т. д., на веселыя посѣдки рѣшительно никого уже не впускали. И намъ пришлось очень жутко, въ качествѣ зачумленныхъ и полуголодныхъ, потому мы поневолѣ коротали дни и вечера въ канцеляріи, гдѣ мучились физически и нравственно, безъ малѣйшей надежды на облегченіе нашей участи...

Зима эта досталась намъ столь жуткою, что мы не чаяли и пережить ее... Однако, судьба какъ бы сжалилась надъ нами: получились послѣдовательно три вѣсти: сперва—о перемиріи, потомъ—о заключеніи мира (19-го марта 1856 г.), наконецъ,—объ отправкѣ полка во-свояси—въ Нижній-Новгородъ. Всѣ обрадовались: офицеры—возврату домой, горожане—избавленію отъ опротивѣвшихъ имъ постояльцевъ, а послѣдніе—солдаты—походу и возобновленію мелкихъ льготъ, сопровождавшихся дорожною жизнью.

Съ самыми разнородными чувствами выступили мы (въ апрѣлѣ 1856 г.) въ послѣдній походъ, но чѣмъ ближе приближались къ Нижнему—тѣмъ грустнѣе становилось на душѣ нижнихъ чиновъ, при невольномъ воспоминаніи забытой было тягостной казарменной жизни... Мы вступили въ Нижній чрезъ два года послѣ ухода изъ него, правда, также съ музыкою и пѣснями, но одинъ видъ знакомыхъ казармъ, въ которыхъ ровно ничего не измѣнилось, производилъ, по воспоминаніямъ, грустное впечатлѣніе: все видѣнное и пережитое въ походѣ значительно развило во всѣхъ сознаніе своего унизительнаго положенія, изъ котораго не предвидѣлось исхода, а терпѣть казалось всѣмъ чрезъ чуръ ужъ несправедливо, тяжело... Полку дали 10-ти дневный отдыхъ на посѣщеніе родныхъ и знакомыхъ. Солдаты слонялись по улицамъ, точно осужденные, которыхъ ожидало наказаніе.

Крестный и жена его встрѣтили меня очень радушно и изъ моихъ отвѣтовъ на ихъ разспросы убѣдились, что я изрядно поумнѣлъ.

Сидя за обѣдомъ съ ними и бывшимъ дружиннымъ офицеромъ, я долго прислушивался къ его самодовольной рѣчи, какъ его сослуживцы и самъ онъ разживались походомъ въ Кіевъ и обратно.

— Ну, а ты, что нажилъ?—ласково спросила меня жена крестнаго.

— Ломоту въ рукахъ и ногахъ, да ненависть ко всему нашему начальству, кромѣ казначея и квартирмейстра,—отозвался я;—только они двое насъ жалѣли и помогали намъ, голоднымъ, холоднымъ и измученнымъ ходьбою и писаніемъ.

— Ка-акъ? что ты говор-ришь?—освѣдомился крестный, вспыхнувъ.—За что могла зародиться въ тебѣ, малосмысленномъ мальчишкѣ, ненависть къ начальству?

— За то, что оно насъ мучило и обкрадывало самымъ безсовѣстнымъ манеромъ, вотъ какъ они разсказывали...

— Большаго я и не ожидала отъ нашихъ бурбоновъ,—вставила жена крестнаго.

— Такихъ словъ нигдѣ никогда не смѣй употреблять: услышатъ и тебя накажутъ,—вразумлялъ меня крестный.—Твое дѣло не осуждать, а уважать начальство, которое за свои хорошіе и дурные поступки отвѣтитъ предъ Богомъ и высшимъ начальствомъ. Слышишь?

— За то, что оно насъ тиранило, отжиливало наши копѣйки, даже подводныя контрмарки — уважать? Нѣ-ѣтъ-съ, простите, не мог-гу...—заключилъ я и зарыдалъ.

— Терпѣніе есть добродѣтель, а она вознаграждается по заслугамъ,—поучалъ меня крестный.—Вотъ ты что помни, а теперь уймись, не рюмь.

Мои сотрапезники поспѣшили перемѣнить разговоръ, а я понемногу успокоился, но съ этого же раза пересталъ откровенничать.

Въ казармахъ возобновились шагистика и истязанія, но уже въ меньшихъ, противъ прежняго, размѣрахъ: офицеры нѣсколько охладѣли къ мучительству, а солдаты стали смѣлѣе и заботливѣе о своемъ тѣлѣ, отчего офицеры сдѣлались осторожнѣе. Въ канцелярію проникло неожиданно солнце: Домашневъ уволился въ отставку, а его замѣнилъ молодой, порядочный поручикъ Мисюревъ. Занимавшіеся въ адъютантской части унтеръ-офицеры, писаря, рядовые и кантонисты отслужили, въ складчину, молебенъ за избавленіе ихъ отъ тирана Домашнева, котораго и офицеры едва терпѣли: онъ и ихъ обижалъ.

Лично меня томила скука, даже тоска, а почему, я не могъ разсудить. Крестный, замѣчая это и желая доставить мнѣ развлеченіе, часто бралъ меня съ собою въ гости къ разнымъ своимъ знакомымъ

господамъ, которые охотно меня принимали и ласкали, какъ видавшаго свѣтъ и войну — маленькаго героя. Между прочимъ, мы были, однажды, у богача, отставнаго поручика Огурцова, у котораго въ ту пору гостилъ его землякъ—поэтъ и художникъ Т. Г. Шевченко, освобожденный изъ солдатъ Оренбургскаго гарнизона и возвращавшійся въ Петербургъ. Онъ выглядѣлъ простымъ хохломъ, но гости наперерывъ за нимъ ухаживали, разспрашивали и внимательно его слушали. По его спросу ему подали въ бумажкѣ горсточку зеренъ. Онъ взялъ изъ кучки одно, показалъ его и сказалъ: «вотъ вамъ старшій надъ всѣми», потомъ бросилъ его въ кучку и добавилъ: „вотъ уже и нѣтъ его: такъ и люди могутъ“. Всѣ удивлялись его мудрости, а крестный, идучи со мною отъ Огурцова домой, разъяснилъ мнѣ загадку Шевченко тѣмъ, что власти отъ Бога поставлены, а потому всѣ обязаны подчиняться старшимъ и своевольничать грѣшно, а Шевченко, какъ невѣрующій, пострадалъ уже за свои прегрѣшенія, но такъ какъ не унимается, то Богъ его еще накажетъ за вольнодумство. Такое же мнѣніе слышалъ я, потомъ, отъ старика Никифорова и бывшаго казначея Кузичкина, молодой же Никифоровъ съ ними не соглашался, а почему — я не могъ разобрать. Хожденіе по гостямъ меня все-таки мало оживляло, и я продолжалъ хандрить.

Прошло мѣсяца два моего угнетеннаго состоянія духа. Вдругъ пришло изъ департамента военныхъ поселеній предписаніе объ отправкѣ меня въ департаментъ, а слѣдомъ я получилъ отъ бывшаго товарища по „живодернѣ“, писаря департамента Воронкова, письмо, которымъ онъ извѣщалъ меня, что бумага послана по его просьбѣ, вызванной его желаніемъ мнѣ добра, въ память того, что мы были дружны и дѣлились: я съ нимъ гостинцами, а онъ со мною — хлѣбомъ, который его мать набирала „Христа ради“.

Меня обмундировали во все новое, снабдили кормовыми на 20 сутокъ (я долженъ былъ ѣхать 50 верстъ въ сутки—1014 верстъ до Петербурга) и прогонами до Москвы на одну лошадь, всего помню 15 руб. 40 коп., бумагою въ московское комендантское управленіе на полученіе оттуда свидѣтельства на даровой проѣздъ по желѣзной дорогѣ въ 3 классѣ до Петербурга и билетомъ о моемъ званіи, съ означеніемъ въ немъ, что я командированъ въ департаментъ военныхъ поселеній, потомъ я подвергся осмотру Веймарномъ, выслушалъ наставленіе крестнаго молиться Богу, почитать начальство, служить прилежно и вести себя безупречно, чтобы выдти въ люди, получилъ отъ него благословеніе, на нужду 10 руб., наказъ писать ему аккуратно обо всемъ, да отъ его жены разныя вещи и съѣстные припасы на нѣсколько дней, попрощался съ обоими, уложилъ свои

пожитки въ чемоданчикъ, рано утромъ прибылъ на почтовый дворъ, сѣлъ въ данную мнѣ по листу подводу и одинокимъ, беззащитнымъ 17-ти лѣтнимъ юношею пустился въ путь съ самыми радужными мечтами объ ожидавшемъ меня счастьѣ. Выводилъ я его изъ распоряженія департамента объ отправкѣ меня не по этапу, какъ солдата, а одного, какъ офицера, да изъ слуховъ, что въ департаментѣ служить хорошо.

Первыя 10 станцій проѣхалъ я въ двое сутокъ безъ особенныхъ задержекъ, но на 11-й просидѣлъ нѣсколько часовъ, а смотритель все твердилъ мнѣ, что лошадей нѣтъ. Подъѣхалъ на собственной тройкѣ пожилой баринъ, увидѣлъ меня въ слезахъ, освѣдомился о моемъ горѣ, сжалился надо мною, велѣлъ: кучеру спрятать мой чемоданчикъ въ ящикъ подъ тарантасъ, а мнѣ—сѣсть къ нему въ тарантасъ и до Москвы не только даромъ довезъ и отлично кормилъ меня своими запасами, но еще ласково разговаривалъ со мною обо всемъ, что я понималъ, а я ему за это прислуживалъ на станціяхъ во время отдыховъ и кормленія его лошадей.

По пріѣздѣ въ Москву баринъ остановился въ гостиницѣ. Я поблагодарилъ его за участіе ко мнѣ и направился въ комендантское управленіе уже въ сумеркахъ, разсчитывая получить тотчасъ же билетъ и уѣхать съ ночнымъ поѣздомъ въ Петербургъ, но дежурный офицеръ приказалъ помѣстить меня ночевать въ караульную. Я пытался разъяснить ему, что я не пересылаюсь, а ѣду свободнымъ и мнѣ нуженъ только билетъ, но онъ повелительно повторилъ приказаніе и меня провели по длинному корридору и впустили съ чемоданчикомъ въ огромный казематъ... Обиженный и испуганный, сѣлъ я въ углу на чемоданчикѣ и озирался вокругъ. Понемногу отъ слабаго свѣта разглядѣлъ я дымъ столбомъ отъ накуренной махорки, почувствовалъ, какъ дыханіе спиралось отъ сквернаго воздуха, увидѣлъ толпу, человѣкъ 40—50, лежавшихъ, сидѣвшихъ на нарахъ и слонявшихся по каземату. Изъ нихъ: одни пѣли пѣсни, другіе—бранились, третьи—играли въ кости, а четвертые—пили водку... Хаосъ этотъ продолжался за полночь... Я просидѣлъ неподвижно до утра, когда нѣкоторыхъ, а въ числѣ ихъ и меня позвали въ канцелярію. Голова кружилась, я чувствовалъ тошноту, но напрягъ остатокъ силъ и, шатаясь,—пришелъ, таща чемоданчикъ въ канцелярію, гдѣ другой уже офицеръ прочелъ мои бумаги, далъ мнѣ билетъ и наказъ отправиться прямо на машину. Выскочивъ на улицу, я освѣжился, нанялъ извозчика, пріѣхалъ на вокзалъ, показалъ начальнику станціи бумагу, получилъ билетъ 3-го класса, дождался поѣзда, забрался въ вагонъ и покатилъ въ дальнѣйшій путь. Однако, мысль о соночлежникахъ всю дорогу, трое сутокъ, вертѣлась у меня въ

головѣ: я соболѣзновалъ о нѣкоторыхъ и желалъ когда-нибудь быть полезнымъ такимъ несчастнымъ...

II.

Переводъ мой въ департаментъ военныхъ поселеній. — Первая встрѣча съ экзекуторомъ.—Характеръ директора департамента Пиларъ-фонъ-Пильхау.—Безалаберный бытъ писарей.—Посѣщеніе мною театра и катастрофа.—Маіоръ Пайкуль.—Пиларъ-ф.-Пильхау и Сухозанетъ.—А. И. Воричинъ, противуположность Пильхау.—Николаевскій генералъ Длотовскій.—Освобожденіе кантонистовъ.—Занятія въ кварталѣ.—У графа Орлова-Давыдова.—Въ канцеляріи военнаго министерства.—Чиновники канцеляріи.—И. Г. Устряловъ, князь Сумароковъ-Эльстонъ, князь Васильчиковъ.—Секретный рапортъ ф.-деръ Лауница и „Колоколъ“.—Военный министръ Сухозанетъ.—Случай при погребеніи Котомина.—Директоръ Лихачевъ.—Льгота нижнимъ чинамъ.—К. П. фонъ Кауфманъ.—Его отношенія къ подчиненымъ.—Мои литературныя начинанія.—Военный цензоръ Штюрмеръ.—Мои знакомства съ Костомаровымъ, Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и Некрасовымъ.—Полученіе мною прокламацій.—Генералъ Мордвиновъ.—Мой переводъ къ оберъ-полицеймейстеру.

Въ Петербургѣ я явился въ іюнѣ 1856 г., уже подъ вечеръ (въ домѣ Лисицына, противъ церкви Спаса Преображенія: тамъ жили департаментскіе писаря), прямо къ Воронкову. Онъ дружески встрѣтилъ меня, угостилъ чаемъ, разспросилъ, доволенъ ли я, что вырвался изъ полка, какіе тамъ порядки, какъ проѣхалъ я дорогу и проч., а потомъ провелъ меня по всему помѣщенію писарей. Видъ занятыхъ ими до 20 комнатъ (человѣкъ по 10—20 въ каждой) показался мнѣ очень неказистымъ: собственныя разнообразныя, не казистыя постельныя принадлежности, мѣстами комоды, стулья и столики свидѣтельствовали о бѣдности писарей, которые въ сюртукахъ, халатахъ и въ одномъ бѣльѣ прохаживались, сидѣли, лежали на кроватяхъ, разговаривали, спорили, пѣли и даже бранились между собою... Все это смутило меня. Воронковъ конфузливо признался, что они далеки отъ счастья, но имъ все-таки несравненно лучше живется, нежели въ полку: у нихъ нѣтъ тамошнихъ ни субординаціи, ни взысканій, досугами они зарабатываютъ даже деньги на нужду, а исправныхъ писарей начальство поощряетъ, даже въ чиновники производитъ. Онъ свелъ меня ужинать въ столовую, тамъ столы были покрыты скатертями, а ѣли съ тарелокъ вкусную, изъ двухъ блюдъ, пищу, подававшуюся служителями. Къ положенному казенному пайку прибавляли, какъ Воронковъ пояснилъ мнѣ, по 50 коп. въ мѣсяцъ изъ жалованья писарей, а распоряжались продовольствіемъ выборные писарями—артельщики и старосты, въ родѣ комитета.

Послѣ ужина въ комнатѣ, гдѣ жилъ Воронковъ, человѣкъ 10 усѣлись на двухъ кроватяхъ, и одинъ изъ нихъ сталъ читать вслухъ книгу — романъ „Ледяной Домъ“, который очень заинтересовалъ всѣхъ, а меня въ особенности: никакихъ книгъ я дотолѣ никогда еще не читалъ, а потому мое воображеніе распалялось отъ описанія замораживанія людей и проч. Часа чрезъ три неслышно вошелъ къ намъ фельдфебель и внушительно предложилъ всѣмъ ложиться спать. Нѣкоторые постарше просили его позволенія почитать еще хоть часъ, но онъ на это не согласился, оговорившись, что пусть скажутъ ему спасибо и за то, что онъ скроетъ о бывшемъ чтеніи отъ экзекутора, который за это сажаетъ въ карцеръ. Всѣ молча повиновались.

Легли и мы спать съ Воронковымъ на его кровати, но едва мы уснули, какъ насъ разбудила раздавшаяся удалая, въ два голоса, пѣсня. Всѣ вскочили съ кроватей и кто упрашивалъ пѣсельниковъ прекратить пѣніе, кто угрожалъ имъ призвать фельдфебеля, жаловаться экзекутору, кто поддерживалъ пьяныхъ пѣвуновъ, упрекалъ товарищей въ шпіонствѣ и т. д. Шумъ, споръ, брань продолжались часа два.

Утромъ всѣ прибрались и кто имѣлъ—напился чаю съ ситнымъ, или закусили хлѣба, принесеннаго изъ кухни, а въ 9 час. всѣ писаря, чел. 200, подъ командою фельдфебеля, отправились фронтомъ въ департаментъ, тамъ же въ воротахъ фельдфебель позвалъ меня къ экзекутору. Онъ, пожилой маіоръ, средняго роста, сухощавый, съ угреватымъ лицомъ и сизымъ носомъ, окинулъ меня суровымъ взглядомъ и произнесъ: „здравствуй“. Я, вытянувшись предъ нимъ въ струнку, отвѣтилъ: „здравія желаю, ваше вскбродіе“.

— Ты службу знаешь — это хорошо. Вольнодумствомъ, смотри, не заразись, не то драть буду. Какъ ты станешь заниматься писаніемъ—мнѣ наплевать, а за отступленіе отъ формы, за чтеніе разныхъ вздорныхъ книжекъ, за уходъ безъ спроса со двора и за непочтительность—я наказываю. Держи ты постоянно въ умѣ, что я, одинъ я, твой начальникъ, воленъ тебя въ галунники пожаловать и въ дальній гарнизонъ сослать. Ступ-пай.

Я вышелъ въ корридоръ къ дожидавшемуся меня Воронкову, совершенно растерянный, перепуганный слышанною нотаціею, но онъ разсѣялъ мой страхъ, говоря, что хотя экзекуторъ и очень суровъ, но самъ, подчиненный правителю канцеляріи, служащихъ въ ней (я поступилъ въ нее) не смѣетъ трогать: правитель добръ и своихъ въ обиду никому не даетъ, а потому и мнѣ нечего опасаться. Онъ посадилъ меня рядомъ съ собою, и мы занялись перепискою бумагъ. Вошелъ пожилой чиновникъ, и всѣ писавшіе за разными

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
МОСКОВСКАГО СОВѢТА
Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ

столами, челов. 15 писарей, привстали и развязно поклонились ему. Онъ отвѣтилъ поклономъ же и словами „здравствуйте, братцы", приблизился ко мнѣ, посмотрѣлъ мой почеркъ и похвалилъ его.—„Радъ стараться, ваше вскбродіе",—отозвался я. Онъ деликатно объявилъ мнѣ, что чиновниковъ принято не титуловать, а звать по имени и отчеству, погладилъ меня по головѣ, отошелъ къ своему отдѣльному столу, сѣлъ и сталъ разбирать кипы бумагъ. Воронковъ съ гордостью разъяснилъ мнѣ, что подходившій ко мнѣ чиновникъ, изъ писарей, но важное лицо—докладчикъ директора, коллежскій ассесоръ Никитинъ. Вначалѣ 11-го часа явился красивый, высокій брюнетъ, лѣтъ 35, секретарь канцеляріи, коллежскій ассесоръ, Ив. Лук. Лосевъ, а за нимъ, плавною поступью, плотный, почти старикъ, въ очкахъ, правитель канцеляріи, ст. сов. Вас. Яковл. Васильевъ. Всѣ разомъ вскочили и низко поклонились обоимъ. Они съ привѣтливыми улыбками кивнули намъ головами. Воронковъ представилъ имъ меня.

— Здравствуй, любезный, здравствуй,—ласково заговорилъ правитель.—Служба у насъ нетрудная, но какъ и что дѣлать—Воронковъ тебя научитъ, съ него же бери примѣръ, какъ себя вести: мы имъ вполнѣ довольны.

— Заниматься мы тебя не торопимъ,—продолжалъ Лосевъ, отдохни день-другой, познакомься съ будущими сослуживцами, осмотри городъ.

Я доложилъ ему, что знаю городъ, не усталъ и радъ занятію. Оба удалились, но ихъ обходительность сразу расположила меня къ нимъ и вытѣснила дурное впечатлѣніе экзекуторскаго обращенія и ночнаго казуса. Мы продолжали писать. Въ 12 часовъ прозвонилъ колоколъ. Въ нашей комнатѣ вскорѣ же сошлись Васильевъ и Лосевъ съ одной, а маленькаго роста старенькій генералъ—съ другой стороны. Онъ намъ кивнулъ головою, а съ Васильевымъ, Лосевымъ и Никитинымъ — поздоровался за руку и о чемъ-то поговорилъ. Васильевъ вызвалъ меня съ моимъ почеркомъ на средину комнаты къ генералу.

— Пишетъ онъ довольно красиво,—обрадовалъ меня генералъ, но ростомъ, ахъ ростомъ не великъ и показывать его директору, право, нельзя: велитъ отослать его назадъ подрости...

— Произведемъ его, по бывшимъ примѣрамъ, въ управленіе вами, Дмитрій Петровичъ, департаментомъ.

— Разумѣется, а покамѣстъ служи, братецъ, усердно, веди себя добропорядочно и памятуй, что начальство о тебѣ позаботится.

Онъ прошелъ со всѣми тремя въ свой кабинетъ.

Во второмъ часу колоколъ рѣзко прозвонилъ два раза. Всѣ начали охорашиваться, а трое, малаго роста писарей, быстро удали-

лись; за ними, по совѣту Воронкова, послѣдовалъ и я, чтобы директоръ меня не увидалъ. Въ сортирѣ столпилось насъ 30—40 писарей, рядовыхъ и кантонистовъ, скрывавшихся отъ директора, который, какъ я потомъ дознался, самъ былъ громаднаго роста, но малыхъ не производилъ ни въ писаря, ни въ чиновники, не принималъ даже чиновниковъ на службу въ департаментъ. Когда ему представлялись разные люди, одобрялъ большихъ, а остальнымъ приказывалъ „подрости“. Такъ какъ никакіе резоны на него не дѣйствовали, то производили и опредѣляли во время его отлучекъ въ управленіе департаментомъ вице-директора, маленькаго Данилова, котораго онъ тоже презиралъ за его ростъ, но терпѣлъ за дѣловитость, ибо самъ плохо понималъ и говорилъ по-русски, поэтому его легко дурачили. Обходилъ онъ департаментъ для наблюденія за чистотою, обмундировкою писарей, всѣ ли чиновники въ формѣ и не пахнетъ ли гдѣ табакомъ: курить всѣмъ въ зданіи строжайше воспрещалось. Чрезъ часъ сторожъ оповѣстилъ насъ, что директоръ ушелъ, и мы вернулись къ своимъ занятіямъ.

Въ 3 часа, по звону въ колоколъ, мы отправились фронтомъ же домой, прямо обѣдать, а выходя изъ столовой, Воронковъ подалъ фельдфебелю записку за подписью Лосева о разрѣшенныхъ намъ Васильевымъ ежедневныхъ отлучкахъ до 10—11 часовъ вечера. Мы вышли на улицу. Мимо директорскаго дома прошли безъ шапокъ, которыя снимали предъ всѣми, встрѣчавшимися офицерами, затѣмъ, бродя въ разныя стороны, я узналъ отъ Воронкова, что ни въ Лѣтній садъ, ни въ Александровскій театръ, ни въ Публичную библіотеку, ни въ Академію Художествъ, ни даже въ трактиры на чистую половину писарей, какъ нижнихъ чиновъ, не пускали... Мы удовольствовались прогулкою по Александровскому парку и усталые вернулись домой и легли спать....

Со всѣмъ пыломъ юности предался я службѣ, вникалъ во все, что говорилось и происходило вокругъ меня, при чемъ постепенно узналъ, къ удивленію моему, многое, чего никакъ не подозрѣвалъ. Такъ, почти всѣ высшіе, средніе и низшіе чиновники и писаря издѣвались, втихомолку, надъ директоромъ генералъ-лейтенантомъ барономъ Пиларомъ фонъ-Пильхау, за его дурачества, а онѣ выходили изъ всякихъ границъ: подававшіяся, напр., ему къ подписи бумаги онъ тщательно разсматривалъ на свѣтъ и, если находилъ подскобки—рвалъ, считая ихъ подложными, не разборчивыя, съ росчерками подписи на рапортахъ, получавшихся отъ подчиненныхъ ему учрежденій и лицъ—онъ терпѣть не могъ и взыскивалъ за это съ виновныхъ. Напр., увидавъ такую скрѣпу на рапортѣ — онъ приказалъ вызвать къ нему изъ Чугуева, по эстафетѣ, подписавшагося адъютанта воен-

наго поселенія и, когда предъ нимъ предсталъ бравый, высокій капитанъ-нѣмецъ,—онъ смягчился, распекъ его по-нѣмецки, но все таки принудилъ уѣхать домой за 2.000 верстъ за его счетъ. Резолюціи писалъ онъ на бумагахъ только: „по закону", „къ дѣлу" и „читалъ". Это возмущало просителей, и иные крупные подрядчики вступали съ нимъ, изъ-за лаконическаго содержанія резолюцій, въ препирательства, кончавшіяся всегда, впрочемъ, тѣмъ, что ихъ выгоняли изъ пріемной. Однажды фельдъегерь привезъ ему отъ военнаго министра нужный запросъ. Онъ написалъ на немъ „къ дѣлу", позвалъ дежурнаго чиновника, приказалъ ему найти дѣло, котораго запросъ касался, вшить въ него бумагу и принести къ нему дѣло. Чиновникъ тщетно докладывалъ ему о необходимости отвѣта, но онъ настоялъ на своемъ, получилъ дѣло и оставилъ его у себя. Ночью фельдъегерь пріѣхалъ за отвѣтомъ и, узнавъ отъ чиновника о происшедшемъ—отправился къ директору и съ трудомъ убѣдилъ его понѣмецки, что министръ ждетъ отвѣта. Онъ отдалъ дѣло, фельдъегерь съѣздилъ къ Данилову и Васильеву, они пріѣхали въ департаментъ, сочинили отвѣтъ, онъ подписалъ, и фельдъегерь увезъ его уже подъ утро. Хотя Даниловъ, Васильевъ и другіе чиновники были дѣльные, опытные начальники, но справиться съ упрямымъ директоромъ никакъ не могли, особенно, если дѣло касалось нарушенія дисциплины — онъ былъ неумолимъ, а этимъ пользовался экзекуторъ, по докладамъ котораго директоръ приказывалъ драть и ссылать въ гарнизонъ писарей за ношеніе брюкъ безъ кантовъ, за позднее возвращеніе домой, за ночлегъ внѣ дома, безъ разрѣшенія, за игру въ карты, буйство на улицѣ, грубость фельдфебелю, обруганіе даже будочника. Оттого хоть разъ провинившіеся въ чемъ-либо писаря,—а такихъ было большинство,—постоянно трепетали за цѣлость своихъ тѣлъ и галуновъ.

Положеніе подобныхъ мнѣ прикомандированныхъ рядовыхъ и кантонистовъ вообще было также прескверное: по тѣснотѣ помѣщенія и неимѣнію средствъ на покупку собственныхъ кроватей и принадлежностей, они спали: въ комнатахъ—на полу, въ столовой—на скамейкахъ и въ департаментѣ—на сдвинутыхъ стульяхъ, да прислуживали писарямъ за стаканъ чая; кантонисты же, не получая ничего — поневолѣ ходили обтрепанными, въ грязномъ бѣльѣ, отъ нечисти заболѣвали и умирали въ госпиталѣ безъ чьего-либо сожалѣнія...

Писарямъ, отличавшимся примѣрнымъ усердіемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ въ праздничные и будничные вечера — послѣ раздачи жалованья жутко доставалось дома: пьянство и буянство происходили въ самыхъ широкихъ размѣрахъ далеко за полночь и ихъ преднамѣренно раздражали и вовлекали въ скандалы, чтобы портить

ихъ репутаціи; самые же скандалы устраивали преимущественно замѣченные неоднократно въ дурныхъ поступкахъ, по пословицѣ „семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“. Департаментское военное и гражданское начальство (кромѣ чиновниковъ были штабъ и оберъ-офицеры), за исключеніемъ правителя канцеляріи и секретаря, въ образъ жизни и дѣйствій писарей внѣ департамента не вмѣшивалось, сколько по равнодушію къ низшимъ своимъ подчиненнымъ, столько же, если еще не больше потому, что вслѣдствіе тупости и дурачества директора—всячески открыто старалось наживаться отъ начальства подвѣдомственныхъ, кажется, 10 разныхъ казачьихъ войскъ, да 30 окружныхъ, военныхъ поселеній, пѣхотныхъ солдатъ, мастеровыхъ командъ, учебныхъ полковъ, баталіоновъ кантонистовъ, строительныхъ управленій и проч., и проч. Словомъ, каждое изъ 10 отдѣленій представляло доходное мѣсто. Глядя на начальство, и смышленые, ловкіе писаря обрабатывали маленькія уже дѣлишки, напр., сообщали: подрядчикамъ—секретныя цѣны поставокъ, офицерамъ—о наградахъ, переводахъ, какъ увернуться отъ взысканій, кого подкупить изъ начальства и т. д. Хотя оно нерѣдко и само подсылало писарей къ заинтересованнымъ въ крупныхъ дѣлахъ, чтобы шли къ нему съ взятками, но когда иные писаря, случалось, попадали впросакъ, тогда начальство само же возбуждало противъ нихъ преслѣдованіе, и они подвергались наказаніямъ розгами, разжалованію и ссылкѣ въ дальніе гарнизоны.

Безалаберный бытъ писарей претилъ мнѣ, а департаментскіе порядки изумляли меня, но, помня пословицу—„всякъ сверчокъ—знай свой шестокъ,“—я, изъ самосохраненія, велъ себя чрезвычайно осторожно, трудился неутомимо, столь быстро и удачно перенялъ считавшійся лучшимъ почеркъ Воронкова, что не разъ спѣшные, объемистые доклады переписывали мы вдвоемъ, и начальство не могло отличить, гдѣ кто изъ насъ кончилъ и кто началъ, хотя мы это дѣлали иногда среди страницы. За это стараніе и поведеніе произвели меня, не въ примѣръ другимъ, черезъ 7 мѣсяцевъ по прибытіи изъ полка, въ писаря 3 класса (7 февраля 1857 г.) Производство это, обыкновенно дававшееся черезъ 2—3 г., сильно взбудоражило сослуживцевъ, изъ которыхъ многіе изрядно омрачили мою радость незаслуженными упреками и бранью... Я надѣлъ галуны, сверхъ всякаго ожиданія, едва достигнувъ 18 лѣтъ. Крестный поздравилъ меня 25 руб. и длиннымъ письмомъ, какъ слѣдовало самостоятельно жить на свѣтѣ. Мнѣ отвели освободившееся послѣ умершаго писаря мѣсто для кровати, я купилъ себѣ ее, принадлежности къ ней, писарскую форму и сталъ, такъ сказать, на собственныя ноги.

Формально писарямъ многократно запрещалось заниматься какою-либо частною перепискою, но съ дозволенія начальниковъ отдѣленій,

смѣлыхъ столоначальниковъ и даже самовольно большинство писарей вечерними досугами занималось въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ лицъ запретною перепискою, да и у себя дома дѣлали то же самое. Лосевъ часто рекомендовалъ Воронкова на эту же самую работу, которую мы выполняли вдвоемъ, а плату за нее расходовали на совмѣстныя наши мелкія нужды безъ всякаго противорѣчія другъ другу: мы вели дружбу неразрывную и охотно во всемъ соглашались между собою, такъ что деньги у насъ, людей скромныхъ, аккуратныхъ, постоянно водились. И вотъ на второй день масляницы мы, прогуливаясь по улицамъ, случайно очутились въ сумеркахъ возлѣ Александровскаго театра, гдѣ какой-то человѣкъ присталъ къ намъ съ предложеніемъ билетовъ на спектакль, а на наше заявленіе, что опасаемся запрета ходить въ театръ,—увѣрялъ насъ, что запрета не придерживаются и клялся намъ, что никакое начальство насъ не увидитъ. Поколебавшись, мы купили у него два билета по 50 коп., набожно перекрестились, пробрались, съ оглядками, въ театръ на свои мѣста и благополучно прослушали музыку и часть „Гамлета“. Вдругъ, когда онъ съ грустію проговорилъ Офеліи:

О, еслибъ... Ахъ, Офелія. О, ангелъ,
Въ своей молитвѣ чистой помяни
Мои страшные грѣхи...

кто-то силою дернулъ насъ сразу за шиворотъ... Мы оглянулись и обмерли отъ страха... Жандармъ вывелъ насъ, растерявшихся, въ корридоръ, провелъ по нему, впустилъ въ темную каморку, заперъ ее снаружи и исчезъ... Очнувшись, мы чрезъ щели разглядѣли человѣка и взмолились объ освобожденіи насъ изъ заключенія. Онъ запросилъ за это 5 р. Мы предложили ему всѣ деньги, какія при насъ были. Онъ, старикъ-капельдинеръ, отперъ дверь, вошелъ къ намъ, заперъ ее снаружи, обшарилъ всѣ наши карманы, набралъ изъ нихъ помню 3 р. 40 к., отперъ дверь и произнесъ: „бѣгите прямо внизъ по лѣстницѣ“. Мы вылетѣли стрѣлою на улицу, перевели духъ и почти бѣгомъ благополучно добрались домой, а тамъ рѣшили скрыть отъ всѣхъ случившееся и о существованіи театра—разъ навсегда забыть.

Переписку носилъ намъ очень часто старикъ, отставной майоръ Великопольскій, разсказывавшій намъ, что въ молодости служилъ въ Семеновскомъ полку, а послѣ его раскассированія (въ 1820 годахъ) за бунтъ, вышелъ въ отставку, хозяйничалъ въ своемъ имѣніи и разорился, вслѣдствіе отказа ему вольноэкономическимъ обществомъ въ привилегіи на изобрѣтенный имъ способъ выдѣлки льна изъ волокнистыхъ растеній. Объ этомъ дѣлѣ онъ составлялъ и подавалъ безчисленное множество прошеній, записокъ, жалобъ всѣмъ властямъ,

а въ промежуткахъ сочинялъ стихи, комедіи и водевили, которые мы тоже переписывали. Онъ хвастался намъ также бывшимъ своимъ знакомствомъ съ знаменитыми поэтами: Рылѣевымъ, кн. Одоевскимъ, Пушкинымъ и другими, о которыхъ мы тогда и не слыхивали.

Послѣ крымской войны въ Петербургѣ появилось множество героевъ, украшенныхъ разными регаліями, и съ ними всѣ старались сводить знакомство, дружбу. Такъ поступилъ и Великопольскій съ однимъ молодымъ офицеромъ, проживавшимъ въ гостиницѣ рядомъ съ нимъ, а когда офицеру понадобился переписчикъ—свелъ съ нимъ Воронкова. Молодой совсѣмъ офицеръ съ капитанскими эполетами, аксельбантомъ, Георгіемъ въ петлицѣ, крестами на груди, сказалъ Воронкову, что онъ адъютантъ какого-то Штаба, долженъ получить изъ коммиссаріата 1000 руб. и предложилъ ему переписать удостовѣреніе на бланкѣ Штаба. Воронковъ это сдѣлалъ, получилъ отъ него рубль, ушелъ и забылъ о немъ. Прошло довольно долго. Вдругъ обнаружилось, что офицеръ, пересрочившій отпускъ, прапорщикъ Тимковскій, по добытому гдѣ-то бланку и фальшивымъ подписямъ и печати получилъ 1000 руб., за что очутился подъ судомъ ордонансъ-гауза, а, онъ, по наведеннымъ справкамъ и отличительному почерку, призналъ Воронкова соучастникомъ Тимковскаго, и потому ордонансъ-гаузъ [1]) потребовалъ его къ себѣ подъ арестъ. Васильевъ и Лосевъ бумагою отъ департамента возразили, что Воронковъ только свидѣтель, почему и послали его къ допросу съ депутатомъ департаментскимъ оберъ-аудиторомъ Абрамовымъ, а по возвращеніи ихъ оттуда Васильевъ, Лосевъ и Абрамовъ долго совѣщались, отправили вторую бумагу, что о запрещеніи заниматься частною перепискою Воронкову не объявлялось и онъ не зналъ, но все-таки арестованъ при департаментѣ, гдѣ ему и велѣно было остаться на жительство въ канцеляріи.

Въ то же время всѣмъ писарямъ строго воспретили заниматься частною перепискою и отлучаться со двора дольше 9 часовъ вечера. Запретъ этотъ возмутилъ писарей, и они:—съ одной стороны, дознавшись, что онъ послѣдовалъ якобы по винѣ Воронкова—яростно упрекали насъ обоихъ, а съ другой стороны—обозлившись на экзекутора Макарова за то, что тщательно слѣдилъ, чтобы никто ничего дома не писалъ и къ 9 вечера всѣ были налицо (за неисполненіе распекалъ, сажалъ въ карцеръ, а иныхъ дралъ), съ азартомъ слали чуть не ежедневно доносы военному министру на Макарова, обвиняя его въ самыхъ разнообразныхъ преступленіяхъ и добились увольненія его въ отставку, какъ разъ ко времени освобожденія Ворон-

[1]) Нынѣ комендантское управленіе.

кова изъ-подъ ареста, по разрѣшенію Васильева, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ 5 разъ посылавшаго Абрамова въ ордонансъ-гаузъ освѣдомиться о положеніи дѣла.

Въ экзекуторы поступилъ изъ учебнаго полка майоръ Пайкуль, великанъ, нѣмецъ и ревностный поборникъ дисциплины. И вотъ онъ за грубость сторожа такъ сильно ударилъ его кулакомъ по виску, что тотъ упалъ и померъ. Живо пущены были доносы на него военному министру, но онъ, узнавъ это, созвалъ въ свою квартиру старшихъ писарей, обласкалъ ихъ и просилъ защитить его при дознаніи. Они потребовали возстановленія прежнихъ льготъ относительно частной переписки и хожденія со двора. Онъ согласился, и его обѣлили, а за это онъ честно сдержалъ свое обѣщаніе, и всѣ умиротворились. Даже злѣйшему своему врагу Макарову простили его прегрѣшенія. Онъ, отставнымъ, — совсѣмъ уже спился и повадился ходить въ гости къ писарямъ, которые дружелюбно его принимали, почти постоянно содержали на всемъ готовомъ, а когда онъ отъ сильной простуды расхворался—въ госпиталь носили ему папиросы, булки и мелкія деньги, а умершаго—схоронили въ складчину.

На другой день похоронъ Макарова весь департаментъ, помню, всполошился: начальниковъ отдѣленій: проектовъ и смѣтъ—полковника Павловскаго и строительнаго — подполковника До-Витте (оба были инженеры), столоначальника,—кол. сов. Бочковскаго, нѣсколько другихъ еще чиновниковъ и писарей внезапно арестовали, а какіе-то посторонніе военные и статскіе цѣлый день рылись въ дѣлахъ названныхъ отдѣленій и общаго присутствія департамента, да забрали многія дѣла съ собою. Происшествіе это перепугало почти всѣхъ, отчего прочіе начальники отдѣленій и столоначальники нѣсколько дней сряду тщательно приводили въ порядокъ свои дѣла, разбирали бумаги, рвали и жгли ихъ, да переговаривались между собою, а директоръ Пилларъ бѣгалъ по департаменту, точно угорѣлый, и не обращалъ уже никакого вниманія ни на чистоту, ни на ростъ офицеровъ, чиновниковъ и писарей, а только спорилъ и кричалъ съ другимъ вице-директоромъ, инженеромъ и генераломъ Рербергомъ, завѣдывавшимъ отдѣленіями, начальство которыхъ провинилось.

Внимательно вслушиваясь въ разговоры, я тогда же и впослѣдствіи узналъ, что послѣ окончательнаго замиренія по настоянію, какъ увѣряли, бывшаго начальника штаба крымской арміи, свитскаго генерала князя Викт. Иллар. Васильчикова, образована была, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Пав. Алексѣев. Тучкова, особая слѣдственная коммиссія для разбора злоупотребленій крымской арміи. Коммиссія эта, разслѣдовавъ въ Крыму все, что тамъ происходило, по провіантской, коммиссаріатской, госпитальной и про-

чимъ частямъ, переселилась въ Петербургъ и, по обнаруженнымъ въ разныхъ мѣстахъ слѣдамъ, убѣдилась, что по нашему департаменту подрядчики, по стачкамъ съ его воротилами, получили сотни тысячъ за бараки, которыхъ не строили, за матеріалы, которыхъ не заготовляли, или доставили лишь часть, такъ что прикосновенными оказались, кромѣ прямо обвинявшихся арестованныхъ, генералъ Рербергъ, члены общаго присутствія, его дѣлопроизводитель, ст. сов. Бемъ, да и самъ директоръ Пилларъ, въ сущности, за свое непониманіе того, что подписывалъ, но, какъ самолюбивый и гордый нѣмецъ, онъ изъ себя выходилъ за причиненное ему огорченіе и грозившую отвѣтственность.

Опасеніе Пиллара усилилось еще потому, что покровительствовавшій ему военный министръ, генералъ-адъютантъ князь Вас. Андр. Долгоруковъ былъ уже шефомъ жандармовъ и главнымъ начальникомъ III-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, а военнымъ министромъ — генералъ - отъ - артиллеріи Никол. Онуфр. Сухозанетъ, который не возлюбилъ его съ перваго же знакомства съ нимъ, требовалъ, чтобы докладывалъ ему обстоятельно, по-русски, а какъ онъ не могъ, то говорилъ ему колкости, въ родѣ того, что директоръ русскаго департамента долженъ быть русскій и т. под.

Въ то же время приблизилась свадьба сына Пиллара на дочери генералъ-адъютанта графа Клейнмихеля. По этому поводу понадобилось письмо отъ Пиллара къ оберъ-полиціймейстеру, генералу Галалахову, чтобы онъ былъ въ церкви на бракосочетаніи, куда ожидались высочайшія особы. Письмо это изъ одного слова Лосевъ передѣлывалъ разъ 15-ть; Пилларъ не допускалъ: „пожаловать“, ибо жалуетъ только государь; „присутствовать“—забраковалъ онъ, такъ какъ присутствуютъ лишь въ департаментѣ; „прибыть“—отвергалъ онъ потому, что бить Галахова не смѣлъ; „пріѣхать“ — не хотѣлъ онъ оттого, что для него было безразлично, пріѣдетъ, или придетъ Галаховъ; „явиться“—считалъ онъ приказаніемъ, а приказывать Галахову не имѣлъ права. Короче, Лосевъ истощилъ все свое терпѣніе и краснорѣчіе на переводъ Пиллару по-нѣмецки роковаго слова (онъ хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ), но угодить не могъ. Между тѣмъ Сухозанетъ чаще сталъ звать къ себѣ Данилова, а Пиллара настойчиво выживалъ. Это случилось въ бытность государя въ Варшавѣ, а кн. Долгорукова—при немъ. Пилларъ приказалъ Лосеву составить прошеніе объ отставкѣ и письмо къ князю Долгорукову, а подписавъ обѣ бумаги, велѣлъ отослать письмо тотчасъ же, а прошеніе министру—чрезъ пять дней спустя, но весь департаментъ желалъ избавиться отъ Пиллара, и потому Лосевъ, которому онъ больше

всѣхъ довѣрялъ и надоѣлъ, поступилъ наоборотъ. Прошло недѣли двѣ, и въ департаментѣ вдругъ къ всеобщей радости получился печатный приказъ объ отставкѣ Пиллара, а въ тотъ же день самъ онъ, весь багровый, просто вбѣжалъ въ канцелярію, приблизился къ стоявшему среди комнаты Лосеву и, тыкая пальцемъ правой руки въ находившуюся въ лѣвой его рукѣ бумагу, кричалъ, что Лосевъ обманулъ его, отправивъ прежде прошеніе, а потомъ письмо, на которое Долгоруковъ отвѣтилъ ему, что за позднимъ его полученіемъ не могъ оказать ему никакой поддержки. Лосевъ, спокойно прослушавъ крикъ Пиллара, громко предложилъ ему, какъ отставному, удалиться изъ присутствія департамента. Пилларъ плюнулъ и съ дикимъ смѣхомъ быстро ушелъ.

Директоромъ поступилъ 30-го августа 1856 г. пожилой, симпатичный на видъ, генералъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Веригинъ [1]). Онъ живо вникъ во все и, между прочимъ, въ бытъ писарей, которыхъ почти сразу облегчилъ разрѣшеніемъ: являться въ департаментъ и уходить изъ него не къ 9-ти, а къ 10-ти утра и не фронтомъ, а группами; проходя мимо его дома, шапокъ не снимать; за столами сидѣть въ разстегнутыхъ сюртукахъ; со двора отлучаться до полуночи, частною перепискою заниматься, а стѣснять только отличавшихся дурнымъ поведеніемъ, но и ихъ запретилъ онъ наказывать тѣлесно, разжаловать и ссылать въ гарнизонъ. Перечисленныя льготы вызвали въ писаряхъ глубокое уваженіе къ директору, породили въ нихъ сознаніе необходимости вести себя пристойно, духъ товарищеской пріязни и быстро уменьшили проступки и скандалы, отъ которыхъ ревностно воздерживали другъ друга. Среди ликованій за льготы мы и не замѣтили, что Даниловъ тоже вышелъ въ отставку. Онъ обидѣлся, что его обошли директорствомъ, послѣ пробытія его вице-директоромъ лѣтъ 20-ть и считалъ особенною своею заслугою то, что, будучи 16-ти-лѣтнимъ артиллерійскимъ прапорщикомъ, произвелъ изъ пушки первый выстрѣлъ въ отечественную войну въ Бородинскомъ сраженіи. Вмѣсто него прибылъ, служившій въ резервной кавалеріи начальникомъ штаба, пожилой генералъ-майоръ Эрастъ Константиновичъ Длотовскій. Вошелъ онъ впервые въ канцелярію департамента въ сопровожденіи экзекутора, майора Пайкуля, и увидалъ, что мы хотя встали, но разстегнутые.

— Это что за безобразіе? — крикнулъ онъ. — За это вы, маіоръ, съ завтрашняго дня — на гауптвахту на трое сутокъ, а ихъ — сегодня же всѣхъ передрать.

---

[1]) Умеръ членомъ Государственнаго Совѣта, генераломъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантомъ, 21 декабря 1891 г.

Пайкуль почтительно доложилъ ему, что директоръ разрѣшилъ намъ заниматься разстегнутыми.

— Вздоръ, такого разрѣшенія быть не могло. За это важное нарушеніе дисциплины, сквозь строй гоняютъ. Всегда всѣмъ быть застегнутыми; васъ, маіоръ, заморю на гауптвахтѣ, уволю, а ихъ буду пор-роть, разжаловать.

Пайкуль убѣдительно просилъ его испросить разрѣшеніе директора на отмѣну его распоряженій.

— Не разсуждать, а дѣлать то, что я приказываю. Я всѣхъ под-тяну.

Онъ прошелъ въ свой кабинетъ, а Пайкуль къ Васильеву съ докладомъ о случившемся. Немного погодя, Длотовскій вышелъ въ нашу комнату и увидѣлъ насъ уже застегнутыми, а сидѣвшій близъ дверей Никитинъ всталъ и поклонился ему.

— Эй, ты, налей-ка мнѣ чернилъ,—приказалъ онъ ему.—Въ чернильницѣ одна гуща, лѣнтяй этакій.

— Чернила наливаютъ сторожа, а я надворный совѣтникъ,— отвѣтилъ Никитинъ, такъ будьте, ваше превосходительство, деликатны.

— Надворный, да еще совѣтникъ? Ну, и совѣтуйте на дворѣ! Жаль, надворныхъ совѣтниковъ не дерутъ, а то я бы велѣлъ отсчитать горячихъ за дерзкій мнѣ отвѣтъ. На гауптвахту!

— Я отправлюсь туда только тогда, когда директоръ мнѣ это прикажетъ: я подчиненъ лишь ему и самъ пожалуюсь на ваше обхожденіе со мною.

— Мол-чать! Я изъ васъ выгоню духъ неповиновенія,—гаркнулъ онъ, топнувъ ногой.—Дисциплина!..

Изъ смежной комнаты выскочилъ въ статскомъ платьѣ Лосевъ.

— Кто такой этотъ длинноволосый стрикулистъ?

— Я секретарь канцеляріи департамента, коллежскій ассесоръ Лосевъ, а не стрикулистъ, и за это названіе, какъ дворянинъ, попрошу извѣстнаго удовлетворенія вашего превосходительства.

— Я, вице-директоръ, вашъ начальникъ, посажу васъ на гауптвахту за появленіе не въ формѣ.

— Ваша власть на меня не распространяется, и я вашего распоряженія не исполню, а за оскорбленіе меня подамъ на васъ разворотъ.

— Тотъ не подчиненъ, другой не подчиненъ!.. все это выдумки, и я всѣхъ васъ заставлю слушаться меня, заставлю!..

На сцену плавно выступилъ Васильевъ и деликатно просилъ Длотовскаго умѣрить тонъ и успокоиться.

— Вы еще что за персона?—озадачилъ онъ Васильева.

— Я правитель канцеляріи департамента, ст. сов. Васильевъ, покорнѣйше прошу васъ не смущать служащихъ въ моей канцеляріи, а вѣдаться со мною.

— Не желаю, да и не о чемъ мнѣ съ вами говорить.

Онъ вернулся въ кабинетъ и захлопнулъ за собою дверь, а потомъ послалъ курьера за начальникомъ отдѣленія Чернявскимъ, который вскорѣ же пришелъ къ нему. Мы навострили уши.

— Докладывайте мнѣ, — донесся до насъ громкій голосъ Длотовскаго.

— Позвольте мнѣ прежде сѣсть, — сказалъ Чернявскій.

— Подчиненный долженъ стоять предъ начальникомъ.

— Военный во фронтѣ — да, а я, статскій совѣтникъ, докладываю директору и даже военному министру сидя; по ордену же св. Владиміра, что у меня, какъ видите, на шеѣ, имѣю право на стулъ и въ Сенатѣ. Такъ угодно вамъ, чтобы я докладывалъ сидя?

— Нѣтъ и нѣтъ: это противъ дисциплины.

— Въ такомъ случаѣ прощайте: я ухожу.

И онъ ушелъ съ бумагами въ свое отдѣленіе. За нимъ слѣдомъ выдержали съ Длотовскимъ такія же столкновенія начальники отдѣленій: ст. сов. Безверховъ и надв. сов. Нельговскій. Всѣ обиженные пожаловались Веригину, а онъ созвалъ къ себѣ ихъ и Длотовскаго и примирилъ всѣхъ, а Длотовскій [1]) пересталъ являться въ департаментъ недѣли двѣ до составленія и утвержденія инструкціи, какія именно дѣла и лица подлежали его вѣдѣнію и чѣмъ могъ онъ распоряжаться, онъ же, испытавъ въ первый день рядъ неудачъ—ни къ кому болѣе уже не придирался, уразумѣвъ, вѣроятно, что коль скоро не могъ поднять дисциплину, то заботиться о ней не было смысла.

И, дѣйствительно, прежняя суровая система послѣдовательно разрушалась, отчего и ея представители-нѣмцы, напримѣръ, генералъ-лейтенанты, начальники: южныхъ поселеній — фонъ-деръ-Лауницъ, пѣхотныхъ солдатъ — фонъ-деръ-Бриггенъ, фонъ-деръ-Ротъ и другіе были уволены отъ должностей, а общія облегченія начались съ объявленія закона объ увольненіи (по манифесту 26 августа 1856 г.) солдатскихъ сыновей изъ заведеній кантонистовъ къ ихъ отцамъ, матерямъ, родственникамъ и благотворителямъ, а также объ исключеніи изъ военнаго вѣдомства остававшихся еще въ деревняхъ, не взятыхъ въ заведенія мальчиковъ (ихъ къ 1856 г. считалось: въ заведеніяхъ—42.681 и на воспитаніи въ деревняхъ—329.384 чел., а къ 1859 г. осталось въ заведеніяхъ 12.451 чел., такъ какъ остальныхъ исключили изъ принадлежавшихъ къ военному вѣдомству).

---

[1]) Умеръ полнымъ генераломъ и предсѣдателемъ главнаго военнаго суда.

Затѣмъ въ 1857 г. объявили разъяснительный благодѣтельный приказъ, по которому и состоявшіе уже на службѣ нижніе чины, въ томъ числѣ и писаря, происходившіе изъ кантонистовъ и не достигшіе, къ времени обнародованія приказа, совершеннолѣтія, также могли быть освобождены отъ службы по просьбамъ родителей и ближайшихъ родственниковъ для призрѣнія ихъ въ старости. Молодые писаря энергично принялись: во-1-хъ, — переписываться со своими здравствовавшими родителями и родственниками о скорѣйшемъ начатіи дѣлъ, во-2-хъ, не имѣвшіе настоящихъ — подыскиваніемъ и пріобрѣтеніемъ фиктивныхъ родственниковъ, для подачи за 3—5 руб. готовыхъ, отъ ихъ имени, прошеній объ увольненіи жаждавшихъ свободы; въ-3-хъ, рыться въ архивныхъ формулярахъ и дѣлать ихъ соотвѣтственными приказу, т. е. чтобы совершеннолѣтія не выходило и въ-4-хъ, сноситься съ бывшими товарищами по полковымъ и баталіоннымъ „живодернямъ“ о присылкѣ подходящихъ справокъ. Словомъ, фабрикація документовъ и просителей производилась самая азартная, открытая, благо начальство смотрѣло на это не только равнодушно, но даже одобрительно: освѣдомившись о предстоявшемъ упраздненіи самаго департамента, оно желало: отъ дурныхъ подчиненныхъ—избавиться, а хорошимъ—лучшаго будущаго, по этому писаря увольнялись ежедневно десятками. Глядя на другихъ, и Воронковъ попросился на волю, ради избѣжанія дурныхъ послѣдствій за писаніе Тимковскому. Васильевъ послалъ Абрамова въ ордонансъ-гаузъ, дознаться о положеніи дѣла и когда онъ принесъ отвѣтъ, что тамъ предположили разжаловать Воронкова въ рядовые и сослать въ гарнизонъ,—въ одинъ день оформили его увольненіе въ податное состояніе, и онъ тогда же уѣхалъ съ откупщикомъ Закревскимъ въ Пермскую губернію (всѣхъ уволенныхъ кантонистовъ, рядовыхъ и писарей къ 1859 г. набралось 378.000 чел.).

Правда, я тоже могъ получить свободу, но, по робости своей, не рѣшился показывать дважды уже передѣланный свой формуляръ. Впрочемъ, съ этого времени положеніе писарей значительно улучшилось; вечернія повѣрки прекратились, въ проступки впадали все рѣже, да и тѣ карались только выговорами, дежурствами внѣ очереди, вечернею работою въ департаментѣ и рѣдко — кратковременными арестами въ карцерѣ, отчего экзекуторъ и фельдфебель почти бездѣйствовали. Прежнія оргіи замѣнились приличными развлеченіями съ появившимися къ намъ изъ магазиновъ мастерицами и ученицами, съ которыми писаря подъ гитару учились танцовать, пѣли пѣсни, романсы, гуляли по Александровскому парку, Елагиному острову и другимъ отдаленнымъ мѣстамъ; для поддержанія предъ ними своей репутаціи водворили у себя опрятность, деликатность и отъ празд-

ника до праздника нетерпѣливо ихъ ждали, а когда приходили — угощали, ревновали и отбивали ихъ другъ отъ друга; смѣльчаки, располагавшіе деньжонками, — обзаводились даже партикулярнымъ платьемъ, чтобы, гуляя по улицамъ со своими дамами, не снимать шапокъ предъ всѣми офицерами. Короче, жизнь наша приняла совсѣмъ новое, дотолѣ неслыханное, направленіе.

Такъ прошли лѣто и осень, а въ началѣ зимы вдругъ огласилось, что фельдфебелямъ сапернаго баталіона начальствомъ разрѣшено устраивать въ казармахъ, по воскресеньямъ, танцовальные вечера съ музыкою, съ платою за входъ по двадцати копѣекъ съ кавалера и его дамы. И въ первое же воскресенье къ 7-ми часамъ вечера наши комнаты опустѣли: почти всѣ писаря группами съ дамами и безъ нихъ отправились на вечеринку. Пошелъ туда и я, изъ любопытства. Въ дверяхъ длиннѣйшаго корридора, заплативъ 20 копѣекъ, я разглядѣлъ, что корридоръ тускло освѣщенъ сальными свѣчами, воткнутыми въ ружейные штыки, привязанные къ деревяннымъ обручамъ, прикрѣпленнымъ къ потолку веревочками, за вбитые гвозди, на манеръ люстръ, по стѣнамъ въ пирамидахъ красовались ружья и каски, а подъ ними стояли деревянныя, для сидѣнья, скамейки, по серединѣ корридора, около стола, играли музыканты, а по всему корридору паръ двѣсти, въ самыхъ разнокалиберныхъ нарядахъ, формахъ и костюмахъ, съ увлеченіемъ танцовали кадриль, отъ тѣсноты сбивались, хохотали, подпѣвали, бранились, прыгали, шаркали и топали ногами. Надъ головами танцовавшихъ стояло синее облако пыли и дыма; многіе курили папиросы и трубки. Музыканты заиграли галопъ и всѣ вихремъ понеслись по корридору, съ азартомъ толкая и сшибая съ ногъ другъ друга, падавшіе ушибались, вскрикивали, вскакивали и неслись дальше, несмотря на струившійся съ ихъ лицъ потъ, прямо на морозъ прохладиться въ однихъ сюртукахъ, платьяхъ, съ открытыми головами и шеями. Въ антрактахъ по корридору чинно прохаживались гуськомъ, парами, ревностно искали знакомыхъ, свободныхъ для сидѣнья мѣстъ, оторванныя пуговицы, куски платьевъ и главное буфетъ, гдѣ усердно угощались самыми дешевыми выпивками, закусками и прохладительными. Не поддѣльная веселость и влеченіе свѣтились на лицахъ огромнаго большинства участвовавшихъ и глазѣвшихъ писарей, лакеевъ, ремесленниковъ и ихъ дамъ. Изъ танцовавшихъ нѣкоторые, проскользнувъ безплатно, оставались въ верхней одеждѣ, успѣвали подвыпить, придирались къ своимъ дамамъ, заводили шумъ, перебранку. Распорядители-фельдфебеля, собравъ деньги, для уменьшенія гостей, заставили раздѣтыхъ солдатъ проносить въ ушатахъ воду и плескать ее на полъ, но танцы продолжались и по лужамъ, мокротѣ, даже еще

оживленнѣе. Видя, что это не дѣйствуетъ, солдаты насыпали по полу нюхательнаго табаку, отчего началось всеобщее чиханье, которое тоже, однако, не мѣшало танцорамъ. Тогда, около 12 ч. ночи, вдругъ начали гасить огни. Всѣ кинулись за верхнимъ платьемъ. торопливо одѣвались, выходили во дворъ, комками снѣга промывали глаза и лицо отъ пыли, копоти и табаку, потомъ также довольные, веселые провожали во-свояси своихъ дамъ и вернулись домой, иные лишь утромъ. Описанныя казарменныя вечеринки сдѣлались лучшимъ постояннымъ праздничнымъ развлеченіемъ писарей всего Петербурга, какъ самымъ удобнымъ мѣстомъ для пріобрѣтенія привязанностей и даже женъ, въ лицѣ ловкихъ горничныхъ вліятельныхъ начальниковъ, по ходатайствамъ которыхъ ихъ мужей потомъ производили, случалось, и въ чиновники.

Стремясь разсѣяться отъ томившей меня, на досугѣ, скуки и имѣть хоть крошечныя средства на свои скромныя нужды, я, по рекомендаціи сослуживцевъ, поступилъ заниматься въ кварталъ съ 7 до 10 утра и съ 6 до 12 ночи за 6 руб. въ мѣсяцъ. Въ кварталѣ вскорѣ же узналъ я, что ни паспортистъ, ни письмоводитель никакого жалованья не получали, а напротивъ сами платили квартальному за право занимать названныя должности по 50—100 руб., да подобнымъ мнѣ 3—4 переписчикамъ по 6—10 руб. въ мѣсяцъ,—все изъ своихъ доходовъ, которые вымогали со всѣхъ рѣшительно за все; напр., чиновникъ, осужденный Сенатомъ въ смирительный домъ, не могъ быть посаженъ собственно потому, что изъ квартала за сто руб. доносили, что онъ тяжко боленъ; купецъ, требовавшійся въ уголовную палату по обвиненію въ поджогѣ, показывался выбывшимъ далеко изъ столицы; настоящими и фальшивыми паспортами торговали совершенно открыто; скрыть отъ кредиторовъ имущество охотно помогали должникамъ, а отъ заключенія въ долговое отдѣленіе—ихъ спасали различными обманными способами; мазурикамъ всячески покровительствовали, а за это они дѣлились краденными деньгами и вещами; всѣмъ синклитомъ квартальная тля роскошно обѣдала и ужинала въ трактирахъ даромъ; являвшихся за справками—сажали въ кутузку, если отказывались платить; подъ видомъ охраны имущества одинокихъ умершихъ—разграбливали его; судъ и расправу чинили моментально; при чемъ бѣдныхъ колотили и даже драли безъ разбора. Въ комнатахъ утрами и вечерами раздавались слезы, крики и стоны, на которые никто не обращалъ никакого вниманія: къ нимъ всѣ привыкли. Наглядѣвшись на все, что творилось, я содрогался, мнѣ страшно стало, и я, едва выдержавъ мѣсяцъ,—отказался отъ занятій въ кварталѣ, прозванномъ разбойничьимъ вертепомъ, во главѣ котораго стоялъ квартальный.

Отдохнувъ отъ тревожившихъ меня квартальныхъ мерзостей, я, по рекомендаціи Лосева, явился къ богатѣйшему графу А. П. Орлову-Давыдову переписывать какія-то бумаги. Онъ, важный, пожилой баринъ принялъ меня привѣтливо и предварилъ, что обо всемъ, что я буду переписывать и слышать—я долженъ буду сохранять въ величайшей тайнѣ, потому что это касалось возникшаго предположенія объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а это дѣло, дескать, чрезвычайной важности. Я охотно обѣщалъ исполнить его желаніе въ точности. Ходилъ я къ нему вечерами,—когда собиралось у него множество господъ. Они говорили, спорили и составляли разныя записки, которыя я переписывалъ. При сужденіяхъ они часто поминали „Колоколъ", какъ въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, такъ и для устрашенія какихъ-то противниковъ, но что значилъ „Колоколъ"—я тогда не понималъ. За освобожденіе крестьянъ желали: одни—отмѣну тѣлесныхъ наказаній, сокращенія солдатской службы и состава арміи; другіе—гласный судъ, свободу печати; третьи—право вѣровать, кто какъ хочетъ, и даже гражданскій бракъ; четвертые—находили, что по безграмотности большинства Россіи всякая свобода вредна, а крестьянами должны управлять помѣщики. Часто группами гости подходили ко мнѣ, смотрѣли мой почеркъ, хвалили его, потомъ, по разнымъ вопросамъ спрашивали моего мнѣнія. Я отвѣчалъ, какъ могъ, и они отставали отъ меня, но разъ мой отвѣтъ такъ всѣмъ понравился, что нѣсколько человѣкъ надарили мнѣ въ сложности 40 руб., а одинъ изъ нихъ рыженькій, худенькій, въ очкахъ, молодой человѣкъ еще поцѣловалъ меня, въ пылу удовольствія моимъ отвѣтомъ. Подъ конецъ гостей стало убавляться, а изъ приходившихъ роптали на стѣсненія ихъ въ сужденіяхъ и негодовали на властей. Въ послѣдній мой приходъ парадная лѣстница оказалась освѣщенною очень слабо, гостей я уже не нашелъ, а графъ уныло объявилъ мнѣ, что на слѣдующій день уѣзжаетъ за границу, потому мнѣ больше нечего у него дѣлать. Онъ щедро заплатилъ мнѣ за труды и распрощался со мною. Отъ этого занятія я пріобрѣлъ, за 35 вечеровъ, 225 руб.—огромный тогда для меня капиталъ.

Сдѣлавшись внезапно богачемъ, я рѣшился хлопотать объ улучшеніи своего положенія, по примѣру другихъ. Изъ лучшихъ, по почеркамъ, писарей департамента переводили въ 1 и 2 отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи и въ кавказскій и сибирскій комитетъ. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ писаря носили щегольскую, чиновничью форму и партикулярное платье, когда ходили со двора; получали они по 200—300 руб. жалованья въ годъ, да постолько же наградныхъ, а если до производства въ классный чинъ, совершали проступки—ихъ, въ видѣ милости, возвращали въ

департаментъ, либо безжалостно ссылали въ гарнизонные батальоны. Въ этомъ отношеніи особенною строгостью отличалось начальство кавказскаго комитета. Я вѣрилъ, что „гдѣ строгость, тамъ и милость", да надѣялся, что не проштрафлюсь. Въ комитетѣ служили двое моихъ знакомыхъ. Я и обратился къ ихъ содѣйствію о переводѣ меня туда, но они прямо отговаривали меня, многократно доказывая мнѣ, что хотя они и одѣвались франтами и имѣли постоянно деньги, но обязывались круглый годъ ежедневно сидѣть въ канцеляріи съ 9-ти утра до обѣда—2-хъ по полудни, потомъ съ 3-хъ до 11-ти вечера и все время каллиграфически выводить буквы, при чемъ ни малѣйшихъ поправокъ въ писаньѣ не допускалось; то, что можно было переписать въ часъ—заставляли ихъ корпѣть 5 часовъ, чтобы занять все ихъ время; въ теченіе ночи по нѣсколько разъ повѣряли: не отлучился ли кто изъ нихъ, точно институтокъ, сторожили ихъ; продовольствовали вмѣстѣ съ начальническими лакеями, кучерами и истопниками, которые получали жалованье изъ суммъ канцеляріи, какъ бы сторожа. Считалось на службѣ въ канцеляріи до 30 чиновниковъ-аристократовъ, но занималось только пять, а остальные хотя и не знали дороги въ канцелярію, по аккуратно являлись съ визитами къ управлявшему дѣлами комитета, государственному секретарю Владиміру Петровичу Буткову и его женѣ и за это получали въ награду чины и ордена, да по заведенному обычаю назначались, по письмамъ Бутковыхъ, прямо вице-губернаторами. Канцеляріею управлялъ правитель, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гулькевичъ, на котораго Бутковъ кричалъ, топалъ ногами и ругалъ его, какъ лакея, а онъ отъ него все сносилъ за то, что изъ мелкаго чиновника вывелъ его въ генералы и вполнѣ обезпечилъ, но зато всѣ свои непріятности—онъ вымещалъ на нихъ, писаряхъ, считавшихъ себя каторжными. Около 2-хъ мѣсяцевъ, чуть ли не чрезъ день, ходилъ я къ нимъ вечерами бесѣдовать, присматривался къ ихъ житью-бытью, убѣдился въ справедливости ихъ разсказовъ и самъ раздумалъ проситься къ нимъ служить, не взирая на всю казавшуюся издали блестящую имъ карьеру.

Тѣмъ временемъ опорочившій себя департаментъ раздѣлили на части и передали: строительную—въ инженерный, уголовную — въ аудиторіатскій, строевую—въ инспекторскій департаменты, учебную—въ штабъ военно-учебныхъ заведеній. Для южныхъ поселеній и пахотныхъ солдатъ—образовали распорядительный комитетъ, а для казачьяго сословія—учредили управленіе иррегулярныхъ войскъ, при чемъ въ послѣднее попалъ и я, подъ начальство того же Лосева, принявшаго временно должность секретаря же (1 января 1858 г.). Служить въ управленіи никому почти не хотѣлось, хотя никто, ка-

жется, не могъ объяснить причины. Въ числѣ мечтавшихъ уйти изъ управленія былъ и я. Наслышавшись, что писаря канцеляріи военнаго министерства пользовались свободою и расхваливали свое начальство, я, чрезъ служившаго тамъ бывшаго моего сослуживца по департаменту, заявилъ желаніе перейти туда, почеркъ мой понравился тамъ, а Лосевъ аттестовалъ меня очень хорошо и меня перевели въ законодательное отдѣленіе канцеляріи (18 іюня 1858 г.).

Выгодность службы въ канцеляріи противъ департаментовъ и управленія заключалась въ томъ, что писарямъ за обязательныя ихъ занятія во всѣ праздники полагалось жалованья 50 р. и наградныхъ отъ 50 до 150 руб. въ годъ, тогда какъ въ департаментахъ получали наивысшее жалованье 33 руб., а наградныхъ 50 руб. въ годъ, зато всѣ табельные дни праздновали; за частныя занятія никого не преслѣдовали, не стѣсняли, а внѣ службы дисциплины для писарей не существовало. (Это, какъ я потомъ убѣдился, было положительно вредно: многіе пьянствовали и безобразничали до крайности).

Всѣхъ отдѣленій въ канцеляріи было пять, да юрисконсультская часть причислялась къ ней же. Въ каждомъ изъ отдѣленій насчитывалось 10—12 чиновниковъ и столько же писарей, но собственно штатныхъ чиновниковъ не было больше пяти. Въ то время, когда въ департаментахъ огромное большинство чиновниковъ были пожилые, бѣдные, семейные и мало ученые, но труженики,—это же большинство въ канцеляріи составляли молодые, принадлежавшіе къ родовитымъ аристократамъ, а отчасти къ богатѣйшимъ купеческимъ семействамъ, всѣ къ окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и обладавшимъ связями и протекціями. Сверхштатные, ни въ чемъ не нуждаясь,—считали канцелярію мѣстомъ для пріятнаго препровожденія времени: они съѣзжались въ каретахъ, коляскахъ, щегольскихъ дрожкахъ, а иные даже верхами въ 1-мъ часу, раскладывали свои обложки, уходили въ дежурную комнату, а тамъ разсматривали платье другъ друга, сообщали гдѣ, кто, какъ провелъ наканунѣ вечеръ, разные анекдоты и оказіи, а иные привозили различные музыкальные инструменты, наигрывали и напѣвали, что кто умѣлъ, спорили о достоинствахъ игры инструментовъ, о талантахъ актрисъ, о ихъ нарядахъ и любовныхъ похожденіяхъ, потомъ гурьбою отправлялись завтракать въ сосѣднюю кондитерскую, откуда чрезъ часъ возвращались веселыми, присаживались на нѣкоторое время къ столамъ, какъ бы заниматься, потомъ выбирались вновь въ дежурную и поднимали возню съ бывшими двумя дурковатыми товарищами, которые носили ихъ на спинахъ по такъ называвшемуся дубовому залу, а когда это имъ надоѣдало—потихоньку уѣзжали.... Вели они себя вполнѣ пристойно лишь въ дни засѣданій военнаго совѣта, да пріемовъ мини-

стромъ просителей и личныхъ докладовъ директоровъ. Желая образумить и пріучить къ дѣлу этихъ сверхштатныхъ молодыхъ людей—начальство заставило ихъ самихъ по очереди дежурить по канцеляріи, а такъ какъ они не умѣли да и лѣнились, то нанимали себѣ въ помощь чиновниковъ изъ писарей и писарей, которымъ платили: первымъ—по 10—15 р., а послѣднимъ—по 3—5 руб. за дежурство. Оно продолжалось сутки, а потому по окончаніи должностнаго времени изъ ближайшихъ лучшихъ гостиницъ лакеи приносили обѣдъ на 10—12 чел., комнаты обставлялись цвѣтами, къ дежурнымъ являлись родные, знакомые, даже дамы, и обѣды сопровождались „разливнымъ моремъ“ до 10, когда обѣдавшіе уходили, а новые гости приходили навѣстить дежурнаго къ чаю,—потомъ играли въ карты и ужинали до 2—3-хъ час. ночи, такъ что каждое дежурство стоило дежурнымъ сотни, а иногда и тысячи руб. Особенно отличался мотовствомъ сынъ откупщика Ал. Степ. Воронинъ, старавшійся этимъ способомъ сдружиться съ аристократами. Производили сверхштатные дурачества открыто безъ всякаго стѣсненія предъ ближайшимъ начальствомъ, которое ограничивалось только замѣчаніями, но это не дѣйствовало, хотя выслушивали ихъ почтительно. Къ ихъ чести, впрочемъ, надо прибавить, что они уважали умныхъ, дѣльныхъ старшихъ, отличались доброжелательствомъ, помогали бѣднымъ, хлопотали за писарей, крестили у женатыхъ дѣтей, пристраивали ихъ дряхлыхъ родственниковъ и родственницъ въ пріюты, богадѣльни, даже платили за нихъ, выписывали журналы и сочувствовали предполагавшимся реформамъ.

Пытливо вслушиваясь и внимательно вникая во все, вокругъ меня происходившее, я мѣсяца въ два узналъ какъ описанное, такъ и многое другое, меня лично не касавшееся, а потому я старался прежде всего зарекомендовать себя, чѣмъ могъ. Я, напр., одѣвался опрятно, трудился—прилежно, даже напрашивался на работу, а это замѣтилъ мой начальникъ отдѣленія, коллежскій совѣтникъ Иванъ Герасимовичъ Устряловъ и обратилъ на меня благосклонное вниманіе, которымъ я очень дорожилъ и гордился.

Здѣсь кстати передамъ кое-что о немъ и о другихъ начальникахъ. Онъ былъ лѣтъ 35—7, чрезвычайно деликатный, добрый, простой, трудолюбивый и слылъ очень умнымъ, какъ его братья: старшій—Ник. Гр. былъ профессоръ, академикъ, а второй—раньше управлялъ дѣлами военнаго совѣта, а потомъ коммиссаріатскимъ департаментомъ, тайный совѣтникъ Ѳедоръ Герасимовичъ. Происходили они изъ крѣпостныхъ, но съумѣли проложить себѣ дорогу. Служить въ канцеляріи вообще издавна стремились кромѣ родовитыхъ, какъ я уже отмѣтилъ, кончившіе курсъ въ университетѣ сыновья купцовъ-богачей, а изъ нихъ выдавались такіе даровитые, которые далеко опе-

режали дворянъ и создавали себѣ блестящія служебныя карьеры; напр., въ мое время дѣлами военнаго совѣта управлялъ въ чинѣ тайнаго совѣтника, Ал. Ант. Котоминъ; подавали надежды: Новаковъ, Веретенниковъ (оба умерли тайн. сов.), наилучшимъ помощникомъ И. Г. Устрялова считался нѣкто Масленниковъ.

Вице-директоромъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ. Посланный въ Казанскую губернію усмирить бунтъ, онъ передралъ и сослалъ много народа; объ этомъ было напечатано въ „Колоколѣ“, и его отчислили отъ должности.

Директоромъ канцеляріи состоялъ, съ 1857 г., помянутый мною раньше генералъ-адъютантъ князь Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ, который, несмотря на свой аристократизмъ и богатство, очень цѣнилъ познанія и опытность Котомина, Устрялова и имъ подобныхъ, происходившихъ изъ низшаго сословія. Князя всѣ хвалили, особенно за нѣкоторые факты изъ его служебной дѣятельности: такъ, онъ отличался на войнѣ, провелъ въ Севастополѣ мѣсяцевъ 10, до его сдачи непріятелю, насмотрѣлся, какія нужды перетерпѣли войска отъ злоупотребленій коммиссаріатскихъ, провіантскихъ и госпитальныхъ чиновъ, а послѣ войны затратилъ большія собственныя деньги на раскрытіе этихъ злоупотребленій, былъ самымъ ярымъ: сперва—членомъ состоявшей подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Павла Алексѣевича Тучкова коммиссіи, обслѣдовавшей злоупотребленія, потомъ—ея предсѣдателемъ, но и, сдѣлавшись директоромъ канцеляріи, продолжалъ зорко слѣдить за движеніемъ этого дѣла и домогаться суда надъ всѣми виновными, въ числѣ которыхъ называлъ и бывшаго главнокомандующаго князя М. Д. Горчакова [1]).

Въ Петербургѣ образовалась изъ торговцевъ, извозчиковъ и бродягъ шайка грабителей, во главѣ съ писаремъ коммиссаріатской коммиссіи Жуковымъ. Шайка эта наводила одно время страхъ на жителей. Когда ее открыли и переловили, то всѣхъ, въ ней участвовавшихъ, предали военному суду, а онъ приговорилъ ихъ чел. 7—10—прогнать сквозь строй. Къ назначенному для наказанія виновныхъ часу (утра) повелѣно было прислать въ Михайловскій манежъ,

---

[1]) Вслѣдствіе его неудачъ, во время войны, посланъ былъ слѣдить за его дѣйствіями, съ секретною инструкціею, бывшій директоръ канцеляріи, генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій, въ сопровожденіи фельдъегеря Ручкина и писаря Максимова, а когда Вревскій былъ убитъ—Горчаковъ, по разсказу Максимова и Ручкина, потребовалъ отъ нихъ бумаги Вревскаго, но они, по его приказанію, добровольно не дали ихъ, несмотря на угрозы повѣсить ихъ, а ухитрились сообщить въ Петербургъ, откуда послѣдовало повелѣніе вернуть ихъ съ бумагами и по прибытіи—обоихъ произвели въ офицеры, за особенное ихъ отличіе. Я зналъ обоихъ уже офицерами.

для присутствованія при экзекуціи, всѣхъ писарей, служившихъ въ Петербургѣ, во всѣхъ вѣдомствахъ. Когда доложили объ этомъ князю, онъ смѣло измѣнилъ распоряженіе—предоставилъ на волю писарей идти или не идти въ манежъ, и охотниковъ нашлось лишь нѣсколько человѣкъ, а это очень понравилось князю, находившему, что обязательно смотрѣть, какъ людей бичевали, скверно.

Командиръ корпуса внутренней стражи, генералъ-фонъ-деръ-Лауницъ секретнымъ рапортомъ просилъ ходатайства военнаго министра объ отводѣ гарнизоннымъ батальонамъ губернскихъ городовъ казенныхъ лѣсовъ для рубки въ нихъ: палокъ—для битья гоняемыхъ сквозь строй и розогъ—для дранья солдатъ. Рапортъ этотъ, покамѣстъ думали, что по немъ сдѣлать,—оказался цѣликомъ напечатаннымъ въ „Колоколѣ“, получавшемся всѣми высшими властями и въ канцеляріи кѣмъ-то изъ значительныхъ чиновниковъ. Поднялся сильный переполохъ; тогда лишь я узналъ за достовѣрное, что „Колоколъ“ газета. Военный министръ приказалъ непремѣнно отыскать—кто списалъ копію съ рапорта и послалъ ее въ Лондонъ. По произведенному дознанію, подозрѣніе пало на писаря Григорьева (раньше служилъ при военномъ агентѣ въ Берлинѣ, графѣ Адлербергѣ 3-мъ). Этотъ писарь выдавался изъ ряда способностями, велъ какія-то дѣла, отлично одѣвался, всегда имѣлъ значительныя деньги и носилъ золотые часы, перстни и проч. У Григорьева, жившаго на вольной квартирѣ, хотя онъ былъ холостой,—сдѣлали обыскъ, нашли „Колоколъ“, чьи-то письма и запрещенныя книжки. Его тотчасъ же арестовали и ему грозило, по меньшей мѣрѣ, разжалованіе въ рядовые и ссылка въ гарнизонъ. Когда доложили дѣло о немъ князю, онъ приказалъ Григорьева освободить, а дѣло о немъ прекратить, такъ какъ „Колоколъ“ получали, по его словамъ, многіе, въ томъ числѣ и онъ, но никого за это не преслѣдовали, подозрѣніе—не доказательство виновности Григорьева; а то, что рапортъ попалъ въ „Колоколъ“ и Лауницъ въ немъ обруганъ, князь считалъ его достойнымъ ругани за дикій свой рапортъ. Рѣшеніе это почти всѣмъ чиновникамъ понравилось, а писаря были отъ него въ восторгѣ. Какъ князь объяснилъ о результатѣ разслѣдованія Сухозанету, да и докладывалъ ли ему—осталось въ тайнѣ, но всѣ утверждали, что князь былъ очень гордъ, а съ Сухозанетомъ не ладилъ, но по своимъ связямъ и настойчивости заставлялъ его во многомъ уступать ему. Твердость характера князя выражалась вырѣзаннымъ на его печати девизомъ: „служба царю, а честь никому“. Императоръ Александръ II лично зналъ князя и благоволилъ къ нему, почему онъ черезъ годъ, 17-го апрѣля 1858 г., повышенъ былъ въ товарищи военнаго министра, но желаніе его привлечь Горчакова къ отвѣтственности по дѣлу о злоупотребленіяхъ

крымской арміи не осуществилось, главнокомандующихъ вѣдь не судятъ,—а ему въ вознагражденіе его трудовъ и затратъ, пожалованъ былъ орденъ Св. Анны 1-й степени. Фельдъегерь Ручкинъ, какъ разсказывалъ, подалъ ему, въ его домашнемъ кабинетѣ, пакетъ и поздравилъ его съ наградою, но онъ, вспыхнувъ, скомкалъ бумагу и бросилъ на полъ, а звѣзду швырнулъ о стѣну, и она сломалась, Ручкину же приказалъ передать этотъ отвѣтъ, кому слѣдовало, т. е. Сухозанету. За отъѣздомъ Сухозанета за границу лѣчить глаза, князь вступилъ въ управленіе военнымъ министерствомъ, и всѣ полагали, что онъ вскорѣ же будетъ военнымъ министромъ. Вдругъ нѣкоторое время спустя Сухозанетъ прислалъ изъ Варшавы приказъ о своемъ вступленіи въ должность и благодарность князю за хорошее управленіе во время его отсутствія. Князь такъ сильно обидѣлся, что разорвалъ бумагу и, кажется, въ тотъ же день уѣхалъ за границу, а оттуда прислалъ просьбу объ отставкѣ. Просьбу задержали, попытались перепискою съ нимъ отговорить его, но онъ остался непреклоннымъ, потому былъ отчисленъ отъ должности (въ 1861 г.) и поселился въ своемъ имѣніи. Впослѣдствіи ему неоднократно предлагали всякія должности, напр., наказнаго атамана войска Донскаго, генералъ-губернатора, но онъ отъ всего отказывался, а вышелъ въ отставку въ 1867 г., былъ потомъ земскимъ гласнымъ, мировымъ судьею и умеръ въ Лебедянскомъ уѣздѣ, въ 1870-хъ годахъ.

Самъ Сухозанетъ въ первый же день своего вступленія въ должность министра (17-го апрѣля 1856 г.) произвелъ о себѣ исключительное впечатлѣніе слѣдующимъ приказомъ: „вступая въ отправленіе обязанностей, призвавъ въ помощь Бога,—употреблять всѣ силы для исполненія долга службы по присягѣ. Надѣюсь найти во всѣхъ и въ каждомъ содѣйствіе и рвеніе. Ура! Боже, царя храни! Приказъ почесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, батареяхъ, управленіяхъ и учрежденіяхъ, къ министерству принадлежащихъ". Приказъ этотъ, какъ своеобразное произведеніе, всѣ для себя списывали, запоминали и декламировали. Потомъ, по мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ нимъ распространилось, что онъ старикъ хитрый, иностранныхъ языковъ вовсе не зналъ, въ русскомъ правописаніи былъ не силенъ, въ обхожденіи—крутъ, въ расходахъ—скупъ, писать ему доклады, а отъ его имени бумаги, приказалъ онъ самымъ крупнымъ почеркомъ, такъ какъ страдалъ будто бы слабостью зрѣнія, отчего ему было тяжело читать мелкое письмо; многіе же опытные люди, напротивъ, увѣряли, что въ крупномъ письмѣ мудренѣе подскабливать, почему старикъ полагалъ обезопаситься отъ подлоговъ.

Грубость его выводили изъ фактовъ. Напримѣръ, директоръ инженернаго департамента, инженеръ-генералъ Денъ попросился у

него въ отпускъ, а онъ при всѣхъ сказалъ ему: „въ отпускъ вы желаете, а крыши на казармахъ сгнили и протекаютъ, такъ исправьте-ка напередъ крыши". Назначенный правителемъ канцеляріи новаго управленія открытыхъ военныхъ училищъ, вмѣсто заведеній кантонистовъ, вышепоминавшійся ст. сов. Нельговскій устроилъ на дачѣ большое пиршество. Сухозанетъ узналъ объ этомъ, призвалъ Нельговскаго и потребовалъ отъ него объясненія о причинѣ пиршества. Онъ доложилъ ему, что справлялъ женины именины. Старикъ на всю пріемную крикнулъ ему: „мнѣ извѣстно, что вы долго шиковали на взятки отъ начальства кантонистскихъ заведеній, такъ если вы намѣрены продолжать вымогательство, то ошибетесь, я васъ прогоню. Ступ-пайте". Старухѣ, важной генеральшѣ, на ея просьбу о пособіи, отвѣтилъ онъ: „не мотайте, а живите скромно и большой вашей пенсіи вамъ на все хватитъ. На казну всѣ смотрятъ, какъ на дойную корову, но и у нея молоко тоже пропадаетъ". Напротивъ, со стариками-швейцарами онъ любезно разговаривалъ о былыхъ походахъ, которые они когда-то совершали, служившими съ нимъ въ войскахъ, а раздававшимся писарямъ наградамъ (по сотнѣ рублей) поражался и твердилъ, что такихъ денегъ въ арміи и полковники никогда не получали, когда отъ нихъ все требовалось по всей строгости дисциплины, тогда какъ писаря-солдаты не знаютъ дисциплины, которую онъ поддерживалъ во всемъ. Однако, разъ поразилъ онъ всѣхъ разрѣшеніемъ дочери генералъ-лейтенанта, помню Давыдова, вступить въ бракъ съ простымъ гарнизоннымъ солдатомъ, бывшимъ раньше вѣстовымъ у ея умершаго отца, тогда какъ солдатамъ жениться воспрещалось, а Давыдова, какъ помѣщица, по замужествѣ не въ правѣ была владѣть крѣпостными, но онъ всѣмъ пренебрегъ изъ-за того, какъ выразился, что любилъ солдатъ, проведя съ ними десятки лѣтъ.

Писать грамматически былъ онъ дѣйствительно не мастеръ; напримѣръ, вмѣсто „госпиталь" писалъ онъ „гошпиталъ", и надъ его правописаніемъ подсмѣивались. Узналъ ли онъ это, или не располагалъ досугомъ, или же по слабости зрѣнія—только вдругъ пересталъ выпускать собственноручныя резолюціи, а они стали выходить писанными на всѣхъ докладахъ рукою состоявшаго при немъ, привезеннаго имъ изъ арміи писаря Харжевскаго, но безъ его подписи. Обстоятельство это одно начальство—навело на сомнѣніе, не самовольствовалъ ли Харжевскій, а другое начальство—стало обижаться, что подпало подъ подчиненіе писаря. Когда о томъ и другомъ дошло до Сухозанета, онъ испросилъ разрѣшеніе государя на производство Харжевскаго въ коллежскіе регистраторы, съ зачетомъ на слѣдующіе чины всего времени бытности Харжевскаго писаремъ,—12-ти лѣтъ, и черезъ мѣсяцъ онъ сдѣлался коллежскимъ ассесоромъ, а тогда сталъ уже

писать резолюціи: „г. министръ приказалъ“ то-то сдѣлать и подписывался. Хотя онъ былъ безспорно умный человѣкъ и велъ себя со всѣми—осторожно, а съ высшимъ начальствомъ—почтительно, но его, какъ выскочку, не взлюбили, хотя онъ трудился день и ночь, будучи тучнымъ, вскорѣ умеръ отъ паралича мозга. Послѣ него перемѣнилось у Сухозанета [1]) нѣсколько, такъ называвшихся докладчиковъ, изъ молодыхъ, образованныхъ чиновниковъ, но никто не могъ ему угодить, пока нашелся, наконецъ, пожилой чиновникъ изъ писарей, которому удалось вполнѣ замѣнить ему Харжевскаго.

Прибавлю кстати, что писаря очень гордились именно тѣмъ, что докладчиками служили писаря: у морскаго министра, адмирала Мѣтлина—Юрьевъ, у путейскаго, генерала Чевкина—Степановъ, у дежурнаго генерала Катенина—Акимовъ, у главноуправляющаго собственною его императорскаго величества канцеляріею графа Блудова—Климовъ и т. д. Впослѣдствіи, я лично зналъ Акимова и Климова, умершихъ: первый—тайнымъ совѣтникомъ, а послѣдній дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта.

Говоря объ умершихъ, я невольно вспомнилъ два выходившихъ изъ ряда событій, въ то же время совершившихся. Вышепомянутаго, долго болѣвшаго и умершаго управляющимъ дѣлами военнаго совѣта, тайн. сов. Ал. Ант. Котомина отпѣвали въ Никольскомъ соборѣ, въ присутствіи генералитета и многочисленной публики. Послѣднимъ взобрался на катафалкъ прощаться съ покойнымъ старикъ, еврей Розенбергъ и дребезжащимъ голосомъ произнесъ, при общей тишинѣ, рѣчь о томъ, что 30 лѣтъ назадъ былъ богачемъ, но военными подрядами постепенно разорился, а ведя по этому предмету съ военнымъ вѣдомствомъ тяжбу, впалъ въ нищету, покойный же въ продолженіе десятковъ лѣтъ не успѣлъ разсмотрѣть его дѣло; поэтому, просилъ его хоть на томъ свѣтѣ заняться имъ, и, когда онъ явится, вскорѣ же туда,—объявить ему рѣшеніе. Кончивъ свою оригинальную рѣчь и положивъ на грудь покойнаго памятную записку о дѣлѣ, онъ въ изнеможеніи упалъ съ катафалка навзничь, на полъ, его подняли, вынесли изъ церкви и отвезли въ полицію, а его поступокъ произвелъ на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе и черезъ нѣсколько дней, по особому повелѣнію, Розенбергу выдали до рѣшенія дѣла, пособіе въ 10.000 руб. и отправили его на родину.

По упраздненіи учебныхъ полковъ, всесильнаго ихъ инспектора Фролова произвели въ полные генералы и назначили членомъ воен-

[1]) Уволенъ отъ должности въ 1861 г., съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, а умеръ въ іюлѣ 1871 г.

наго совѣта. Привыкнувъ въ Москвѣ чрезвычайно широко жить на счетъ полковъ, онъ, когда ихъ не стало въ Петербургѣ, впалъ въ долги, уплатить ихъ ему нечѣмъ было, а разсчитывать на казну ему не приходилось; въ большомъ пособіи Сухозанетъ ему отказалъ. Тогда обозленные кредиторы подали просьбу объ увольненіи его въ отставку, для заключенія въ долговое отдѣленіе. Въ тотъ же день получилъ онъ письмо, что сынъ его, полковникъ, уже посаженъ, въ Парижѣ, въ долговое отдѣленіе за долги же. Старикъ не выдержалъ, отъ удара скончался. Послѣ него, проживавшаго съ дочерью, пожилою дѣвицею, осталось лишь нѣсколько рублей, почему хоронилъ его на казенный счетъ, казначей канцеляріи, а на кладбищѣ провожатыми оказались только бывшій его камердинеръ, старикъ Лазарь, да я, освобожденный Устряловымъ, по моей просьбѣ, отъ службы на этотъ день. Устряловъ, услышавъ почему я желаю проводить покойнаго, похвалилъ еще мой поступокъ.

Службою своею подъ начальствомъ Устрялова (высшаго, мы, писаря, никогда не видали), я былъ очень доволенъ, но и онъ все увеличивалъ благоволеніе ко мнѣ. Видя мои скромность, стараніе и любознательность, онъ поручилъ мнѣ, подъ руководствомъ ближайшаго своего помощника Масленникова: сперва—составить опись отдѣленской библіотеки, а потомъ—завѣдывать ею, состоявшею изъ военныхъ, морскихъ и гражданскихъ законовъ, журналовъ и юридическихъ книгъ, наполнявшихъ пять большихъ шкафовъ. Получались также газеты „Русскій Инвалидъ“, „Сѣверная Пчела“, „С.-Петербургскія и Московскія Вѣдомости“. Днемъ я, какъ другіе писаря, переписывалъ бумаги, а вечерами, на досугѣ, добровольно устанавливалъ по шкафамъ разбросанныя днемъ чиновниками книги, знакомился съ ихъ заглавіемъ и содержаніемъ, а въ мѣсяца два—три такъ овладѣлъ своею обязанностью, что по первому спросу Устрялова мигомъ подавалъ ему нужные законъ и книги. Онъ не только разрѣшилъ мнѣ ихъ читать, но еще давалъ мнѣ изъ своей домашней библіотеки сочиненія своего брата, Пушкина, Лермонтова, Кольцова и другихъ, призывалъ меня къ себѣ въ квартиру, а тамъ разспрашивалъ, какъ и что я понялъ изъ прочитаннаго, совѣтовалъ заниматься самообразованіемъ и поощрялъ меня чѣмъ могъ. Напримѣръ, въ отдѣленіи составлялись продолженія къ св. воен. постановл., онъ и научилъ меня вырѣзывать изъ собранія узаконеній отмѣченныя имъ статьи и наклеивать ихъ на особыхъ листахъ и повѣрять корректуру (онъ самъ редактировалъ), а за мой трудъ по выпускѣ продолженія давалъ мнѣ особыя награды по 50—70 руб. Годовые отчеты по всему военному вѣдомству составлялъ чиновникъ особыхъ порученій, дѣйств. ст. сов. Н. П. Безакъ, которому Устряловъ рекомендовалъ меня внѣ службы

переписывать отчеты.—Безакъ, славный старикъ, прослужившій, какъ говаривалъ мнѣ, въ столькихъ мѣстахъ, сколько мнѣ было отъ роду лѣтъ (22), но нигдѣ не нашедшій справедливости, пріучилъ меня подбирать доставлявшіеся ему, въ огромномъ количествѣ, матеріалы и составлять изъ нихъ разныя вѣдомости—приложенія къ отчету, а за этотъ трудъ выхлопатывалъ мнѣ тоже особыя награды по 80—100 р. ежегодно, изъ кабинетныхъ суммъ самого государя. Мало того, военный министръ разрѣшилъ зачесть мнѣ въ унтеръ-офицерскую службу время бытности моей въ полковой канцеляріи рядовымъ до производства меня въ писаря департамента почти три года. Короче, я радовался не только моральному, но и матеріальному положенію; я получалъ въ сложности слишкомъ 300 руб. въ годъ, больше, нежели армейскій поручикъ, а такъ какъ всѣ мои потребности заключались только въ приличной обмундировкѣ, чаѣ, да закускѣ, то я располагалъ постоянно деньгами. Хотя я уже говорилъ, что противъ большихъ наградъ писарей возставалъ самъ Сухозанетъ, но замѣнившій князя въ должности директора (17-го апрѣля 1857 г.) генералъ Лихачевъ, по настоянію начальниковъ отдѣленій, умѣлъ убѣждать Сухозанета, что отъ степени вознагражденія писарей зависѣло имѣть необходимыхъ хорошихъ тружениковъ.

Тутъ я считаю умѣстнымъ сказать, что помню, о самомъ Лихачевѣ. Когда онъ явился директорствовать, никто у насъ не зналъ его. Тихо, безъ всякихъ приготовленій, обошелъ онъ канцелярію, ласково со всѣми поздоровался, освѣдомился отъ начальниковъ отдѣленій, какія производятся у нихъ дѣла, предложилъ имъ ходить къ нему съ докладами за-просто, ушелъ и больше уже не показывался, кромѣ дней засѣданій военнаго совѣта, въ которыхъ засѣдалъ (докладывали совѣту дѣла начальники отдѣленій), а начальники отдѣленій вели съ нимъ дѣла въ его казенной квартирѣ, въ томъ же домѣ. Вскорѣ установилось о Лихачевѣ единогласное мнѣніе, что онъ отличался умомъ, сообразительностью, спокойствіемъ и пренебреженіемъ къ „весьма нужнымъ бумагамъ“; что бы отъ него ни требовалось послѣ 4-хъ часовъ по полудни, онъ все откладывалъ до слѣдующаго утра, самъ почти никогда вечерами дома не бывалъ, а часто и не ночевалъ, зато съ 11-ти часовъ утра до 4-хъ по полудни занимался онъ неутомимо и очень проворно, писалъ много самъ, и, какъ увѣряли, прекраснымъ слогомъ; тратить время на разговоры съ кѣмъ бы то ни было онъ не любилъ; начальниковъ отдѣленій пріучилъ докладывать ему сжато, кратко, потому что быстро овладѣвалъ всякими предметами; дежурныхъ чиновниковъ къ себѣ не требовалъ и мелочами не интересовался, почему знатные и богатые чиновники перестали сами дежурить, а нанимали за себя бѣдныхъ чиновниковъ

изъ писарей. Никакихъ ни перемѣнъ въ личномъ составѣ, ни казусовъ при немъ въ канцеляріи не происходило, а все шло порядкомъ, существовавшимъ раньше при князѣ, съ которымъ онъ участвовалъ въ коммиссіи о раскрытіи злоупотребленій крымской арміи. Характера онъ былъ доброжелательнаго, богатый, но не тщеславный, а потому ничего для себя не добивался, не взирая на представлявшіеся удобные случаи. Напримѣръ, послѣ отказа князя отъ должности товарища министра и во время отсутствія Сухозанета онъ управлялъ не разъ министерствомъ, но велъ себя по-прежнему просто, а дѣла разрѣшалъ безъ затрудненій, правильно и гораздо скорѣе самого Сухозанета. Оттого всѣ желали и прочили его въ товарищи министра, благо должность оставалась вакантною.

Между тѣмъ, всѣ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ; товарищемъ министра назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Дм. Ал. Милютинъ (30-го августа 1860 г.) и къ нему какъ-то просто и незамѣтно для всѣхъ переходило кормило правленія, а нѣкоторое время спустя Лихачевъ отчислился отъ должности; фактъ этотъ объясняли различно: одни,—что онъ не сошелся съ Милютинымъ во взглядахъ и долженъ былъ уступить ему, другіе,—что ему просто надоѣло служить, а какъ онъ имѣлъ хорошее состояніе и былъ одинокимъ, то предпочелъ удалиться на покой, а третьи,—что по болѣзни онъ вынужденъ былъ уѣхать на долго за границу лѣчиться. Такъ или иначе, но всѣ очень сожалѣли о его уходѣ, такъ какъ считали его прекраснымъ начальникомъ; несмотря на усложнившіяся затѣянными преобразованіями занятія канцеляріи, онъ никого не обременялъ ни непомѣрною работою, ни придирчивостью, а во всемъ поступалъ безпристрастно и хладнокровно.

Законодательное отдѣленіе, послѣ долговременнаго застоя, считалось тогда, по времени, главнѣйшимъ: въ него поступали изъ всѣхъ департаментовъ быстро назрѣвавшіе законодательные вопросы, которые въ отдѣленіи разбирались окончательно оформливались, Устряловъ докладывалъ военному совѣту, по предварительно составленнымъ и имъ одобреннымъ заключеніямъ, формировалъ проекты новыхъ законовъ, посылавшіеся для обнародованія въ Сенатъ, а потомъ включавшіеся въ продолженіе къ св. воен. постановл. Все это требовало разнообразныхъ значительныхъ познаній и усиленныхъ постоянныхъ трудовъ, но пригодныхъ помощниковъ Устряловъ имѣлъ только трехъ, поэтому онъ, какъ человѣкъ скромный и трудолюбивый, — работалъ не только всѣ дни въ канцеляріи, но вечера и ночи дома, куда, случалось, я носилъ ему дѣла.

— За то, что ты пришелъ,—сказалъ онъ мнѣ однажды вечеромъ,—я порадую тебя пріятною и для писарей новостью: всѣмъ нижнимъ

чинамъ сокращается обязательная служба на 5 лѣтъ, а въ унтеръ-офицерскомъ званіи до чина вмѣсто 20 устанавливается 12 лѣтъ; прослужившимъ же въ этомъ званіи 12 лѣтъ, если въ это время нѣтъ офицерскихъ и чиновничьихъ вакансій, предоставляется остаться еще на 5 лѣтъ на службѣ кандидатомъ, съ жалованьемъ по 100 р. въ годъ, а потомъ выйти въ отставку съ этою же сторублевою пенсіею, кромѣ того, кандидаты какъ на службѣ, такъ и въ отставкѣ избавляются отъ тѣлесныхъ наказаній даже и по суду, учреждаются также для награжденія и медали. Сегодня объ этомъ утвержденъ журналъ военнаго совѣта, и ты, какъ домой вернешься—можешь поздравить сослуживцевъ.

Сослуживцы, узнавъ отъ меня о перечисленныхъ существенныхъ льготахъ, съ радости устроили „спрыски“ почти на всю ночь, а по обнародованіи объ этомъ приказѣ (8 сентября 1859 г.) вновь угостилися до положенія ризъ, причемъ въ короткое время многіе сдѣлались кандидатами, какъ выслужившіе 12 лѣтъ. Собственно меня ни кандидатство, ни пенсія не прельщали: во-1-хъ, я носилъ галуны только около 4-хъ лѣтъ, слѣдовательно, мнѣ долго приходилось еще ждать благодати; во-2-хъ, кандидатъ не освобождался отъ сниманія шапокъ предъ офицерами, а обязывался по прежнему всѣмъ и во всемъ подчиняться, да и по выходѣ въ отставку называться тѣмъ же солдатомъ; въ-3-хъ, писарь, со дня производства его въ чиновники,—сразу становился отъ всякой дисциплины свободнымъ бариномъ, а какъ „плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ“, то и я предпочиталъ пробраться, со временемъ, въ чиновники.

Разработывавшееся „освобожденіе крестьянъ“ тоже коснулось военнаго министерства: къ оружейнымъ его заводамъ издавна прикрѣплены были мастеровые съ ихъ потомствами, въ его вѣдѣніи находились также пахотные солдаты, а тѣхъ и другихъ приходилось также уволить отъ обязательныхъ работъ. И по этому предмету Устряловъ трудился съ лихорадочною поспѣшностью, такъ какъ страстно желалъ всѣмъ избавиться отъ крѣпостной зависимости, тяготѣвшей и надъ его предками. Короче, разболѣвшись — онъ пересталъ являться въ канцелярію, а занимался дома дѣлами. Въ день обнародованія манифеста 19-го февраля 1861 г., я, по его зову, утромъ отправился къ нему, по дорогѣ видѣлъ торжествующія лица не только крестьянъ, но и господъ; встрѣчавшіеся поздравляли другъ друга, крестились и цѣловались; настроеніе всѣхъ представлялось восторженнымъ. Я засталъ Устрялова въ халатѣ, полулежавшимъ на кушеткѣ и на его разспросы, что замѣтилъ я на улицѣ, — я разсказалъ ему все видѣнное.

— И моего труда есть частица въ освобожденіи,—молвилъ онъ

болѣзненнымъ голосомъ и вытеръ катившіяся изъ его глазъ слезы. Слава Богу хоть дожилъ, дожилъ....

День этотъ праздновали и мы, писаря, слонялись, изъ любопытства, по улицамъ въ предположеніи лицезрѣть ожидавшійся, какъ говорили, бунтъ, но все дневное время прошло преспокойно. Къ самому освобожденію писаря отнеслись, какъ къ не касавшемуся ихъ факту,—совершенно равнодушно, ибо считали себя сословіемъ гораздо высшимъ, чѣмъ „мужичье“. По объявленіи воли почти вся аристократія ушла изъ канцеляріи въ мировые посредники, отчего личный составъ чиновниковъ очень понизился родовитостью и просвѣщенностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и ихъ разсужденія о постороннихъ дѣлахъ. Наступило лѣто, и Устрялова не стало: онъ скончался 4-го мая того же года, и я искренно оплакивалъ его, моего безкорыстнаго покровителя и наставника. Его замѣстилъ ст. сов. Ив. Ефим. Андреевскій [1]), человѣкъ тоже хорошій, но легкомысленный и довольно лѣнивый, почему воспользоваться его руководствомъ мнѣ уже не удавалось.

Послѣ назначенія Д. А. Милютина военнымъ министромъ(9-го ноября 1861 г.) началась смѣна директоровъ вообще. Обстоятельство это нежданно, негаданно отразилось на мнѣ, самой крошечной спицѣ въ громаднѣйшей колесницѣ. Дѣло въ томъ, что въ директоры канцеляріи поступилъ (28-го ноября того же 1861 г.) свитскій генералъ-маіоръ К. П. фонъ-Кауфманъ [2]) и приказалъ назначить въ личное его распоряженіе такого молодаго писаря, который извѣстенъ былъ безукоризненнымъ поведеніемъ, толковостью, опрятностію, скромностью и умѣніемъ вести себя съ разными лицами. По настойчивой рекомендаціи И. Е. Андреевскаго и экзекутора П. И. Писаревскаго выборъ палъ на меня. Я прифрантился насколько могъ и предсталъ предъ Константиномъ Петровичемъ въ казенной его квартирѣ дома министерства. Онъ окинулъ меня добродушнымъ взглядомъ, ласково поздоровался со мною, разспросилъ меня: сколько я лѣтъ служу, какое получаютъ писаря жалованье, какъ продовольствуются, размѣщаются, сколько времени проводятъ на службѣ, имѣютъ ли, кромѣ служебныхъ, частныя занятія и, въ утвердительномъ смыслѣ,—велики ли ихъ заработки и проч. Тонъ его былъ такъ простъ, что я сразу почувствовалъ къ нему расположеніе и отвѣтилъ ему обо всемъ откровенно.

---

[1]) Умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника казанскимъ губернаторомъ.

[2]) Родился въ 1818 г., назначенъ: директоромъ канцеляріи военнаго министерства въ 1861 г., генералъ-губернаторомъ: виленскимъ—въ 1865 г., туркестанскимъ—въ 1867 г., умеръ инженеръ-генераломъ—въ 1882 г., въ послѣдней должности.

— Ты будешь мнѣ докладывать о посѣтителяхъ и просителяхъ, по мѣрѣ ихъ прихода сюда,—пояснилъ онъ мнѣ будущія мои обязанности. Исключенія дѣлай только для важнѣйшихъ лицъ, напр., членовъ военнаго совѣта, полныхъ генераловъ и директоровъ департаментовъ нашего министерства: о нихъ мнѣ говори внѣ очереди. Держи себя со всѣми одинаково почтительно, ни съ кѣмъ ни въ какія разсужденія не пускайся, но на вопросы всѣхъ—отвѣчай, что по службѣ знаешь—кратко, внятно и деликатно. Содержаніе секретныхъ бумагъ, которыя будешь видѣть и писать, никому, ни подъ какимъ предлогомъ, не сообщай. Одѣвайся постоянно такъ же чисто, какъ теперь ты одѣтъ: неряхамъ здѣсь быть нельзя. Выборомъ тебя, изъ 40 писарей, ты отличенъ за свое благонравіе, смышленость и стараніе, чѣмъ и долженъ дорожить. Вотъ главное, что ты, надѣюсь, будешь исполнять въ точности, а труды твои безъ вниманія не останутся.

Съ того же утра началась моя новая служба, заключавшаяся, кромѣ сказаннаго, еще въ пересмотрѣ, всѣ ли бумаги подписалъ К. П., въ передачѣ ихъ и входящихъ—журналисту, въ отдѣленія, въ собираніи для него справокъ, въ приглашеніи къ нему, кого онъ спрашивалъ, въ отправкѣ важныхъ и перепискѣ секретныхъ бумагъ, въ записи адресовъ высшихъ посѣтителей, а равно какіе доклады посланы къ военному министру, получены отъ него и т. п., да въ раздачѣ по субботамъ приходившимъ 15—20 старухамъ, по ихъ книжкамъ, 10—15 руб., изъ собственныхъ его средствъ. Находился я въ пріемной съ 10 утра до 5 пополудни и съ 9 вечера до 2-хъ ночи, за исключеніемъ очень рѣдкихъ вечеровъ, когда К. П. ѣздилъ съ семействомъ въ театръ или въ гости. Посѣтители и просители повалили къ нему толпами, самое меньшее въ день являлось ихъ 20, и всѣхъ принималъ онъ у себя въ кабинетѣ.

— Отъ ихъ словоохотливости я не успѣваю дѣлами заниматься,—сказалъ онъ мнѣ черезъ недѣлю,—поэтому слѣди, пожалуйста, по часамъ, за временемъ пребыванія ихъ у меня и какъ минетъ 15 минутъ—такъ входи и говори мнѣ о другихъ, чтобы догадывались, что имъ пора уходить.

Однако, и этотъ способъ выпроваживанія посѣтителей далеко не удавался, и К. П. продолжалъ съ ними бесѣдовать, а по ихъ уходѣ—сѣтовать на нихъ. Я предложилъ ему выходить къ нимъ въ пріемную для выигрыванія времени.

— Нѣтъ, братъ, такъ не годится дѣлать,—отозвался онъ.—Никому не охота оглашать своихъ личныхъ дѣлъ при другихъ, а моя обязанность—быть внимательнымъ ко всѣмъ.

— Ежели можете удовлетворять ихъ просьбы—они будутъ, напротивъ, только благодарны вамъ.

— Удовлетворить нельзя и половины просителей, а доступностью и обѣщаніемъ все-таки меньше ихъ огорчишь.

День проходилъ незамѣтно среди постороннихъ разговоровъ, справокъ, записей и проч., а вечерами пріѣзжали: иногда — великій князь Николай Николаевичъ, а частенько—редакторъ военнаго сборника, генералъ Меньковъ, засиживавшійся за полночь. Набѣгавшись день,—ночью, сидя въ тиши, поневолѣ, бывало, задремлешь, и К. П. нѣсколько разъ выходилъ будить меня. И вотъ, чтобы одолѣть сонъ, я досугами сталъ читать книги, чѣмъ заслужилъ его одобреніе и разрѣшеніе брать даже газеты, которыя я, какъ онъ узналъ, раньше усердно читалъ въ бытность мою въ законодательномъ отдѣленіи. И вотъ я, однажды, прочелъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ фельетонѣ, озаглавленномъ „Московская лѣтопись“ [1]), строкъ 30 сравненія писарей съ собаками-дворняжками, которыхъ за негодностью авторъ совѣтовалъ вышвыривать вонъ, какъ собакъ, при этомъ прибавилъ, что писаря выскочки и нахалы, достойные презрѣнія. Я почувствовалъ себя оскорбленнымъ этимъ отзывомъ, спросилъ мнѣнія одного изъ молодыхъ чиновниковъ Д. А. Азаревича, и онъ мнѣ посовѣтовалъ напечатать возраженіе. Я разинулъ ротъ отъ изумленія: я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, какъ это дѣлалось.

— Обдумай, какъ и что желаешь отвѣтить на обидную часть фельетона, напиши да и снеси для напечатанія въ газетѣ,—поучалъ онъ меня.—Опроверженія, не стѣсняйся, печатаются.

Я послѣдовалъ его совѣту, сочинилъ, переписалъ и показалъ ему рукопись. Онъ снесъ ее на просмотръ служившему въ канцеляріи же молодому чиновнику, литератору — Дмитрію Александровичу Саранчову. Тотъ прочиталъ, одобрилъ, оба достали мнѣ отъ казначея канцеляріи рекомендательное письмо къ его двоюродному брату, редактору „Русскаго Инвалида“, полковнику Н. Г. Писаревскому, а онъ черезъ недѣлю помѣстилъ въ прибавленіи къ „Русскому Инвалиду“, отъ 10-го января 1862 г. за № 6, передъ статьею, впослѣдствіи извѣстнаго критика Д. И. Писарева. Возраженіе мое, въ 486 строкъ, почти 4 столбца большаго газетнаго листа, прочли всѣ служившіе въ канцеляріи, а Азаревичъ не сдержался, разгласилъ, что авторъ я. Содержаніе возраженія большинство хвалило, а меньшинство сочло вольнодумнымъ, даже дерзкимъ. Меня, какъ автора, водили напоказъ къ нѣкоторымъ членамъ военнаго совѣта, а писаря изъ всѣхъ учре-

---

[1]) Авторомъ лѣтописи былъ, какъ я потомъ узналъ, авторъ книгъ „Исторія кабаковъ въ Россіи“, „Нищіе на Руси“ и проч. И. Г. Прыжовъ, въ 1871 г. осужденный по политическому дѣлу въ каторгу, въ числѣ многихъ, изъ коихъ онъ былъ самый старшій лѣтами (46 л). Я видѣлъ его среди узниковъ въ бывшей Виленской каторжной тюрьмѣ.

жденій министерствъ: военнаго, морскаго, путей сообщенія, государственныхъ имуществъ и проч., недѣли двѣ сряду приходили меня благодарить за защиту всѣхъ отъ несправедливыхъ нападокъ.

Я былъ упоенъ „славою соблазнительною“. Правда, многіе сослуживцы, старые писаря, предрекали мнѣ разныя непріятности, ибо сочинителей, по ихъ словамъ, всегда подвергали гоненію; напр., служившихъ раньше въ канцеляріи же М. Е. Салтыкова [1]) сослали въ 1848 г., а Н. В. Кукольника въ 1857 г. уволили въ отставку, хотя онъ былъ прославленный сочинитель и даже генералъ. Напротивъ, Саранчовъ пригласилъ меня къ себѣ домой, принялъ меня радушно, разсѣялъ мои опасенія, настойчиво совѣтовалъ мнѣ продолжать сочинять, приносить ему рукописи и надѣяться на его помощь и успѣхъ. Онъ далъ мнѣ тему изобразить въ разсказѣ достаточное житье крестьянина съ дочерью и ея сыномъ, отецъ котораго взятъ въ солдаты, потому мать и дѣдъ лелѣяли сына и внука, но по достиженіи имъ 10-ти лѣтняго возраста его взяли въ кантонисты, къ горю матери и дѣда, затѣмъ черезъ 6—7 лѣтъ—юноша, исхудалый и разслабленный муштровкою въ заведеніи,—возвращается домой, по манифесту объ упраздненіи кантонистскихъ заведеній, дѣдъ, мать и уволенный изъ полка, раненый на войнѣ, отецъ, встрѣтили юношу съ распростертыми объятіями и всѣ зажили въ согласіи и довольствіи. Я съ увлеченіемъ сочинилъ разсказъ, Саранчовъ кое-что въ немъ исправилъ, назвалъ его „Стерпится—слюбится“ и сдалъ въ редакцію какого-то журнала. Миновало двѣ недѣли. Вдругъ знакомый мнѣ писарь Лукьяновъ, служившій при военномъ цензорѣ, генералъ-маіорѣ Штюрмерѣ, позвалъ меня къ нему къ 8-ми час. слѣдующаго утра, для какихъ-то объясненій, какъ онъ мнѣ сказалъ, о моемъ сочиненіи. Съ лихорадочною дрожью въ всемъ тѣлѣ шелъ я къ цензору, долго прождалъ, по его приказанію, въ кухнѣ, а потомъ лакей провелъ меня въ переднюю. Ко мнѣ вышелъ генералъ Штюрмеръ съ моею тетрадкою, положилъ ее на столикъ, ткнулъ въ нее пальцемъ и грозно спросилъ меня:

— Ты смастрилъ эту мерзость?

— Точно такъ-съ,—сдавленнымъ голосомъ процѣдилъ я.—Я, простите, ваше превосходительство, написалъ, кажется, правду-съ...

— За твою дерзкую правду тебя слѣдуетъ, по меньшей мѣрѣ, отодрать,—продолжалъ онъ.—Ты, солдатъ, осуждаешь законъ, существовавшій о кантонистахъ. Да какъ ты это смѣлъ, кто тебя на это надоумилъ, отвѣч-чай?..

— Виноватъ, ваше превосходительство, я не зналъ, что нельзя,

---

[1]) Щедринъ.

къ тому же законъ объ уничтоженіи кантонистскихъ заведеній я вѣдь хвал-лю-съ...

— Ты, солдатъ, хвалишь?—прервалъ онъ меня, побагровѣвъ.— Да кому нужна твоя похвала? Никому!.. Да за это тебя въ гарнизонъ, въ арестантскую роту надо сослать: это, повторяю, дерзость, мерзость...

— Мнѣ, простите, ваше превосходительство, казалось можно... я по совѣту знающаго...

— Тебѣ, солдату, ничего, понимаешь ли, рѣшительно ничего казаться не долж-жно!.. И осмѣлься ты еще хоть строчку такой гадости написать, непремѣнно въ арестантскую роту попадешь, а за это я сегодня же напишу твоему директору, чтобъ тебя выдрали.

— Тѣлесное наказаніе безпорочныхъ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицерскаго званія отмѣнено, ваше превосходительство,—почтительно напомнилъ я ему, съ досады за руготню.

— Отмѣнено? И ты смѣешь это говорить мнѣ? такъ я настою, чтобы тебя разжаловали, а потомъ выдрали. Пошелъ вонъ, рак-калія эдакая...

Онъ швырнулъ мнѣ въ лицо тетрадку и топнулъ на меня ногою. Я подхватилъ тетрадку и, точно ошпаренный, выскочилъ на улицу. Меня объялъ невообразимый страхъ, который отразился и на моихъ дневныхъ служебныхъ дѣйствіяхъ: я перепуталъ двѣ-три фамиліи посѣтителей, уронилъ въ кабинетѣ бумаги на полъ и отвѣтилъ К. П. невпопадъ. Онъ замѣтилъ мою растерянность и вечеромъ, на свободѣ, освѣдомился, что со мною произошло? О моемъ сочинительствѣ онъ хотя слышалъ, но ничего мнѣ не говорилъ, такъ что я мнѣнія его не зналъ. Тѣмъ не менѣе я доложилъ ему о причинѣ и объ обхожденіи со мною цензора.

— Сочиненія цензоръ можетъ перечеркивать, сколько ему угодно,— отозвался онъ, покраснѣвъ, что означало, что онъ разсердился,—но съ авторами сочиненій обязанъ быть вѣжливымъ, ты же, какъ авторъ, для цензора ни солдатъ, ни офицеръ, а просто частный человѣкъ, и онъ не въ правѣ ни бранить, ни стращать тебя. Пиши, сколько хочешь и о чемъ хочешь, а господина цензора, генералъ-маіора Штюрмера пригласи ко мнѣ, запискою въ третьемъ лицѣ, для объясненій, по дѣламъ службы, завтра къ часу дня.

Къ назначенному времени Штюрмеръ явился, свирѣпо смѣрилъ меня глазами, да молча погрозилъ мнѣ пальцемъ. Я доложилъ о немъ и впустилъ его въ кабинетъ. Какой вели между собою разговоръ два генерала—я, при всемъ стараніи,—подслушать не могъ: посѣтители мѣшали, но, когда Штюрмеръ вышелъ изъ кабинета, то тихонько подозвалъ меня къ выходной двери и вполголоса произнесъ:

— Смѣй только сочинять, такъ я тебя мерз-завца...—онъ вторично погрозилъ мнѣ всѣмъ уже кулакомъ.—Что бы ты ни писалъ, я все зачеркну,—заключилъ онъ и удалился.

Проглоченная мною, за сочинительство, пилюля не только не образумила меня, но, напротивъ, еще усилила во мнѣ стараніе сдѣлаться сочинителемъ, благо вечерами я располагалъ досугомъ, а отрывокъ моего разсказа былъ напечатанъ съ моею фамиліею въ какомъ-то журналѣ, изъ котораго Саранчовъ досталъ мнѣ оттискъ. Обстоятельство это возбудило во мнѣ страстную энергію, и я живо написалъ другой разсказъ, но Штюрмеръ весь его запретилъ. Я погоревалъ, а потомъ накаталъ третій разсказъ, который постигла та же участь. Между тѣмъ, миновать Штюрмера мнѣ не удавалось: содержаніе моихъ произведеній касалось лишь военнаго быта, а объ этомъ все отовсюду попадало исключительно къ нему на цензуру.

Однажды, будучи ночью въ веселомъ настроеніи, К. П. спросилъ меня, какъ шли мои литературныя занятія? Я опять пожаловался ему на Штюрмера. Онъ велѣлъ мнѣ напомнить ему объ этомъ при приходѣ къ нему, его пріятеля редактора „Военнаго Сборника“, генерала Менькова. Я воспользовался случаемъ и подалъ ему двѣ рукописи, которыя онъ поручилъ Менькову прочесть и сообщить ему свое мнѣніе, какъ о моихъ писаніяхъ, такъ и о томъ, правильно ли Штюрмеръ браковалъ ихъ.

— Генералъ Меньковъ пишетъ мнѣ, что, при стараніи, изъ тебя выйдетъ дѣльный писатель,—объявилъ мнѣ К. П., черезъ недѣлю.—По его мнѣнію, ты обладаешь способностью и наблюдательностью, и, что, если бы онъ былъ цензоромъ, то безпрепятственно, дескать, пропустилъ бы твои труды въ печать. Разубѣдить генерала Штюрмера, при его устарѣвшихъ взглядахъ и упрямствѣ, просто невозможно, а ты сходи со своими рукописями и моею карточкою къ редактору „Чтеніе для солдатъ“, генералъ-маіору Гейроту, и передай ему мою просьбу постараться помѣстить, въ его журналѣ, что можно изъ твоего труда.

Маленькій старичекъ, генералъ Гейротъ, принялъ меня очень любезно, даже посадилъ противъ себя, долго говорилъ со мною, самъ мнѣ жаловался на чрезмѣрную строгость Штюрмера, который и его сильно притѣснялъ, но все-таки обѣщалъ сдѣлать угодное директору, а черезъ мѣсяцъ самъ принесъ К. П. и мнѣ по книжкѣ журнала, съ помѣщеннымъ въ немъ опять-таки только отрывкомъ изъ моей работы. Уходя, Гейротъ посовѣтовалъ мнѣ брать сюжеты изъ гражданской жизни, чтобы миновать военную цензуру, но воспользоваться его совѣтомъ я не могъ, по незнанію этой жизни.

Съ тѣхъ поръ К. П. хоть часто о многомъ разспрашивалъ меня, внимательно выслушивалъ мои отвѣты и даже сужденія о томъ, чего не спрашивалъ, но о моихъ литературныхъ упражненіяхъ пересталъ интересоваться, такъ что съ ними я продолжалъ обращаться къ Саранчову, а онъ хотя и охотно занимался ими и ободрялъ меня, но успѣха я не имѣлъ. Это меня крайне огорчало, и я сталъ разсѣяннымъ, задумчивымъ, за что надо мною подтрунивали не только товарищи, но и нѣкоторые начальники.

— Отчего ты, съ нѣкотораго времени, сентябремъ смотришь?— спросилъ меня разъ начальникъ отдѣленія, И. Е. Андреевскій.

— Меня тяготитъ притѣсненіе военнаго цензора.

— Такъ брось неудачное свое сочинительство и успокойся, или сходи, пожалуй, я тебѣ дамъ записку къ моему брату, профессору, можетъ статься, онъ и направитъ тебя на эту дорогу. Поговори со своимъ руководителемъ Саранчовымъ.

Саранчовъ призналъ для меня полезнымъ воспользоваться предложеніемъ. Я и отправился съ толстою рукописью и письмомъ къ профессору И. Е. Андреевскому [1]). Никакихъ профессоровъ я до тѣхъ поръ никогда не видалъ, а по слухамъ считалъ ихъ важнѣе военныхъ генераловъ, предъ которыми, по привычкѣ видѣть ихъ, я ужъ не стѣснялся. Оттого смущенный вошелъ я въ квартиру И. Е. Андреевскаго и подалъ горничной письмо. Немного погодя, она вернулась, провела меня, чрезъ двѣ комнаты, въ кабинетъ, обставленный красивою мебелью и шкафами съ книгами, блестѣвшими переплетами. Я рисовалъ себѣ профессоровъ согбенными старцами, въ очкахъ, со всклокоченными волосами и огромными бѣлыми бородами. Вдругъ изъ боковой двери вошелъ средняго роста худенькій, бѣлокурый, съ маленькими бакенбардами и гладко причесанными волосами молодой человѣкъ. Я принялъ его за сына профессора и слегка поклонился ему.

— Здравствуйте, молодой человѣкъ,—ласково заговорилъ онъ.— Братъ проситъ меня ввести васъ, его сослуживца, въ литературный міръ. Я очень буду радъ, если въ состояніи быть вамъ полезнымъ. Садитесь, пожалуйста.

Его ростъ, молодость и веселый тонъ разрушили мое представленіе о величіи профессоровъ, а величаніе меня, писаря, „вы“, подача мнѣ руки и названіе моего начальника моимъ сослуживцемъ,—все это сконфузило и совершенно разстроило меня, но онъ, вопросами о моихъ служебныхъ правахъ и обязанностяхъ и о своемъ братѣ, постепенно ободрялъ меня, потомъ полистовалъ мою рукопись, мѣстами

---

[1]) Умеръ ректоромъ Петербургскаго университета, тайнымъ совѣтникомъ.

почиталъ ее, затѣмъ пожалѣлъ, что самъ постоянно ни въ одномъ изъ журналовъ не участвовалъ, почему лично содѣйствія оказать мнѣ не могъ, но тотчасъ же написалъ и далъ мнѣ письмо къ другому профессору Н. И. Костомарову.

— Если ваше произведеніе подходитъ къ журналу, въ которомъ онъ работаетъ, то онъ, будьте увѣрены, непремѣнно его пристроитъ,—обнадеживалъ онъ меня,—или отрекомендуетъ васъ кому слѣдуетъ: онъ со всѣми въ сношеніяхъ.

Онъ опять за руку распрощался со мною и проводилъ меня до передней, т. е. оказалъ мнѣ, какъ я уже зналъ, по свѣтскому этикету, большую честь.

Возвращаясь медленно домой, я тщательно дорогою размышлялъ: во-первыхъ,—почему профессоръ обошелся со мною столь различно отъ военныхъ полковниковъ и генераловъ, которымъ я тоже не былъ подчиненъ; во-вторыхъ,—какъ такой молодой человѣкъ успѣлъ сдѣлаться профессоромъ, а сдѣлавшись, такъ простъ, что подаетъ руку писарю, въ сущности вѣдь солдату; наконецъ, въ-третьихъ,—отчего, по его словамъ, Костомаровъ работаетъ, будто бы плотникъ, когда самъ же И. Е. надписалъ ему на конвертѣ „его превосходительству“, значитъ, онъ генералъ, да еще ученый. Размышляя обо всемъ этомъ, я приблизился на углу Невскаго проспекта, къ картинному магазину Даціаро, въ окнѣ увидѣлъ печатную, на длинной, узкой лентѣ, надпись: „портретная галлерея писателей“, а среди нихъ разглядѣлъ на портретѣ, по подписи, Костомарова, который оправдалъ мое фантастическое понятіе о профессорахъ: онъ выглядѣлъ изнуреннымъ, почти старикомъ, съ окладистою бородою, длинными волосами и въ очкахъ. Это успокоило меня.

На другой день, утромъ въ праздникъ (ночью К. П. отпустилъ меня до 3-хъ часовъ по полудни), я отправился къ Костомарову. Старикъ, по гладко выстриженной головѣ и щетинистымъ усамъ, похожій на отставнаго солдата, въ отрепанномъ сюртукѣ,—впустилъ меня въ переднюю. Тамъ на полу и окнѣ лежали книги, газеты и тюки, на видъ, съ бумагами. Старикъ пошелъ съ письмомъ, а я, бросивъ свою шинель на скамейку,—обтянулъ сюртукъ, взялъ свою рукопись подъ мышку и тщетно старался успокоиться. Старикъ вернулся и, молча, кивнулъ мнѣ головой на дверь. Я вошелъ въ большую, свѣтлую комнату, въ которой по всей мебели и на полу валялись въ безпорядкѣ также книги, а по срединѣ комнаты возлѣ письменнаго стола, тоже заваленнаго книгами, сидѣлъ въ пальто, нагнувшись надъ бумагою, самъ Костомаровъ [1]). Увидѣвъ меня, онъ выпрямился и пытливо оглянулъ меня чрезъ очки.

[1]) Знаменитый историкъ; умеръ въ 1885 г.

— Здравія желаю, ваше превосходительство, — прерывающимся голосомъ произнесъ я, смутившись.

— Здравствуй, братъ, здравствуй, — громко, но сухо, произнесъ онъ.—Величаніе излишне: я не генералъ. Сядь вотъ сюда,—указалъ онъ мнѣ на стулъ, свободный отъ книгъ. — Покажи-ка мнѣ свою работу.

Дрожащими руками подалъ я ему, чрезъ столъ, свою рукопись, которую онъ началъ перелистывать и мѣстами читать, а я усѣлся на кончикъ стула и дрожалъ отъ волненія.

— Я, братецъ, отъ „Русскаго слова“ уже отсталъ,—продолжалъ онъ,—потому самъ хлопотать о помѣщеніи твоего труда не могу, но я отрекомендую тебя одному изъ редакторовъ „Современника“, куда это, какъ я полагаю, подходитъ, а онъ, Чернышевскій, человѣкъ съ отзывчивой душой, — выдвинетъ тебя, если твоя работа ему понравится, а если онъ признаетъ ее дрянью, то ты прямо брось ее въ печку: онъ цѣнитель хорошій, безпристрастный. Теперь только еще 12 часовъ, и онъ дома. Я и напишу ему записку, а ты отправляйся прямо къ нему, чтобы время напрасно не тратить.

Онъ что-то написалъ на почтовомъ листочкѣ, вложилъ его въ конвертъ, надписалъ и заклеилъ.

— Это ты про кантонистовъ написалъ, — вполнѣ современная тема,—продолжалъ онъ.—Кантонистская школа была, помню, и въ Саратовѣ, гдѣ я долго жилъ и слыхалъ про нее очень много дурнаго. Впрочемъ, судя по твоему цвѣтущему виду, ты отлично сохранился отъ школьныхъ голодухи и трепокъ... Желаю тебѣ успѣха. Валяй, братъ, скорѣй, чтобы застать Чернышевскаго дома.

Я всталъ, поклонился ему, взялъ свою рукопись и письмо и началъ было безсвязно благодарить его и извиняться за безпокойство.

— Ничего, ничего,—перебилъ онъ меня.—Я увѣренъ, что Чернышевскій сдѣлаетъ все, что можно. Прощай, братъ, прощай, а если я тебѣ понадоблюсь,—приходи ко мнѣ вечеромъ: тогда я свободенъ и потолкую съ тобою, а можетъ и помогу тебѣ въ чемъ-нибудь.

Онъ кивнулъ мнѣ головою, нагнулся къ столу и принялся писать.

Несмотря на холодный пріемъ Н. И., я остался вполнѣ доволенъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что онъ соотвѣтствовалъ моему идеалу ученаго по наружности, манерѣ и обстановкѣ.

Я вошелъ въ полутемную переднюю квартиры Чернышевскаго и передалъ письмо служанкѣ. Минутъ черезъ пять ко мнѣ вышелъ въ халатѣ мужчина и произнесъ:—„милости прошу сюда“—и пошелъ по корридору, а я за нимъ. Мы очутились въ небольшой, посредственно убранной комнатѣ, въ которой въ шкафахъ, на окнахъ и на мебели было также множество книгъ.

— Прежде всего, здравствуйте, — мягкимъ голосомъ заговорилъ Н. Г. Чернышевскій, протягивая мнѣ руку, которую я почтительно пожалъ.—Потомъ положите сюда на столъ вашу рукопись, скажите, какъ васъ зовутъ, садитесь безъ всякаго стѣсненія, да говорите со мною откровенно, какъ съ равнымъ. А ты, Марья, подай намъ сюда чаю.

Покамѣстъ онъ говорилъ, я его разглядывалъ. Онъ былъ бѣлокурый, почти рыжеватый, въ очкахъ, съ длинными, назадъ закинутыми волосами, длиннолицый, худощавый, со впалыми щеками, безъ усовъ и бороды, на видъ лѣтъ 30, а простотою онъ сразу мнѣ понравился. Я почувствовалъ себя съ нимъ совершенно свободнымъ.

— Разскажите мнѣ, вкратцѣ, гдѣ и чему вы учились, давно ли на службѣ, гдѣ служите и что побудило васъ, въ тяжеломъ солдатскомъ положеніи,—заняться сочинительствомъ.

Покамѣстъ я разсказывалъ,—онъ внимательно слушалъ и всматривался въ меня, а самъ о чемъ-то, казалось мнѣ, соображалъ.

— Коль скоро вы протянули такую суровую лямку, то изъ васъ можетъ выйти дѣльный человѣкъ,—замѣтилъ онъ, когда я замолчалъ.—Судя по вашимъ словамъ, ваше теперешнее начальство хорошее, а это отрадно. Но начальство это читаетъ книги, журналы, разсуждаетъ объ нихъ?

— Чиновники, особенно молодые, ежедневно разсуждаютъ и вспоминаютъ и хвалятъ ваши сочиненія.

— Я добиваюсь не похвалъ, — молвилъ онъ, улыбнувшись,—а того, чтобы читатели думали и дѣйствовали такъ, какъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ. И вы читайте тоже для того, чтобы усвоить себѣ правильное понятіе о прочитанномъ и чтобы это понятіе примѣнять, по возможности, къ средѣ, въ которой вращаетесь.

— Постар-раюсь... Извините, если я спрошу васъ...

— Спрашивайте, сдѣлайте одолженіе, о чемъ угодно.

— Не вы ли, года три тому назадъ были, однажды вечеромъ у графа Орлова-Давыдова? Я тогда переписывалъ ему бумаги и за мои отвѣты, при спорѣ господъ объ освобожденіи крестьянъ, подарили мнѣ еще 5 рублей, да еще поцѣловали меня.

— Ахъ, да, припоминаю, я самый, и теперь я узнаю васъ, — съ живостію отвѣтилъ онъ, снова пожавъ мнѣ руку. — Я радъ, очень радъ, что вы съ тѣхъ поръ настолько развились, что начали писать.

— Рукопись вашу я прочту, и если только будетъ хоть малѣйшая возможность, помѣщу ее. Не нуждаетесь ли въ деньгахъ?

— Нѣтъ-съ. Вотъ если бы напечатали, несказанно порадовали бы меня.

— Вы много потерпѣли, значитъ, закалились, ну, такъ еще потерпите, можетъ, и порадуетесь.

Онъ свелъ разговоръ на наше житье-бытье. Вдругъ, вошелъ, безъ доклада, высокій, плотный, серьезный молодой человѣкъ въ очкахъ, безъ усовъ, но съ бородою, какъ нѣмецкіе пасторы [1]). Они поздоровались на „ты“, и хозяинъ представилъ меня гостю, который тоже подалъ мнѣ руку, но сосредоточенное, грустное выраженіе лица его, рѣзкій, какъ мнѣ показалось, голосъ смутили меня. Онъ спросилъ меня, гдѣ я воспитывался? Я отвѣтилъ, въ баталіонѣ.

— Ба, такъ мы съ вами, вѣдь, земляки, — почти весело продолжалъ онъ.—А есть у васъ въ Нижнемъ родители, родственники?

Я назвалъ крестнаго.

— Да, вѣдь, мы съ вами, значитъ, дѣтьми играли въ церковномъ саду, послѣ обѣдни, когда вашъ отецъ бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ. Припоминаете?

— Вы, стало-быть, сынъ протоіерея Покровской церкви?

— Ну, да, да. И такъ бывшіе: я — семинаристъ, а вы — кантонистъ, вотъ гдѣ встрѣтились. Такъ будемте вмѣстѣ сбирать въ наше ополченіе, по примѣру нашего предка Минина. Я охотно занялся бы вашимъ произведеніемъ, да жаль, уѣзжаю послѣзавтра за границу [2]).

— Не безпокойтесь, пожалуйста, — вмѣшался хозяинъ, — я не обижу его.

Вошелъ пожилой, высокій господинъ съ французскою бородкою, истомленнымъ, добрымъ лицомъ и сиплымъ голосомъ. Оба встали и поздоровались съ нимъ, какъ младшіе со старшимъ, — почтительно. Хозяинъ извинился передъ нимъ, что не успѣлъ одѣться, сказалъ ему про меня и показалъ письмо Костомарова, а землякъ просилъ его оказать мнѣ вниманіе, какъ товарищу его дѣтства. Оба называли его Николаемъ Алексѣевичемъ.

— Пиши, пиши, братецъ, хорошенько, поддержимъ, — протяжно заговорилъ пожилой, потрепавъ меня по плечу. — Ты изъ народа — говори намъ его устами, правду про его радости и печали.

— А вы читали стихотворенія Некрасова?—спросилъ меня Добролюбовъ.

— Нѣкоторыя въ „Современникѣ“ читалъ.

— Такъ вотъ онъ самъ поэтъ передъ вами.

— Я выпучилъ глаза и замеръ отъ охватившаго меня волненія, ибо въ канцеляріи всѣ его превозносили, и я его представлялъ себѣ неземнымъ существомъ.

— Если ты читалъ только нѣкоторыя, такъ дайте ему, Николай Гавриловичъ, всѣ. Прочитай, братецъ, и скажи: можетъ ли народъ понимать ихъ?

---

[1]) Добролюбовъ.

[2]) Умеръ въ 1861 г.

Добролюбовъ досталъ, тѣмъ временемъ, изъ шкафа три книги, завернулъ ихъ въ газету и подалъ мнѣ.

— Прочитайте, пожалуйста, внимательно,—внушалъ мнѣ Чернышевскій, — чтобы въ вашей памяти сохранились, изображенныя поэтомъ, картины и лица. Рукописью вашею я непремѣнно займусь, а вы недѣли черезъ три зайдите ко мнѣ, утромъ же, въ праздникъ: на досугѣ побесѣдуемъ.

Я всталъ, раскланялся всѣмъ, они подали мнѣ руки, и я ушелъ въ величайшемъ восторгѣ, что въ одно утро удостоился лицезрѣть и говорить съ четырьмя свѣтилами тогдашней литературы.

Назначенный Ч—скимъ трехнедѣльный срокъ пережилъ я въ большомъ волненіи и ежедневно отсчитывалъ, сколько дней оставалось мнѣ ждать. Затѣмъ въ условленное время я явился къ нему, но онъ извинился, что не успѣлъ еще прочесть, разспросилъ меня, понялъ ли я стихотворенія Некрасова, многія изъ нихъ онъ зналъ, къ удивленію моему, наизусть, предлагалъ мнѣ опять денегъ, отъ которыхъ я снова отказался, сообщилъ мнѣ, что Добролюбовъ сильнѣе за границею расхворался и подарилъ мнѣ на память свою фотографическую карточку. Когда я пришелъ къ нему еще чрезъ двѣ недѣли, онъ объявилъ мнѣ, что рукопись прочелъ.

— Мысли, факты, негодованіе противъ угнетателей, — все это у васъ прекрасные,—началъ онъ,—но все это нужно выставить поярче, а сами вы едва-ли сумѣете сдѣлать такъ, какъ нужно. Вы, вѣдь, не спѣшите?

— Нѣтъ, могу ждать, сколько угодно, только бы напечатать.

— Въ такомъ случаѣ, я самъ это сдѣлаю, если не будете меня торопить. Еще вотъ что: пишите, какъ говорите, просто, прямо, а то у васъ книжный языкъ-съ.

Я на все согласился. Онъ спросилъ меня, долго ли мнѣ до чина остается служить? Я отвѣтилъ—почти 7 лѣтъ.

— О, это много еще можетъ постигнуть васъ стѣсненій по милости вашей формы. Вамъ надо выбраться въ гражданское вѣдомство. На досугѣ я поразспрошу знакомыхъ, какъ это дѣлается, и постараюсь пособить вамъ превратиться въ статскаго, а это порадуетъ и Николая Александровича. Адресъ вашъ у меня есть, и я васъ извѣщу обо всемъ.

Изъ всей рѣчи Чернышевскаго слова „книжный языкъ“ точно колоколъ звенѣли у меня въ ушахъ, и я недоумѣвалъ, что значили эти слова, а мысль выбраться въ гражданское вѣдомство мнѣ понравилась: я сразу пожелалъ избавиться отъ насмѣшекъ нѣкоторыхъ товарищей и нѣсколькихъ начальниковъ, изъ которыхъ самымъ опаснымъ представлялся мнѣ вице-директоръ, полковникъ Д. С. Мордви-

новъ: онъ, прежде благоволившій ко мнѣ, со времени прочтенія моего возраженія, сталъ относиться ко мнѣ пренебрежительно, а иногда и непріязненно.

Безвинная эта непріязнь меня, правда, огорчала, но самое огорченіе въ значительной степени умалялось, по моему разумѣнію, тѣмъ, что я возмечталъ, съ обѣщанною мнѣ Чернышевскимъ помощью, скоро сдѣлаться сочинителемъ, а потомъ и освободиться изъ военной службы, къ которой я еще съ дѣтства не питалъ расположенія, съ тѣхъ же поръ, какъ я предался сочинительству, я воспылалъ къ ней антипатіею, за то, прежде всего, что развившееся во мнѣ самолюбіе мое страдало отъ обязанности предъ всѣми офицерами снимать на улицѣ шапку, а предъ генералами становиться еще во фронтъ. Продолжая, однако, по необходимости, усердно служить при К. П., да досугами заниматься самообразованіемъ, я, однажды вечеромъ, столь сильно углубился въ чтеніе, помню „Исторіи законодательства“ Неволина, что не слыхалъ, какъ ко мнѣ приблизился К. П. и ласково спросилъ, что я читаю? Я вздрогнулъ, вскочилъ на ноги и, въ замѣшательствѣ, подалъ ему книгу. Онъ посмотрѣлъ заглавіе и освѣдомился, понимаю ли я содержаніе читаемаго. Я признался, что стараюсь кое-что понять.

— Старайся, старайся,—продолжалъ онъ,—это принесетъ тебѣ, со временемъ, пользу, а я вышелъ порадовать тебя съ измѣненіемъ порядка отдаванія нижними чинами высшимъ чести на улицахъ; вмѣсто сниманія шапокъ, устанавливается прикладывать руку къ козырьку шапки, какъ дѣлаютъ офицеры. Это вамъ облагораживающая новая монаршая милость. Холостые твои товарищи, вѣроятно, еще не спятъ: вѣдь, только еще 10 часовъ, такъ сходи къ нимъ на верхъ, поздравь ихъ отъ меня съ благимъ нововведеніемъ и вернись: ты мнѣ нуженъ будешь.

Писаря, услышавъ мое объявленіе, очень обрадовались, тотчасъ же собрали между собою, въ складчину, денегъ и устроили на нихъ пирушку, которая у нихъ такъ затянулась, что я ее еще засталъ, по возвращеніи со службы около 2-хъ часовъ ночи, а два дня спустя, писаря съ удовольствіемъ читали приказъ (отъ 3-го марта 1862 г., № 47) и горделиво репетировали, какъ, согласно приказу, слѣдовало дѣлать офицерамъ честь подъ козырекъ.

Освобожденіе кантонистовъ отъ обязательнаго поступленія въ баталіоны, увольненіе солдатскихъ сыновей въ податное состояніе, сокращеніе срока службы нижнимъ чинамъ, дарованіе кандидатамъ изъ нихъ пенсіи, отмѣна: крѣпостнаго права, винныхъ откуповъ, формы для студентовъ и другія существенныя улучшенія народнаго быта должны бы, казалось, вызвать всеобщую признательность правитель-

ству, а между тѣмъ, по мѣрѣ введенія реформъ, нарождались и увеличивались разныя смятенія, начавшіяся съ студенческихъ волненій и хожденія ихъ тысячною толпою (среди нея не мало офицеровъ) изъ университета къ ректору, генералу Филипсону (на Владимірскую улицу), домогаться отмѣны преподанныхъ имъ матрикулъ (въ 1861 г.), потомъ обнаружились ярые недовольные, желавшіе сразу все измѣнить, сочиняли и распространяли возмутительныя воззванія, за которыя они же жестоко страдали. Такъ, изъ вычитанной мною бумаги, я узналъ, что поручикъ Обручевъ осужденъ былъ генералъ-аудитаріатомъ въ каторжныя работы за то, что хотѣлъ произвести въ Россіи революцію (что она значила—я тогда положительно не понималъ). Профессоръ Павловъ прочелъ въ благородномъ собраніи такую рѣзкую статью о тысячелѣтіи Россіи, что его выслали изъ Петербурга. Затѣмъ, однажды вечеромъ, въ отсутствіе К. П. изъ дома, въ мою „пріемную“ вошелъ какой-то приличный господинъ, подалъ мнѣ два толстыхъ пакета со словами: „одинъ—для директора, другой—для васъ съ товарищами: внимательно прочтите интересную эту книжку“, и ушелъ. Я снесъ въ кабинетъ К. П. одинъ, а другой пакетъ—распечаталъ, вынулъ изъ него 4 печатныхъ листка и покуда читалъ ихъ, чувствовалъ то жаръ, то ознобъ, ибо дерзкое содержаніе листковъ произвело на меня одуряющее впечатлѣніе, а вернувшись въ казарму, я не могъ всю ночь уснуть: все думалъ о прочитанномъ, на утро же далъ, по секрету, прочесть листки казавшимся мнѣ наиболѣе надежными, двумъ сослуживцамъ, но изъ нихъ одинъ назвалъ дуракомъ сочинителя листковъ, а другой—такъ ими заинтересовался, что отжилилъ ихъ у меня. Съ тѣхъ поръ я часто сталъ получать чрезъ швейцара печатные же и писанные листки, которыхъ никому уже не показывалъ. Въ то же время почти ежедневно слышалъ, какъ молодые чиновники кружками читали и обсуждали тѣ же листки и рукописныя стихотворенія, озаглавленныя, напр., одно — „Заштатный чиновникъ“ — кончалось словами: „возьму свой ножъ заржавленный и кровію хлѣбъ куплю“, другое же начиналось словами: „Милый другъ, я умираю оттого, что былъ я честенъ, но за то родному краю вѣрно буду я извѣстенъ“, въ третьемъ—узникъ говорилъ: „О, еслибъ мнѣ силу и власть, чтобы я могъ все поднять, сдвинуть, потрясать, — я залилъ бы кровію предѣлы земли, чтобы новые люди родиться могли“, четвертое — „На смерть друга“ привожу, насколько сохранилось въ моей памяти, а именно:

Жаждой правды изнывая
Въ темномъ царствѣ лжи и зла,
Жизнь зачахла молодая —
Гнета не снесла...

И уложенъ въ гробъ ты тѣсный,
Отстрадавшій братъ.
Но скорбный голосъ говоритъ изъ гроба,
Что жъ молчитъ въ васъ, братья, злоба,
Что любовь молчитъ.
Или силы для отпора
Въ вашей злобѣ нѣтъ и т. д.

Нѣкоторое время спустя огласилось, что сочинителей листковъ и стиховъ переловили и посадили, а у многихъ, заподозрѣнныхъ, дѣлали обыски, поэтому я, изъ самосохраненія, сжегъ всѣ листки, но и послѣ того внимательно прислушивался къ разговорамъ по этому предмету чиновниковъ, а они не преминули сообщать другъ другу: сперва о предстоявшемъ объявленіи на площади приговора сочинителю послѣдняго стихотворенія, за какія-то прокламаціи, найденныя въ его квартирѣ въ мраморномъ бюстѣ, а потомъ—о назначенномъ днѣ объявленія приговора. Разсуждали они объ этомъ громко, безъ всякаго стѣсненія, потому и мнѣ стало извѣстно. И вотъ я, рано утромъ, отправился на Конную площадь взглянуть на того, кто волновалъ мое воображеніе и лишалъ меня сна. И я видѣлъ поставленнаго, въ статскомъ платьѣ, на эшафотѣ смуглаго, блѣднаго, худощаваго человѣка въ очкахъ, слышалъ, какъ квартальный читалъ что-то вслухъ, запомнилъ только изъ его чтенія, что онъ назвалъ человѣка губернскимъ секретаремъ Михаиломъ Михайловымъ, видѣлъ, какъ палачъ ставилъ его къ черному столбу, вдѣвалъ его руки въ желѣзныя кольца, вынималъ ихъ, ставилъ его на колѣни, ломалъ надъ его головою шпагу, переодѣлъ его въ сѣрую арестантскую куртку, свелъ его съ эшафота, всадилъ въ карету, и она укатила, а глазѣвшая толпа разошлась въ разныя стороны... Печальное это зрѣлище глубоко врѣзалось мнѣ въ память, и я долго это помнилъ и жалѣлъ несчастнаго, о которомъ и молодые наши чиновники, съ Саранчовымъ во главѣ, горячо, случалось, спорили, а иные восхваляли его стихотворный и беллетристическій таланты.

Смолкшіе было толки о немъ вдругъ снова поднялись, вслѣдствіе появившагося разсказа, будто бы, по привозѣ его въ Сибирь, тамошнія власти разрѣшили ему переодѣться изъ арестантскаго въ статское платье и снять кандалы, будто бы изъ нихъ сдѣлали браслеты, устроили балъ и на немъ будто бы были: онъ—гостемъ во фракѣ, а мѣстныя дамы—въ желѣзныхъ браслетахъ (онъ былъ уроженецъ Сибири и имѣлъ тамъ родственниковъ), будто бы обо всемъ этомъ донесъ въ Петербургъ жандармскій начальникъ, а отсюда властей уволили и наказали. Молва эта усилилась и передавалась какъ бы за правду, по случаю преданія военному суду полковника

Н. В. Шелгунова [1]), по обвиненію, между прочимъ, въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Михайлову (добровольно сопровождалъ его въ Сибирь), въ перепискѣ съ разжалованнымъ въ рядовые офицеромъ Костомаровымъ, въ написаніи не пропущенной цензурою статьи, доказавшей вредный образъ его мыслей.

Терпѣливо ожидая появленія моего труда въ печати, я, вслѣдствіе происходившихъ разныхъ безпорядковъ и громаднаго пожара, отъ котораго сгорѣлъ Апраксинъ рынокъ (въ Духовъ день въ 1862 г.), будто бы отъ поджога его тѣми же смутьянами,—я сталъ безпокоиться, отчего Чернышевскій очень ужъ долго держалъ меня въ невѣдѣніи объ участи моего труда, и кончилъ тѣмъ, что пошелъ напомнить ему о себѣ, благо онъ столь дружески меня принималъ. Однако, несмотря на трехкратные мои звонки, никто не отворялъ мнѣ двери въ его квартиру. Желая дознаться причины, я отыскалъ, во дворѣ дома, дворника и спросилъ его: „не выѣхалъ ли Чернышевскій [2]) въ другую квартиру?“

— Да, выѣхалъ, выѣхалъ въ казенную квартиру даже,—отозвался онъ;—въ крѣпости, подъ замкомъ, братецъ, квартируетъ ужъ славный баринъ. Забрали его, всѣ его книги и бумаги, а семья его опосля къ родителямъ въ провинцію направилась сердешная. И ты, милый другъ, уходи скорѣе отселева, поколь цѣлъ: фискалы тутъ ловятъ дураковъ, которые его спрашиваютъ, а тебя, глупаго, мнѣ жаль отдавать имъ въ руки, потому натерпишься муки.

Выслушавъ дворника, я, крайне огорченный, покорно послѣдовалъ его совѣту,—побрелъ домой, а на другой день Саранчовъ, на мой вопросъ, подтвердилъ мнѣ печальную вѣсть, слышанную мною отъ дворника. Тогда я заключилъ, что моя мечта разлетѣлась, какъ дымъ!.. Мало того: мною овладѣлъ страхъ, какъ бы и меня не постигла бѣда за то, что я бывалъ у Чернышевскаго, а невольно вспоминая, при

[1]) Происходилъ изъ дворянъ, кончилъ курсы: въ Лѣсномъ и Межевомъ институтѣ прапорщикомъ въ 1841 г.—17 лѣтъ, въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ, съ отличнымъ успѣхомъ подпоручикомъ въ 1843 г., потомъ послѣдовательно служилъ: подлѣсничимъ, запаснымъ лѣсничимъ, лѣснымъ ревизоромъ, ученымъ лѣсничимъ, начальникомъ отдѣленія лѣснаго департамента, а назначенный астраханскимъ губернскимъ лѣсничимъ (24-го ноября 1861 г.), отказался туда ѣхать, а уволился въ отставку полковникомъ съ мундиромъ и пенсіею по 285 р. 90 к. въ годъ 7-го мая 1862 г. Въ продолженіе службы за ученыя сочиненія по лѣсной части получилъ разновременно 4 раза преміи по 250 р., а разъ—400 р. и брилліантовый перстень, командировывался за границу съ ученою цѣлью въ 1856 г. на 6 мѣсяцевъ и въ 1861 г.—на 4 мѣсяца. Рѣшеніе генералъ-аудиторіата о лишеніи Шелгунова пенсіи, мундира и ссылкѣ на житье на отдаленную губернію, подъ надзоръ полиціи, утверждено было 28-го октября 1864 г.; умеръ онъ въ Петербургѣ въ 1891 г.

[2]) Арестованъ 2-го іюля 1862 г.

этомъ, что грозило Воронкову за переписку бумаги Тимковскому, мнѣ нерѣдко чудилось, что я уже тоже въ ордонансъ-гаузѣ, подъ судомъ и меня осуждаютъ къ тѣлесному наказанію, а за что именно—мнѣ не объявляютъ. Оттого я, изъ самосохраненія, съ невыразимою радостью дважды прочелъ общій указъ объ отмѣнѣ клейменія и стеганія плетьми и военный приказъ о прекращеніи гонянія сквозь строй и дранья розгами всѣхъ нижнихъ чиновъ, кромѣ тѣхъ, которые считались штрафованными (17-го апрѣля 1863 г.). Милосердные эти акты облегчали, какъ мнѣ казалось, мое угнетенное состояніе духа, и я напрягалъ всѣ усилія заглушить свое горе служебными рачительными трудами.

Между тѣмъ К. П., дотолѣ домосѣдъ, вдругъ началъ, нерѣдко, куда-то отлучаться изъ Петербурга недѣли на двѣ, а въ это время исправлялъ его должность Мордвиновъ, и я долженъ былъ дежурить при немъ, а онъ, какъ я полагалъ, нарочно унижалъ меня: при лакеѣ, напримѣръ, приказывалъ мнѣ подавать уходившимъ генераламъ шинели, убирать со стола тарелки, дѣлалъ мнѣ выговоры, то—за длинные волосы, то—за отстегнутую пуговицу, то—за стояніе предъ нимъ не на вытяжку, то—за поздній приходъ, то—за дурно запечатанный конвертъ и такъ далѣе, при чемъ каждый разъ приплеталъ, съ сарказмомъ, мое сочинительство. Я, что называется, изъ кожи лѣзъ, чтобы потрафить ему, но всѣ мои усилія пропадали напрасно: онъ съ какимъ-то какъ бы злорадствомъ терзалъ меня.

Все это я высказывалъ близкимъ товарищамъ, а между ними и однокашнику Львову, служившему старшимъ телеграфистомъ при генералъ-губернаторѣ, свѣтлѣйшемъ князѣ Суворовѣ, который благоволилъ къ нему, а потому и всѣ состоявшіе при князѣ генералы, офицеры и чиновники были къ Львову тоже внимательны. Львовъ и узналъ мнѣ, что въ канцелярію оберъ-полицеймейстера изстари переводили военныхъ писарей, съ переименованіемъ ихъ въ писцы и до производства въ классный чинъ, они считались какъ бы чиновники, да вызвался, при случаѣ, устроить мнѣ переводъ чрезъ одного изъ вліятельныхъ чиновниковъ особыхъ порученій генералъ-губернатора.

Пословица „нѣтъ худа безъ добра“ понудила меня рискнуть. Я несъ разъ отъ К. П. бумаги и по пути разсматривалъ ихъ. Это Мордвиновъ увидѣлъ и при многихъ закричалъ на меня:

— Я жду бумагъ, а ты, скотина этакая, прохлаждаешься съ ними. Я тебя такъ пристрою, что забудешь свою дурь—сочинительство и любопытство.

— Я просматриваю бумаги по приказанію директора,—отвѣтилъ я смѣло,—чтобы помнить, какія когда передалъ, и вы незаслуженно изволите бранить меня.

— Ты еще разсужд-дать. Въ гарнизонъ сошлю за дерзость!...

— Прежде, чѣмъ безвинно сошлете меня,—я самъ отъ васъ уйду.

— Молча-ть!....

Я повиновался, но въ тотъ же вечеръ бросился къ Львову, а онъ на другой же день отвѣтилъ мнѣ, что пришлютъ запросъ о томъ, нѣтъ ли къ моему переводу препятствій, а чтобы они не встрѣтились,—я обратился съ просьбою къ К. П. Онъ удивился моему желанію уйти отъ него и спросилъ меня о причинѣ. Я разсказалъ ему о систематическомъ преслѣдованіи меня Мордвиновымъ.

— Я объ этомъ уже слышалъ,—отозвался онъ,—и не разъ намекалъ Дмитрію Сергѣевичу, чтобы былъ съ тобою сдержаннѣе, но онъ видимо, этого не желалъ, а мирить тебя, писаря, съ нимъ, вице-директоромъ, полковникомъ, я, къ сожалѣнію, не могу: между вами слишкомъ большая разница. Однако, прямо предложить ему быть къ тебѣ справедливымъ—я готовъ.

— Самое лучшее, будьте столь добры, отпустите меня въ переводъ. Этимъ вы меня навсегда осчастливите.

— Я тобою вполнѣ доволенъ и, ежели бъ ты еще немного при мнѣ послужилъ—я бы тебя непремѣнно произвелъ въ чиновники гораздо раньше срока,—да и взялъ бы съ собою при предстоящемъ мнѣ повышеніи.

— Вы часто изволите уѣзжать, а во время вашего отсутствія мнѣ страшно оставаться при немъ.

— Да, онъ можетъ тебя обидѣть, это правда, а когда буду я назначенъ—еще неизвѣстно.

— Въ такомъ случаѣ окажите мнѣ милость—отпустите меня.

— Пожалуй, переводись съ Богомъ: можетъ, и счастливѣй будешь. За службу твою, я тебя письмомъ отрекомендую оберъ-полицеймейстеру, чтобы обратилъ на тебя особенное вниманіе. Понадобится тебѣ что-нибудь—пожалуйста, приходи ко мнѣ или напиши мнѣ безъ всякаго стѣсненія: кѣмъ бы и гдѣ бы я ни былъ,—я всегда буду тебѣ полезнымъ во всемъ, что только пожелаешь.

И переводъ мой въ три дня состоялся (1-го октября 1863 г.). Хотя я въ точности не зналъ, что именно ждало меня впереди, тѣмъ не менѣе я на прощанье съ воинскою дисциплиною справилъ товарищамъ „отвальную“. За угощеніемъ мнѣнія о томъ, выгадаю ли я или прогадаю уходомъ—распались почти пополамъ.

— Разумѣется, прогадаешь,—настаивалъ старикъ Волковъ.—Здѣсь ты со временемъ былъ бы министерскимъ чиновникомъ, а тамъ ты сдѣлаешься полицейскимъ крючкомъ, крючковъ же этихъ въ департаменты, ау, братъ, уже не переводятъ за ихъ крючкотворства... И все глупое твое сочинительство виною: оно и на дѣтяхъ, помни, дурно

отзывается: Булгаринъ былъ знаменитый сочинитель, а сыну его, хоть и давно служитъ у насъ и кончилъ всякіе курсы,—штатной должности все-таки не даютъ; остерегаются, какъ бы не сталъ печатать противъ начальства.

— А печатать бы вѣдь нужно, охъ, какъ нужно,—возразилъ другой, Колобовъ.—Напримѣръ, нашъ казначей г. Писаревскій, какъ вчера окончательно выяснилось,—промоталъ двадцать пять тысячъ казенныхъ денегъ, а уходитъ въ отставку съ полною пенсіею съ слѣдующимъ хоть статскимъ, но генеральскимъ чиномъ, денежки же пополнятъ изъ жалованья чиновниковъ, а имъ сквитаютъ вычетъ при наградѣ къ Пасхѣ. Когда обнаружилась растрата нашего казначея—велѣли внезапно обревизовать всѣхъ казначеевъ и открыли, что казначей инспекторскаго департамента, полковникъ Монтандръ, спустилъ сорокъ тысячъ, потому и его отпускаютъ съ миромъ, чтобы только не огласилось: боятся печатанія объ этихъ оказіяхъ. Хвалить нашего директора тоже надо погодить: человѣкъ при немъ проторчалъ слишкомъ три года, дни и ночи насквозь, а онъ не рѣшается: ни приказать вице-директору, ни придраться къ этому человѣку, ни даже дать этому человѣку на прощанье награду за каторжную службу: боится, что это не понравится вице-директору...

— Хорошо бы напечатать также и про тестя нашего вице-директора,—вставилъ Ивановъ.—Я самъ слышалъ, какъ онъ разсказывалъ, что крестьяне за то, что тесть лишалъ невинности всѣхъ бывшихъ его крѣпостныхъ дѣвицъ послѣ обнародованія воли, подстерегли его въ саду и въ клочья разорвали, такъ что и хоронить нечего было. Онъ, Мордвиновъ, и ѣздилъ замять это дѣло, чтобы не потерять женина наслѣдственнаго помѣстья: за жестокое обращеніе помѣщика съ крестьянами оно должно бы перейти въ казну.

На утро я одѣлся въ статское платье и впервые смѣло пошелъ на новую службу, но въ воротахъ наткнулся на Мордвинова и только слегка поклонился ему.

— Стой, какъ ты смѣлъ такъ одѣться? — крикнулъ онъ. Разжал-лую...

— Опоздали-съ,—отвѣтилъ я,— вслѣдствіе вашихъ придирокъ и угрозъ—я уже не подчиненный вамъ писарь, а гражданскій писецъ, почти чиновникъ.

— Что-о?—злобно проговорилъ онъ, покраснѣвъ, врешь!

— Нѣтъ, правду говорю вамъ. Прощайте, мнѣ пора на службу [1]).

---

[1]) Переводъ мой состоялся въ тайнѣ отъ него. Онъ потомъ былъ директоромъ канцеляріи, а умеръ членомъ военнаго совѣта, полнымъ генераломъ и генералъ-адъютантомъ.

Я повернулся и, какъ побѣдитель, направился дальше, благословляя судьбу за право безъ страха проходить мимо генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, даже не дѣлать имъ подъ козырекъ.... Мое тогдашнее настроеніе способенъ былъ понять, какъ я полагалъ, лишь тотъ, кто послѣ долгаго нахожденія въ казематѣ вдругъ очутился на волѣ....

Мысли и воспоминанія поляка.

I.

Мое дѣтство.—Паскевичъ и Бибиковъ.—Арестъ моего отца.—Поступленіе въ корпусъ.—Выпускъ въ офицеры.—Пріѣздъ въ Муромъ.—Знакомство съ полковыми товарищами.—Условія ихъ жизни.—Семейство Т.—Характеристика русскаго купечества.—П. Г. Губонинъ и его жена Марина Севастьяновна.—Инженеръ К.—Положеніе сельскаго духовенства.—Преслѣдованіе старообрядцевъ и уніатовъ.—Разница между православнымъ и католическимъ духовенствомъ.—Разбойникъ Ланцевъ и его похожденія.—Русское барство.—Характеристика ихъ отношеній къ крѣпостнымъ.—Польскіе магнаты и хлопы.—Закрѣпощеніе Екатериною II Малороссіи.

Я человѣкъ уже отживающій. Разстояніе, которое я прошелъ, такъ велико, что мысль объ итогѣ невольно закрадывается въ голову. Волосы посѣдѣли, болѣзни разныя обступили, и, нѣтъ-нѣтъ скоро развернется зіяющая пропасть, въ которую всѣмъ въ свое время придется провалиться и въ которую мнѣ еще ужасно провалиться не хочется. Обидно умирать, не оставивъ хотя небольшому кругу друзей слѣдовъ того, что на своемъ вѣку человѣкъ видѣлъ, что слышалъ, въ чемъ принималъ непосредственное участіе. Быть можетъ, это окажется для чего-нибудь и полезнымъ. И прожитое — что-нибудь да стоитъ. Кромѣ того, дѣло старое, дѣло болтливое, и вотъ я рѣшился оглянуться назадъ, лѣтъ этакъ за пятьдесятъ и записать свои воспоминанія. Пятьдесятъ лѣтъ! Страхъ, какъ давно! Спросишь кого-нибудь изъ тогдашнихъ о прожитомъ,—всѣ стали какіе-то забывчивые, безпамятные. Пожалуй, еще помнятъ факты, но какъ они принимались, какъ понимались, но ощущенія этого волновавшаго прошедшаго, трепетъ прош-

лыхъ надеждъ,—куда все дѣвалось? Годъ за годомъ, и, растеривая воспоминанія, оставляя тупѣть впечатлѣнія, пожалуй, дойдешь до того, что станешь себя спрашивать: да полно, было ли что-нибудь?.. Говорятъ, забвеніе въ порядкѣ вещей, въ законѣ природы; полъ-вѣка, мало ли воды утекло? Вѣрно. Къ тому же и половодье было не маленькое, и мнѣ упрямо такъ кажется, что то, что оно смыло, было лучше того, что оно оставило. Я же изъ этого прошлаго помню очень многое.

Большая часть воспоминаній, которыя мнѣ приходилось читать, грѣшатъ тѣмъ, что личность разсказчика, поневолѣ, получаетъ нѣсколько непропорціонально сильное освѣщеніе. Нужно большое искусство для избѣжанія этого недостатка. По возможности, въ такихъ случаяхъ, я старался быть краткимъ и сжатымъ, понимая, что объективный характеръ воспоминаній болѣе всего увеличиваетъ интересъ описываемаго. И такъ, я начинаю.

Я родился въ 1838 году, въ г. Борисовѣ, Минской губерніи, въ самой глухой, въ то время, мѣстности Полѣсья, несмотря на славу, пріобрѣтенную г. Борисовомъ въ 1812 году. У села Студянки, въ 6-ти верстахъ отъ Борисова, переправлялась черезъ р. Березину армія Наполеона, вмѣстѣ со своимъ полководцемъ, возвращаясь изъ-подъ Москвы.

Отецъ мой происходилъ изъ старинной польской шляхты и по тому времени былъ человѣкъ образованный, начитанный, прекрасно зналъ латинскій языкъ и былъ хорошій юристъ. Мать моя хорошо насъ воспитывала, несмотря на то, что дѣтей у нея было много, и прекрасно вела хозяйство. Средства къ жизни мы имѣли достаточныя.

Дѣтство мое прошло при условіяхъ очень тяжелыхъ и оставило во мнѣ одни лишь грустныя воспоминанія. Время тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ для польскаго и литовскаго края было временемъ постоянныхъ политическихъ процессовъ, арестовъ и ссылокъ, и это продолжалось болѣе двадцати лѣтъ.

Паскевичъ и Бибиковъ управляли безпощадно, вселяя во всѣхъ, даже въ самыхъ смѣлыхъ людяхъ, страхъ и трепетъ. Никто, ложась спать, не былъ увѣренъ, что его ночью не схватятъ и не увезутъ въ ссылку. Въ каждомъ польскомъ домѣ все было подготовлено на случай внезапнаго ареста. Съ именами этихъ двухъ правителей края было связано несчастье каждой польской семьи и это, можно сказать, безъ преувеличенія [1]).

[1]) Люди, окружавшіе этихъ двухъ сатраповъ, были въ одно и то же время и судьи и палачи; они съ радостью исполняли всякое насиліе. Это до такой степени притупило въ нихъ всякое человѣческое чувство, что они забывали, что и у нихъ также были свои семьи: отцы, матери, братья и сестры.

Мнѣ еще не минуло и пяти лѣтъ, какъ, сначала отецъ мой, а затѣмъ мать были арестованы и отвезены въ Вильно на перекладныхъ. Мать вернулась скоро, отецъ мѣсяцевъ пять спустя. Я очень хорошо помню день возвращенія моего отца. Онъ пріѣхалъ утромъ, когда мы сидѣли за чаемъ. Блѣдный, истомленный, обросшій бородою, онъ вошелъ, снялъ шубу и, не говоря ни слова, направился въ комнату, гдѣ у насъ былъ маленькій алтарь у иконы Остробрамской Божьей Матери, палъ на колѣни и зарыдалъ. Мы всѣ также плакали. Мнѣ уже 65 лѣтъ, но этой минуты я забыть не могу и, вѣроятно, не забуду до гроба. Въ чемъ обвиняли моихъ родителей, я тогда не зналъ и мнѣ не говорили, но впослѣдствіи мать разсказала намъ, что они арестованы были по доносу борисовскаго городничаго, ренегата, оклеветавшаго ихъ, будто они находились въ сношеніяхъ съ какимъ-то эмиссаромъ, котораго они, какъ оказалось на слѣдствіи, и въ глаза никогда не видѣли. Городничій былъ сердитъ на моихъ родителей и мстилъ имъ за то, что они нѣсколько разъ пріютили въ своемъ домѣ жену его, которую онъ тиранилъ и выгонялъ вонъ отъ себя.

Впрочемъ, то было время, когда не только городничій, всесильный въ то время представитель власти, но и самый маленькій чиновникъ могъ погубить человѣка.

Домъ, въ которомъ мы жили, находился неподалеку отъ почтовой станціи. Почти ежедневно приходилось видѣть намъ по нѣсколько почтовыхъ кибитокъ, запряженныхъ парою, на которыхъ обыкновенно сидѣли по серединѣ какой-нибудь статскій въ кандалахъ, а по бокамъ два вооруженныхъ жандарма. Намъ при этомъ объясняли, что это „москали везутъ поляковъ въ Сибирь“, и, къ сожалѣнію, это была правда. Естественно, что въ мою душу рано начало закрадываться нерасположеніе и страхъ ко всему русскому.

Такія печальныя условія жизни и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, въ то ужасное время, были явленіями обычными, и благодаря, имъ воспитаніе польскаго юношества въ дѣтства, какъ-будто нарочно и систематически направлялось къ тому, чтобы озлобить и создать изъ подрастающей польской молодежи непримиримаго врага Россіи.

Для польскаго народа и для большинства населенія Литвы, Украйны и Бѣлоруссіи такая система управленія имѣла самыя роковыя послѣдствія, и наступило время сказать, что огромную долю вины въ послѣдующихъ несчастіяхъ этихъ окраинъ должна принять на себя тогдашняя администрація края, озлоблявшая безъ толку и безъ пользы противъ Россіи польскую интеллигенцію и народъ. Гоненія на языкъ, на вѣру, обращеніе посредствомъ кнута и ссылокъ массы народа въ православіе—вѣдь это не забудется никогда.

Кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ неминуемо пожнетъ бурю, которая когда-нибудь скажетъ правду объ этихъ сѣятеляхъ.

Что я не сгущаю красокъ и пишу лишь сущую правду, рекомендую прочесть „Записки полковника Ломачевскаго“ („Вѣстникъ Европы“ 1863 г.), бывшаго въ то время начальникомъ минскаго губернскаго жандармскаго управленія. Въ запискахъ этихъ подробно изложенъ рядъ фактовъ того страшнаго террора и тѣхъ инквизиціонныхъ и безправныхъ порядковъ, которые практиковались администраціей края при генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ. Факты, сообщенные г. Ломачевскимъ, должны вызвать не только краску стыда, но и угрызенія совѣсти у каждаго честнаго русскаго человѣка.

Поляковъ обвиняютъ въ отсутствіи терпѣнія, въ неумѣніи сдерживать себя, въ крайней горячности. Я утверждаю, что наступитъ время и оно уже недалеко, когда исторію станутъ писать не чиновники, умѣющіе искусно подтасовывать факты, а люди честные, и тогда терпѣніе поляковъ войдетъ въ поговорку и будетъ служить примѣромъ. Столько страданій, столько ужасовъ, сколько вынесъ польскій народъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ и за это время только два раза серьезно запротестовалъ противъ такой исторической несправедливости и грубаго насилія—это ли еще не доказательство сверхъ-терпѣнія?! Если такое терпѣливое отношеніе къ своей участи есть заслуга, то поляки этимъ качествомъ похвалиться имѣютъ полное право.

Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, меня отдали въ Брестскій кадетскій корпусъ. Ближайшая причина, побудившая родителей моихъ избрать для меня военную карьеру, заключалась въ желаніи избавить меня отъ необходимости служить простымъ рядовымъ, такъ какъ по закону, существовавшему въ то время (конскрипція), который императоръ Николай I считалъ къ тому же привилегіей, оставленной полякамъ, старшіе сыновья польскихъ дворянъ, а я былъ таковымъ, обязаны были служить въ военной службѣ, начиная съ рядоваго, съ правомъ, впрочемъ, выслуги, что при тогдашнихъ строгихъ военныхъ порядкахъ было крайне тяжело.

О томъ, какъ насъ учили и воспитывали въ корпусѣ, я подробно изложилъ въ моихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1895 г. въ іюнѣ и въ ноябрѣ, и повторять этого не буду, считаю, однако, нужнымъ прибавить, что проведенное мною время въ корпусѣ, особенно въ періодъ пребыванія Брестскаго корпуса въ Москвѣ [1]), подъ вліяніемъ, съ одной стороны, милыхъ и добрыхъ

[1]) Совпавшій съ воцареніемъ императора Александра II-го и коренными реформами.

товарищей, а съ другой,—прекрасныхъ, гуманныхъ и образованныхъ преподавателей, — подѣйствовало на меня до такой степени благотворно, что инстинктивный страхъ и злоба ко всему русскому уступило мѣсто твердому желанію поближе и обстоятельнѣе познакомиться съ русской жизнью, съ русской исторіей и литературой. Такой переворотъ во взглядахъ случился, впрочемъ, не съ однимъ мною.

Насъ, поляковъ, въ Брестскомъ корпусѣ было болѣе половины всего состава. Сначала мы держались въ сторонѣ отъ товарищей русскихъ, но къ концу моего пребыванія въ корпусѣ мы жили дружно и согласно. Между нами водворились миръ и уваженіе къ національнымъ и религіознымъ убѣжденіямъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что исторія Брестскаго корпуса, какъ воспитательнаго заведенія, можетъ служить образцомъ, какъ слѣдуетъ воспитывать польское юношество, чтобы въ результатѣ явилась полная гармонія между двумя братскими народами и разъ навсегда закончилась вражда, стоющая и жертвъ, и страданій [1]). Теперешнимъ школамъ въ Польшѣ и Литвѣ съ ихъ безсердечнымъ направленіемъ и руссофильскими тенденціями, дошедшими до озлобленія противъ всего польскаго, не достигнуть этого никогда. Отъ такихъ школъ, гдѣ идутъ еще глупыя и безцѣльныя пререканія на счетъ того, на какомъ языкѣ дѣти должны молиться, ничего хорошаго не выйдетъ. Ту „заразу“, которую этимъ путемъ хотятъ искоренять — сугубо распространяютъ.

Вѣчная благодарность воспитателямъ Брестскаго корпуса отъ русскихъ и польскихъ ихъ воспитанниковъ!!

Я вышелъ изъ корпуса съ полнымъ сознаніемъ того, что въ несчастіяхъ польскаго народа ни русское образованное общество, ни даже русскій народъ никакой активной и сознательной роли не принимали. Они были въ полномъ невѣдѣніи того, изъ-за чего существуетъ вражда, кто правъ, кто виноватъ. Исторіи этихъ отношеній они не знали и знать не интересовались. И общество, и народъ въ польско-русскихъ отношеніяхъ ограничились лишь тѣмъ, что повторяли съ чужихъ голосовъ сказки, что поляки бунтовщики и поджигатели, но въ то же самое время не только злобы, но даже особой непріязни къ полякамъ не имѣли. Несмотря на десятки тысячъ брошюръ, въ родѣ такихъ, напр., какъ „Русская правда и польская

[1]) Конечно, это было явленіе случайное, такъ какъ такая система воспитанія не лежала въ программѣ корпуснаго воспитанія, а лишь явилась слѣдствіемъ вліянія того счастливаго времени, когда высшее начальство опускало руки и мало обращало вниманія на то, что творилось въ сферѣ преобразованія умственнаго развитія молодежи кадетскихъ корпусовъ.

кривда", „Польскій катехизисъ" и т. п., распространяемыхъ среди народа,—въ сознаніи русскихъ озлобленія къ полякамъ не привито. Въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ, въ разнаго рода анекдотахъ, въ сценическихъ представленіяхъ осмѣиваются жидъ, нѣмецъ, англичанинъ, даже французъ,—но полякъ никогда, или очень рѣдко. Это фактъ, чрезвычайно характерный и интересный. Народъ живетъ чутьемъ и чутьемъ доискивается правды [1]).

Я провелъ среди русскаго народа, безвыѣздно, въ самыхъ его центрахъ, слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, я не забылъ ни своего языка, ни вѣры, ни своихъ обычаевъ, сохранилъ привязанность къ моей родинѣ и въ этомъ направленіи воспиталъ своихъ дѣтей. Ни мое польское происхожденіе, котораго я никогда не скрывалъ, ни моя религія, ни мои взгляды, которые я откровенно высказывалъ, — не мѣшали мнѣ въ моихъ отношеніяхъ къ русскому обществу. Мое происхожденіе не препятствовало мнѣ занимать выборныя должности и въ городѣ и въ земствѣ. Десять лѣтъ къ ряду, по выбору дворянства, я состоялъ директоромъ тюремнаго комитета. И все это время ни юлить, ни увертываться мнѣ не приходилось. Однимъ словомъ, проведенное мною время среди русскаго общества я считаю счастливѣйшимъ періодомъ въ своей жизни и теперь, на старости лѣтъ, вернувшись на родину и ознакомившись съ тѣмъ, какъ на родинѣ жилось моимъ соотечественникамъ, въ теченіе этихъ пятидесяти лѣтъ, я прихожу въ ужасъ при одной мысли о томъ, сколько мнѣ пришлось бы выстрадать, если бы это время я провелъ на родинѣ. Говорятъ, на міру и смерть красна, но если бы это была смерть, — это была цѣлая система издѣвательствъ надъ тѣмъ, что человѣку дорого и что онъ привыкъ считать за святыню.

Когда предъ выпускомъ изъ корпуса насъ опрашивали, кто куда желаетъ выйти, я просилъ назначить меня въ такой полкъ, который стоялъ въ центральной Россіи. Просьбу мою удовлетворили, и я былъ назначенъ въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ на широкихъ квартирахъ [2]), въ г. Муромѣ и въ Муромскомъ и Меленковскомъ уѣздахъ Владимірской губерніи, на родинѣ Ильи Муромца и Соловья разбойника.

Въ Муромъ, гдѣ находился штабъ полка, я пріѣхалъ осенью 1859 года. Первое время, пока я ознакомился съ городомъ и съ полковыми товарищами, я ходилъ, какъ потерянный. Послѣ кадет-

---

[1]) Насъ душили чиновники, большинство которыхъ были нѣмцы. Теперь Россія на своей шкурѣ испробовала, до чего довела ее эта мерзкая клика.

[2]) Полкъ, расквартированный по деревнямъ какого-либо уѣзда съ полковымъ штабомъ въ уѣздномъ городѣ—считался на широкихъ квартирахъ.

скаго корпуса, гдѣ жизнь можно было изучать только по книгамъ и при томъ съ лучшей ея стороны, дѣйствительность сразу разнилась отъ того, что я полагалъ встрѣтить. Я не нашелъ ничего, о чемъ я мечталъ, и не удивительно, если принять въ соображеніе, замкнутую жизнь въ корпусѣ. И люди, и обстановка ихъ жизни совсѣмъ не подходили къ тому, что я видѣлъ до сего времени. Все это было для меня ново и совсѣмъ незнакомо. Даже языкъ населенія былъ какъ будто не тотъ, какимъ меня научили говорить въ корпусѣ.

Скоро, однако, я ознакомился съ полковыми товарищами и вошелъ въ колею полковой жизни. Штабные офицеры нашего полка были, большею частью, „старой службы служивые люди“, стараго закала, но, тѣмъ не менѣе, люди очень хорошіе. Жизнь, которую они вели, мнѣ, однако, не нравилась. Безпрестанные званые обѣды, вечера, выѣзды къ окрестнымъ помѣщикамъ, и все одна и та же толчея шла постоянно, неизмѣнно съ утра до вечера и съ вечера до утра. И это дѣлалось серьезно, не шумя, объ этомъ заботились, говорили, будто такъ и должно быть, будто въ этомъ состояла жизнь. Я спрашивалъ моихъ сослуживцевъ—„и это все?“ Мнѣ отвѣчали—„чего же тебѣ еще нужно? Развѣ мало? А вотъ обожди, скоро упекутъ тебя въ деревню, тамъ будетъ другое, но врядъ ли тебѣ это понравится“.

Ни въ городѣ, ни въ полку не было библіотеки, а отъ частныхъ лицъ достать книгъ было невозможно, ихъ тоже ни у кого не было. Изъ числа десяти штабныхъ офицеровъ одинъ только выписывалъ газету, а къ полковому командиру какимъ-то чудомъ затесался журналъ „Атеней“ за 1858 г., издаваемый Коршемъ. Это объясняется тѣмъ, что старые офицеры читать не любили, какъ, вообще, не любило въ то время читать и все образованное русское общество, молодые же офицеры, любившіе читать, при штабѣ не состояли, а распредѣлены были по ротамъ, по деревнямъ.

И мнѣ не долго пришлось пожить въ Муромѣ. Меня командировали въ село Бутылицы, Меленковскаго уѣзда, гдѣ была расположена та рота, въ которую меня зачислили.

Бутылицы—сплошь были заселены старообрядцами. Въ селѣ была православная церковь, но она, даже въ большіе праздники,—пустовала.

Хотя то время было самымъ тяжелымъ временемъ гоненій на старообрядцевъ всѣхъ толковъ, крестьяне села Бутылицы не испытывали этого. За извѣстную мзду съ души приходскому священнику и консисторіи—старообрядцы села числились по спискамъ всѣ православными и аттестовались примѣрными исполнителями обрядовъ православной церкви. Батюшка разсуждалъ такъ: „и имъ спокойно, и мнѣ

Историческая Библиотека

хорошо; начнемъ съ ними канителиться,—съ голоду помремъ". И по-моему батюшка разсуждалъ правильно.

Здѣсь, въ Бутылицахъ, я впервые узналъ о старообрядцахъ. Въ корпусѣ намъ твердили, что русскій народъ весь исповѣдуетъ православіе. Тутъ такъ же я узналъ и о гоненіяхъ на сектантовъ, до того я былъ увѣренъ, что въ Россіи полная свобода совѣсти. Отъ Спиридона Пафнутьева, главнаго начетчика бутылицкихъ старообрядцевъ, я услышалъ, что гоненія на старообрядцевъ—ужасны, и впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что это правда. Пафнутьевъ мнѣ разсказывалъ, что гоненія особенно усилились съ конца царствованія императора Александра I-го. Въ началѣ своего царствованія императоръ обнаруживалъ полную вѣротерпимость. Онъ говорилъ духоборамъ: „я вашъ заступникъ". Въ послѣдніе же годы его царствованія, когда вошелъ въ силу Фотій, начались гоненія противъ всѣхъ, кто хотѣлъ вѣрить по-своему. Этотъ ограниченный фанатикъ, сынъ деревенскаго дьячка, властно вошелъ во дворецъ и подчинилъ себѣ волю умнѣйшаго и образованнѣйшаго человѣка своего времени. Пользуясь набожностью царя, онъ отуманилъ его, заговорилъ о соблазнахъ, объ искушеніяхъ, заставлялъ клапяться себѣ въ ноги: „не человѣку, но Богу въ лицѣ человѣка" [1]).

Ротнымъ командиромъ нашей роты былъ выслуженный изъ рядовыхъ, польскій дворянинъ, сданный по конскрипціи капитанъ Ѳома Матвѣевичъ К*. Солдаты его любили. Онъ былъ изъ числа тѣхъ отцовъ командировъ, про которыхъ сложилась пѣсня: „онъ за дѣло хвалитъ и за дѣло бьетъ" и, вѣроятно, умѣлъ сохранить равновѣсіе между тѣмъ и другимъ, что въ то драчливое время, когда и хвалили-то кулакомъ, мало кому удавалось. Старшій офицеръ, послѣ ротнаго командира, шт.-кап. I*, высокій статный мужчина, любилъ франтовато одѣваться, на всѣхъ почти пальцахъ носилъ кольца, и ходокъ былъ по женскимъ дѣламъ. Разсказы его о своихъ похожденіяхъ въ крымскую войну и о томъ, какъ онъ нажилъ тамъ деньги, были до того циничны, что они возмущали меня. Онъ напр., разсказывалъ, что, завѣдуя похоронным паркомъ какого-то отряда подъ Севастополемъ, имѣлъ лишь въ наличности нѣсколько гробовъ и нѣсколько савановъ, между тѣмъ, какъ казна отпускала на каждаго умершаго на похороны значительную сумму. Какъ онъ обходился этимъ количествомъ гробовъ и савановъ—это уже его тайна. Разсказывалъ онъ и много другихъ и своихъ и чужихъ продѣлокъ, практиковавшихся въ то безцеремонное время, но не стоитъ объ этомъ и вспоминать. Обижен-

[1]) Начетчикъ Пафнутьевъ былъ очень умный старикъ, всѣ его уважали и слушали, тѣмъ не менѣе къ концу моего пребыванія въ Бутылицахъ, по доносу мѣстнаго исправника консисторіи, онъ былъ сначала заключенъ въ тюрьму въ г. Меленкахъ, а потомъ сосланъ въ какой-то монастырь,—гдѣ вскорѣ умеръ.

ный солдатъ давно уже покрылъ славой этотъ позоръ своего начальства.

Кромѣ этого печальнаго героя крымской войны, были еще въ ротѣ два субалтерна, оба недавно вышедшіе изъ корпуса, чрезвычайно добрые и милые юноши.

Нашъ ротный командиръ любилъ очень много говорить и, само собою разумѣется, что намъ приходилось его слушать. Разсказы его, какъ человѣка бывалаго, могли бы быть очень интересны, но онъ ихъ такъ скучно передавалъ, такъ мямлилъ и тянулъ, что мы, наконецъ, теряли терпѣніе и рѣшились какимъ-нибудь образомъ отъ этихъ его нескончаемыхъ повѣствованій избавиться. Онъ былъ очень тученъ и боялся удара. Мы этимъ воспользовались и просили нашего баталіоннаго доктора, которому онъ вѣрилъ, чтобы докторъ посовѣтовалъ ему, для сохраненія его здоровья какъ можно раньше ложиться спать и какъ можно меньше говорить. Какъ ему ни было трудно исполнить совѣты доктора, онъ исполнялъ ихъ съ полною аккуратностью и этимъ хоть отчасти избавилъ насъ отъ обязанности слушать его разсказы, часто за полночь.

Въ томъ, что ротный командиръ рано ложился спать, была еще и другая для насъ выгода.

По сосѣдству съ селомъ Бутылицы жило очень много помѣщиковъ, къ которымъ мы ѣздили въ гости. Чаще всѣхъ, однако, мы бывали въ семействѣ Т., людей зажиточныхъ, съ привлекательнымъ магнитомъ въ видѣ трехъ очень хорошенькихъ дочерей. За старшей изъ нихъ нашъ ротный ухаживалъ. Нѣкоторое время, повидимому, онъ охотно видѣлъ насъ въ своей компаніи, когда мы бывали, но скоро однако, надо полагать, струсилъ и, боясь, чтобы кто-нибудь изъ насъ не подпустилъ ему, какъ говорили тогда въ полку, брандера, всякій разъ какъ собирался въ гости къ Т., чтобы избавиться отъ нашей компаніи, давалъ намъ различныя порученія по службѣ.

Въ то счастливое время военная служба особенно для офицеровъ, даже въ лѣтнее время, была не трудная, а зимою мы ровно ничего не дѣлали, и тѣмъ не менѣе нашему ротному командиру удавалось изобрѣтать для насъ разныя служебныя порученія, такъ что мы не могли по цѣлымъ недѣлямъ бывать у Т., и вотъ, какъ только по совѣту доктора ротный сталъ рано ложиться спать, наши служебныя командировки покончились, и мы, почти ежедневно, стали снова ѣздить къ Т.

Что касается меня, то ротный командиръ К* напрасно боялся моей конкурренціи его сердечнымъ дѣламъ. Я былъ еще такъ молодъ, мечталъ о поступленіи въ военную академію, хотѣлъ учиться, что мнѣ и въ голову не приходили не только матримоніальныя затѣи,

но даже и легкія ухаживанія. Если я бывалъ у сосѣднихъ помѣщиковъ, посѣщалъ семьи священниковъ, зажиточныхъ крестьянъ, присутствовалъ на престольныхъ праздникахъ ближайшихъ деревень, проживалъ по нѣсколько дней въ окрестныхъ монастыряхъ,—вездѣ я искалъ другаго интереса. Мнѣ хотѣлось ознакомиться съ бытомъ русскихъ помѣщиковъ и духовенства и съ настоящею мужицкою жизнью, о чемъ я никакого понятія не имѣлъ. Мнѣ любопытно было все это знать, чтобы имѣть возможность сравнить эту жизнь съ жизнью крестьянъ польскаго и литовскаго края, а главное съ отношеніями пановъ къ хлопамъ, о чемъ мнѣ приходилось читать и слышать всевозможные ужасы и безобразіе, щедро распространяемые въ русскомъ обществѣ. Отзывы эти поражали меня и будоражили мою совѣсть и мое національное самолюбіе. Я ставилъ себѣ такой вопросъ: неужели въ самомъ дѣлѣ польское культурное общество пало такъ низко, неужели оно стояло ниже русскаго общества и дѣйствительно заслуживало той исторической кары, которая постигла его? Или, быть можетъ, русское общественное мнѣніе, имѣя полный просторъ для самыхъ чудовищныхъ инсинуацій и измышленій, никѣмъ не оспариваемыхъ, не заботясь о провѣркѣ фактовъ, слагалось во вредъ полякамъ только подъ вліяніемъ политическаго озлобленія, а слѣдовательно было преувеличено. Послѣднее предположеніе было тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что мнѣ, до нѣкоторой степени, было уже въ то время извѣстно, что русскій, даже образованный человѣкъ, относясь снисходительно ко всему, что происходитъ у него дома, какъ бы это безобразно ни было, какъ будто русскому человѣку все простительно, все можно и все-то онъ дѣлаетъ хорошо, въ то же время чрезмѣрно строго и сурово относится къ другой національности, какъ будто русскому народу дана кѣмъ-то особая привилегія—все дурное у себя считать хорошимъ, а, по крайней мѣрѣ, осуждая же дурное у другихъ,—забывать, что совершенно такое же зло и еще въ большей степени было у себя. Такая строгая и несправедливая оцѣнка всегда особенно ярко выражалась, если это касалось поляковъ.

Возражать голословно на нападки русскаго общества, на общественные недостатки и грѣхи польскаго культурнаго общества не достигало бы цѣли, и поэтому я рѣшилъ употребить все свое умѣніе, всѣ свои молодыя силы на то, чтобы, ознакомившись съ русскою жизнью, во всѣхъ ея общественныхъ слояхъ [1]), дать себѣ добросовѣстные отвѣты на тѣ обвиненія, которыя безпокоили мою совѣсть и мучили мое самолюбіе.

---

[1]) И сравнивая жизнь русскаго культурнаго общества съ такою же жизнью въ Польшѣ и Литвѣ.

Въ характерѣ русскаго купечества того времени было два пятна: невѣжество и недостатокъ честности. Огромное большинство купцовъ не обладало даже элементарными началами образованія. Я зналъ такихъ, и это гораздо позднѣе описываемаго мною времени, которые совсѣмъ не знали грамотѣ и вели свои счеты на биркахъ.

Обмѣръ и обвѣсъ былъ повсемѣстенъ. О торговлѣ на европейскій ладъ и понятія не имѣли. Банковъ не существовало. Не только въ дѣлахъ торговыхъ, но и вообще во всѣхъ вопросахъ житейскихъ и нравственныхъ, тогдашнее купечество было очень снисходительно въ своихъ сужденіяхъ и расположено было восхищаться ловкостью человѣка, хотя бы не всегда честнаго, особенно, если онъ при этомъ наживалъ деньги. Я не имѣю намѣренія утверждать, что эти отрицательныя свойства русскаго купечества составляютъ особенность русскаго характера; въ настоящее время немыслимо уже допустить возможность такого, напр., факта, какой былъ въ 1860 г., когда императоръ Александръ II не принялъ хлѣба и соли отъ нижегородскаго ярмарочнаго купечества за то, что при продажѣ огромной партіи холстины калмыцкимъ инородцамъ холстъ этотъ, для увеличенія его вѣса, былъ пропитанъ не клейстеромъ (аппретурой), а толстымъ слоемъ извести, отчего, при носкѣ, на тѣлѣ образовывалась сначала сыпь, а затѣмъ язвы [1]).

Купечество того времени, почти все, придерживалось старины, даже въ одеждѣ. Петръ Іоновичъ Губонинъ, котораго знала не только вся Россія, но и вся финансовая Европа, строитель самыхъ большихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, статскій совѣтникъ, никогда не носилъ, даже представляясь государю, другаго костюма, какъ длиннополый купеческій кафтанъ, что, кстати сказать, придавало ему какое-то спокойное достоинство, составлявшее пріятный контрастъ съ тѣми его прихлебателями, которые были всегда одѣты по послѣдней модѣ и отъ самыхъ дорогихъ портныхъ; это не мѣшало, однако, Губонину и его женѣ Маринѣ Севастьяновнѣ въ грошъ ихъ не ставить. Губонинъ былъ человѣкъ высокомѣрный и подчасъ дерзкій. Я помню такой случай. На одномъ танцовальномъ вечерѣ у Губонина, которые онъ часто устраивалъ въ своихъ Московскихъ палатахъ, въ Татарской, для служащей у него молодежи, и Марина Севастьяновна, женщина простая, но умная, также недолюбливающая оравы прихлебателей своего мужа, которыхъ она безъ церемоніи называла или „наши молодцы“, или „наши полотеры“, замѣтивъ, что одинъ изъ нихъ, нѣкто К*, не танцуетъ, обратилась къ нему съ такимъ предложеніемъ: „а ты,

---

[1]) Калмыки, киргизы, и вообще среднеазіатскіе народы полотна, ситцы и др. подобные товары покупали въ то время на вѣсъ, а не на аршины.

голубчикъ, если не хочешь плясать, потѣшилъ бы меня и Петрушу и прошелся бы на четверинкахъ по залѣ". К*., несмотря на то, что былъ въ мундирѣ и съ ученымъ знакомъ на груди, исполнилъ просьбу М. С. и при общемъ „браво" гостей прошелся на четверинкахъ изъ одного конца обширнаго Губонинскаго зала въ другой. Сдѣлалъ это онъ не даромъ. Черезъ нѣкоторое время К* получилъ высшее назначеніе на одной изъ губонинскихъ дорогъ. И съ тѣхъ поръ этотъ жалкій человѣчекъ все шагалъ выше и выше, потершись двадцать лѣтъ около тугой мошны Губонина, сталъ ворочать милліонами, сдѣлался вершителемъ судебъ обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ и считался способнѣйшимъ желѣзнодорожнымъ дѣльцомъ, пока, наконецъ, не довелъ управляемыхъ имъ дорогъ до разоренія, а самъ при этомъ нагрѣлъ руки, доведя свое состояніе свыше милліона рублей.

Вообще купцы любили окружать себя всякаго рода прихвостнями изъ разныхъ сферъ общества до генераловъ включительно. Дѣлали они это не изъ какихъ-либо разсчетовъ, а просто изъ удовольствія видѣть у себя чиновныхъ и титулованныхъ гостей и тѣмъ возвысить свое значеніе среди собратьевъ. Они кормили и поили ихъ до отвала и изрѣдка снабжали деньгами, конечно безъ надежды получить ихъ обратно.

Въ Муромѣ я зналъ купца П*. Большую часть года проживалъ онъ въ большомъ торговомъ селѣ Рожествено, неподалеку отъ Мурома. Это былъ человѣкъ почти неграмотный, но чрезвычайно богатый. На счетъ происхожденія его богатства ходили разные слухи, но я повторять ихъ не буду. Домъ П. въ селѣ Рожественѣ выглядѣлъ прямо дворцомъ. Зданія въ нѣсколько этажей изъ краснаго кирпича, со складами и службами, составляли почти цѣлый кварталъ. Въ обширномъ этомъ домѣ всѣ полы были паркетные; дворцовыхъ размѣровъ, громадный залъ въ два свѣта съ хорами, въ немъ роскошный плафонъ очень художественной работы какого-то ссыльнаго поляка, огромныя зеркала, дорогіе канделябры, малахитовые столы, два фортепіано Эрара, очень дорогая мебель и тяжелыя драпировки. Войдя въ эти роскошныя комнаты, сразу видно было, что онѣ не предназначались для повседневнаго жилья. Строгая симметричность, какой-то особенный отпечатокъ неодушевленности, свойственный нежилымъ помѣщеніямъ, показывали, что все стоитъ точно такъ, какъ было установлено драпировщиками и мебельщиками. Эти парадныя комнаты открывались для торжественныхъ случаевъ; въ пріѣздъ губернатора, въ именины хозяевъ и вообще не больше трехъ-четырехъ разъ въ году, въ остальное же время хозяева съ семьей жили въ нижнемъ этажѣ, въ грязныхъ комнатахъ, пропитанныхъ запахомъ постной кухни, меблированныхъ крайне простою и дешевой мебелью.

Во Владимірской и Ярославской губерніяхъ такихъ купеческихъ палатъ можно было встрѣтить чуть ли не въ каждомъ большомъ селѣ.

Въ то время, когда дворянству и купечеству жилось привольно и въ довольствѣ, православное духовенство и особенно сельское, чувствовало себя скверно и странно, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ было сплошное православное населеніе.

Я бывалъ въ семьяхъ многихъ священниковъ и повсюду встрѣчалъ жизнь, граничащую съ нищетою. Только тамъ духовенству жилось нѣсколько получше, гдѣ большинство населенія въ приходѣ было старообрядческое. Въ то время все великорусское населеніе оффиціально числилось православнымъ, сектантовъ и старообрядцевъ не полагалось, а между тѣмъ ихъ было много и, чтобы духовенство не притѣсняло исповѣдующихъ „старую вѣру“, не заставляло ихъ ходить въ церковь, крестить дѣтей, вѣнчаться, говѣть и хоронить по православному обряду—за все за это ему платили. Выкупъ этотъ, говоря по совѣсти, не былъ особенно великъ, но для деревенскаго бѣднаго священника, обремененнаго семьей, такая помощь была чуть ли не кладомъ. На однихъ православныхъ прихожанъ надежда была очень плохая, свое духовенство они обезпечивали крайне скупо.

Несмотря на возможность старообрядцамъ откупаться за сохраненіе своей вѣры, гоненіе на нихъ въ описываемое мною время было ужасное; оно совпало съ гоненіемъ на уніатовъ, не желающихъ воссоединиться съ православіемъ. Мало кому изъ русскихъ извѣстна эта печальная уніатская исторія безумнаго своеволія и насилія надъ совѣстью и церковно-полицейскихъ безобразій. Много пролилось крови и слезъ, много было перенесено ужасныхъ мукъ. Потрясающія драмы разыгрывались подъ бѣдной кровлей бѣлорусскаго мужика.

Громадное большинство „упорствующихъ“ не исповѣдывалось, не крестилось, жили безъ брака и хоронили своихъ покойниковъ безъ участія духовенства болѣе сорока лѣтъ, такъ какъ ксендзы отказывались преподавать требы, боясь строгаго наказанія, а уніатскихъ поповъ не было.

Послѣ перваго указа императора Николая I въ 1835 г. о возсоединеніи уніатовъ съ православіемъ, гоненія на упорствующихъ, которыя были одинаково жестоки какъ и послѣ втораго указа 1862—1863 г., но они какъ-то скоро прекратились, а по крайней мѣрѣ смягчились. Происходило это оттого, что тогдашнее духовенство православное Западнаго края, бывшее раньше уніатское и возсоединившееся съ православіемъ больше по принужденію, чѣмъ по доброй волѣ, по развитію своему стояло несравненно выше русскаго православнаго духовенства и естественно не желало принимать активнаго участія

въ преслѣдованіяхъ бывшихъ своихъ единовѣрцевъ, несмотря на безпощадное къ нимъ отношеніе виленскаго митрополита Іосифа Сымашко, главнаго иниціатора возсоединенія уніи съ православіемъ. Кромѣ того, литовскіе чиновники того времени, почти сплошь поляки-католики, исполняли по отношенію уніатовъ распоряженія церковно-полицейскаго высшаго начальства со всевозможными послабленіями и снисхожденіемъ.

Съ 1863 г., когда стали обращать уніатовъ въ православіе, въ Царствѣ Польскомъ гоненія на упорствующихъ дошли, благодаря поддержѣ духовенства, выписаннаго въ Польшу изъ Россіи, и русскихъ чиновниковъ—до полнаго ужаса и смягчены они были только благодаря нынѣ царствующему государю.

И со старообрядцами тоже не церемонились. Ихъ преслѣдовали едва-ли не хуже, чѣмъ уніатовъ, преслѣдовали безъ отдыха и безъ всякой жалости. У нихъ заступниковъ не было, развѣ только деньги. До восьмидесятаго года тюрьмы были ими переполнены. Въ Москвѣ, въ преображенской тюрьмѣ, содержащихся за „вѣру“ (такъ обыкновенно отвѣчали старовѣры, когда ихъ опрашивали, за что они заключены), было до тысячи человѣкъ. Я не преувеличиваю. Мнѣ это извѣстно было хорошо, такъ какъ мнѣ неоднократно приходилось занимать караулы въ этой тюрьмѣ и въ качествѣ начальника караула производить арестованнымъ перекличку.

И администрація, и духовенство пользовались при каждомъ удобномъ случаѣ несчастнымъ положеніемъ сектантовъ, и тѣ и другіе наживались.

Вотъ совершенно достовѣрный фактъ.

Смотритель одной тюрьмы, гдѣ также содержались старовѣры, носящій громкую фамилію, замѣтивъ вѣроятно, что во время моихъ дежурствъ въ этой тюрьмѣ я неоднократно выражалъ сочувствіе несчастнымъ заключеннымъ, страдающимъ за привязанность къ вѣрѣ отцовъ—сдѣлалъ мнѣ однажды предложеніе не препятствовать пропуску въ камеры тюрьмы для совершенія требъ и моленій старообрядческаго архіерея, за что предлагалъ мнѣ въ видѣ подарка золотые часы.

Я подарка не принялъ, но свое согласіе на пропускъ далъ, не находя по совѣсти въ своемъ поступкѣ ничего предосудительнаго, и если бы я за это отвѣчалъ передъ закономъ, то передъ Богомъ не только бы не отвѣтилъ, но Онъ, я вѣрю, зачислилъ бы мнѣ это въ заслугу.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ знакомиться съ русской литературой, всѣ безусловно нападали на взяточничество и на взятки. Не похвалю и я такого порядка. Но, когда только посредствомъ взятки

въ то темное и безправное время можно было человѣку честному добиться правды и облегченія невинному его страданій, я благословляю существованіе этого способа обороны.

Несомнѣнно, взятка дѣлала много зла, но по тому времени она неизмѣримо больше дѣлала для безправнаго общества и добра. Какъ ужасно было бы существованіе общества при томъ строѣ русской жизни, какой былъ до реформъ императора Александра II, если бы никто не хотѣлъ дѣлать уступокъ, если бы и служители администраціи, и представители закона и служители церкви твердо и неуклонно исполняли волю властей, хотя бы это было даже противно ихъ совѣсти.

Это въ конецъ убило бы въ людяхъ все доброе, все честное.

Когда жизнь регламентируется не только закономъ, но и произволомъ высшихъ и низшихъ органовъ правительства, и каждый человѣкъ на каждомъ шагу можетъ быть лишенъ чести и свободы по усмотрѣнію какого-либо самодура,—существованіе взятки было спасительно, и русскому человѣку особенно пенять на это зло не слѣдовало. Взятка выручала его на каждомъ шагу, и въ то ужасное время она была его конституціей, единственной его защитницей.

Часто она выручаетъ насъ и теперь, и вотъ относительно не совсѣмъ отдаленный примѣръ.

Лѣтъ 15 тому назадъ я поѣхалъ на лѣто съ семьей изъ Саратова, гдѣ я служилъ, въ одну изъ губерній Сѣверо-Западнаго края. Для обученія моей малолѣтней дочери, я пригласилъ гувернантку-польку, съ дипломомъ, окончившую курсъ педагогическихъ курсовъ гимназіи, считая, что имѣю на это право, да мнѣ и въ голову не приходило, что можетъ быть въ русскомъ государствѣ такой уголъ, а не то цѣлый край, гдѣ, по усмотрѣнію генералъ-губернатора, гувернатку-польку держать въ польской семьѣ воспрещается, а равно воспрещается учить по польскимъ учебникамъ, изданнымъ при этомъ въ Россіи подъ строгой цензурой.

Гувернантка оказалась вполнѣ свѣдущая и съ прекрасными педагогическими пріемами, такъ что дочь моя въ короткій промежутокъ времени подъ ея руководствомъ сдѣлала большіе успѣхи, между прочимъ и въ знаніи русскаго языка.

Въ одинъ прекрасный день, совершенно неожиданно является ко мнѣ въ усадьбу становой съ урядникомъ, но безъ понятыхъ. Спрашиваетъ меня, гувернантку, всю прислугу, дѣлаютъ обыскъ въ учебной комнатѣ, отбираютъ польскіе учебники и въ концѣ-концовъ объявляютъ мнѣ, что на основаніи распоряженія генералъ-губернатора Оржевскаго я долженъ немедленно удалить отъ себя гувернантку, польскіе же учебники подлежатъ конфискаціи. За неисполненіе же

обязательнаго распоряженія генералъ-губернатора я и гувернантка будемъ привлечены къ „законной“ административной отвѣтственности.

Когда я немного оправился отъ поразившей меня неожиданности, въ моей головѣ родилась мысль, не мистификація ли это, не самозванецъ ли этотъ становой, не хочетъ ли онъ меня напугать и этимъ путемъ сорвать съ меня обывательскую дань? Но, къ счастію, становой оказался Щедринскій; милый, пріятный, изъ образованныхъ, бывшій полякъ, но лѣтъ пять передъ тѣмъ обратившійся въ исконирусскаго человѣка. Когда онъ замѣтилъ, что я сомнѣваюсь, онъ вѣжливо вынулъ изъ портфеля какую-то печатную бумаженку и показалъ мнѣ циркуляръ генералъ-губернатора; мнѣ ничего больше не оставалось, какъ покориться этому спеціальному закону для польскихъ гражданъ Западнаго края. Но когда я сталъ излагать передъ становымъ трудность моего положенія въ пріисканіи для дочери моей новой гувернантки русскаго происхожденія, онъ меня скоро понялъ и вошелъ въ мое положеніе. За 50 р. становому и 10 р. уряднику дѣло съ гувернанткой окончилось къ общему удовольствію, и до конца моего пребыванія въ усадьбѣ вопроса этого не возникало, и съ становымъ и урядникомъ я былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и не разъ пользовался ихъ помощью и протекціей.

Тамъ, гдѣ могутъ существовать такія дикія стѣсненія, тамъ всегда люди будутъ изыскивать и способы, какъ ихъ обойти, и всегда найдутся сомнительные исполнители такихъ генералъ-губерваторскихъ фантазій. Объ этомъ генералъ-губернаторы должны помнить.

Еще на школьной скамейкѣ я слышалъ, приходилось и читать, что большинство православнаго духовенства, особенно низшаго, вымогаетъ деньги съ прихожанъ, отказываясь, зачастую, совершать требы, пока не будетъ уплачена требуемая сумма. Мои православные товарищи по корпусу, не стѣсняясь, говорили: „Попъ деретъ и съ живаго и съ мертваго“.

Долгое время этому я не вѣрилъ, можетъ быть, потому, что мнѣ ничего подобнаго не приходилось слышать о духовенствѣ католическомъ, а по крайней мѣрѣ о томъ, которое было у насъ въ Литвѣ. Напротивъ, мнѣ было извѣстно, что оно, какъ среди интеллигенціи края, такъ и среди простаго народа, пользовалось всегда высокимъ почтеніемъ, что, конечно, не могло быть, если бы это духовенство притѣсняло народъ поборами.

Къ прискорбію, я впослѣдствіи убѣдился, что всѣ эти разсказы о православномъ духовенствѣ нисколько не были преувеличены. Доискиваясь причинъ такого ненормальнаго явленія, я пришелъ къ заключенію, что это иначе и быть не могло и что измѣнить такой порядокъ можетъ только коренная реформа духовенства. Матеріальное

положеніе большинства православныхъ священниковъ и остальнаго приходскаго клира и ихъ семей въ описываемое мною время было по истинѣ ужасающее. Нищенское ихъ существованіе, въ сравненіи съ духовенствомъ католическимъ, поражало меня. А между тѣмъ, жить надо было и, прилично сану, воспитывать дѣтей и, въ то же время, оплачивать благочинныхъ, консисторію и т. п. Трудно себѣ представить, какимъ униженіямъ подвергался священникъ, чтобы доставить себѣ и семьѣ своей скудное пропитаніе и необходимыя средства на воспитаніе дѣтей. Я самъ неоднократно видѣлъ, какъ крестьянину, во время обхода священника съ крестомъ на праздникахъ, или во время престольнаго праздника, жаль было каждой горсти ржи, каждаго яйца, которыя надо было ему дать. Иные запирали двери передъ нимъ, какъ бы не находясь дома.

Это меня поразило до крайности, тѣмъ болѣе, что я постоянно слышалъ, что русскій крестьянинъ религіозенъ, и самъ видѣлъ, какъ онъ истово крестится передъ каждымъ образомъ, соблюдаетъ посты, посѣщаетъ церкви; но фактъ остается фактомъ, что своихъ духовныхъ пастырей онъ почитаетъ гораздо меньше, чѣмъ полякъ, литвинъ и жмудинъ.

Такое непочтеніе къ своему духовенству русскаго крестьянина я готовъ объяснить развѣ тѣмъ, что сельское православное духовенство, обремененное въ большинствѣ семьями, было такъ же бѣдно, какъ его паства, что сказать о католическихъ ксендзахъ нельзя, особенно въ описываемое мною время.

Я шатался по чисто русскимъ губерніямъ много лѣтъ, прожилъ долго на Волгѣ и нигдѣ не встрѣчалъ вполнѣ зажиточнаго православнаго сельскаго священника. Несмотря на вѣчную работу около дома и пашни, это была сплошь—бѣднота.

Я хорошо зналъ одного сельскаго священника о. Симеона, приходъ котораго былъ близко г. Нерехты, Костромской губерніи. Хотя это было очень давно, но я и до сихъ поръ еще не забылъ его низенькій домикъ, перешедшій къ нему отъ его тестя, выговорившаго себѣ уголъ въ кухнѣ. О. Симеонъ былъ очень высокаго роста, обстоятельство, повидимому, ничтожное, составляло, однако, крупное пособіе всей его жизни. Когда онъ учился въ семинаріи и проглатывалъ уже премудрость богословскаго класса, его едва не забрили въ солдаты: то было время, когда на учившуюся семинарскую молодежь сами эпархіальные архіереи смотрѣли, какъ на рекрутовъ, пригодныхъ для гвардіи, и семинарскіе классы чуть совсѣмъ не превратились въ рекрутскія присутствія. Въ архивѣ Костромской консисторіи я видѣлъ донесеніе архіерея губернатору въ 1855 г., что изъ числа окончившихъ курсъ семинаріи въ 1855 году можетъ быть взято

въ военную службу 22 человѣка, аттестованныхъ архіереемъ похвально.

О. Симеонъ уже стоялъ передъ архіереемъ и былъ бы отправленъ подъ мѣрку, если бы придерживался чарки и буянилъ, но кроткій нравъ и „смиренство“, засвидѣтельствованные ректоромъ, спасли его отъ лямки и ранца. Когда онъ вышелъ изъ семинаріи, ему задали задачу, съ трудомъ разрѣшимую, искать невѣсты съ мѣстомъ, разумѣется,—священническимъ. Искалъ онъ долго, ходя пѣшкомъ и присаживаясь на облучкѣ у проѣзжихъ мужиковъ, выспрашивалъ и прислушивался и дознался объ одной такой, которая была и безобразна, и перестарокъ, и всѣми женихами была обойдена, и успѣла уже обозлиться на свое долгое дѣвичество и сдѣлалась капризною. Тѣмъ не менѣе, сочетался онъ съ нею бракомъ на тестевъ счетъ и вскорѣ поталкиваемый кулаками въ спину и съ трудомъ изгибаясь услышалъ надъ своею головою великое слово „аксіосъ“.

Мужики того села, гдѣ священствовалъ о. Семеонъ, хвастались передъ сосѣдями, что о. Симеонъ „попъ смирный, курицы не обидитъ, не взыскателенъ“, что была совершенная правда. Онъ самъ ничего отъ мужиковъ не требовалъ, а прихожане забыли его совсѣмъ. Я жилъ около полугода въ этомъ селѣ и, зная бѣдность о. Симеона, часто упрекалъ крестьянъ, что они забываютъ своего батюшку, но они отвѣчали мнѣ: „когда батюшка самъ ѣсть не проситъ, значитъ—сытъ, намъ напрашиваться нечего“, а когда я передалъ объ этомъ о. Симеону, онъ мнѣ отвѣтилъ:

— „Я по евангельскому слову живу, не заботясь о завтрашнемъ днѣ“.

На немъ былъ всегда одинъ и тотъ же нанковый, подержанный подрясникъ, подпоясанный широкимъ соловецкимъ ремнемъ, съ желѣзной петлей, подареннымъ ему проходившимъ богомольцемъ, котораго онъ накормилъ щами и кашей. Поверхъ подрясника носилъ онъ рясу изъ самой грубой домотканной крестьянской сермяги. О. Симеонъ былъ человѣкъ молчаливый, съ угловатыми манерами, съ робкимъ взглядомъ и въ высшей степени тихій и смиренный. Я бывалъ у него почти ежедневно и любилъ за его безхитростную и почти евангельскую жизнь. Если бы такому человѣку дать немного больше образованія и обезпечить его существованіе способомъ менѣе оскорбительнымъ, чѣмъ выпрашивать чуть ли не каждый кусокъ хлѣба, каждую копѣйку,—какой бы это былъ полезный и достойный служитель христіанской церкви, какой бы это былъ разумный учитель темнаго народа. Но никто объ этомъ не позаботился.

Съ о. Симеономъ я часто ѣздилъ по базарамъ и ярмаркамъ. Покупалъ онъ очень немного, — четвертку чаю, да фунтъ сахару и только всего и то на случай „наѣзда“ о. благочиннаго. Товарищи

знали, что не отъ скупости, а отъ „неизглаголанной“ скудости у о. Симеона и сермяжная ряса на плечахъ, и въ домѣ бѣдно, и часто за душой нѣтъ ни гроша, и вздыхали, когда заходила о немъ рѣчь. Чѣмъ онъ жилъ, онъ и самъ на этотъ мудреный вопросъ не съумѣлъ бы отвѣтить. Одно было всѣмъ извѣстно, что умудрилъ его Господь Богъ на слесарное дѣло и къ „механикѣ“ онъ имѣлъ склонность. Въ Нерехтѣ часы поправлялъ и чистилъ и разъ цѣлый органъ исправилъ у одного помѣщика. Для мужиковъ чинилъ ружья и исправлялъ вѣтряныя мельницы. Слесарныя работы и починка часовъ увеличивали временно количество мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ, но бѣды и нужды далеко не предотвращали.

Сколько такихъ полунищихъ служителей церкви было въ то время на Руси!

А что стоили такимъ бѣднымъ сельскимъ священникамъ проѣзды архіереевъ по эпархіи. Нужно было ублаготворить и о. протодіакона, и о. иподіакона, и лакея келейника, и пѣвчихъ. Архіерейскій поваръ и тотъ въ каждую поѣздку привозилъ домой не малое количество ассигнацій, собранныхъ отъ сельскихъ попадей.

Кромѣ бѣдности, положеніе сельскаго духовенства ухудшалось еще отношеніями къ нему помѣщиковъ, которые, въ то еще время, не отличали „поповъ“ отъ крѣпостныхъ, несмотря на то, что изъ числа сельскаго духовенства я зналъ пастырей достойныхъ полнаго уваженія. Ихъ отношенія къ своимъ прихожанамъ были добрыя, они старались честно исполнять свои обязанности и, несмотря на крайнюю скудость своихъ средствъ, давали своимъ дѣтямъ хорошее образованіе, такъ что многіе изъ нихъ играютъ выдающуюся роль и въ наукѣ, и на поприщѣ государственной службы.

Чтобы закончить мой очеркъ о положеніи сельскаго православнаго духовенства въ Россіи въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, я позволю себѣ воспроизвести чрезвычайно яркую и въ то же время правдивую картину, характеризующую бытъ этого духовенства, нарисованную А. И. Левитовымъ въ его автобіографіи „Мое дѣтство“.

Вотъ что онъ тамъ пишетъ:

На другой день, послѣ выдержанія мною экзамена въ семинаріи, мы съ отцомъ (отецъ А. И. Левитова былъ сельскій священникъ) встали еще до свѣту, и онъ, собираясь въ дорогу, сталъ говорить мнѣ съ искренними слезами, такъ что всего его лихорадка била, чтобы я какъ можно старался учиться получше. „Богъ дастъ, — говорилъ отецъ, — окончишь курсъ, поступишь въ попы, такъ, по крайности, поможешь сестрамъ въ честное замужество выйти. Не кончишь — шабашъ! Сестры твои пинки откроютъ, мы съ матерью побираться

пойдемъ, потому мы къ тому времени всѣ жилы изъ себя повымотаемъ".

Потомъ я проводилъ отца до заставы. Было холодно и дождь лилъ, какъ изъ ведра. Около заставы стоялъ кабакъ, мы вошли въ него. Тамъ горѣла тускло сальная свѣча и сидѣли мужики съ красными задумчивыми лицами. Отецъ вынулъ изъ-за пазухи кошель и всѣ деньги высыпалъ мнѣ. Въ кошелькѣ оказалось три серебряныхъ цѣлковыхъ и гривенъ шесть мѣдныхъ.

— Вотъ,—говоритъ, — тебѣ до Рождества. Кормись. А за квартиру самъ заплачу, когда за тобой пріѣду брать тебя на Рождество.

Я сталъ говорить ему, чтобы онъ взялъ у меня цѣлковый, но онъ отказался отъ рубля и отсчиталъ себѣ только три гривенника, изъ которыхъ одинъ тутъ же и пропилъ. Я спросилъ его: „какъ же ты съ двугривеннымъ полтораста верстъ пройдешь? Что ѣсть будешь?— Ничего, какъ-нибудь пройду. Притворюсь дежурнымъ изъ консисторіи, попадьи, надо полагать, кормить будутъ... Дай-ка мнѣ еще гривенникъ, я выпью". Я далъ ему гривенникъ, и онъ выпилъ. Выпивши, обнялъ онъ меня, заплакалъ и, рыдаючи, сказалъ: „Несчастные мы! Несчастнѣе насъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ никого... Всю жизнь, всю жизнь-жизненскую майся безъ отдыха. Отовсюду за тобой голодъ и холодъ, насмѣшки паскудныя, брань мерзкая и ничего не подѣлаешь, никакими средствами не вылѣзешь... Кабы не вы, ребята,—засѣлъ бы я въ любомъ кабакѣ и поколѣлъ бы тамъ.—Ну, прощай! Да будетъ воля Господня! Смотри же, другъ, учись, старайся! Выручай!.."

Отецъ пошелъ...

Если провести параллель между сельскимъ духовенствомъ въ Россіи католическимъ и православнымъ, то въ описываемое время разница выйдетъ очень большая въ пользу духовенства католическаго. Польскіе и литовскіе ксендзы были по большей части все люди зажиточные и прекрасно образованные. Они умѣло вели свои дѣла по управленію приходами и оказывали большія услуги дѣлу образованія юношества. Доминиканцы и піоры имѣли образцовыя школы, даже базиліанскія школы, принадлежащія уніатскому духовенству, стояли на высотѣ въ дѣлѣ воспитанія юношества. Изъ соображеній политическихъ, всѣ эти школы давно уже закрыты и культура края отъ этого много потеряла. Ничего подобнаго мы не видимъ въ періодъ того же времени среди духовенства православнаго, монашествующаго [1]). Естественно, за такіе полезные труды католическаго

[1]) Обиліе монастырей и монаховъ въ Россіи—хоть отбавляй. Монашествующее духовенство живетъ и богато, и привольно, но нужно отдать ему справедли-

духовенства и интеллигенція края и помѣщики, а въ свою очередь и крестьяне не только не игнорировали католическаго и уніатскаго духовенства, но относились къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ. Даже новое, православное духовенство, перешедши, послѣ 1835 г., изъ уніи въ православіе, будучи высокообразованно и сохраняя съ мѣстнымъ населеніемъ прежнюю связь, часто даже родственную, пользовалось попрежнему общимъ уваженіемъ всего народонаселенія. Прихожане и помѣщики, несмотря на разницу религіи, не закрывали передъ ними дверей своихъ жилищъ, а, напротивъ, рады были подѣлиться и съ ними, чѣмъ кто могъ. Впослѣдствіи, въ приходахъ, бывшихъ уніатскими, весь мѣстный клиръ замѣненъ былъ духовенствомъ изъ Великороссіи, и какія теперь существуютъ отношенія—я не знаю, но думаю, что уже не прежнія.

Здѣсь совершенно будетъ у мѣста сказать нѣсколько словъ о значеніи уніи. До уничтоженія уніи въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ не было костела, а была только уніатская церковь и гдѣ народонаселеніе было смѣшанное, въ праздники всѣ, и католики и уніаты, шли въ уніатскій храмъ, забывая разницу вѣроисповѣданія. Здѣсь крестили цѣлыя поколѣнія дѣтей и католиковъ, и уніатовъ, испов'ѣдывали, вѣнчали, хоронили, слушали обѣдню и усердно молились одному Богу. И, наоборотъ, уніаты шли въ костелъ, гдѣ не было уніатской церкви. Правда, крестьяне чувствовали разницу между католической и уніатской вѣрой, но какъ-то поверхностно: первую они называли „панской вірой", вторую „вірой хлопской", но догматической разницы для нихъ не существовало. Всѣ требы, всѣ таинства, какъ для католиковъ, такъ и для уніатовъ были священны, исполнялъ ли ихъ ксендзъ въ костелѣ, или попъ въ церкви. Обращались туда, куда было ближе и кому было удобнѣе. Распѣвали гимны, кто по-польски, кто по-бѣлорусски, всѣ на одинъ мотивъ — выходило и гармонично и всѣмъ понятно. Массы легко усваивали это пѣніе, это было не трудно подъ аккомпаниментъ органа. Эти общія пѣснопѣнія были главнымъ проводникомъ возвышенныхъ началъ христіанскаго единенія. Унія для идеи религіознаго братства была великимъ двигателемъ. Съ обращеніемъ уніатскихъ церквей въ православныя, эти общенародныя пѣнія были запрещены въ церквахъ, католики перестали посѣщать церковную службу православную, какъ совершенно уже чуждую для нихъ, уніа-

---

вость, что опо имѣетъ самое ничтожное вліяніе на общественную жизнь. Быть можетъ, былыя ихъ просвѣтительныя заслуги огромны, но теперь онѣ уже давно былью поросли. Теперь православные монастыри не содержатъ даже школъ грамотности, не обучаютъ крестьянъ вѣрѣ. Крестьяне тоже не знаютъ молитвъ, однимъ словомъ, монастыри ни духовной, ни матеріальной цѣны для народа не представляютъ по крайней мѣрѣ такъ было въ то время, о которомъ я говорю.

тамъ же посѣщеніе костеловъ, куда они охотно шли, было строго запрещено.

Уничтоженіе уніи создало много хлопотъ для поляковъ и вызвало рядъ новыхъ чрезвычайно чувствительныхъ притѣсненій и при томъ совершенно незаконныхъ. Возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ дало право православному духовенству требовать, чтобы дѣти тѣхъ католическихъ родителей, которые были крещены уніатскими священниками, хотя бы даже за долго до акта возсоединенія — числились бы православными, а такихъ было очень много. Не было никакихъ средствъ избавиться отъ такого насилія. Всѣ власти края были, въ этомъ случаѣ, на сторонѣ этой драконовской мѣры. Я зналъ много такихъ польскихъ семей, гдѣ всѣ дѣти были католики и только одинъ, потому что его крестилъ уніатскій священникъ, долженъ быть, волею-неволею, православнымъ и что за симъ слѣдовало—русскимъ. Въ то время было нѣчто въ родѣ аксіомы, что всякій православный долженъ непремѣнно считать себя русскимъ; а, по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ не полякомъ. И, вслѣдствіе этого, выходила въ семьяхъ путаница и религіозная, и національная, тѣмъ болѣе непріятная, что давала право вмѣшиваться въ дѣло семьи и духовенству, и полиціи. Послѣдствія этого были иногда крайне прискорбны. Очень часто бывали случаи, что родители уклонялись исполнять требованія духовенства и полиціи, и за симъ слѣдовала ссылка или тюрьма. Въ доказательство того, до чего доходило преслѣдованіе въ этихъ случаяхъ, я приведу фактъ, бывшій даже здѣсь, въ Петербургѣ, лѣтъ тому тридцать. Одна очень почтенная польская семья уніатскаго вѣроисповѣданія, не присоединившаяся къ православію, но, вѣроятно, числящаяся по спискамъ у полиціи православною, похоронила взрослую свою дочь по католическому обряду и на католическомъ кладбищѣ. Спустя года два послѣ похоронъ, по доносу минской консисторіи семья эта должна была, по настоянію властей, перенести покойницу на православное кладбище, а тотъ католическій священникъ, который хоронилъ, лишенъ былъ прихода. И всѣ эти безобразныя требованія исполнялись безъ протеста, протестовать и жаловаться и некому и некуда.

Уніатскій вопросъ, забытый было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, обострился при виленскомъ диктаторѣ Муравьевѣ. Вновь за унію пошли аресты и ссылки. Достаточно было самой пустой придирки, напр., такой, что кто-нибудь, будучи католикомъ, часто посѣщалъ до возсоединенія уніатскую церковь, или былъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ уніатскимъ священникомъ, чтобы заставляли его принимать православіе, которое, говоря безъ преувеличенія, сдѣлалось для населенія Западняго края прямо страшилищемъ; тѣмъ болѣе,

что Муравьевъ сдѣлалъ распоряженіе провѣрить все населеніе—по метрикамъ и, создалъ для этой цѣли особую коммиссію, которая и до сихъ поръ, кажется, еще не упразднена.

Случались и курьезы, но тѣмъ не менѣе съ плачевнымъ концомъ, другаго конца не полагалось. Въ 1864 г., по распоряженію Муравьева, сослана была въ Казань за участіе въ манифестаціи г-жа С. Мужъ проживалъ въ то время въ Сибири, гдѣ имѣлъ аптеку. Онъ числился православнымъ, такъ какъ происходилъ изъ уніатской семьи, хотя и его семья и семья его жены были издревне поляки. Узнавъ, что жена его сослана, онъ поѣхалъ въ Вильно хлопотать за жену. Разсчитывая на свое православіе, какъ на серьезный козырь, онъ подалъ Муравьеву прошеніе объ освобожденіи жены и отдачѣ ея ему на поруки. На бѣду С. онъ по паспорту и по метрической выписи значился по имени Фердинандомъ, и такимъ именемъ подписалъ свое прошеніе Муравьеву. Муравьевъ считалъ, что всѣ православные должны быть русскими и потому, принимая отъ С. прошеніе, онъ его спросилъ: „какой же вы русскій, когда вы Фердинандъ“, и, не разговаривая больше, приказалъ навести справки о благонадежности С. Когда по справкамъ оказалось, что вся семья С. польская, дѣти имѣютъ польскія имена, вся семья говоритъ по-польски. — Муравьевъ вмѣсто отдачи г. С. его жены на поруки приказалъ заключить самого С. въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ 5 мѣсяцевъ, аптека его пошла прахомъ, что разорило его въ конецъ. Вотъ какими мѣрами воздѣйствія насаждали православіе и увеличивали русскую народность въ Западномъ краѣ.

Теперь уніатскаго вопроса въ Западномъ краѣ пока не существуетъ, но я увѣренъ, что онъ еще всплыветъ на поверхность. Еще много есть людей, оффиціально признанныхъ православными, въ тайнѣ исповѣдующихъ католичество, за невозможностью придерживаться уніи. Если уничтоженіе уніи и такое жестокое глумленіе надъ совѣстью двухмилліоннаго населенія нужно было для какихъ-то политическихъ цѣлей, и что быть можетъ до нѣкоторой степени и достигнуто, то зато на долгое время посѣяна—рознь, между людьми — одного и того же племени, что въ жизни народовъ важнѣе всѣхъ политическихъ соображеній.

Въ русскомъ обществѣ сложилось убѣжденіе, принимаемое большинствомъ за непреложную истину, что въ Россіи православное духовенство вѣротерпимѣе духовенства католическаго. Если этотъ фактъ разсматривать съ точки зрѣнія уставовъ каноническихъ — вопросъ выйдетъ слишкомъ сложный и моему разсужденію не подлежащій, ссылка на инквизицію въ доказательство невѣротерпимости католическаго духовенства выйдетъ также не къ дѣлу, такъ какъ, если не

такая постоянно дѣйствующая, то не менѣе жестокая инквизиція существовала и въ Россіи. Исторія про это знаетъ. Впрочемъ, я беру времена не столь отдаленныя; съ точки зрѣнія обыденныхъ житейскихъ отношеній православное духовенство, въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы православной религіи въ государственномъ значеніи существенно не страдаютъ, быть можетъ, вѣротерпимѣе и, по крайней мѣрѣ, снисходительнѣе и уступчивѣе католическаго. Происходитъ это оттого, что въ большинствѣ случаевъ русское духовенство въ своихъ отношеніяхъ къ паствѣ ограничивалось лишь соблюденіемъ формальныхъ обрядовъ и церемоній, предписываемыхъ церковью и, кромѣ того, оно пользовалось несравненно лучшимъ положеніемъ въ государствѣ, нежели духовенство католическое, что и сама религія православная лучше обезпечена отъ какихъ бы то ни было посягательствъ на нее, къ ея услугамъ и полиція, и всѣ другіе органы правительства. Что можно священнику православному, того нельзя ксендзу, даже и тогда, когда онъ станетъ въ защиту коренныхъ основъ своей религіи. Исторія съ виленскимъ епископомъ Звѣревичемъ въ концѣ прошлаго вѣка вполнѣ оправдываетъ это мое заключеніе, а вѣдь онъ только исполнялъ свою обязанность и присягу, данную имъ передъ государемъ и церковью [1]). Католическое духовенство обвиняютъ въ томъ, что оно, независимо исполненія своихъ религіозныхъ обязанностей, вмѣшивается въ частную жизнь своихъ прихожанъ, вноситъ въ религію политику и на этой почвѣ дѣйствуетъ совѣтами и увѣщаніями. Главный же пунктъ обвиненія заключается въ томъ, что католическое духовенство всѣми мѣрами старается разстраивать браки католиковъ съ православными. Кому извѣстны законоположенія и административныя мѣры по этому вопросу во всѣхъ случаяхъ въ пользу православія и въ ущербъ католичества, того не должны удивлять отношенія католическаго духовенства къ такимъ бракамъ и обвиненіе его безусловно несправедливо. Не нужно издавать такихъ законовъ, которые ставили бы кого-либо въ ложное положеніе и „заставляли дѣйствовать“ противъ совѣсти. Неужели можно требовать отъ католическаго ксендза, чтобы онъ поступалъ въ такихъ случаяхъ индифферентно, когда своимъ вліяніемъ онъ можетъ не допустить до смѣшаннаго брака, ставящаго католиковъ въ какое-то ненормальное, приниженное положеніе. Виноватъ тутъ не ксендзъ, который только исполняетъ свои обязанности, а законъ, ради какихъ-то проблемати-

[1]) Въ 1899 г. епископа Звѣревича сослали въ Тверь за то, что онъ издалъ распоряженіе по эпархіи, чтобы родители не посылали дѣтей-католиковъ въ церковно-приходскія школы, такъ какъ въ этихъ школахъ не разрѣшалось преподавать законъ Божій католическаго обряда, и дѣти, посѣщающія эти школы, совершенно не обучались религіи.

ческихъ политическихъ выгодъ, нарушающій равенство не только христіанскихъ религій, но и равенство гражданъ. Уничтожьте оскорбительный законъ при смѣшанныхъ бракахъ для католиковъ, и ксендзъ противодѣйствовать этимъ бракамъ не только не будетъ, но не будетъ имѣть къ тому никакого основанія.

При болѣе близкомъ знакомствѣ съ исторіею борьбы православія съ расколомъ хваленая вѣротерпимость православнаго духовенства окажется прямо таки миѳомъ. Въ настоящее время, когда во всемъ образованномъ мірѣ свобода совѣсти признана основнымъ закономъ гражданственности повсюду у насъ, въ Россіи, на миссіонерскихъ съѣздахъ даже въ послѣднее время лучшіе представители православнаго духовенства рекомендовали отнимать дѣтей у ихъ родителей—раскольниковъ, если они не воспитываютъ ихъ въ вѣрѣ православной и случаи отбиранія дѣтей бывали неоднократно.

Будучи въ теченіе десяти лѣтъ директоромъ царицынской тюрьмы, въ Саратовской губ. (отъ 1879—1889 г.), я былъ свидѣтелемъ, какъ сотнями проходили черезъ эту тюрьму сектанты, высылаемые на Кавказъ по доносамъ священниковъ. Гдѣ же тутъ вѣротерпимость?

При этомъ удобномъ случаѣ я не могу не высказать нѣкоторыхъ моихъ соображеній, основанныхъ на многолѣтнемъ близкомъ знакомствѣ съ русскимъ народомъ.

Существовало убѣжденіе, что истинно-русскій человѣкъ долженъ быть непремѣнно православный. Въ настоящее время взглядъ такой уже устарѣлъ не только среди интеллигенціи, но и среди народа. Теперь мы видимъ, что секты даже съ протестантскимъ направленіемъ быстро распространяются, очевидно, что неразрывности связи между русскою народностью и православіемъ не существуетъ уже въ народномъ сознаніи. И признаніе свободы совѣсти законодательствомъ стоитъ на очереди. Никакой законъ, никакія кары не заставятъ меня вѣрить такъ, какъ я вѣрить не хочу.

Нѣтъ тѣхъ мрачныхъ красокъ, которыя можно было бы изъять, дѣлая характеристику временъ крѣпостничества. Воспоминанія о томъ, что я видѣлъ, приводили меня въ ужасъ. Нѣтъ того горя, нѣтъ тѣхъ страданій, нѣтъ такого беззаконія, которыя не преслѣдовали русскій народъ, благодаря ужаснымъ условіямъ крѣпостной жизни. Въ моихъ воспоминаніяхъ эти мрачныя картины повседневныхъ страданій лишь изрѣдка смягчались присутствіемъ среди народа характеровъ цѣльныхъ, сильныхъ и вѣрующихъ въ лучшее будущее, на созерцаніи которыхъ отдыхало сердце, измученное зрѣлищемъ горя, слезъ, страданій и вѣчнаго издѣвательства надъ человѣкомъ. Общее впечатлѣніе всего того, что я видѣлъ, было такое, что казалось, что на всей землѣ русской не было угла, гдѣ не слышно было бы стоновъ и не видно

было слезъ. Дѣти и тѣ никогда не веселились. Большинство представляли людей загнанныхъ, забитыхъ, кроткихъ, безсловесныхъ, терпѣливо выносящихъ всѣ невзгоды, обиды и поношенія. Обезличенные и обездоленные, они съ покорностью старались вымолить себѣ у судьбы и у людей право, если не на счастье, то хотя бы на самое горемычное существованіе и одними лишь стонами протестовали противъ рушащихся на нихъ неправдъ и всякаго рода поношеній.

Въ противоположность этимъ кроткимъ страдальцамъ рисуется передо мною рядъ личностей, которыя подъ вліяніемъ тѣхъ же горестныхъ и тяжелыхъ обстоятельствъ доходили до мрачнаго ожесточенія. Это натуры страстныя, хищныя, крутыя, глубоко сосредоточенныя, за каждую обиду старавшіяся отплатить вдесятеро. Въ старину изъ такихъ людей составляли полчища понизовой вольницы, они избирали своими товарищами темный лѣсъ, да булатный мечъ. Въ описываемое мною время такіе люди бродяжничали, подчасъ разбойничали, заливая свою горькую участь зеленымъ виномъ. Въ то время типомъ этихъ послѣднихъ былъ извѣстный на всю Россію „разбойникъ“ Ланцовъ, въ своемъ родѣ Ринальдо-Ринальдини, личность этическая, воспѣтая въ народныхъ пѣсняхъ, слышанныхъ мною еще въ прошломъ году.

Я лично зналъ Ланцова и неоднократно бесѣдовалъ съ нимъ. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ содержался въ московскомъ бутырскомъ тюремномъ замкѣ, въ такъ называемой сѣверной пугачевской башнѣ, закованный въ ручные и ножные кандалы. Меня очень интересовалъ Ланцовъ, и я, будучи въ караулѣ, подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ со мною откровененъ. Ланцовъ въ сравнительно короткій срокъ совершилъ девятнадцать убійствъ, десять разъ бѣгалъ изъ тюрьмы и съ этаповъ, въ томъ числѣ три раза изъ пугачевской башни. Прогнанный четыре раза „сквозь строй“, одинъ разъ черезъ четыре тысячи человѣкъ (это не выдумки), въ 1861 году онъ ожидалъ еще такого же наказанія въ пятый разъ. Когда я входилъ къ Ланцову въ башню (мы входили къ нему всегда безъ оружія, такъ какъ былъ случай, что вошедшаго къ нему солдата онъ убилъ его собственнымъ оружіемъ и бѣжалъ), мнѣ всегда припоминалась извѣстная надпись на воротахъ Дантова ада: „Нѣтъ для тебя больше надежды“.

Ланцовъ былъ крѣпостной извѣстнаго въ свое время крѣпостника и собственника музыкальнаго хора, съ которымъ онъ ѣздилъ даже за границу,—князя Юрія Александровича Голицына, изъ села Самлыковъ, Тамбовской губ., изъ сектантовъ, хорошо грамотный, что на то время было рѣдкостью. Изъ его разсказовъ я заключилъ, что въ юности онъ былъ малый смирный и работящій. Отецъ его занимался

скотоводствомъ и поручалъ сыну сопровождать гурты по скотопрогоннымъ трактамъ на ярмарки. На 21 году управляющій имѣніемъ безъ всякаго основанія сдалъ Ланцова въ солдаты, несмотря на то, что отецъ давалъ за него значительный выкупъ. Это его озлобило. Когда же онъ уже былъ въ полку, онъ случайно узналъ, что, по сдачѣ его въ солдаты, тотъ же управляющій пристроилъ къ себѣ въ любовницы его красавицу-сестру. Не долго думая, онъ бѣжитъ изъ полка и на двадцатый день изъ царства польскаго, гдѣ стоялъ его полкъ, приходитъ въ г. Козловъ.

Тутъ я повторю его подлинный разсказъ:

„Всю дорогу отъ злобы я скрежеталъ зубами и била меня лихорадка. Въ Козловѣ я немного успокоился— отъ Козлова до нашего села было 120 верстъ. Я вышелъ вечеромъ изъ города, шелъ мелкій снѣгъ, и свѣтилъ блѣдный мѣсяцъ. Близость родины, чудная ночь зажгли въ моемъ сердцѣ любовь къ Богу и къ людямъ. Я началъ молиться, но какой-то холодный, неумолимый голосъ говорилъ мнѣ: „О чемъ ты молишь? Сколько ни молись—пощады тебѣ у людей не будетъ.“ Я пересталъ молиться и шелъ. Шелъ, и съ каждымъ шагомъ страшно горѣвшую кровь мою охватывало непреодолимое желаніе мести.

— На третью ночь по выходѣ изъ Козлова, не заходя въ свое село, въ барской усадьбѣ, я убилъ управляющаго и мою сестру, найдя ихъ въ одной постели... Съ тѣхъ поръ двѣнадцать уже лѣтъ я мыкаюсь по острогамъ, совершаю преступленіе за преступленіемъ, и скоро наступитъ мой конецъ—умереть подъ палками. Скорѣй бы! Душа моя черна, но ихъ еще чернѣе—закончилъ онъ и утеръ слезу рукавомъ арестантской сорочки.

Ланцовъ и сотни ему подобныхъ—это продуктъ того „горя злосчастія“, которое народъ воспѣваетъ во множествѣ пѣсенъ и былинъ, олицетворяя въ видѣ чудовища, которое преслѣдуетъ людей отъ колыбели до могилы и отъ котораго некуда схорониться „доброму молодцу“ ни въ „пескахъ сыпучихъ“, ни въ „лѣсахъ дремучихъ“.

Самымъ страшнымъ бичемъ въ то ужасное время былъ не столько помѣщикъ, сколько „свой братъ—мужикъ“, облеченный властью бурмистра или приказчика. Это были люди вымуштрованные, прошедшіе сквозь огонь и воду и потерявшіе совѣсть. Вѣрные и жестокіе, какъ псы, готовые продать своего роднаго отца, они были незамѣнимыми людьми тамъ, гдѣ нужно было караулить, ловить, не пускать и вообще исполнять какой угодно безчеловѣчный приказъ, и чѣмъ онъ былъ труднѣе, жесточе, тѣмъ больше онъ приходился по вкусу ихъ дикой натурѣ. Эти собачьи качества, эта собачья выдержка, неумолимость и при томъ, по большей части, безотчетная вѣрность помо-

гали имъ зачастую дѣлать хорошую карьеру у богатыхъ господъ: они получали вольныя, богатѣли въ то время, когда „свой братъ", загрызаемый ими безъ всякой пощады, смотрѣлъ на нихъ, какъ на извергов. Много разъ приходилось мнѣ видѣть ихъ звѣрства и жестокости надъ крестьянами, исполняемыя съ жестокимъ хладнокровіемъ и безъ всякаго милосердія. Сколько такихъ бурмистровъ играли, а, быть можетъ, играютъ и теперь выдающуюся роль съ спокойною совѣстью, какъ будто нѣтъ на нихъ ни сучка, ни задоринки. Какъ жаль, что у насъ мало знаютъ и совсѣмъ не интересуются прошлымъ, даже общественныхъ дѣятелей. А такой аттестатъ былъ бы очень полезенъ. Онъ оберегалъ бы общество отъ многихъ мерзостей и отъ опасныхъ людей.

Жизнь въ русской деревнѣ была для меня тогда новостью. Поселившись въ деревнѣ, я не зналъ ни обычаевъ, ни порядковъ крестьянскихъ, а между тѣмъ жизнь эта показалась мнѣ въ высшей степени интересной. Я сталъ приглядываться, изучать, скоро какъ-то свыкся съ крестьянскимъ обиходомъ и сдѣлался, на сколько это было возможно, своимъ человѣкомъ. Теперь такія мои отношенія къ крестьянамъ обратили бы на меня вниманіе урядника и причинили бы мнѣ много хлопотъ, въ то же время урядниковъ еще, слава Богу, не было, да и о какихъ-либо агитаторахъ никто и не помышлялъ. Воспоминанія о проведенной мною жизни среди русскихъ крестьянъ, несмотря на грустныя и тоскливыя картины прошлаго, на грубость нравовъ, на жестокость и произволъ всякихъ властей, тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ остались отрадныя. Въ ушахъ моихъ и до сихъ поръ раздается неразборчивый гулъ рабочаго деревенскаго дня. Припоминаю эти жестокіе, сѣверные, владимірскіе морозы и визгливыя метели; время отъ времени пролетитъ лихая помѣщичья тройка, неистово позвякивая валдайскимъ колокольчикомъ и громыхая безчисленными бубенчиками, за тройкой прорыщутъ сельскіе ребятишки въ отцовскихъ тулупахъ и мохнатыхъ шапкахъ. Вижу, вижу и теперь, какъ мрачно рисуются растрепанныя массы крышъ изъ почернѣвшей гнилой соломы, развалившіяся закоптѣлыя избы съ маленькими окнами и безобразно заваленныя сѣрымъ прѣлымъ навозомъ. Въ одной изъ такихъ избъ я имѣлъ свое мѣстожительство. Кругомъ вижу людей загнанныхъ, забитыхъ, кроткихъ, терпѣливо выносящихъ обиды и надругательства. Въ эту страшную стужу вижу деревенскихъ пропойцевъ въ рваныхъ зипунишкахъ, идущихъ въ кабакъ или изъ кабака. Бывало, и я изъ любопытства заглядывалъ въ эти кабаки. Тамъ можно было насмотрѣться на разнообразные виды русскаго мужицкаго горя, заглушаемаго водкою, шумомъ и гамомъ, неистовыми взвизгиваніями, бѣшеною пляскою трепака и

подчасъ кровавою потасовкою въ смутномъ чаду похмѣлья. И по сердцу же былъ русскому мужику кабакъ! Тамъ только онъ былъ свободенъ, тамъ онъ забывалъ и барина, и бурмистра, и свою горемычную долю.

Знаемъ уже, кто такой былъ бурмистръ, а кто же такой былъ русскій баринъ?

Всматриваясь въ длинную исторію русскаго барства, приходимъ къ убѣжденію, что въ однобразныхъ равнинахъ Великороссіи, въ однообразнѣйшихъ, все подводящихъ подъ одинъ знаменатель условіяхъ естественныхъ, экономическихъ и политическихъ не было возможности самостоятельно выдѣлиться изъ этого однообразія чему-нибудь такому, въ смыслѣ привилегированности, чтобы хоть капельку равнялось въ прочности привилегированнымъ, исторически сложившимся установленіямъ стараго европейскаго міра. Только казенное право ограждало барству его привилегированное положеніе, безъ этого казеннаго огражденія ему не было никакихъ резоновъ стоять выше даже мужика. Русскому барину не было надобности развивать въ должной мѣрѣ тотъ запасъ эгоизма, которымъ долженъ жить человѣкъ; ему не съ кѣмъ было воевать за свое привилегированное положеніе, потому что у него и враговъ-то не было никакихъ. За высокой и сильной оградой своихъ казенныхъ правъ онъ сидѣлъ одинъ, точно въ тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи, и отъ ничегонедѣланія положительно сходилъ съ ума. Даже отъ времени такъ называемыхъ „настоящихъ баръ“ въ назиданіе потомству, не осталось рѣшительно ничего. Изъ отрывочныхъ разсказовъ о прошломъ, которые уцѣлѣли въ воспоминаніи старожиловъ, и изъ того, что я самъ видѣлъ, мало можно поразсказать хорошаго, хотя и въ хорошихъ людяхъ недостатка не было. Но зато цѣлые томы можно писать о разнообразныхъ звѣрствахъ, возводимыхъ на степень удовольствія, о безчинствахъ противъ слабыхъ и безсильныхъ, тоже дѣлаемыхъ больше на потѣху и развлеченіе, но не похожихъ на удовольствія здоровыхъ людей. Чтобы пороть и этимъ наслаждаться, надобно быть больнымъ, чтобы приклеить спящему попу бороду къ столу, надо быть пьянымъ и совсѣмъ некультурнымъ человѣкомъ; вывалять становаго въ дегтю и пуху и потомъ заплатить ему,—затѣя человѣка мало того что не трезваго, но и грубаго. Цѣлая литература исписана по поводу такихъ затѣй, перечислять ихъ почти невозможно. Не вдаваясь въ слишкомъ подробныя воспоминанія старо-барскаго житья-бытья, приходишь къ убѣжденію, что мозгъ, умъ, воля и сердце плохо и нездорово работали у людей, обитавшихъ въ этихъ обширныхъ, блистательныхъ барскихъ дворцахъ и помѣщичьихъ хоромахъ.

Въ русскомъ обществѣ сложилось убѣжденіе, что польскіе и ли-

товскіе паны несравненно хуже обращались съ хлопами, чѣмъ русскіе помѣщики съ своими крестьянами. Цѣлые томы исписаны объ ужасныхъ гоненіяхъ, чинимыхъ магнатами въ Украйнѣ и Малороссіи, и это, къ несчастію, совершенная правда. Исторія, однако, указываетъ на громадную разницу въ причинахъ, которыя вызывали эти расправы. И по совѣсти и ради исторической правды причины эти слѣдуетъ взять въ соображеніе. Во всякомъ случаѣ, эти безобразія и ужасы не были ради потѣхи и удовольствія подъ пьяную руку. Магнаты и хлопы украинскіе—то были враги политическіе и религіозные, кто одолѣвалъ, тотъ и чинилъ расправы огнемъ и мечемъ и всевозможными иными способами. Та и другая сторона были безжалостные хищники, были волки. Тутъ обѣ стороны были виноваты, это была борьба не на жизнь, а на смерть, она и кончилась смертью.

А русскій баринъ? Засѣкалъ безправнаго мужика на смерть ради скуки, ради потѣхи; билъ направо и налѣво, колобродилъ и распутствовалъ, не подвергая себя никакой опасности. Вѣдь у русскаго барина не было никакой причины, ни религіозной, ни политической—стать во враждебныя отношенія къ мужику, такъ какъ и мужикъ не думалъ съ нимъ враждовать. Бунты Остраницы, Наливайки, гайдамацкія движенія, Гонты и Желѣзняка, возстаніе Хмѣльницкаго,—то была борьба политическая и религіозная, за которую исторія осудила безобразные порядки польскаго государства. Движеніе Пугачева и Разина и многихъ другихъ—это были протесты черни противъ самоуправства и безчеловѣчнаго обращенія барина. Такою постановкою вопроса я вовсе не хочу защищать польскихъ пановъ и магнатовъ, какія бы ни были причины, тѣмъ, кто страдалъ отъ этого было не легче, но я констатирую только разницу причинъ и положеніе сторонъ и чтобы быть справедливымъ — этого забывать не слѣдуетъ.

Послѣ присоединенія польскихъ областей къ Россіи и послѣ закрѣпощенія Екатериной II-й крестьянъ этихъ провинцій къ помѣщикамъ, разницы въ обращеніи этихъ послѣднихъ къ мужикамъ по сравненію съ русскимъ помѣщикомъ не было никакой. Оба, къ стыду человѣчества, охулки на руки не клали. И я позволю себѣ примѣнить къ нимъ обоимъ одну польскую пословицу:

Wart Pac Pałaca i Pałac Paca (по-русски—„оба хороши“).

II.

Выступленіе изъ села Бутылицъ въ Муромъ.—Нашъ полковой командиръ.—Его бесѣда съ крестьянами по поводу солдатскаго пайка.—Характеристика старыхъ и молодыхъ офицеровъ.—Кончина императора Николая.—Начало реформъ.—Одушевленіе общества.—Вліяніе реформъ на войска.—Измѣненія въ полковой жизни.—Грамотность въ войскахъ.—Городъ Муромъ и его обыватели.—Пріемы помѣщиковъ.—Рѣчи о крестьянской реформѣ.—Современная русская женщина.—Дворянскій клубъ.—Походъ въ Москву.

Съ наступленіемъ весны рота наша, въ томъ числѣ и я, покинули село Бутылицы и широкія деревенскія квартиры, гдѣ мнѣ жилось хорошо, и перешли въ Муромъ для весеннихъ военныхъ упражненій.

Послѣ Крымской кампаніи, которая воочію доказала, что прежняя система выправокъ въ арміи ни къ чему не годилась, что для того, чтобы побѣждать, даже съ такой образцовой, по храбрости, арміей, какъ наша, недостаточно было умѣть ходить церемоніальнымъ маршемъ на плацъ-парадахъ и соблюдать при этомъ идеальное равненіе, что условія войны, благодаря новымъ вооруженіямъ, измѣнились въ основаніи. Вслѣдствіе этого, началась коренная военная реформа. И обмундированіе, и вооруженіе, и всѣ тактическія условія прежняго строя мало-по-малу измѣнились. Фронтовыя ученія, бывшія до сихъ поръ жесточайшею мукою, сдѣлались похожими больше на развлеченіе и въ періодъ моей службы въ полку мало уже обращали вниманія на равненіе, на церемоніальные марши, а учили солдатъ стрѣльбѣ изъ новыхъ ружей, учили грамотѣ и заботились о развитіи солдатъ. Розги, шпицрутены все рѣже касались солдатскаго тѣла, при чемъ кормили солдатъ лучше, меньше обкрадывало ихъ начальство и обращались съ ними человѣчнѣе. Всему этому Россія обязана гуманнымъ взглядамъ императора Александра II.

Полкъ, въ которомъ я имѣлъ честь начать свою службу, былъ одинъ изъ блестящихъ полковъ русской арміи. Полковымъ командиромъ былъ нѣкто М*, полякъ по происхожденію. Командуя Охотскимъ полкомъ, въ Крымскую кампанію онъ оказывалъ чудеса храбрости. М* былъ, по натурѣ своей, чрезвычайно подвижной, онъ постоянно кипятился, кричалъ, но, въ общемъ, былъ человѣкъ хорошій. Съ офицерами онъ иногда воевалъ и, главнымъ образомъ, изъ-за формы одежды и дисциплины.

„Форма одежды и дисциплина, господа,—говорилъ онъ:—давали направленіе великимъ событіямъ. Не будь этого, былъ бы хаосъ, и мы никогда и ничего не сдѣлаемъ, если не будемъ держаться этого принципа“.

Пріѣхалъ полковникъ М* къ намъ въ село для провѣрки ротныхъ ученій. Мужички, у которыхъ солдаты нашей роты стояли на

квартирахъ и пользовались ихъ хлѣбомъ и приваркомъ, пришли къ полковому командиру просить о выдачѣ имъ солдатскаго пайка. Обыкновенно, этотъ паекъ, 1 п. 32 ф. на человѣка, мужики „прощали“, но въ чью пользу этотъ прощеный паекъ поступалъ, мнѣ неизвѣстно, хотя, навѣрное, знаю, что въ пользу солдатъ не шло ни копѣйки. На этотъ разъ мужики „прощать“ пайка не „пожелали“ и собрались кучкой у воротъ той хаты, гдѣ остановился полковой командиръ. Выйдя изъ избы и поглядывая полугрозно полудобродушно изъ-подъ нависшихъ бровей на стоявшихъ у воротъ мужиковъ, онъ подошелъ къ нимъ и крикнулъ свое обычное военное привѣтствіе: „здорово, ребята!“

— Здравія желаемъ, ваше сіятельство!—гаркнули мужички.

— Зачѣмъ я вамъ нуженъ, братцы? — спросилъ онъ, обращаясь къ мужикамъ.

— Да мы къ вамъ, ваше сіятельство, какъ, значитъ, наслышаны о вашей милости.

— Ладно! Ладно. Знаю, что наслышаны... О пайкѣ?

— Такъ точно... Объ чемъ же больше... Знамо, объ немъ.

Мужики всѣ вразъ что-то заговорили, стараясь возможно почтительнѣе и опредѣленнѣе объяснить полковнику, въ чемъ дѣло.

— Смирно!—крикнулъ, вдругъ, полковникъ командирскимъ голосомъ:—Слушать командиры! Объясняй, когда команда будетъ! Отойди къ сторонѣ.

Мужики совершенно растерялись при такомъ оборотѣ дѣла и поспѣшили сбиться въ кучу.

— Кто у васъ тутъ старшій?

Вышелъ сѣдой старикъ.

— Доложи.

— Мы, ваше сіятельство, какъ значится,—началъ свою рѣчь старикъ,—какъ мы изволили вамъ докладывать, выходитъ, что ежели...

— У ротнаго были?

— Это, значитъ, у Ѳомы Матвѣевича?

— Ну, да!

— Были-съ... Ну, только упирается, послалъ къ вашей милости, говоритъ, что это дѣло ему не подстать; а вашей милости въ самый разъ.

— „Нашей милости“. Бѣлоручки! — выкрикивалъ полковникъ, — нашей милости солдатскіе пайки, а имъ, великія дѣла! Наполеоны! Ступайте къ нему, — крикнулъ полковникъ, сверкая глазами, — кругомъ—маршъ!

Паекъ мужикамъ возвратили.

Такія сцены повторялись часто, касалось ли это пайка, отвода

квартиръ, поставки подводъ подъ полковое имущество, отпуска деревней дровъ и т. п. и только не въ одномъ нашемъ полку. Полковые командиры были въ то время почти всѣ на одинъ манеръ. Грубоватые по наружности, въ концѣ-концовъ, люди добродушные и доступные и всегда, до извѣстной степени, честные.

Когда мы вернулись съ просторныхъ квартиръ въ Муромъ, насъ, офицеровъ, въ Муромѣ собралось до семидесяти человѣкъ.

Наше общество состояло изъ офицеровъ двухъ поколѣній: стараго, произведенныхъ въ офицеры за долго до Крымской кампаніи, въ числѣ ихъ было нѣсколько выслуженныхъ изъ солдатъ и произведенныхъ изъ юнкеровъ, и молодаго, произведенныхъ послѣ кампаніи, это были все изъ кадетскихъ корпусовъ временъ либеральныхъ, шестидесятыхъ годовъ. Въ числѣ первыхъ были люди, до извѣстной степени, образованные и съ хорошимъ воспитаніемъ, но съ замашками „моншеровъ“, какъ тогда ихъ называли. Этотъ типъ въ литературѣ извѣстенъ, началъ его первый выводить на сцену Чужбинскій, знатокъ военнаго быта. Поступали они на службу, какъ поступала, въ былыя времена, большая часть нашей братіи—дворянъ, безъ опредѣленной цѣли, безъ яснаго сознанія объ избираемомъ поприщѣ. Жилось имъ безъ всякихъ тревогъ, и жизнь ихъ не была богата приключеніями. Средствъ къ жизни было у нихъ достаточно, и потому въ ихъ жизни не было ни бурь, ни катастрофъ, ничего такого, что называется драмою, что зовется борьбою. Боролись они, порою, только съ кредиторами. Это были все славные, добрые ребята. Когда нужно было, умѣли храбро и весело сражаться въ бою, умѣли лихо пообѣдать, по-барски, здорово выпить въ веселый часъ, но только хорошимъ виномъ, пропонтировать до разсвѣта. И приростали они къ полку всѣми живыми силами души своей, всѣмъ существомъ своимъ и службу считали дѣломъ святымъ. Свободное время,—а его было черезчуръ много,—проводили они исключительно въ игрѣ. Начинали ералашемъ, кончали штоссомъ. И какъ играли! На совѣсти упрека ни малѣйшаго, понтировали и хладнокровно и умно, не пускали брандеровъ не въ пору и не жались, какъ аптекаря. И въ выигрышѣ и въ проигрышѣ—виновата была лишь судьба, проигравшійся до нитки давалъ зарокъ никогда не брать карты въ руки, но, выспавшись и успокоившись физически и нравственно, онъ уже снова хлопоталъ о возстановленіи своихъ фондовъ. Приглашался полковой портной, Берко Надельбергъ—общій офицерскій кредиторъ, дѣлался заемъ у казначея, или у квартирмейстера, словомъ, пускались въ ходъ всѣ политико-экономическія мѣры, имѣющія практическое приложеніе къ офицерской, наполненной финансовыми кризисами, жизни. А къ вечеру онъ уже первый усаживался за покрытый зеленымъ сукномъ столикъ.

Несмотря на то, что съ солдатами подчасъ они обращались жестоко, такое уже было время,—солдаты ихъ любили.

И куда бы ихъ судьба ни занесла, въ глухіе ли городишки Малороссіи и Литвы, въ Польшу ли, въ Бессарабію, не говоря уже о центральной Россіи, вездѣ ихъ любили, всюду они были желанными гостями, своими людьми, всегда вѣжливые, деликатные, умѣющіе оберегать и свою честь, и честь своего мундира, и защищать честь другихъ. Удали и шалостей было много, но никто не слышалъ ни грязныхъ скандаловъ, ни грубыхъ придирокъ, ни дуэлей изъ-за пустяковъ. Прибытіе полка въ городъ на стоянку сопровождалось всегда общей радостью, выходъ его изъ города—общею печалью. Что это были за хорошія и счастливыя времена! Въ свои отношенія они не вносили ни оффиціальнаго тона, ни политики, ни религіозной нетерпимости. Даже въ Польшѣ, наканунѣ возстанія въ 1862 году, полки, выступавшіе оттуда, народонаселеніе провожало обѣдами, пикниками, продолжавшимися часто по недѣлѣ, а солдатъ кормили до-отвала.

Интрижки офицеровъ съ прекраснымъ поломъ отличались джентельменствомъ и благородствомъ, и я не знаю случая, когда бы такая интрижка окончилась позоромъ, до этого ни одинъ офицеръ допустить не имѣлъ права. Если были случаи противнаго, то очень рѣдко.

Это молодое поколѣніе офицеровъ радикально разнилось отъ офицеровъ николаевской эпохи. Старые офицеры отдавались службѣ всѣмъ своимъ существомъ, молодежь же службу въ полку считала лишь переходной стадіей. Каждый изъ нихъ думалъ, тѣмъ или инымъ путемъ, рано или поздно вырваться изъ полка и сдѣлать или военную карьеру въ генеральномъ штабѣ, или перейти въ гражданскую и даже частную службу, лишь бы на хорошіе оклады. Военная служба была въ то время не въ почетѣ.

Прежней службы военные были люди цѣльные, съ крѣпко сложившимися убѣжденіями, съ яснымъ и опредѣленнымъ, хотя съ весьма ограниченнымъ міросозерцаніемъ, съ ясными, твердо установившимися, не скажу—принципами, но формами общественной жизни. Отдавъ дань молодости, побаловавшись байронствомъ и онѣгинско-печоринскимъ разочарованіемъ, они, войдя въ зрѣлые годы, обыкновенно откладывали въ сторону эту напускную фанаберію, сущность которой большинство не понимало, а увлекалось ею, какъ модною канителью, вполнѣ добросовѣстно отдавались тому дѣлу, на которое ихъ судьба и долгъ поставили. Служить въ военной службѣ обязывали честь и долгъ каждаго дворянина, ну и служили до старости.

Крымская кампанія, результатами которой всѣ были недовольны, радикально измѣнила направленіе мыслей всѣхъ, даже людей самыхъ

простодушныхъ. Какъ-будто всѣхъ пришибло, какъ-будто въ чемъ-то усумнились, отъ чего-то пришли въ ужасъ и негодованіе и, какъ заблудшіе, искали свѣта и правды. Налетѣлъ шквалъ и низвергнулъ всѣхъ старыхъ боговъ, которымъ такъ долго поклонялись.

Россія проснулась... Величавый обликъ грознаго императора, державшаго въ своей мощной длани всю необъятную Русь, неожиданно въ полномъ развитіи истинно-царственной мощи отошелъ въ вѣчность, будучи не въ силахъ перенесть того погрома, который обнаружилъ немощность и мертвенность духа горячо любимой имъ Россіи.

Съ воцареніемъ императора Александра II начался періодъ реформъ, общество заволновалось, засуетилось; появилось новое слово „прогрессъ“, которымъ объясняли все, которое прикладывали ко всему. Небывалое одушевленіе овладѣло всѣми. Всѣ устремились сбросить съ себя все старое, ветхое и облечься въ новое, сшитое съ иголочки, хотя не всегда по мѣркѣ, и какъ готовое—на одинъ ростъ. Преемственная духовная связь между прежними поколѣніями, между отцами и дѣтьми разомъ оборвалась.

Началось очень хорошее время, какъ легко жилось и дышалось! Многіе и донынѣ еще вспоминаютъ о томъ времени, какъ о чемъ-то прекрасномъ.

Въ военной средѣ прогрессъ этотъ коснулся прежде всего молодежи, старыхъ же героевъ Крымской войны, подъ вліяніемъ того же направленія, стали увольнять со службы и, въ крайнемъ случаѣ, терпѣть до поры, до времени. Къ нимъ относились съ презрительнымъ сожалѣніемъ, какъ къ жалкимъ обломкамъ сгнившаго прошлаго. Не щадили никого, былъ ли это генералъ, ничѣмъ себя не запятнавшій, или мелкій по чину офицеръ. Справедливости никто не ждалъ. На бульварахъ и улицахъ Москвы и Петербурга ежеминутно можно было встрѣтить отставныхъ и раненыхъ офицеровъ, протягивающихъ руку съ злорадствомъ, съ просьбою, чаще всего на французскомъ языкѣ: „Donnez moi quelque chose pour manger et boire“, или „Подайте бѣдному офицеру на хлѣбъ“. Бывали случаи, что протягивали руку къ общественной помощи и генералы. Стыдно вспомнить объ этомъ, но это такъ было.

Борьба новаго со старымъ началась раньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, ломкой въ военномъ вѣдомствѣ. Требованія коренныхъ измѣненій въ военной жизни сдѣлались повсемѣстны. Прежняя система обращенія съ солдатами, система розогъ, шпицрутеновъ, фухтелей была осуждена безповоротно. Бывали случаи, что офицеры отказывались производить приговоры по суду, если нужно было наказывать солдатъ розгами и „гонять“ сквозь строй, а если исполняли, то со всевозможными послабленіями. Мнѣ самому пришлось, на основаніи приказа по полку,

исполнять приговоръ суда и наказать 250 ударами розогъ какого-то мелкаго полковаго воришку. Я не отказался отъ исполненія, но сдѣлалъ распоряженіе бить по полушубку и при томъ дано было только 50 ударовъ, такъ какъ солдаты, производящіе экзекуцію, вели счетъ розгамъ съ большими пропусками. Во время экзекуціи въ Москвѣ надъ рядовымъ Паршинымъ, которому по суду назначено было 300 ударовъ шпицрутенами, офицеры, производившіе экзекуцію, несмотря на протесты полковаго аудитора, ходили сзади солдатъ и приказывали бить легче. За такое гуманное отношеніе солдаты боготворили молодыхъ офицеровъ, и дисциплина въ полку отъ такого обращенія нисколько не страдала. Мой денщикъ Яковъ Поповъ, котораго я принялъ къ себѣ въ услуженіе на третій день послѣ учиненія надъ нимъ жестокой экзекуціи, за какую-то пустую провинность и котораго всѣ старые офицеры считали отъявленнымъ негодяемъ, подъ вліяніемъ гуманнаго съ нимъ обращенія былъ лучшимъ денщикомъ въ цѣломъ полку, и когда я вышелъ въ отставку и онъ одновременно окончилъ свой срокъ службы, оставался при мнѣ еще 9 лѣтъ, до самой своей кончины. Это былъ до того честный и привязанный солдатъ, что забыть его невозможно. Волосы ставали на головѣ, слушая его разсказы о старой, Николаевской службѣ. Не мудрено, что служба эта изъ людей дѣлала озвѣрѣвшихъ истукановъ.

Эти новыя вѣянія проникали въ полковую жизнь безъ всякаго протеста со стороны стараго поколѣнія офицеровъ. Эти герои Крымской войны, не умѣвшіе покрыть себя славой, не по своей, впрочемъ, винѣ, чувствовали, что пѣсенка ихъ спѣта. Свое паденіе они переносили молча, съ достоинствомъ, не понимая хорошенько, что вокругъ нихъ творилось, но сохраняя въ душѣ своей глубокое уваженіе и любовь къ этой старой службѣ и ея порядкамъ. Мнѣ пришлось быть заочнымъ свидѣтелемъ такого безпредѣльнаго уваженія къ погибающему прошлому.

Идя походомъ по Владимірской губерніи, рота наша остановилась на дневку въ имѣніи генерала Л*, уволеннаго въ числѣ многихъ другихъ генераловъ въ отставку, послѣ Крымской войны. Генералъ пригласилъ насъ, офицеровъ, къ себѣ обѣдать. Во время обѣда одинъ изъ насъ позволилъ себѣ критически, правда рѣзко, отнестись къ прежнимъ порядкамъ въ арміи. Боже, что вышло! Генералъ плакалъ, кричалъ, гналъ насъ изъ своего дома; жена и дѣти, даже лакей—всѣ плакали вмѣстѣ съ нимъ, и все это выходило такъ чистосердечно, такъ естественно, что всѣ мы почувствовали стыдъ и укоръ за причиненную ему глубокую обиду. Только наша искренняя и безхитростная просьба къ генералу простить нашего опрометчиваго товарища успокоила генерала Л* и его почтенную семью. Когда началась

ломка, сколько такихъ людей, какъ этотъ генералъ Л*, падали, какъ мухи осенью.

Полковая жизнь начала устраиваться по-новому. Попойки прекратились, картежная игра сдѣлалась рѣже, время проводили въ товарищескихъ бесѣдахъ, въ спорахъ, въ чтеніи. Того беззавѣтнаго служенія знамени, того закрѣпощенія себя всѣми живыми силами души своей къ полку уже не было. Стали интересоваться всѣмъ, что интересовало общество, что было общей злобой дня. Быть только полковымъ офицеромъ, жить въ узкой сферѣ полковыхъ интересовъ не удовлетворяло уже никого. Начали серьезно учиться, чтобы выбиться изъ полковой колеи, и кто былъ поэнергичнѣе, трудолюбивѣе и умнѣе, тотъ выдвигался на новое поприще и дѣлалъ карьеру. Въ мое трехлѣтнее пребываніе въ полку около 20 офицеровъ оставило его. Но пока удавалось достигнуть этого, нужно было служить. Въ такомъ собирательномъ учрежденіи, какъ полкъ, жить особнякомъ нельзя, это ставило бы каждаго въ положеніе лишняго человѣка, поэтому заставляло офицеровъ собираться въ тѣсные товарищескіе кружки. Кружки такіе, на сколько я помню, организовались въ полкахъ повсюду, вскорѣ послѣ окончанія Крымской войны. Когда начался періодъ реформъ и новыхъ идеаловъ, интересъ къ нимъ проникъ и въ военныя сферы и выразился въ формѣ полнаго сочувствія всѣмъ идеямъ, въ основѣ которыхъ лежалъ принципъ абсолютной свободы. Весь матеріалъ для образованія такихъ воззрѣній черпался нами, конечно, не изъ жизни, не изъ общенія съ другими въ общемъ трудѣ надъ какими-либо соціальными задачами, такъ какъ ни такой жизни, ни такихъ задачъ у насъ не существовало, а изъ книгъ, изъ теорій, надъ практическимъ смысломъ которыхъ мы тогда еще мало разсуждали. Бюхнеръ, Молешотъ, Дарвинъ, Штраусъ, Ренанъ, Верндъ, Милль, Смайльсъ, Спенсеръ, Лассаль и т. п. были настольными нашими книгами, на которыя тратились послѣднія деньги изъ ничтожнаго офицерскаго жалованья. Все это читалось, читалось усердно, но понималось мало, потому что читалось безъ всякой системы, безъ всякой подготовки. Номера „Колокола“ и другихъ заграничныхъ изданій мы или выписывали на общія средства кружка, или доставали отъ постороннихъ лицъ, что было въ то время вовсе не трудно. Такимъ образомъ, чтеніе этихъ и другихъ имъ подобныхъ книгъ дѣлало свое дѣло и создавало въ молодыхъ умахъ разнообразныя воззрѣнія и убѣжденія на различные вопросы.

Въ этомъ хаосѣ всяческихъ убѣжденій не только въ офицерскихъ кружкахъ, но во всемъ русскомъ обществѣ не послѣднее мѣсто занимали и убѣжденія политическія. Но что это были за убѣжденія, чего хотѣли, никто себѣ яснаго отчета дать не умѣлъ. Освобожденіе

крестьянъ—было закончено. Реформа земская и судебная уже назрѣвали, оставались намѣченными какіе-то политическіе вопросы, но какіе, никто ясно формулировать не могъ. Пѣли и кричали много, но о чемъ „пѣли“, кому „пѣли“—не знали. Свобода и только. Пѣли и „Дубинушку“ съ подобающимъ текстомъ, пѣли и „Соловья“ съ инымъ текстомъ, въ которомъ говорилось „передъ кнутомъ не трусь“, но ничего опредѣленнаго ни въ одной пѣснѣ не выражалось.

Такое, однако, направленіе умовъ военной молодежи въ первые годы царствованія императора Александра II никакого вреднаго значенія не имѣло, это были только рефлексы общаго одушевленія послѣ тяжелаго николаевскаго режима, которое естественно не могло не выразиться въ разныхъ теоретическихъ химерахъ. Переходное время всегда и вездѣ имѣло такой характеръ. Время борьбы новаго со старымъ характерно тѣмъ, что во всѣхъ понятіяхъ проявляется шаткость, колебаніе изъ стороны въ сторону. И люди въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются не твердыми путеводными началами, а становятся рабами случайностей, и оттого часто дѣлаютъ ошибки, и, что всего хуже, вредятъ и дѣлу и себѣ.

Тѣмъ не менѣе, однако, военная молодежь того времени не заслуживаетъ упрека въ томъ, чтобы она не исполняла своихъ обязанностей, напротивъ, ея увлеченія новыми вѣяніями послужили мощнымъ двигателемъ для созданія цѣлаго поколѣнія грамотныхъ солдатъ, надъ развитіемъ котораго эта молодежь занималась со всѣмъ рвеніемъ, со всею страстностью честныхъ людей. Молодежь эта доказала, что ея увлеченія разными химерическими теоріями не были безполезны. Неуклонное стремленіе военнаго министра графа Милютина, посредствомъ развитія солдата, положить основаніе для распространенія грамотности среди населенія Россіи встрѣчено было военною молодежью съ полнымъ сознаніемъ необходимости содѣйствовать всѣми силами этимъ возвышеннымъ начинаніямъ графа Милютина. И она со славою исполнила свой долгъ.

Вотъ въ какое общество офицеровъ я попалъ по возвращеніи изъ села Бутылицъ въ Муромъ. Скоро я пристроился къ кружку молодежи, состоящему изъ моихъ однокашниковъ, которые готовились въ разныя военныя академіи, что было также и моимъ желаніемъ. Такимъ образомъ, это были все люди, желающіе учиться, а не бить баклуши и пользоваться жизнью по-старому.

Кружокъ этотъ былъ для меня симпатиченъ еще и потому, что всѣ, сколько насъ было, мы избрали своею спеціальностью изученіе исторіи. Какъ руководство мы выбрали Шлоссера, но читали Бокля, Маколея и другихъ. Занимались мы этимъ предметомъ серьезно, разумѣется, на столько, на сколько мы были подготовлены въ корпусѣ

нашими преподавателями по учебникамъ, утвержденнымъ совѣтомъ военно-учебныхъ заведеній.

Когда мы подошли къ изученію историческихъ фактовъ польскаго государства и особенно его отношеній къ Россіи и стали сравнивать ихъ съ тѣмъ изложеніемъ и тѣми выводами, которые имѣютъ мѣсто въ учебникахъ, по которымъ насъ учили, мы натолкнулись на полное извращеніе и фактовъ и мотивовъ этихъ историческихъ событій. Объ исторической правдѣ эти составители учебниковъ не заботились. Когда насъ учили этому историческому вздору, несмотря на наши дѣтскіе еще умишки, мы тѣмъ не менѣе чутьемъ понимали, что ложь ихъ имѣла цѣлью, съ одной стороны, посѣять вражду между двумя славянскими народами, что, конечно, достигнуто во вредъ обоимъ этимъ народамъ, и обезславить прошлое народа. Кому нуженъ былъ этотъ историческій шантажъ и для чего? Неужели для того, чтобы озлоблять души юношей, послѣдствіемъ чего было много горя и страданій. Для другой цѣли эта историческая ложь никуда не годилась, она была слишкомъ груба, даже дѣтей не могла ввести въ заблужденіе. Сѣяла только вѣтеръ, чтобы потомъ собрать бурю, послѣ которой въ полвѣка еще оправиться трудно. Скажутъ исторія—не математика. Какъ бы ни безпристрастно и объективно историкъ изучалъ свой предметъ, онъ самъ, охваченный волною жизни, и имѣя дѣло съ повѣствованіемъ о жизни, неизбѣжно вноситъ въ изслѣдованіе какія-либо „патріотическія“, какъ обыкновенно говорятъ, или субъективныя идеи и побужденія. Можно, а пожалуй даже и должно, руководствоваться въ историческомъ изслѣдованіи тѣми или другими политическими соображеніями, но лгать все-таки не слѣдовало, потому что такая ложь въ концѣ-концовъ приноситъ результаты, обратные тѣмъ, какіе имѣлись въ виду. И вотъ доказательства. Въ нашемъ кружкѣ было девять человѣкъ. Только я одинъ былъ полякъ, остальные все русскіе. Убѣдившись, что все то, чему насъ учили о польскомъ народѣ, была завѣдомая и неблаговидная ложь, они разъ на всегда покончили съ такими источниками, мало того они перестали вѣрить вообще источникамъ русскимъ и изучали польскую исторію по капитальнымъ сочиненіямъ польскихъ и иностранныхъ историковъ, и вслѣдствіе этого польско-русскія отношенія, особенно конца восемнадцатаго и первой половины девятнадцатаго вѣка, явились въ совершенно иномъ свѣтѣ, какъ то намъ старались представить въ корпусѣ. И когда началось въ 1863 году польское возстаніе, двое изъ нашего кружка вышли въ отставку и примкнули къ возстанію, а трое занимаются литературой и хотя изрѣдка, но печатно разоблачаютъ ложь и невѣжество по польскимъ вопросамъ „патріотическихъ“ исторіографовъ... Вредъ, который при-

чиняется юношеству опорочиваніемъ польскаго народа въ учебникахъ исторіи, назначенныхъ для преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, давно замѣченъ компетентными учеными, и пора эту глупую недобросовѣстную и вредную затѣю оставить. Польскій народъ дѣлалъ ошибки, но дѣлалъ и великія дѣла, съ этимъ согласиться нужно, и этому учить слѣдуетъ, потому что это правда.

Живя въ Муромѣ и будучи совершенно еще молодыми людьми, мы, офицеры, помимо научныхъ занятій, не отказывались пользоваться и тѣми удовольствіями, которыя можно было получить въ такомъ неприхотливомъ уѣздномъ городкѣ, какимъ былъ въ то время Муромъ, родина Ильи Муромца, такъ какъ село Карачарово, гдѣ родился Муромецъ, находится въ верстѣ отъ города. Какая это была въ то время трущоба, окруженная со всѣхъ сторонъ дремучими, непроходимыми лѣсами, достаточно сказать, что по большому тракту отъ Мурома, чрезъ г. Судогду во Владиміръ, въ двухъ верстахъ разстоянія одинъ отъ другаго, стояли вооруженные крестьянскіе пикеты, оберегающіе транспорты, слѣдующіе на нижегородскую макарьевскую ярмарку, а также почту, проѣзжихъ и прохожихъ отъ грабежа и разбоевъ „добрыхъ молодцевъ“, которыхъ и въ муромскихъ лѣсахъ и по всему тракту было довольно.

Почта въ Муромъ приходила только два раза въ недѣлю, а осенью и весною во время разлитія рѣкъ и дождей въ двѣ недѣли одинъ разъ. Муромъ и тогда уже былъ значительнымъ фабричнымъ городомъ; фабриковали канаты, буксиры, троссы, парусину, равендукъ и даже высшіе сорта полотна. Купцы, въ числѣ которыхъ было очень много крупныхъ капиталистовъ, но совсѣмъ мало людей грамотныхъ, ходили въ сибирскихъ кафтанахъ, въ высокихъ поярковыхъ шляпахъ, такъ называемыхъ гречушникахъ, въ сапогахъ съ высокими голенищами. Женщины лѣтомъ и зимою наряжались въ шубейки разнаго цвѣта изъ шелка и бархата, а нерѣдко изъ очень дорогой парчи.

Я не помню, чтобы гдѣ-нибудь въ великорусскихъ губерніяхъ я встрѣтилъ женщинъ красивѣе муромскихъ мѣщанокъ. У меня сохранились типы, срисованные съ натуры съ нѣкоторыхъ мѣщанокъ, отличающихся выдающеюся красотою,—вообще муромская горожанка, не особенно большаго роста, деликатнаго, нѣсколько даже сухопараго, сложенія, почти всегда съ блѣднымъ, но не болѣзненнымъ лицомъ, съ мелкими чертами, умными, плутоватыми глазами и вздернутымъ носомъ. Если бы любую изъ этихъ „бабъ“ или дѣвокъ одѣть въ настоящій салонный туалетъ, она, пожалуй, сразу бы превратилась въ свѣтскую шикарную даму, до такой степени во всѣхъ ихъ была выдержка, порядочность, даже нѣкоторая виртуозность, особенно въ

интонаціяхъ голоса и въ манерѣ говорить, которая пріобрѣтала особенную прелесть отъ великорусскаго акцента на—о.

Муромъ, главнымъ образомъ, раскинулся по нагорному берегу Оки. Это было неудобно въ смыслѣ его длинноты, но зато выходило очень живописно, особенно по причинѣ множества садовъ, церквей, красивыхъ купеческихъ домовъ и громадныхъ фабрикъ съ красными и зелеными крышами. Осенью и весною грязи на улицахъ сколько угодно.

Несмотря на дурную репутацію муромскихъ лѣсовъ, окружающихъ городъ со всѣхъ сторонъ, въ описываемое мною время, Муромъ былъ самымъ безопаснымъ, мирнымъ и спокойнымъ городомъ. Съ семи часовъ, особенно зимою, во всѣхъ купеческихъ и мѣщанскихъ домахъ и на большинствѣ фабрикъ начали уже гасить огни, а въ ту минуту, когда на соборной колокольнѣ било восемь часовъ—большинство жителей Мурома покоились въ объятіяхъ Морфея.

Лѣтъ пять тому я, по дѣламъ, побывалъ въ Муромѣ. Городъ расширился и застроился, обыватели уже не ложатся спать съ восьми часовъ, а время проводятъ въ кафешантанахъ, театрахъ и садахъ, гдѣ гремитъ музыка и поютъ пѣвички,—пароходы и желѣзная дорога сдѣлали изъ него большой торговый пунктъ. Купцы не носятъ уже длинныхъ кафтановъ и сибирокъ, а жены ихъ душегрѣекъ, но за это время Ока съузилась почти на половину и сильно обмелѣла, отчего прежній живописный видъ городъ утратилъ. Вспоминая прежнее наше житье въ этомъ городѣ, мнѣ показалось, что теперь живутъ хуже; слишкомъ много разгула.

Несмотря на то, что сорокъ лѣтъ тому большая часть жителей Мурома спали съ восьми часовъ сномъ праведниковъ и самъ городъ погруженъ былъ въ полную тишину и непроглядную темь, такъ какъ фонарей на улицахъ не было, только передъ квартирой городничаго,—офицерство, дворянство и уѣздное высшее чиновничество, котораго тогда было въ десять разъ меньше, чѣмъ теперь, проводили время весело.

Общества, въ широкомъ смыслѣ этого слова, собственно говоря, въ Муромѣ, какъ и вообще въ Россіи, не существовало. Тогда, въ дореформенное время даже привилегированные классы были замкнуты въ приказныя формы управленія, общественнаго голоса не слышно было даже въ дворянскихъ собраніяхъ, не было его на судѣ, при формахъ прежняго процесса, не было въ печати, стѣсненной до послѣднихъ предѣловъ, не было въ учрежденіяхъ, гдѣ всѣ сословія совѣщались бы о своихъ нуждахъ, не было и самыхъ учрежденій общественныхъ. Каждый осужденъ былъ жить особо, самъ по себѣ, каждый уходилъ въ свою скорлупу, въ свой кружокъ, не имѣющій никакихъ общихъ цѣлей и стремленій, а лишь общія привычки, обычаи и общіе нравы.

Центры этихъ кружковъ, такъ сказать ядро, какъ въ городѣ, такъ и по деревнямъ составляли дворяне, около которыхъ группировались чиновники и офицерство.

Жизнь вели безсодержательную и пустую, но ѣли и пили на славу, и любознательный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ могъ съ полнымъ правомъ говорить, „что, разъѣзжая отъ Ноздрева къ Собакевичу и отъ Коробочки къ Манилову, обѣдая съ ними, выпивая и поигрывая въ шашки, онъ изучаетъ жизнь благороднаго дворянства". И дѣйствительно ничего другаго ему дѣлать тамъ не приходилось.

И по моимъ личнымъ наблюденіямъ, хотя посѣщалъ благородное дворянство много позже Чичикова, но и тогда и въ обширныхъ барскихъ палатахъ и среди дворянства, средняго по состоянію, дѣлали одно и то же, съ тою лишь разницей, что въ усадьбахъ съ утра до вечера играли въ карты, въ палатахъ играли въ крокетъ, въ усадьбахъ сплетничали про Анну Ивановну, Елизавету Петровну, интересовались дѣлами и помыслами Матрены Карповны, ругали Ивана Ивановича; въ палатахъ разсказывали faits et gestes какой-нибудь княжны Вава, графини Тата и если не ругали, то осуждали какого-нибудь князя Мишу, графа Нику, ахали и умилялись надъ добродѣтелью какой-нибудь Бетси. Въ усадьбахъ никогда не дѣлали никакихъ parties de plaisir, а просто ходили въ лѣсъ за грибами, или къ сосѣдямъ; живущіе въ палатахъ постоянно ѣздили въ линейкахъ тюльбери, верхомъ, но интереса въ этихъ поѣздкахъ было не больше, чѣмъ въ хожденіи за грибами. Читали ли что-нибудь,—я, право, затрудняюсь сказать, потому что мнѣ никогда не приходилось слышать ни споровъ, ни разсужденій по поводу прочитаннаго, да и книгъ я что-то мало гдѣ видалъ.

Такъ ли жили дворяне польскіе? Нѣтъ, не такъ. У нихъ были общіе интересы, о которыхъ нужно было думать и ради которыхъ работать...

Насъ, офицеровъ, всюду принимали хорошо и въ палатахъ, и въ усадьбахъ, особенно мы были свои люди тамъ, гдѣ были барышни. Ѣздили мы обыкновенно гуртомъ и тогда въ самомъ скучномъ домѣ становилось весело. И дѣйствительно, скучать рѣшительно было некогда. Утромъ охота, потомъ вкусный обѣдъ съ изрядными винами, вечеромъ игра на фортепіано и пѣніе, а тамъ танцы, до утра. Приходилось мнѣ бывать у помѣщиковъ на званыхъ годовыхъ праздникахъ,—это были или именины, или рожденіе кого-либо изъ семьи. Праздники эти справлялись обыкновенно съ большою торжественностью. Къ такому празднику съѣзжались гости изъ далека, даже верстъ за сто. Въ этихъ случаяхъ гостили обыкновенно дня по три, по четыре, и гдѣ только не спали: и на сѣновалахъ, и въ банѣ, и

въ ткацкихъ, и на сушильнѣ, точно ярмарка! Въ тотъ день въ домѣ, гдѣ бывали праздники, всѣ подымались съ пастухами: суматоха, суета, горничныя бѣгаютъ черезъ дворъ съ юбками, всѣ озабочены, въ столовой разставляютъ посуду, вынимаютъ серебро. Часамъ къ двумъ въ гостиной уже полно. Тамъ тихо и церемонно, дамы одна около другой сидятъ возлѣ стѣнъ, многія молчатъ, нѣкоторыя разговариваютъ вполголоса съ сосѣдками. На диванѣ и около дивана на креслахъ, сидятъ самыя почетныя дамы, тутъ же съ ними предводитель и кто-нибудь изъ отставныхъ генераловъ съ орденами, прилизанный и важный. На балконѣ, если это было лѣто, сидятъ дамы помоложе, разговоры тамъ оживленнѣе и даже слышенъ звонкій смѣхъ. Всѣ разряжены, но туалеты ихъ нѣсколько странны, мѣстной моды. Нынѣшнимъ дамамъ костюмы того времени показались бы каррикатурными, но зато онѣ, навѣрно бы, позавидовали брилліантамъ; смѣло можно поручиться, что поддѣльныхъ не было.

Мужчины собрались въ кабинетъ и толкуютъ о предстоящей „волѣ“, о кормѣ скота, о собакахъ, о лошадяхъ и, нечего грѣха таить, о смазливыхъ бабенкахъ. Первые слухи о крестьянской реформѣ встревожили всѣхъ, хотя мало кто хотѣлъ этому вѣрить. Только и слышно было въ отвѣтъ на передаваемые слухи: „да вы всѣ, кажется, съ ума сошли“. Старыя помѣщицы по-своему разсуждали объ этомъ: „можетъ ли статься“, говорили онѣ, „чтобы могло быть такъ, что бабы не будутъ больше приносить мнѣ яицъ, циплятъ и домотканнаго холста, а горничныхъ, кухарокъ я буду нанимать за деньги“. Тѣ, которые вѣрили въ возможность реформы, утѣшали себя тѣмъ, что крестьянамъ дадутъ волю безъ земли:—„крестьяне,—разсуждали они,—не птицы небесныя, имъ нужно будетъ и пить, и ѣсть, и они рады будутъ работать за очень дешевую плату“. Очень мало было людей, желающихъ реформы, вообще же всѣ были настроены мрачно и боялись неизбѣжнаго разоренія. Были и такіе, которые утверждали, что „волю“ затѣяли поляки, которые хотятъ взбунтовать народъ противъ властей и помѣщиковъ. Я тогда не зналъ, что сваливаніе на поляковъ „этой затѣи“ имѣло нѣкоторую долю основанія, такъ какъ первое всеподданнѣйшее обращеніе къ государю о дарованіи крестьянамъ свободы дѣйствительно воспослѣдовало отъ помѣщиковъ литовскихъ губерній.

Барышни подъ руки линіями ходятъ по дорожкамъ, а болѣе всего на площадкѣ передъ окнами столовой, гдѣ съ утра стоятъ закуски и сидятъ мужчины. Барышни, проходя мимо нихъ, смѣются звучнымъ дѣвичьимъ смѣхомъ и ведутъ невинные разговоры. Онѣ показываютъ нѣкоторое, не то, чтобы пренебреженіе, а скорѣе невниманіе къ мужчинамъ, когда тѣ смотрятъ на нихъ. Вообще, ба-

рышни того времени были крайне наивны и хотя въ умѣніи кокетничать имъ отказать нельзя было и тогда, но кокетство это было невинное по формѣ и не опасное по результатамъ.

О женской эмансипаціи никто тогда еще не думалъ и даже слова этого не существовало. Женщины въ дореформенное время рѣдко воспитывались въ институтахъ, а если и воспитывались, то весьма немногія. Это были или дочери вельможъ, или важныхъ чиновниковъ. Большинство же росли дома, въ обществѣ нянекъ и горничныхъ, всѣ познанія получали отъ священника и „мамзелей", личности, занимавшей средину между прислугой и гувернанткой. Чадолюбивые родители, даже изъ числа образованныхъ, преслѣдовали своихъ дочерей моралью о приличныхъ манерахъ и требовали, чтобы онѣ берегліись отъ загара, читать же имъ особенно много не позволяли, боясь, что онѣ, зачитавшись, создадутъ свой мечтательный міръ и будутъ рваться изъ того, въ которомъ ихъ держатъ. Я зналъ очень много русскихъ женщинъ отъ природы умныхъ, даже талантливыхъ, но, за отсутствіемъ образованія и совершеннаго обезличенія, ни къ чему не пригодныхъ и вѣчно недовольныхъ жизнью. Даже воспитаніе женщинъ высшаго круга все сводилось на то, чтобы сдѣлать ее барышней очень нарядной, очень чопорной, брянчащей на фортепіано, равнодушной ко всему и ко всѣмъ, любящей только блистать въ свѣтѣ, стремящейся только къ блестящему замужеству. Польская образованная женщина того времени безспорно стояла много выше. Оставаясь хорошею матерью и хозяйкой, воспитывая дѣтей въ религіозныхъ и патріотическихъ началахъ, она въ то же время умѣла жить и работать для общества и даже, въ случаѣ необходимости, и жертвовать собою. Этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы въ это же время не было русскихъ женщинъ съ высокими и святыми побужденіями, чему краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ жены декабристовъ, послѣдовавшія за своими мужьями въ ссылку, но ихъ было такъ немного, и онѣ принадлежали къ такому обществу, что вполнѣ естественно, что ихъ поступокъ былъ окруженъ ореоломъ героизма и воспѣтъ поэтами. Тысячи польскихъ женщинъ, почти побираясь, шли также въ ссылку за своими отцами, мужьями, братьями, исполняя также свою святую обязанность, не разсчитывая ни на связи, ни на протекціи, а имѣя въ перспективѣ лишь нужду и страданія.

Въ самомъ городѣ Муромѣ былъ дворянскій клубъ; въ то время, привилегію устройства клубовъ имѣли только одни дворяне, англичане и нѣмцы. Въ этомъ клубѣ, въ будни, засѣдали картежники, въ праздники, по вечерамъ, являлась молодежь, пріѣзжали маменьки съ дочерьми и, подъ звуки прекрасной полковой музыки,—танцовали до

зари. Послѣ такихъ вечеровъ сердце то того, то другаго изъ моихъ товарищей оказалось побѣжденнымъ; годовое мое пребываніе въ Муромѣ на моемъ сердцѣ не оставило никакихъ слѣдовъ, оно было еще свободно „отъ постоя“, какъ говорили у насъ въ полку.

Въ 70 верстахъ отъ Мурома былъ огромный чугуноплавильный и желѣзодѣлательный Выкосинскій заводъ, принадлежащій Шепелевымъ. Шепелевы жили, какъ владѣтельные князья: богато, широко и весело. Они содержали прекрасный драматическій и оперный театръ и имѣли превосходную музыку, исключительно организованную изъ дворовыхъ людей. На сценѣ драматическаго театра за годъ до моего пріѣзда въ Муромъ, въ первый разъ, разыграна была „Свадьба Кречинскаго“, авторъ которой Сухово-Кобылинъ былъ главноуправляющимъ дѣлами Шепелевыхъ. Во время моего пребыванія въ Муромѣ дѣла Шепелева шли къ упадку, но театръ все-таки еще довольно долго существовалъ. Сухово-Кобылина я нѣсколько разъ видѣлъ въ Муромѣ; ходилъ слухъ, что „Свадьба Кречинскаго“ написана не Сухово-Кобылинымъ, а его любовницей С—ной. Я зналъ эту С—ну, это была вовсе не такъ развитая женщина, чтобы ей было подъ силу написать такую капитальную вещь, и думаю, что слухъ этотъ не больше, какъ сплетня.

Заканчивая мои воспоминанія о нашемъ пребываніи въ Муромѣ, я долженъ сказать, что мнѣ тамъ жилось очень хорошо. Это была жизнь простая, веселая, занятая и на то время вполнѣ удовлетворяющая меня. Мы, поляки, о русской общественной жизни имѣли самое плохое представленіе. Причинъ этому было много, и всѣ онѣ имѣли одно основаніе—національную вражду, а нѣтъ на свѣтѣ порока слѣпѣе и опаснѣе этой вражды, и нѣтъ предразсудковъ глупѣе тѣхъ, которые на ней держатся. Но это грѣхъ не однихъ поляковъ. Повинны въ немъ и русскіе!..

Осенью 1860 года полкъ нашъ выступилъ въ Москву.

Воспоминанія стараго кавказца.

Въ 1846 г. умеръ мой отецъ. Смерть пришла вдругъ отъ внезапнаго остраго воспаленія легкихъ, и мнѣ довелось застать лишь послѣднія минуты его жизни. Одиноко лежа въ своей городской квартирѣ въ г. Калугѣ, гдѣ его застала болѣзнь, онъ, откашливаясь и захлебываясь кровью, имѣлъ силы лишь безмолвно указать мнѣ на стоявшій въ углу крестъ съ мощами, которымъ, такимъ образомъ, безмолвно меня благословилъ онъ на жизненный путь [1]).

Я росъ беззаботнымъ барчукомъ-помѣщикомъ и долго не зналъ, что послѣ смерти отца, благодаря ея внезапности, судьба распорядилась такъ, что я, самый младшій изъ всѣхъ братьевъ, не унаслѣдовалъ ничего, кромѣ этой святыни. Жилось намъ въ нашемъ Мещовскомъ имѣніи привольно. Староста доставлялъ къ барскому столу положенные съ души сборы — яйцами, курами, баранами и прочею снѣдью. Господская дворня, стрѣлки-охотники, сѣнныя и дворовыя дѣвушки—состоявшія на застольной и мѣсячинѣ, молодые дворовые парни, бывшіе въ ученіи мастеровые, побросавшіе своихъ хозяевъ и вернувшіеся домой отъ строгостей ученія—вотъ, что составляло нашъ жизненный кругъ и наше общество. Нечего говорить, что привольная благословенная жизнь эта была до крайности узка и замкнута въ своихъ маленькихъ интересахъ.

Всѣ они сводились къ барскому коротанію времени. Намъ, молодымъ барчукамъ, волею-неволею приходилось продолжать жизнь отцовъ: въ тѣ времена, когда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни нынѣ-

---

[1]) Этотъ крестъ съ заключенными въ него частицами мощей, поименованныхъ на его обратной сторонѣ, находится въ нашемъ родѣ болѣе 200 лѣтъ.

шней популярности печати, наукъ и искусствъ, не могла жизнь вдругъ перемѣниться сама собою. Не могло явиться и побудительныхъ мотивовъ къ тому.

Жилось день за днемъ. Коротали время игрою въ городки, катаніемъ яицъ (если дѣло было о Пасхѣ) и проч. Не только барчуки забавлялись этимъ, но и престарѣлые отцы наши.

По вечерамъ развлекались пѣснями доморощенныхъ пѣсельниковъ, балалаечниковъ [1]), хороводами.

Сказки, какъ, вѣроятно, то нашелъ бы изслѣдователь моего времени, замѣняли намъ теперешнюю литературу.

Надоѣдятъ ли или притомятъ господское вниманіе сказки — иныя развлеченія, болѣе игривыя являлись имъ на смѣну. Помню, напримѣръ, былъ у отца дворовый человѣкъ—Чекмарь,—спортативной спеціальностью котораго были щелчки. Боже ты мой, какія чудеса онъ ими продѣлывалъ! Оттяжкою средняго пальца онъ дробилъ старинныя помадныя банки и сковородки. Обаяніе этого феномена еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что, бывало, по рублю серебромъ предлагалось желающему испытать на своемъ лбу искусство его, но таковыхъ среди дворни, однако, не находилось.

Изъ числа подобныхъ спортсменовъ я невольно припоминаю еще нѣкоего Антона Астахова, сухиничскаго прасола. Этотъ 40 разъ клалъ правой рукою двойникъ (2-хъ пудовую гирю) на одно плечо, потомъ на другое—послѣ чего, бывало перекреститъ себя имъ и, поцѣловавъ въ донышко, бережно поставитъ на полъ. Другой — нѣкій Линьковъ, закручивалъ о столъ правой рукой въ трубочку полтинники.

Амбары всегда бывали полны волчатами — ихъ строго приказывалось на охотѣ не рѣзать, а струнить и брать живьемъ. Съѣдутся гости — устраиваются садки этихъ волчатъ (либо зайцевъ) и—идетъ ярое соревнованіе въ рѣзвости собакъ.

А сколько бывало во дворѣ всякихъ бойцовыхъ гусей, да пѣтуховъ! Сколько соловьевъ, перепеловъ, жаворонковъ, наловленныхъ весною на лучки, зимовало въ горницахъ. Эти ловли, охоты, поѣздки за грибами въ Мальчино, когда живалось на лонѣ природы недѣлями... Отецъ, бывало, охотится, а мы съ теткой Василисой сбираемъ грибы, которые тутъ же солятся въ каткахъ... И мило и какъ странно все это теперь вспомнить! До какой степени все не похоже на теперешнюю жизнь!

---

[1]) Гармонія въ деревню въ тѣ поры еще не проникла. Уже значительно позже, будучи юнкеромъ, я везъ къ святкамъ двухтонную гармонію и, какъ теперь помню, по дорогѣ учился на ней играть, покуда не застудилъ рукъ. *Авторъ.*

Какъ вспомню — про существованіе газетъ на Божьемъ свѣтѣ узналъ я едва-ли не послѣ своего возвращенія съ Кавказа. Книги же были своего рода рѣдкостью и даже довольно исключительною.

Нужно ли говорить, что объ обученіи дѣтей заботились немного. Оно и не по силамъ было большинству мелкопомѣстныхъ дворянъ, да и надобности въ немъ не ощущалось. Большинство дворянъ жило исключительно доходами съ земли, коммерческими сдѣлками никто не занимался, банковъ не было — единственно былъ опекунскій совѣтъ. И вотъ заложитъ баринъ имѣніе—деньги выйдутъ и поневолѣ усядется на деревенскія харчи. Къ чести нужно сказать, впрочемъ, что никогда даже мелкопомѣстный дворянинъ не ронялъ свои достоинства: выѣзды, пріемы всегда по средствамъ, пили наливочки да настоечки, закусывали груздочками и т. п. Такъ и жилось ни шатко, ни валко. Нужно ли было какое-нибудь особое обученіе для продолженія дѣтьми этой же жизни! Даже безплатный пріемъ дворянскихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса многихъ не соблазнялъ. Уже значительно позже законъ принудилъ обратить вниманіе на образованіе дѣтей, такъ какъ третьему неслужилому поколѣнію угрожала перспектива переписки въ податное состояніе.

Наше первоначальное обученіе, по мѣрѣ подрастанія, возлагалось на дядьку Дмитрія Трефилыча—немного грамотнаго, затѣмъ его смѣнилъ сельскій дьяконъ; послѣ чего всѣ мы, братья, одинъ за другимъ поступали въ Мещовское уѣздное училище, которое со славою кончали, вынося оттуда или очень немного или вѣрнѣе ничего.

По-тогдашнему—для дворянина курсъ уѣзднаго училища почитался совершенно достаточнымъ, такъ какъ онъ давалъ цензъ для зачисленія на службу хотя-бы писцомъ губернскаго правленія.

Изъ учителей ярче прочихъ запечатлѣлся въ моей памяти почему-то Андрасовъ — учитель русскаго языка, который какъ-то особенно больно дрался.

На-ряду съ подобными педагогами, впрочемъ, были и дѣйствительно достойные люди, какъ, напр., учитель отечественый исторіи и географіи Конст. Григ. фонъ-Плеве (отецъ покойнаго министра внутр. дѣлъ).

Вотъ собственно въ чемъ состояла подготовка наша къ самостоятельной жизни, которую мы унаслѣдовали отъ отцовъ. Набросавъ слишкомъ бѣглыми чертами всю эту картинку быта среднихъ помѣщиковъ захолустныхъ деревень первой половины прошлаго вѣка, я не хочу тѣмъ самымъ входить въ осужденіе или въ оправданіе многихъ сторонъ жизни, утратившей теперь все свое raison d'être. Достаточно вѣдь вспомнить, что то было время, когда самая купля-продажа, совершаемая надъ людьми, не вызывала какихъ-нибудь колебаній нрав-

ственнаго самосознанія, а часто даже являлась предметомъ простаго развлеченія.

Останавливаться на этомъ, описывать подробно время, оцѣнку которому дала и великая реформа 19 февраля и послѣдующая исторія— едва-ли нужно.

„Запросовъ", какъ говорятъ теперь, тогда не ощущалось. Извнѣ они притечь ни откуда не могли; — зародиться? Они и зарождались послѣ, но серьезнаго значенія двигающаго начала имъ еще не суждено было имѣть.

Чтобы перейти къ намѣченной мною задачѣ, мнѣ приходится коснуться памяти, теперь уже, вѣроятно, покойныхъ опекуновъ нашихъ послѣ смерти отца. О мертвыхъ справедливо говорится — aut bene, aut nihil, но и, кромѣ того, я затруднился бы сказать про нихъ что бы ни было. Постоянно смѣняя одинъ другаго, по назначенію опекунскаго совѣта, они получали, по положенію по 5 коп. съ каждаго доходнаго рубля, и мы, барчуки, ихъ въ глаза не видывали. Не помню, какъ и какими судьбами назначенъ былъ къ намъ опекуномъ отставной поручикъ Андр. Петр. Матовъ, женатый на дальней нашей родственницѣ.

Это былъ вполнѣ порядочный человѣкъ, воспитанный и, къ довершенію своихъ хорошихъ качествъ, охотникъ.

Охота, какъ всякая откровенная страсть, вообще сближаетъ людей; я же оказался хорошимъ стрѣлкомъ и на мою долю выпало особенное вниманіе этого добраго человѣка. Обласканный имъ, я сталъ бывать у него и подъ его вліяніемъ началъ впервые подумывать надъ своимъ положеніемъ недоросля-барчука, вдобавокъ оставшагося безъ своей доли отцовскаго наслѣдства.

Постоянные разсказы А. П. о военной службѣ подкупали меня впечатлѣніемъ какой-то праздничной невинной веселости, которая проникала всѣ недавнія еще воспоминанія этого, видимо, неиспорченнаго человѣка и скоро опредѣлили мое будущее положеніе.

Въ 1852 г. послѣ уборки хлѣба и осенней выручки денегъ А. П. повезъ меня въ Москву для опредѣленія въ военную службу.

Одинъ мой родственникъ, офицеръ 6-го корпуса, настоятельно совѣтовалъ намъ обратится къ Андрееву. Андреевъ этотъ былъ великою персоною въ военной іерархіи корпуса, несмотря на свой ничтожный рангъ—штабнаго писаря.

Какъ теперь помню визитъ этого Андреева у насъ въ гостиницѣ Чалышовой. Въ безукоризненномъ штатскомъ платьѣ, „tiré à quatres épingles", весь въ брилліантахъ, въ шубѣ съ бобрами.... возможно,

что впечатлѣніе этотъ выкрестъ изъ жидковъ производилъ пестрое и нелѣпое. Помню только: меня онъ положительно ошеломилъ.

Опекунъ мой распорядился закусочкою, по хорошему обыкновенію, чѣмъ Богъ послалъ; но каково же было наше изумленіе, когда А—въ отказался отъ водочки, промолвивъ, что предпочитаетъ джинъ, а послѣ закуски „привыкъ“ пить шампанское.

Требованіе дорогаго гостя, въ другое время, конечно, показавшееся бы нахальнымъ, въ виду важности, которую являлъ собою его пріѣздъ, было уважено.

Условившись о днѣ моей явки въ корпусный штабъ, А—въ откланялся. Мы по гостепріимному деревенскому обычаю вышли его проводить. У подъѣзда его ожидалъ сѣрый рысакъ-одиночка.

Андрей Петровичъ, любитель лошадей, залюбовался лошадью и поинтересовался узнать цѣну. Андреевъ бросилъ вскользь, подавая руку изъ-подъ своихъ „бобровъ“, что этого онъ по случаю купилъ за тысячу, но что вотъ у жены его караковая пара для выѣзда—пять тысячъ, тѣ лошади дѣйствительно недурны, а эта—такъ себѣ [1]).

Въ назначенный Андреевымъ день явились мы въ штабъ. Встрѣтилъ насъ также А — въ, но уже въ образѣ обыкновеннаго писаря.

Меня пригласили въ кабинетъ дежурнаго штабъ-офицера (они замѣняли нынѣшнихъ офицеровъ генеральнаго штаба).

На столѣ книги, бумага. У меня послѣ деревенской жизни и при храбрости развѣ противу зайцевъ душа, какъ говорится, ушла въ пятки.

— Садитесь. Разскажите основаніе Рима.

— Ромулъ и Ремъ... они основали Римъ...

Добрый экзаменаторъ, видя мое смущеніе, перешелъ къ математикѣ. Задача съ грѣхомъ пополамъ сдѣлана, но общій результатъ, какъ и надо было ожидать: „вамъ слѣдуетъ повторить, что вы знаете, и подготовиться“.

Ни что же сумняшеся, я отвѣчаю, что виноватъ тутъ Андреевъ, что онъ не предупредилъ меня объ экзаменѣ. Штабъ-офицеръ съ улыбкой отвѣтилъ, что съ Андреевымъ это бываетъ.

По выходѣ моемъ изъ кабинета, отыскали мы Андреева. Тотъ снисходительно меня успокоилъ и обѣщалъ вечеркомъ завернуть къ намъ вмѣстѣ съ учителемъ изъ корпусныхъ топографовъ.

Вечеромъ снова устроили мы подобающій пріемъ—вопросъ рѣшался вѣдь слишкомъ серьезный! Андреевъ подпившій, слегка, раз-

---

[1]) Впослѣдствіи на Кавказѣ снова довелось мнѣ увидѣться съ Андреевымъ; но это былъ уже разжалованный писарь, переживший и утративший безповоротно свою славу и богатство.

откровенничался. Онъ говорилъ, что „все можетъ устроить“, какъ устроилъ же моего родственника ***, отставленнаго отъ производства „за слабостью по фрунту“ самимъ корпуснымъ командиромъ [1]).

Онъ даже посвятилъ насъ въ тайны этого искусства, признавшись, что для этого при составленіи списка, онъ при переносѣ на страницу оставляетъ мѣсто, куда вписываетъ своего protegé, разумѣется, послѣ подписанія списка.

Однимъ словомъ, не оставалось сомнѣнія, что этотъ талантливый человѣкъ, дѣйствительно, что угодно можетъ сдѣлать. Нужно ли было въ самомъ началѣ добавлять, какъ это я сдѣлалъ, вставивъ вскользь, —что Андреевъ былъ изъ выкрещенныхъ евреевъ.

Невѣроятнымъ кажется это теперь. Тогда же не въ диковинку случалось, что въ юнкера поступали зачастую простаки неграмотные. Дѣлалось это черезъ посредничество Андреевыхъ, при помощи подставныхъ наемниковъ (изъ студентовъ) на экзаменахъ, да и мало ли какихъ „старыхъ“ способовъ.

Къ слову вспомнить, въ бытность мою юнкеромъ у меня были два товарища, братья К—скіе, совершенно неграмотные; не знаю, выучились ли они съ производствомъ въ офицеры. Дѣлаю эту оговорку потому, что, уже будучи офицеромъ, я зналъ нѣкоего С—тина, который читать хотя и читалъ, но писать—не былъ обученъ.

На вопросъ моего опекуна, откуда у него такія, повидимому, большія средства, Андреевъ развязно продолжалъ свои откровенныя изліянія.

— Вы сочтите, сколько въ корпусѣ юнкеровъ да и... господъ офицеровъ накиньте. По рублику съ каждаго если—и то выйдетъ порядочная сумма; а бываетъ, что и въ большихъ чинахъ обращаются за помощью!.. Всѣмъ пособи: тому—награду, пособіе, этому—командировку, повышеніе... А Андреевъ-то одинъ!

Занятія мои съ топографомъ пошли успѣшно. Слѣдуетъ сказать, впрочемъ, что и самая программа-то юнкерскаго экзамена была не особенно мудреная, такъ что черезъ мѣсяцъ я уже чувствовалъ себя вполнѣ подготовленнымъ.

Послѣ первыхъ дней хлопотъ, затѣмъ за хлопотами подготовки, прошло много времени, прежде чѣмъ мы выбрали время навѣстить въ I-мъ кадетскомъ корпусѣ моего родственника кадета (Домогацкаго). Не безъ удивленія узнали мы отъ него, что въ сущности какой-то Андреевъ въ дѣлѣ моего поступленія въ военную службу вовсе ни

---

[1]) И стоило это подношеніе Андрееву ста рублей и золотыхъ часовъ.

при чемъ, такъ какъ я имѣю полнѣйшее право подать теперь же бумаги въ кадетскій корпусъ и держать экзамены тамъ.

Забраны справки, подано прошеніе и—всего лишь черезъ нѣсколько дней я блистательно выдерживаю экзамены.

Съ полученнымъ свидѣтельствомъ я явился снова въ штабъ корпуса для подачи просьбы о зачисленіи на службу въ 69-й Рязанскій полкъ, который квартировалъ въ Москвѣ, а 4-й батальонъ его стоялъ въ Козельскѣ—мѣстѣ моей родины.

Скоро состоялся приказъ, и вотъ я слуга царю и отечеству.

Четвертые батальоны являли тогда собою кадры, куда зачислялись всѣ вновь принятые рекруты (также и юнкера) для прохожденія курса строеваго обученія до перечисленія въ разрядъ старо-служащихъ.

Командовалъ нашимъ батальономъ полковникъ Іосифъ Яковлевичъ Рашковскій—прекраснѣйшій и очень любимый нами начальникъ.

Какъ подобало барчуку, я взялъ съ собою изъ деревни для услугъ крѣпостнаго человѣка Александра. Изъ деревни же я получалъ масло, яйца и проч. провизію. Съ товарищами я скоро сдружился. Все это былъ въ большинствѣ хорошій молодой, а подчасъ и не молодой, народъ,—въ громадномъ большинствѣ изъ мѣстныхъ же дворянскихъ дѣтей, отчисленныхъ за тихіе успѣхи изъ учебныхъ заведеній.

Были среди нихъ и тридцатитипялѣтніе молодцы, нерѣдко съ просѣдью въ волосахъ —унтеръ-офицеры учебнаго батальона, называемаго нами Сморганьскою академіей, обязанные 12-лѣтнею службою въ войскахъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи для производства въ офицеры.

Вообще же все это былъ народъ праздный, благодушный и безшабашный.

Учебными занятіями насъ не особенно допекали, учителями были тѣ же свои товарищи—унтеръ-офицеры, выслужившіе уже срокъ на производство въ офицеры и ожидавшіе только приказа.

Съ оффиціальной стороны юнкеръ былъ очень плохо обставленъ.

Довольствіе и квартиры полагались отъ обывателей (многіе же получали на руки свой паекъ—1 п. 32 ф. 48 зол. муки и $^1/_{15}$ гарнца крупы въ мѣсяцъ).

Одежда полагалась казенная или требовалась во всякомъ случаѣ форменная: солдатская шинель, форменный сапогъ, и, избави Богъ, если нижнее бѣлье бывало изъ полотна или тонкой неформенной матеріи. Остриженъ юнкеръ долженъ былъ быть всегда подъ гребенку (спереди длинные, сзади же нѣсколько короче), виски зачесаны впе-

редъ; усы—въ гренадерской ротѣ, впрочемъ, только—непремѣнно нафабрены растопленнымъ воскомъ съ сажею при помощи гребенки.

Благодаря другой неоффиціальной сторонѣ нашего положенія эти сѣрыя условія насъ ничуть не тяготили. Жили мы въ большинствѣ случаевъ по собственнымъ квартирамъ, товарищескими общежитіями, по 3—4 человѣка, часто отказываясь отъ привилегій казеннаго довольствія. У каждаго имѣлся собственный мундиръ изъ тонкаго сукна, шинель—хотя и солдатская, но съ тонкимъ воротникомъ и со многими „модными“ отступленіями отъ формы, въ видѣ складочекъ назади, строченый бортъ, перехваченная талія, шапочка-конфедератка...

Юнкеръ бывалъ всегда желаннымъ гостемъ въ лучшихъ семьяхъ. Какъ кавалера на вечеринкахъ его нельзя было замѣнить никѣмъ. Окрестные помѣщики души въ насъ не чаяли, лошади ихъ всегда бывали къ нашимъ услугамъ. Такое радушіе было понятно еще и потому, что у большинства изъ нихъ были свои дѣти—либо тоже юнкера, либо судьба которыхъ была такая же.

Въ частной своей жизни жили мы, конечно, прежде всего неуютно, на холостую ногу. Это, впрочемъ, было тогда въ модѣ. Чубуки въ углу, табакъ по окнамъ, на столѣ остывшій самоваръ, краюха хлѣба—угощеніе для зашедшаго во всякое время товарища.

Теперь бы, можетъ быть, и не захотѣлъ снова очутиться въ такой обстановкѣ; тогда же—молодость ли говорила за себя—не знаю, только наша жизнь катилась праздничнымъ колесомъ.

По странной случайности вопросъ ѣды былъ центромъ, вокругъ котораго вращались не только всѣ наши интересы, но иногда и развлеченія. Большою любовью, напримѣръ, пользовалось среди насъ упражненіе въ рубкѣ гречишниковъ или черепенниковъ [1]), составленныхъ въ различныя фигуры. Требовалось на споръ взмахомъ тесака или ножа срѣзать ихъ извѣстнымъ образомъ, не нарушивъ фигуры. Выигравшій тутъ же, къ зависти своихъ товарищей, поѣдалъ свой призъ въ видѣ румяныхъ рыхлыхъ гречишниковъ. Спортъ этотъ особенно оживлялъ юнкеръ Дробовичъ. Добродушный, длинный и съ виду худощавый малый, онъ чаще всѣхъ проигрывалъ. Между тѣмъ, какъ онъ вѣчно былъ голоденъ и обладалъ какимъ-то волчьимъ, неукротимымъ аппетитомъ. Оффиціально, приказомъ по полку, ему положенъ былъ двойной паекъ, котораго ему все-таки не хватало.

Прошла зима 1852 года. Съ первымъ наступленіемъ весны, съ первою пѣснею жаворонка, прокатилась внезапная вѣсть: ѣдетъ смо-

---

[1]) Каравайчики изъ блиннаго гречишнаго тѣста.

трѣть спеціально юнкерскую команду командиръ полка. Нужно сказать, что командиръ полка, полковникъ Дуссекъ, былъ истинною грозою юнкеровъ. Ему доставляло особое удовольствіе поймать юнкера въ какомъ-либо отступленіи отъ формы. Юнкера обѣгали его обыкновенно за нѣсколько кварталовъ, но разъ попался на глаза (отступленія отъ формы всегда были на-лицо), моментально на гауптвахту, гдѣ раздѣвали раба Божія съ ногъ до головы; тутъ же рвалось и уничтожалось все не форменное (будь то нижнее бѣлье даже); на барабанѣ, что считалось верхомъ позора, остригались волосы на головѣ, послѣ чего преступника, перенесшаго цѣлый адъ издѣвательствъ, ввергали въ карцеръ или наряжали внѣ очереди на мѣсяцъ въ караулъ за рядоваго.

Юнкерская команда наша была численностью до 60 человѣкъ. Я, какъ первогодникъ, былъ на лѣвомъ флангѣ не въ строю и безъ аммуниціи.

Смотръ былъ на городской площади.

Помню лужи, талый снѣгъ съ навозомъ. Сначала смотрѣлось фронтовое ученіе—ружейные пріемы, маршировка, разсыпной строй. Звучитъ сигналъ—„то, тіи, тіа, тіа“, въ переводѣ на житейскій языкъ: „ложись и ползи!“

Послѣ смотра полнѣйшій разносъ нашему симпатичному командиру полковнику Рашковскому, всѣхъ строевыхъ въ караулъ, учителямъ (кандидатамъ на производство въ офицеры) вмѣсто ружей—въ руки по метлѣ и лопатѣ, а насъ, юнкеровъ, тутъ же на площади разставили на часы.

Наступило лѣто. Собрался весь батальонъ изъ окрестныхъ селъ и деревень, по которымъ былъ расквартированъ, на тѣсный сборъ. Начались одиночныя ученія—по капральствамъ въ каждой изъ четырехъ ротъ, кромѣ старослужащихъ солдатъ и полнаго комплекта рекрутъ. Основательно пройдя стойку въ строю, повороты, перешли къ маршировкѣ. Маршировка учебнымъ шагомъ была въ три пріема. Съ первой командой—„разъ“ выносился впередъ носокъ правой ноги, подъ протяжный счетъ „два-а“ нога подымалась на аршинъ отъ земли и съ командой „три“—шлепала по землѣ, и начиналась описанная процедура съ лѣвой ногой.

Послѣ одиночнаго обученія перешли къ обученію съ ружьемъ. Ружье—12 фунтовъ вѣсомъ по командѣ „на плечо“ держалось въ лѣвой рукѣ подъ прикладъ такъ, чтобы стволъ равнялся съ носомъ, если смотрѣть сбоку.

Равненіе въ строю не только требовалось по-шереножно и въ

затылокъ, но и чтобы ружья были одинаково поставлены. Чуть колыхнулся, не удержавъ вертикально ружья,—разносъ.

Маршировать съ ружьемъ, по описанному выше рецепту, было чистою мукой. А неровенъ шагъ или нѣтъ равненія,—разносъ и соотвѣтствующее наказаніе.

Лѣтомъ слѣдующаго 1853 года батальонъ ходилъ уже на полковой сборъ подъ Москву.

Наконецъ, объявлено было, что наша 18-я дивизія выступаетъ на Кавказъ на усиленіе кавказскаго корпуса. Начались сборы, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ потянулись мы съ сѣвера на югъ.

Шли по-эшелонно: два дня походъ—день отдыха (дневка); второй маршъ—три дня и снова дневка и т. д.

Ночлеги бывали по селеніямъ,—иногда квартирьеры ведутъ куданибудь въ сторону отъ дороги, чуть не за 5—7 верстъ. Походъ этотъ, вообще тяжелый, для меня лично былъ легче, нежели для другихъ моихъ товарищей. Благодаря добротѣ ротнаго командира моего Н. Л. Похвиснева, я запасся лошадью съ санями, пригласилъ къ себѣ моего же одноротца юнкера Юнакова, и ѣхали мы съ нимъ въ родѣ путешественниковъ. Такія условія позволяли намъ и другимъ товарищамъ оказывать посильную помощь, принимая отъ нихъ въ наши сани ранцы съ тяжелою аммуниціей.

Закончивъ переходъ, я возился обыкновенно съ лошадью—отпрягалъ, убиралъ; на дневкахъ запасался овсомъ, а Юнаковъ тѣмъ временемъ хлопоталъ по хозяйству—разводилъ бывшій съ нами самоварчикъ, иногда къ большому изумленію хозяевъ, видавшихъ впервые эту машину. Чаще всего приходилось по окончаніи чаепитія въ томъ же самоварѣ отваривать спасительные въ пути пельмени, которые мастерски дѣлалъ тотъ же Юнаковъ.

Закусивъ ими, мы укладывались спать, хотя часто и рано бывало. Но занять себя бывало нечѣмъ; кромѣ того, день, проведенный на воздухѣ, утомлялъ, да и о слѣдующемъ днѣ нужно было подумать: нужно было встать вѣдь раньше „сбора“, чтобы успѣть убраться съ лошадью и закусить на дорогу.

Въ Орловской и Курской губерніяхъ присоединились къ намъ резервные солдаты, назначенные для укомплектованія до штатовъ военнаго времени.

Въ городахъ и большихъ селахъ, повсюду по пути—встрѣчи, угощенія, водка, пироги христолюбивому воинству.

Далѣе, все далѣе...

Ни снѣга, ни вьюга не замедляли нашего маршрута.

Во Владикавказѣ, единственно, задержали насъ обвалы на главномъ перевалѣ что-то съ недѣлю; затѣмъ обвалъ въ укрѣпленіи Ларсъ на 3 дня—пока былъ расчищенъ путь.

Наконецъ, перевалили черезъ Казбекъ, спустились на р. Араксъ и пришли въ Душетъ.

Въ горахъ мы размѣщались въ палаткахъ. Объ отопленіи, конечно, и рѣчи не могло быть. Дровъ, вѣрнѣе сучьевъ, по 10 коп. фунтъ, едва можно было закупить для варки пищи полку.

Наконецъ, насталъ давно жданный день вступленія въ Тифлисъ.

Въ преддверіи на р. Іоръ собрался весь полкъ.

Корпусный командиръ генералъ Реадъ пожелалъ видѣть полкъ на походѣ при вступленіи въ Тифлисъ.

Вся предъидущая ночь прошла безъ сна за чисткою и приведеніемъ всего въ порядокъ. Вычистившись „подъ зубокъ“, въ полной боевой аммуниціи, въ шинеляхъ съ поддѣтыми подъ нихъ мундирами—по зимнему положенію—такъ какъ былъ еще только апрѣль 1854 года и тѣмъ не менѣе „разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ“ — такъ какъ на солнцѣ было болѣе + 20°, гремя пѣснями и оглашая воздухъ музыкой, вступили мы на слѣдующій день въ городъ.

Стоялъ чудный ясный день.

Полкъ развернулся по Головинскому проспекту въ ожиданіи начальства, и тутъ-то началась чуть не поголовная валка съ ногъ солдатъ отъ солнечнаго удара.

Я не избѣжалъ участи большинства—не помню, какъ добрался я до ротныхъ кухонь и повалился гдѣ-то возлѣ котла.

Пришедшій въ себя я кое-какъ добрелъ до мцхетскихъ казармъ, отведенныхъ полку, гдѣ голодный на голыхъ нарахъ уснулъ тяжелымъ сномъ.

Проснулся уже поздно, весь искусанный блохами. Этотъ солнечный ударъ не прошелъ для меня безслѣдно—съ головы клочьями падали мои русыя кудри.

Нечего говорить, что на слѣдующій день мы увидѣли кавказскія войска въ лѣтней формѣ и сами облеклись, конечно, во все бѣлое.

Въ Тифлисѣ насталъ для насъ полный отдыхъ—первый послѣ непрерывныхъ шести мѣсяцевъ маршей сквозь мятели и вьюги, пока, наконецъ, встрѣтили ласкающее солнце Кавказа.

Зажили мы не столько беззаботной и веселой, сколько болѣе или

менѣе осѣдлой жизнью, которая при всѣхъ, даже самыхъ удобныхъ путешествіяхъ, всегда манитъ путника прелестью своего уюта.

Служба наша состояла лишь въ несеніи караульныхъ нарядовъ общихъ съ кавказскими войсками.

Размѣщены мы были окончательно въ прекрасныхъ Покровскихъ казармахъ. Офицерство помѣщалось здѣсь же, хотя большая часть расположилась по частнымъ квартирамъ. 14 мая 1854 года я былъ произведенъ въ офицеры.

Послѣ перенесенныхъ неудобствъ походной жизни нижняго чина (съ саночками я принужденъ былъ разстаться съ приближеніемъ къ Кавказу и съ началомъ оттепели) производство въ офицеры явилось счастьемъ ни съ чѣмъ несоизмѣримымъ. Впереди предстояла вѣдь долгая, быть можетъ еще болѣе тяжелая служба Кавказа.

Генералъ такъ не радовался генеральскимъ эполетамъ, какъ я прапорщичьимъ.

Поручили мнѣ въ батальонѣ штуцерную команду. Команда эта была вооружена нарядными бельгійскими штуцерами. (Ихъ полагалось по 3 на роту). Заряжались они съ дула пулею Минье—съ ушками шомполомъ. Послѣ 3—4 выстрѣловъ, однако, съ слѣдующею пулею ничего нельзя было подѣлать—хоть подсаливай или обрѣзай ушки.

Въ караулѣ я уже заступалъ какъ начальникъ караула.

Первый выходъ мой въ караулъ былъ не лишенъ комизма.

Волнуясь чуть не съ вечера, одѣлъ я чуть ли не въ первый разъ мундиръ съ короткими фалдами назади и шарфомъ съ кистями сбоку, бѣлыя брюки на выпускъ и съ иголочки одѣтый пришелъ на казарменный дворъ раньше своего караула.

Товарищи юнкера изъ окна зазвали меня къ себѣ показать себя имъ во всей красѣ. Посидѣвъ у нихъ, я вышелъ къ разводу и—о, ужасъ! вмѣсто моихъ изумительно бѣлыхъ брюкъ на мнѣ было что-то нестрое. Я весь былъ покрытъ блохами.

— Какъ же вы живете и главное можете спать въ такомъ обществѣ?—крикнулъ я имъ со двора, показывая на свой костюмъ. Нѣсколько голосовъ сразу мнѣ благодушно крикнули:

— А ты думалъ, что это можетъ нравиться? Конечно, спать мы выходимъ на дворъ.

На такомъ мирномъ положеніи прожили мы недѣли двѣ или три.

Свободное время, котораго было много, короталось или въ гостиницѣ, куда сходилось все офицерство, или въ саду намѣстника, гдѣ устраивались гулянья и играла музыка. Ни кутежей, ни холостаго разгула я не помню. Народъ мы были уже больно не богатый. Жа-

лованье выдавалось за треть да еще не впередъ, а по прослуженіи. Приходилось систематически устраивать жизнь въ кредитъ у маркитанта. Жалованьемъ уплачивался долгъ, послѣ чего снова приходилось должать. Нѣкоторые офицеры, благодаря этому, лошадей кормили хлѣбомъ и булками—такъ какъ у маркитантовъ не бывало запасовъ сѣна.

Вскорѣ моя радость производства въ офицеры еще увеличилась. Получился приказъ—нашему батальону выступать за Душеть: за Черной рѣчкой показались скопища Шамиля.

Я былъ дежурнымъ по батальону.

Обязанность на походѣ состояла идти позади батальона наблюдать за отсталыми. Шли мы скорымъ форсированнымъ маршемъ—безъ приваловъ. Съ непривычки ходить пѣшкомъ я такъ натеръ себѣ ноги, что подъ конецъ дневнаго перехода едва не ползъ на четверенькахъ. На другой день, не будучи въ силахъ обуть сапоги, я, по совѣту изобрѣтательнаго денщика, вдѣлъ ступни ногъ въ голенища сапогъ, привязалъ ихъ веревочками къ ногамъ и воспользовался уже мѣстомъ на ротномъ котлѣ.

Въ Душетѣ, на мое счастье, мы простояли около недѣли; ноги мои, конечно, поджили. Ротные командиры и нѣкоторые офицеры побогаче обзавелись верховыми лошадьми—ѣздоки по большей части были плохіе; и вотъ у одного ротнаго командира (капитана Сеноженскаго) лошадь оказалась неспокойною—нужно было сбыть, и онъ предложилъ мнѣ въ долгъ на самыхъ подходящихъ условіяхъ.

Вскорѣ весь нашъ полкъ двинули къ турецкой границѣ. Командовалъ полкомъ полковникъ Рылѣевъ.

Къ намъ присоединились драгуны—Сѣвскій и Переяславскій полки и артиллерія. Колонна была подъ командой гр. Нирода. На походѣ получены были свѣдѣнія, что изъ Ардагана турки вышли, и нашей колоннѣ предстояло совершить фланговый маршъ въ виду Карса на присоединеніе къ главному корпусу.

Оставалось пройти верстъ десять, когда вдругъ надъ нами нависла туча и разразилась гроза съ сильнѣйшимъ ливнемъ. Командиръ нашъ одного за другимъ посылаетъ гонцовъ впередъ подъ прикрытіемъ темноты отыскать мѣсто расположенія полка и дорогу. Наконецъ, дошла очередь и до меня, какъ одного изъ адъютантовъ.

Мѣстность была совершенно незнакомая—приходилось ѣхать наугадъ. Вокругъ темень—хоть глазъ выколи, рвы, овраги, и сверху проливной дождь. Благодаря, должно быть, инстинкту лошади, выѣхалъ я къ лагерю корпуса.

По счастливой случайности я какъ разъ выѣхалъ къ палаткѣ товарища своего (бывшаго вмѣстѣ со мною юнкеромъ) офицера Бѣлевскаго полка Воейкова.

Обрадовались встрѣчѣ,—какихъ-нибудь свѣдѣній отъ него я получить не могъ; лагерь спалъ. У Воейкова нашлась рюмка водки, и я, продрогшій и вымокшій, соблазнился ею и, наконецъ, рѣшивъ подождать разсвѣта, растянулся на буркѣ.

На утро, вывѣдавъ мѣсто расположенія полка, я безъ труда разыскалъ своихъ, такъ какъ они простояли всю ночь подъ ружьемъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ я оставилъ ихъ наканунѣ—сбившись въ кучу передъ оврагомъ. Сгоряча командиръ всѣхъ насъ гонцовъ арестовалъ, но потомъ, впрочемъ, смѣнилъ гнѣвъ на милость, сознавъ полную нашу безпомощность сдѣлать что-либо.

По занятіи мѣста въ общемъ районѣ корпуса, начались передвиженія, перемѣны позицій, рекогносцировки, фуражировки...

Ближе, ближе къ Карсу...

Началась постепенная блокада крѣпости. Въ одну изъ фуражировокъ отрядъ угодилъ подъ пушечные выстрѣлы съ крѣпостныхъ валовъ и вмѣстѣ съ захваченною провизіей привезъ въ лагерь много раненыхъ.

Въ Карсѣ, наконецъ, по нѣкоторымъ признакамъ, съ іюля или августа 1855 года, началъ замѣчаться голодъ: стали являться одиночные перебѣжчики—ихъ отправляли въ тылъ въ кр. Александрополь; затѣмъ перебѣжчики стали являться цѣлыми партіями—этихъ по большей части послѣ опросовъ возвращали обратно.

Какихъ-либо политическихъ извѣстій мы не имѣли, о ходѣ военныхъ дѣйствій, о намѣреніяхъ нашего правительства мы имѣли скудныя представленія, газетъ никто не получалъ, да и невозможно было, такъ какъ почта приходила, можетъ быть, разъ въ мѣсяцъ. Прочитывали старыя письма и тѣмъ ограничивались. Отъ скуки офицеры „болѣли“, чтобы имѣть предлогъ съѣздить въ Александрополь, гдѣ лѣкарствомъ служили карты. Игра тамъ велась большая—нѣкоторые возвращались „богачами“, большая же часть, увы! съ весьма плачевными ресурсами. Въ самомъ лагерѣ игра шла своимъ чередомъ и тоже довольно крупная. „Досадно было—боя ждали“! Наконецъ, пришла къ намъ изъ Александрополя осадная артиллерія—4 чугунныхъ пушки, запряженныя каждая четырьмя парами буйволовъ, и 7 ноября послѣдовалъ приказъ общаго штурма.

Приказы тогда отдавались по барабану. Въ главномъ штабѣ подавался сигналъ—призывъ адъютантовъ; сигналъ подхватывался дежурными въ частяхъ сигналистами и трубачами,—и дежурные адъютанты съ тетрадками приказовъ мчались въ штабъ. Дежурный штабъ-офицеръ диктовалъ приказъ, послѣ чего адъютантами же онъ развозился по своимъ дивизіямъ, гдѣ переписывался, затѣмъ въ бригады и въ полковые штабы.

По приказу надлежало выступать въ 11 часовъ вечера. Нашъ полкъ прикрывалъ осадную артиллерію и какъ резервъ поступалъ подъ команду командира корпуса генерала Бриммера (послѣ генерала Реада).

Нахожу умѣстнымъ вставить здѣсь, что полковникъ Рылѣевъ былъ хорошій служака, очень добрый человѣкъ, но имѣлъ пагубное для себя пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. Въ такомъ состояніи онъ продѣлывалъ иногда совершенно неожиданныя вещи.

Такъ, напр., въ періодъ блокады, командуя колонной по сопровожденію транспорта съ продовольствіемъ, онъ вдругъ ночью приказалъ бить тревогу, чѣмъ поднялъ на ноги весь лагерь.

Какъ-то разъ я, какъ адъютантъ, былъ вызванъ въ главную ставку; пріѣзжаю назадъ—докладываю командиру: „господинъ полковникъ, васъ требуетъ къ себѣ главнокомандующій".

— Людвигъ!—крикнулъ полковникъ Рылѣевъ своего вѣстоваго:—жженаго кофе. Живо! „Бѣлый Медвѣдь" зоветъ!

„Бѣлымъ Медвѣдемъ" полковникъ Рылѣевъ звалъ Муравьева.

Видя мое недоумѣніе по поводу жженаго кофе, Рылѣевъ мнѣ не замедлилъ объяснить:

— Когда вамъ случится выпить, а васъ потребуетъ начальство,—всегда это дѣлайте.

Весь штурмующій корпусъ дѣлился на 4 колонны:

наша, подъ командой гр. Нирода, наступала съ фронта и должна была начать штурмъ, оттянувъ на себя вниманіе противника;

2-я подъ командой кн. Гагарина наступала по направленію на Ширахскія высоты.

3-я, подъ командой ген. Майделя, двигалась на Карадагскія, и

4-я—Бакланова—на Чахмахскія.

Вѣроятно, начальники колоннъ имѣли планы мѣстности и имѣли представленіе о расположеніи высотъ и о занятіяхъ ихъ турецкими войсками; но что же касается до начальниковъ частей,—я положительно утверждаю, что ни у кого этихъ плановъ не имѣлось. По должности своей я не могъ не быть въ этомъ отношеніи освѣдомленнымъ.

Въ концѣ штурма справедливость моего наблюденія подтвердилась. По занятіи указанныхъ диспозиціею мѣстъ всѣ приказанія отдавались шопотомъ; тщательно избѣгалась всякая суета, шумъ; войска выстраивались въ полнѣйшемъ молчаніи.

Ночь была темная, тихая.

Подо мною былъ сѣрый конь.

Проѣзжавшій мимо генералъ Бриммеръ приказалъ мнѣ прикрыть коня буркой, хотя разстояніе до крѣпости было, по крайней мѣрѣ, 4—5 верстъ.

Сохраняя глубочайшую тишину, въ 12 час. ночи двинулась наша колонна.

Въ часъ раздалась пушечная стрѣльба, затѣмъ блеснули огненные языки вокругъ укрѣпленій Карсскихъ высотъ, направленные въ сторону непріятеля; тотчасъ безпорядочно заблестѣли отвѣтные— пальба участилась и разразилась громовымъ „ура“.

„Ура“ прокатилось по всей линіи. Громче загремѣли пушки съ валовъ, чаще, безпокойные засверкали язычки ружейныхъ выстрѣловъ. Ихъ все меньше, меньше и все дружнѣе, громче „ура“...

Наши заняли укрѣпленныя передовыя высоты.

Не могу не вспомнить, что наша осадная артиллерія за все время штурма не тронулась и не сдѣлала ни одного выстрѣла.

Наша колонна продвинулась къ подножію Ширахскихъ высотъ. Занималась заря дивнаго утра въ горахъ и на фонѣ ея вырисовалась картина всѣхъ ужасовъ тыла наступленія. Несли раненыхъ... кто брелъ самъ, придерживая руку; кто ползъ къ своимъ, которые безсильны были помочь.

Нашъ—1-й баталіонъ изъ резерва былъ двинутъ для встрѣчи и укрытія раненыхъ. Мы попали подъ огонь непріятельскихъ орудій, но снаряды пролетали съ высоты внизъ, не причиняли урона. Раненые направлялись въ вагенбургъ позади баталіона. Нѣкоторымъ тутъ же дѣлалась ампутація рукъ и ногъ.

Нашъ корпусъ. командиръ стоялъ вмѣстѣ съ главнокомандующимъ на одной высотѣ съ Ширахскими высотами. Отъ главнокомандующаго скачетъ ординарецъ съ приказаніемъ „баталіону Рязанскаго полка съ надежнымъ штабъ-офицеромъ (командиръ полка „отдыхалъ“ подъ осаднымъ орудіемъ) двинуться впередъ на штурмъ“. Но отъ поспѣшности, или отъ того, что ему попался на глаза случившійся здѣсь дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Кауфманъ, онъ передалъ приказаніе: „съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ“.

Полковникъ Кауфманъ тотчасъ вступилъ въ командованіе.

„Баталіонъ въ ружье!“—„На плечо!“ и—впередъ.

Эта ошибка ординарца, какъ послѣ выяснилось, принесла громадную пользу всему отряду.

Лишь только баталіонъ на глазахъ главнокомандующаго поднялся на высоты и занялъ такъ называемыя ворота—то мѣсто, гдѣ стояли наши подбитыя полевыя батареи, на которыя были направлены съ замкнутыхъ непріятельскихъ редутовъ выстрѣлы, Кауфманъ скомандовалъ: „бѣгомъ“, и нашъ баталіонъ миновалъ эти адскія, какъ ихъ потомъ называли, ворота съ незначительными потерями.

Всѣ штурмующія войска, занявъ передовыя укрѣпленія, сдѣла-

лись обладателями только небольшой полосы; редуты же съ замкнутыми горками остались во владѣніи непріятеля.

Командиръ Ряжскаго полка полковникъ Ганецкій со знаменемъ въ рукахъ нѣсколько разъ во главѣ сильно порѣдѣвшаго своего полка кидался на редутъ и—поневолѣ отводилъ полкъ.

Вся бѣда наша, какъ послѣ выяснилось, была въ томъ, что, идя на штурмъ, мы не имѣли ни веревокъ съ крючками, ни мѣшковъ—забрасывать рвы, никакихъ, однимъ словомъ, штурмующихъ приспособленій.

Впереди занятыхъ нами укрѣпленныхъ лагерей на пространствѣ между турецкими редутами и нами бродили кучки нашихъ раненыхъ и отставшихъ отъ своихъ частей, которые разстрѣливались турками.

Кауфманъ, какъ дежурный штабъ-офицеръ (по-нынѣшнему—офицеръ генеральнаго штаба), уяснялъ себѣ расположеніе нашихъ и турецкихъ войскъ.

Онъ увѣренно непоколебимо командовалъ лишь одно: „впередъ, впередъ, молодцы!!“

Нигдѣ не остановясь, ни отвлекшись въ сторону, мы атаковали по пути три укрѣпленныхъ лагеря, двигаясь все впередъ, впередъ, и съ громкимъ дружнымъ „ура“ вышли на противуположную сторону къ колоннѣ Бакланова, выведя съ собою всѣхъ блуждавшихъ между редутами, которые присоединялись по пути къ намъ.

Между тѣмъ, лишь только баталіонъ проскочилъ тѣ адскія ворота, о которыхъ я упоминалъ, какъ изъ Карса на виду главнокомандующаго, не спускавшаго съ насъ глазъ, выскочила кавалерія и пѣхота и—замкнули эти ворота у насъ въ тылу, къ ужасу главнокомандующаго.

Отдохнувъ въ колоннѣ Бакланова, съ наступленіемъ дня, нашъ баталіонъ въ обходъ высотъ возвратился къ своему первоначальному мѣсту по диспозиціи, приведя съ собою до 3-хъ тысячъ самой пестрой толпы.

Главнокомандующій при приближеніи насъ подъѣхалъ къ Кауфману. На глазахъ его были слезы. Онъ подозвалъ къ себѣ знаменщика, раненаго въ ногу, обнялъ его и повѣсилъ ему знакъ отличія военнаго ордена. Убыль въ баталіонѣ была болѣе 100 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ и раненъ 1 офицеръ.

Случай этотъ интересенъ тѣмъ, что, какъ ошибка въ такой нешуточной обстановкѣ, могущая быть роковой и повлечь за собою гибель цѣлаго баталіона, въ данномъ случаѣ имѣла столь счастливыя послѣдствія.

Послѣ этого штурма, не рѣшившаго, противъ ожиданія, окончательно участи крѣпости, выяснились многія причины нашей неудачи.

Одною изъ причинъ, какъ я уже сказалъ, было то, что у насъ не было необходимыхъ приспособленій для штурма; другою, какъ я вскользь замѣтилъ, если читатель помнитъ,—это, что, вопреки Суворовскому совѣту, идя на штурмъ, у насъ далеко не каждый воинъ понималъ „свой маневръ“ и даже командиры частей не знали опредѣленно своихъ задачъ.

При самомъ началѣ штурма начальники колоннъ князь Гагаринъ и баронъ Майдель были ранены. На одномъ изъ приступовъ былъ раненъ въ руку Ганецкій.

Замѣстители выбывшихъ, если они не были также случайно, какъ въ разсказанномъ мною эпизодѣ, не были освѣдомлены о намѣреніяхъ главнокомандующаго и не уясняли себѣ свои частичныя задачи. Между тѣмъ — сложись обстоятельства иначе, удержись и укрѣпись мы на Ширахскихъ и Карадагскихъ высотахъ (какъ разъ предлежавшихъ колоннамъ кн. Гагарина и бар. Майделя), которыя командовали надъ Карсскими высотами и крѣпостью,—кончилась бы вся кампанія.

Колонна гр. Нирода, какъ я сказалъ, не могла принести существенной пользы штурму. Значеніе ея, какъ наступающей фронтально, было болѣе демонстративное да и главную массу ея, сколько помню, при этомъ составляла конница.

Послѣ штурма мы снова отошли на свои позиціи.

Участокъ нашего полка какъ разъ прилегалъ къ вагенбургу, въ который свозились раненые изъ всѣхъ колоннъ. При общей численности потерь, свыше 7 тысячъ, — раненыхъ было много. Читатель, быть можетъ, ожидаетъ описанія устройства тогдашней санитарной части по уходу за ранеными,—но что можно сказать о тѣхъ, слава Богу, давно минувшихъ, временахъ, когда доктора, какъ нашъ, напр., лѣкарь, въ дни сраженій отъ сознанія безнадежности и полной своей безпомощности, напивались пьяными. Не было ни операціонныхъ, ни перевязочныхъ приспособленій, даже не бывало бинтовъ, корпіи, пораненія же бывали ужасны. Санитары, обученные носильщики въ войскахъ, сестры милосердія—можно ли было тогда думать обо всемъ этомъ!

Роль фельдшеровъ исполняли ротные цирульники. Раненые сами себѣ перевязывали раны; помогали имъ—неумѣлыми, грубыми,—но какими любящими руками,—свои же землячки-солдатики.

По мѣрѣ силъ, и мы, офицеры, облегчали страданія несчастныхъ, которые нуждались въ самомъ необходимомъ.

Офицерскія палатки наши соприкасались совсѣмъ близко съ палатками раненыхъ. И вотъ, бывало, ночью они ползутъ... подбираются подъ наши палатки, умоляя дать имъ напиться или—покончить съ ними.. Ужасно это теперь, когда является возможность сравнивать съ иными условіями полнаго, можно сказать, санитарнаго благополучія. И тѣмъ болѣе еще ужасно это сознаніе тѣмъ, что какъ могло тогда это все не казаться ужаснымъ!

Изъ нашего вагенбурга, бывшаго, конечно, лишь временнымъ пріютомъ для раненыхъ, они отправлялись въ Александрополь въ госпиталь. Отправка заняла нѣсколько дней. Наряжались фуры и арбы отъ полковъ и на нихъ безъ всякихъ, конечно, приспособленій размѣщались раненые.

Весь транспортъ, который бывалъ фуръ по 200, двигался колонною по нѣсколько повозокъ въ рядъ.

Въ пути останавливались для варки пищи и для ночлега.

Иногда въ пути заставалъ дождь—тогда конвоировавшіе солдаты прикрывали своими шинелями лихорадящихъ больныхъ.

Слава Богу еще, что Онъ миловалъ отъ особыхъ стихійныхъ явленій, обычныхъ въ этой мѣстности, — когда вѣтеръ срывалъ палатки.

Освободившись отъ раненыхъ, войска стали устраиваться на зимовку: — рыть землянки, строить бараки. Строительный матеріалъ приходилось собирать въ покинутыхъ турецкихъ аулахъ, разбирая для этого крыши саклей, такъ какъ вокругъ не только лѣсу,—хворостинки, кажется, нельзя было достать. Мѣстными жителями лѣсъ доставлялся изъ Саганлугскаго хребта.

Сакли, какъ можетъ быть небезызвѣстно читателю, строятся изъ камня, и лишь плоскіе верхи крышъ въ нихъ дѣлаются изъ дерева. При такихъ условіяхъ, строительнаго матеріала аулы могли дать намъ весьма немного, кромѣ же того, за нимъ приходилось иногда посылать за десятки верстъ. Кто имѣлъ лошадь, конечно, могъ раньше другихъ обезпечить себя.

Типъ этихъ землянокъ-бараковъ выработала сама необходимость и способность человѣка приспособляться къ обстоятельствамъ. Выкапывалось въ землѣ квадратное углубленіе аршина на два, ставились по угламъ стойки, дѣлался скатъ въ одну сторону и настилался плоскими камнями, дерномъ, засыпался землею. Бока забирались, при возможности, досками, заваливались камнями или землею.

Въ передней стѣнѣ дѣлался входъ, иногда еще подобіе окна, которое заклеивалось просаленной бумагой.

Внутри устраивался очагъ, подобіе камина, и размѣщались мы въ такихъ землянкахъ не безъ комфорта, благодаря персидскимъ коврамъ.

Нижніе чины строили себѣ землянки такого же типа—по одной на роту; выстроили бани, кухни и зажили припѣваючи, продолжая держать въ осадѣ Карсъ.

Большіе холода еще не наступали.

Августовскія извѣстія, предшествовавшія еще штурму, что войска въ крѣпости терпятъ недостатокъ въ продовольствіи—стали ярче и ярче подтверждаться: перебѣжчики тощіе, опухшіе стали появляться уже значительными партіями, покорно прося о помощи.

Странно вспомнить, что относились мы къ нимъ совершенно безразлично и безъ лишнихъ разговоровъ прогоняли обратно.

Они, между прочимъ, намъ говорили, что войска давно уже довольствуются третной дачею и что новый нашъ штурмъ, несомнѣнно, вызоветъ сдачу.

Внезапно объявлено было войскамъ, что къ намъ на позиціи ожидается пріѣздъ главнокомандующаго турецкой арміей Вилліамса.

Приказано было встрѣтить молодцами.

Въ день пріѣзда по линіямъ частей были устроены игры—пѣли пѣсни, гремѣли бубнами; нѣкоторые солдатики, хотя былъ уже, кажется, октябрь мѣсяцъ, полѣзли даже купаться въ Арпа-чай близъ моста, гдѣ долженъ былъ прослѣдовать Вилліамсъ съ своимъ эскортомъ.

Пріѣздъ диковинныхъ гостей производилъ эффектное впечатлѣніе. Всадники въ турецкихъ пестрыхъ мундирахъ, на прекрасныхъ сытыхъ арабскихъ коняхъ, поражали щеголеватостью, хотя чувствовалось, что это послѣдній ходъ противника, не желающаго открыто признать, что игра имъ проиграна.

Результатомъ свиданія этихъ главнокомандующихъ было перемиріе и, наконецъ, сперва глухо, потомъ все увѣреннѣе и увѣреннѣе сталъ носиться слухъ, что обѣими сторонами ведутся переговоры о сдачѣ Карса.

Пользуясь наступившими досугами въ періодъ перемирія, многіе офицеры-охотники, въ ихъ числѣ и я (и даже не охотники), нарубали изъ пуль подобіе дроби и отыскали мѣста для охоты по Арпачаю вверхъ.

Богъ мой, сколько было тамъ дичи!

Встрѣчавшіеся изрѣдка турки, мирные жители изъ-подъ Карса, помню, сильно недоумѣвали,—какъ это „урусъ“ можетъ стрѣлять птицу на-лету. Они убѣждены были, что мы стрѣляемъ пулями. О ружейной охотѣ дробью они понятія не имѣли.

Солдатики тоже импровизировали себѣ охотничьи развлеченія. Богъ вѣсть, какими способами, чуть не руками, въ омутахъ Карсъчая они ловили рыбу; и сомовъ таскали такое количество, что чуть не двадцатифунтоваго сома можно было купить за двугривенный—тридцать копѣекъ.

Такъ мирно жили-поживали мы до средины ноября 1855 года.

15-го числа состоялся приказъ вступать на утро слѣдующаго дня въ крѣпость. Карсъ палъ.

Главнокомандующій, какъ предсказали намъ нѣкоторыя предположенія, не вполнѣ довѣрялъ кавказскимъ войскамъ, опасаясь съ ихъ стороны проявленія хищеній и мародерствъ, а потому для первоначальнаго занятія какъ Карса, такъ и укрѣпленныхъ высотъ, вокругъ крѣпости назначена была наша 18-я дивизія, при чемъ нашъ 1-й баталіонъ Рязанскаго полка долженъ былъ занять цитадель.

Не желая, впрочемъ, бросить незаслуженную тѣнь на своихъ кавказскихъ товарищей, я позволяю себѣ высказаться нѣсколько пространнѣе по этому поводу.

Кавказскіе полки были у себя дома, какъ бы на штабъ-квартирахъ; они были обезпечены вполнѣ обозами, имѣя по нѣсколько повозокъ на роту, тогда какъ мы, пришедшіе изнутри Россіи, ровно ничего не имѣли. Такъ что сами условія вынуждали насъ быть безкорыстными въ отношеніи къ чужому добру.

Съ ранняго утра, основательно приготовившись къ походу, запасшись провизіей и продуктами отъ маркитантовъ, имѣя въ виду, что въ Кореѣ мы ничего не найдемъ, двинулись полки впередъ.

Въ виду крѣпости, мы развернулись въ линейный порядокъ, передъ которымъ долженъ былъ продефилировать оставившій оружіе въ крѣпости гарнизонъ.

Часамъ къ тремъ дня показались нестройныя толпы турецкихъ войскъ.

Пропустивъ ихъ, съ криками „ура“ съ музыкой, хотя и болѣе чѣмъ скромной [1]), конечно, не безъ предосторожностей — выславъ впередъ авангардъ, вступили мы въ городъ.

---

[1]) Хоръ составляли 12 горнистовъ и 12 барабанщиковъ въ полку. Трубили, однако, довольно стройно различные марши—конечно, на самыя простѣйшія мелодіи.

Въ узкихъ улицахъ полки могли съ трудомъ продвинуться впередъ черезъ толпы жителей, наступавшихъ на насъ съ жалобными криками: „курсакъ пропалъ“—т. е. дай хлѣба, мы голодны.

Пока нашъ батальонъ добрался до воротъ цитадели, уже спустилась темная и внезапная, какъ это бываетъ на югѣ, ночь. Обозъ, т. е. ротныя кухни-вьюки, у кого были — все еще гдѣ-то далеко позади колесило по кривымъ улицамъ.

Цитадель стояла на юру, на самой вершинѣ, и вокругъ гулялъ такой вѣтеръ, что люди, какъ цыплята, застигнутые бурей, безпомощно жались къ стѣнамъ.

Маіоръ Центиловичъ, командиръ батальона, просилъ меня съѣздить розыскать гдѣ-нибудь наши кухни и вьюки, чтобы хоть какъ-нибудь устроить ночлегъ.

Розыскавъ кухни и указавъ имъ путь, я взялъ съ собою свою вьючную лошадь и лошадь Центиловича.

По возвращеніи, батальона я уже не засталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ—всѣ укрылись въ отыскавшейся по близости казармѣ.

Войдя туда, я нашелъ полнѣйшую темноту. Люди стояли, сидѣли—жались другъ къ другу, точно въ церкви передъ пасхальнымъ богослуженіемъ.

Изъ вьюка я досталъ стеариновыя свѣчи, бывшія у меня въ запасѣ, и къ общему восторгу зажегъ одну изъ нихъ.

Моментально свѣчи были разобраны по рукамъ, и начался осмотръ помѣщеній. Среди живыхъ нашлось до 20 турецкихъ труповъ.

Очистивъ отъ нихъ казарму, люди поснимали ранцы, составили ружья и, перекусивъ сухаремъ (о кухняхъ нечего было и думать до утра), стали укладываться на спокой.

Какъ всегда бываетъ въ жизни, особенно же военной — неудобства быстро смѣняются лучшими условіями, которыя совершенно сглаживаютъ непріятныя впечатлѣнія, такъ было и на этотъ разъ.

Съ утра, поднявшись съ зарею, солдатики сходили на кухни, подкрѣпились вчерашней ѣдой, раздобылись, чѣмъ было можно изъ имущества; принесли офицерскіе вьюки и—закипѣла жизнь!

Для офицеровъ нашлось отдѣльное помѣщеніе, въ которомъ мы недурно устроились, а главное же явилась возможность вытянуться на постели послѣ кое-какъ проведенной ночи. Устроившись на новосельи и отдохнувъ, мы пошли осмотрѣть цитадель и ознакомиться съ крѣпостью.

Повсюду — въ мечетяхъ, въ казармахъ — вездѣ, гдѣ находились люди, были во множествѣ навалены турецкіе трупы. Въ городѣ на каждомъ шагу насъ встрѣчали знакомые намъ крики: „курсакъ пропалъ“.

Уборка труповъ шла самая энергичная.

Цитадель съ амбразурами и пушками имѣла внушительный видъ. Съ внутренняго двора велъ потайной довольно крутой спускъ къ водѣ.

Мы этимъ спускомъ не пользовались, такъ какъ онъ могъ имѣть цѣну, конечно, лишь для крѣпости во время осады.

Цитадель съ прилегающимъ къ ней дворомъ и казармами расположена была на высокой отвѣсной скалѣ надъ Арпа-чаемъ. Видъ съ высоты на долину рѣки и на синѣющія вдали прихотливыми красками горы былъ чрезвычайно живописный, хоть вокругъ не было ни одного деревца. Что меня больше всего поразило—это безчисленное множество орловъ въ окрестностяхъ, лѣниво парящихъ надъ самой землей въ чаяніи добычи.

На третій день по занятіи крѣпости прибылъ главнокомандующій. Онъ прежде всего отправился къ намъ на цитадель. Всѣ офицеры его сопровождали.

Отчетливо помню я, какъ онъ сѣлъ на тотъ самый камень, на которомъ, онъ говорилъ, отдыхалъ точно также послѣ взятія нами Карса въ 1828 году. Отдыхая и теперь на этомъ же камнѣ, онъ намъ много говорилъ о прошлой войнѣ—что именно я затрудняюсь, конечно, вспомнить, онъ сравнивалъ обѣ войны, высказывалъ свое удовольствіе намъ по поводу счастливаго окончанія кампаніи. Въ заключеніе онъ высказалъ надежду, что мы сохранимъ турецкое оружіе въ цѣлости—въ особенности штуцера, въ которыхъ наша армія нуждалась.

Насколько хорошо было въ дѣйствительности турецкое оружіе, я теперь затрудняюсь сказать.

Да и въ немъ надо было понимать толкъ. Какъ-то съ Адамовичемъ, моимъ пріятелемъ, поѣхали мы верхомъ въ окрестности на ставшія намъ родными, Ширахскія высоты. По дорогѣ въ оврагахъ вездѣ снова попадались намъ сваленные трупы.

Турки, видимо, покидая лагери, не могли забрать всего своего достоянія, и мы нашли палатки пашей, брошенныя со всѣмъ ихъ внутреннимъ убранствомъ.

Хотѣлось взять что-нибудь на память, но глаза разбѣгались въ выборѣ—что можетъ быть интереснымъ. Ковры были тяжелые, оружіе въ большинствѣ плохое. Адамовичъ, впрочемъ, взялъ какой-то коверъ, я же не могъ ничего лучшаго пріискать, какъ горсть пистоновъ, и потомъ еще захватили мы съ нимъ по кремневому пистолету съ турецкой насѣчкой.

Доморощенные знатоки восторгались, повторяя: „Дамаскъ, Дамаскъ“, но тѣмъ не менѣе впослѣдствіи эти пистолеты оказались никуда негодными.

Впрочемъ, изъ числа турецкаго имущества многіе изъ насъ позабирали еще прекрасныхъ борзыхъ собакъ (Ванской породы), принадлежащихъ турецкимъ пашамъ и теперь во множествѣ бродившихъ среди труповъ въ оставленныхъ лагеряхъ.

Гарнизонъ крѣпости ограниченъ былъ, наконецъ, двумя полками нашей девизіи. Его составили Тульскій и Бѣлевскій полки.

Комендантомъ былъ назначенъ командиръ этой бригады Нееловъ.

Другая же (первая) бригада нашей дивизіи назначалась для занятія пограничныхъ армянскихъ ауловъ.

Нашъ полкъ занялъ селеніе Сульды на турецкой границѣ, а штабъ полка и одна рота стояли въ крѣпостѣ Ахалкалакахъ.

Форштадтъ крѣпости былъ населенъ армянами—торговцами.

Народъ этотъ вполнѣ сохранялъ турецкіе обычаи—полную замкнутость и охраненіе женскаго пола отъ нечистыхъ взоровъ и ко всему этому присущія ему расовыя черты любостяжанія и хитрости.

По-русски никто изъ нихъ не говорилъ; только къ веснѣ кое-какъ научились мы размѣниваться знаками, замѣнявшими намъ живой языкъ въ обращеніи съ туземцами.

Пограничныя армянскія сакли, въ которыхъ квартировали полки, представляли собою нѣчто ужасное.

При приближеніи къ нимъ, они казались какими-то кладбищами: холмики, на нихъ выдѣляются каменныя плиты...

Это человѣческія жилища—сакли.

Распланировка ихъ самая безпорядочная, чуждая какой-либо правильности. Чтобы войти въ саклю, нужно спуститься куда-то внизъ, въ подземелье. Здѣсь вы попадаете въ какой-то лабиринтъ съ множествомъ закоулковъ, по которымъ размѣщены коровы, буйволы, ишаки и проч. домашній скотъ.

Къ одной стѣнѣ примыкаетъ отгороженное помѣщеніе для людей. Оно возвышается надъ поломъ аршина на $1^1/_2$, и это единственное его отличіе отъ прочихъ закоулковъ.

По серединѣ этой горницы въ стѣнѣ каминъ, отапливаемый кизяками; въ потолкѣ окно для свѣта, воздуха и выхода дыма.

Не будь этого спасительнаго окна, дѣйствительно можно задохнуться отъ ужасной атмосферы совмѣстнаго жилья со скотомъ.

Помимо того, что рядомъ бокъ-о-бокъ зимуетъ скотъ, рядомъ же съ жильемъ устроены и нѣкоторыя удобства для человѣческой зимовки.

Теперь, черезъ полвѣка, тошно вспомнить эти условія, въ которыхъ приходилось зимовать нашимъ солдатикамъ.

Сосѣдства скота, конечно, не было, но это все же немногимъ улучшало обстановку.

За Ахалкалакскими укрѣпленіями по равнинѣ раскидывались наши духоборскія селенія.

Это была поразительная противоположность армянскимъ ауламъ. Я впервые познакомился тогда съ этимъ хорошимъ жизнеспособнымъ народомъ. Послѣ армянской грязи мы прямо душою отдыхали въ этихъ селеніяхъ.

И что это за радушный, привѣтливый былъ народъ!

Исправныя лошади, сытый скотъ, удобныя хозяйственныя фуры, заимствованныя ими у южныхъ колонистовъ въ мѣстностяхъ ихъ первоначальнаго поселенія какъ сектантовъ... Словомъ, во всемъ замѣтенъ достатокъ.

Положимъ, что кампанія дала имъ тогда громадный заработокъ, потому что вся перевозка (провіанта и пр.) для отряда лежала исключительно на нихъ.

Я выразился, что мы отдыхали душою подъ гостепріимными кровлями молоканъ. Это не только былъ отдыхъ для насъ, какъ для отщепенцевъ, закинутыхъ, Богъ вѣсть, въ какую даль отъ родины, но въ душѣ каждаго изъ насъ смутно отдыхалъ „русскій человѣкъ“ подъ впечатлѣніемъ этой воплощенной мечты крестьянскаго благополучія, которую являли собою молоканскія общины. Въ баринѣ-крѣпостникѣ глухо зарождалась идея благополучія свободнаго крестьянина.

Жизнь наша на турецкой границѣ протекала мирно и спокойно.

Съ условіями скитальческой жизни кавказцевъ мы положительно сроднились. Отсутствіе извѣстій съ родины (почта бывала развѣ разъ въ мѣсяцъ) насъ даже не тяготило. Мы жили какой-то игрушечной жизнью, придуманной нами самими: устраивали кавалькады, поѣздки въ горы—для чего неимѣвшіе лошадей принанимали у жителей, либо обходились ишаками; мастерили самодѣльныя сани и катались на нихъ; охотились.

Охота была здѣсь довольно удачная—больше всего за лисицами, которыхъ было здѣсь много.

При такой небогатой впечатлѣніями жизни просто поразительно, до какой степени нѣкоторыя мелочи ея глубоко запечатлѣлись въ памяти.

Помню, напр., одинъ эпизодъ изъ такихъ охотъ.

Нужно сказать, что сохраняли на зиму свой хлѣбъ въ ямахъ, обложенныхъ изнутри и закиданныхъ сверху камнями.

Хорошій теплый денекъ.

Мы выѣхали съ собаками по снѣжку.

И вотъ я вмѣстѣ съ лошадью угодилъ въ одну изъ такихъ ямъ, которая на мое несчастіе оказалась пустою.

*

Выбрался я, только вставъ на сѣдло ногами и при помощи спущеннаго мнѣ товарищемъ (Сухотинымъ), пріѣхавшимъ на мой голосъ, ремня.

Съ лошадью пришлось, конечно, много повозиться.

Вспоминаю еще одну характерную черточку нашей жизни.

Къ командиру роты, составлявшей караулъ крѣпости, пріѣхала жена—совсѣмъ молоденькая женщина.

Была она некрасива, но тѣмъ не менѣе это была единственная наша дама.

И, Боже ты мой, какъ она перевернула все наше существованіе. Мы наперерывъ ухаживали всѣ до единаго за этою доброю женщиною, не оказывавшею, однако, исключительнаго благоволенія кому-либо въ отдѣльности—но, могу сказать, вѣрною всѣмъ.

Съ наступленіемъ лѣта полкъ въ полномъ составѣ собирался въ лагери подъ Ахалкалаками.

Такъ мы стояли по мартъ мѣсяцъ 1856 г. вплоть до заключенія мира, послѣ чего были передвинуты на Лезгинско-кавказскую линію, по которой растянули насъ по-батальонно въ пяти верстномъ удаленіи батальонъ отъ батальона.

Къ снаряженію каждаго солдата, кромѣ ружья, добавили по топору. Намъ надлежало дѣлать просѣки, сквозь полосу вѣковѣчныхъ чинаръ, каргачей и орѣховыхъ деревьевъ. Работа эта была долгая, изнурительная и опасная.

Требовался большой надзоръ офицеровъ, игравшихъ роль десятниковъ.

Для болѣе успѣшной свалки деревья подрубливали подъ рядъ всѣ съ одной стороны.

Подрубивъ такимъ образомъ значительную площадь, валили крайнія на всю эту массу.

Долгій непрерывный трескъ несся по лѣсу, точно стонъ вѣковѣчныхъ красавцевъ. И бѣда, если въ этой свалкѣ случайно запутался солдатикъ.

Къ зимѣ обстроились мы казармами — въ карэ поставлены были бараки для ротъ и въ серединѣ карэ расположились офицерскіе бараки.

Все расположеніе охранялось пикетами, выставляемыми впередъ.

Жили мы спокойно и въ нѣкоторомъ довольствѣ.

Бараки были теплы, удобны.

Въ недѣлю разъ вдоль по линіи снаряжалась „оказія“: съ крайняго участка выступала особо наряженная вооруженная команда; къ

ней присоединялись ротныя телѣги и повозки съ артельщиками и каптенармусами, которымъ поручалось что купить, получить провіантъ и т. д. Вся эта „оказія“ двигалась вдоль линіи, увеличиваясь въ числѣ повозокъ, и, такимъ образомъ, мы поддерживали связь съ внѣшнимъ міромъ.

Охотникамъ было раздолье!

Я былъ тогда начальникомъ охотничьей команды въ батальонѣ.

Добычею бывало иногда штукъ десять оленей, либо козъ, также и кабановъ.

Конечно, все это шло на улучшеніе пищи.

Охота являлась, кромѣ того, и интереснымъ похожденіемъ.

По установившемуся обычаю, а также и по объявленному распоряженію начальства застигнутые въ лѣсу лезгины считались не мирными, а потому встрѣча съ ними придавала еще исключительную окраску охотѣ.

Мнѣ, однако, подобныхъ качагъ, какъ ихъ называли, не доводилось ни разу встрѣтить.

Съ наступленіемъ лѣта мы должны были начать горныя экспедиціи противъ лезгинскихъ ауловъ.

Командиромъ полка къ намъ былъ назначенъ полковникъ князь Шаликовъ, опытный кавказецъ.

Ему мы были много обязаны тѣмъ, что онъ насъ научилъ дѣлать походы въ горахъ, а это дѣйствительно требовало обученія и опытнаго руководства.

Наши экспедиціи въ горы начались вступленіемъ въ Дидойское общество (въ 1857 году), колонна была въ составѣ 2 батальоновъ, взвода артиллеріи и тушинской сотни.

Движеніе происходило слѣдующимъ порядкомъ: сотня занимала впередъ пикъ горы; затѣмъ шла команда нижнихъ чиновъ съ шанцевымъ инструментомъ, пробивая и расчищая зигзагами тропу, достаточную для свободнаго движенія человѣка и лошади съ вьюкомъ; за ними одинъ за однимъ двигалась вся колонна.

Она растягивалась иногда полосою верстъ въ 7; безъ остановки можно было пройти шаговъ 20—утомлялось дыханіе; а остановится одинъ впереди, остановки отзываются въ хвостѣ.

Большею частью путь избирался гребнями горъ—чтобы видѣть по сторонамъ.

Сначала не обходилось дня безъ несчастій.

По сторонамъ кручи—иногда не видишь дна: то оскользнется кто-нибудь изъ людей, то сорвется вьюкъ съ лошади, а нѣтъ и сама лошадь вмѣстѣ съ вьюкомъ.

На верхушкѣ горы—остановка.

Долой шомпола изъ ружей, и начинается самое безжалостное уничтоженіе посѣвовъ; лезгины разстрѣливаются; ихъ аулы, иной разъ расположенные словно орлиныя гнѣзда на недоступныхъ кручахъ, берутся съ боя, пока не уйдутъ оттуда послѣдніе защитники.

Иногда 10—20 человѣкъ, засѣвшихъ въ башнѣ, задерживали всю колонну на день.

Скотъ забирали съ собою и двигались дальше въ слѣдующее общество.

Спускъ съ горъ бывалъ, кажется, еще опаснѣе, нежели подъемъ.

Нервы же рекомендовалось имѣть во всякомъ случаѣ какъ для того, такъ и другаго—крѣпкіе.

Одинъ нашъ офицеръ (Сперанскій) могъ подвигаться только держась за шинель горниста, при чемъ барабанщикъ долженъ былъ сзади поддерживать его за шинель.

До сумерекъ старались заканчивать переходъ на ночлегъ, при этомъ останавливались непремѣнно на возвышенныхъ мѣстахъ. Дѣлали это съ тою цѣлью, чтобы лезгины не могли пускать внизъ съ кручъ каменья. Палатокъ было по двѣ на роту—главнымъ образомъ для больныхъ; ложились спать, какъ придется, завернувшись въ бурку или шинель. Вслѣдствіе ли хорошей погоды, горнаго воздуха,—а быть можетъ и вслѣдствіе того, что больной оказывался въ безпомощномъ положеніи, либо долженъ былъ слѣдовать верхомъ—отсталыхъ и больныхъ не бывало. Нервы ли мои были покрѣпче другихъ, не знаю—только я все время ѣхалъ верхомъ; при чемъ оказывалъ еще великое одолженіе товарищамъ, позволяя въ пути держаться за хвостъ лошади.

Кромѣ весьма блѣднаго описанія всей тяготы этихъ горныхъ движеній я не могу опять не вспомнить плачевное матеріальное положеніе офицерства, что увеличивало еще больше эту тяготу.

Трудно, почти немыслимо было запастись въ походъ всѣмъ. А приходилось запасаться дѣйствительно всѣмъ отъ котелка и чайника до лишней пары сапогъ; и нести большую часть всего этого на себѣ, чтобы не перегружать денщика, и безъ того несущаго на себѣ весь свой домъ.

Зато съ какою свѣтлою радостью вспоминаю я горный чистый воздухъ, ключи съ прозрачною холодною водой, мягкую сочную травку и кусты рододендрумовъ, усѣянныхъ цвѣтами, по склонамъ кручъ.

Описывая порядокъ нашего восхожденія, я упомянулъ о нашихъ колонновожатыхъ—тушинахъ. Съ удовольствіемъ остановлюсь на болѣе подробномъ описаніи этихъ людей.

Рослые, суровые съ виду, они походили на аскетовъ. Храбрость, доходящая до какого-то поразительнаго равнодушія къ смерти, честность и прямота—были ихъ отличительными качествами.

Зимами они жили со своими стадами по Алазанской долинѣ. Аулы же ихъ были въ горахъ и отдѣлялись отъ лезгинскихъ иногда однимъ лишь неприступнымъ оврагомъ.

Оба племени были въ непонятной намъ исконной враждѣ между собой, носившей какой-то религіозный характеръ.

Убить лезгина—это былъ долгъ каждаго порядочнаго тушина, какъ и наоборотъ.

Убившій лезгина тушинъ отрѣзалъ правую кисть его руки и бралъ съ собою какъ трофей, и, наоборотъ, трофеемъ лезгина была лѣвая рука тушина.

Эти трофеи прибивались къ саклямъ и служили показателями храбрости, исключая занесенія въ формуляръ.

Интересенъ слѣдующій обычай.

Молодой тушинъ, убившій въ первый разъ лезгина, вырѣзывалъ у него сердце и приносилъ матери, которая, разрѣзавъ это сердце, мазала его кровью лицо сына.

Тушинъ становился съ этого момента „юнакомъ“.

На торжество этого своеобразнаго рыцарскаго посвященія собирались всѣ старые юнаки, и оно было общимъ праздникомъ.

У насъ по избранію князя Шаликова, былъ главнымъ колонновожатымъ особенно славный своими подвигами тушинъ, нѣкій Качо́ или Хадже, уже старый воинъ, имѣвшій на саклѣ у себя до 80 кистей.

Это былъ страхъ и гроза лезгинъ.

Къ нему, какъ къ патріарху этой религіи человѣкоубійствъ, обращались слабые и престарѣлые тушины, въ случаѣ убійства лезгинами кого-либо изъ членовъ ихъ семействъ, и старый Хачо, какъ патріархъ, не отказывалъ въ своемъ покровительствѣ вѣрующимъ—всегда шелъ въ горы и отмщалъ обиду врагу.

Съ начала весны, какъ только показалась трава въ горахъ, тушины перекочевывали со своими стадами въ горы.

Нужно было видѣть способъ переселенія этихъ людей по тѣмъ самымъ кручамъ, которыя мы преодолѣвали съ такимъ трудомъ.

Вотъ впереди суровый, грустный ѣдетъ самъ глава семьи. Онъ либо посвистываетъ сквозь зубы, либо издаетъ себѣ подъ носъ какіе-то гортанные звуки, непохожіе на пѣсню. За нимъ слѣдомъ безъ привязи бредутъ вьючныя лошади и изъ переметныхъ сумъ ихъ выглядываютъ дѣтскія головки. Женщины—въ черномъ, тоже верхами. Но имъ не до дѣтей. Онѣ гонятъ стада козъ и овецъ.

Въ горныхъ экспедиціяхъ мы не задерживались долго—самое большее по сентябрь. Въ это время въ горахъ уже начинались снѣжныя бури и наступала зима—двигаться впередъ было немыслимо.

По окончаніи экспедиціи, мы спускались съ горъ, снова брались за топоры и приступали къ рубкѣ лѣса.

Такъ продолжалась наша служба до 1859 года.

Въ 1859 году нашъ полкъ двинулся въ Дагестанъ, въ обходъ хребта противъ Шамиля. Въ это время я былъ уже командиромъ 1-й стрѣлковой роты; вооружена моя рота была тѣми же гладкоствольными штуцерами, какъ и прочія; отличалась же отъ нихъ лишь подборомъ молодыхъ людей и характеромъ службы—отъ насъ больше требовался разсыпной строй, лучшая стрѣльба, хотя изъ штуцеровъ этихъ на 200 шаговъ бывало пулей въ мишень нельзя было попасть!

Долженъ сказать здѣсь, что на время горныхъ экспедицій полкъ нашъ переформировался изъ 4-хъ батальоннаго въ 3-хъ батальонный составъ; съ передвиженіемъ на Дагестанскую линію, онъ снова переформировался.

Потребовались лошади для 4-го батальона.

Командиромъ полка былъ у насъ уже полковникъ Краузъ, прозванный нами „юнкерецъ“. Онъ съ юнкерскаго чина до полковничьяго прослужилъ все время въ Кабардинскомъ полку. Это былъ рѣдкій офицеръ по своимъ боевымъ качествамъ и еще болѣе рѣдкій товарищъ.

Я пользовался довѣріемъ, весьма лестнымъ для меня, этого человѣка, умѣвшаго, какъ онъ самъ говорилъ, отличать офицеровъ. Полковникъ Краузъ командировалъ меня за покупкою и приводомъ лошадей, для чего я долженъ былъ съ Лезгинской линіи отправиться въ Моздокскія степи (къ Пятигорску) и затѣмъ, закупивъ лошадей, пригнать ихъ на Лезгинскую же линію къ укрѣпленію Закаталы, гдѣ останется вновь сформированный 4-й батальонъ.

Попутно съ этимъ, сдавъ лошадей, я долженъ былъ принять слабосильную команду, какая будетъ оставлена при этомъ батальонѣ прочими батальонами, и съ этою командою нагопять полкъ. Въ помощь мнѣ давалась команда въ 30 человѣкъ, при 2 унтеръ-офицерахъ.

Не долго мѣшкая съ сборами, забравъ книгу для взиманія провіанта въ пути, я выступилъ съ командою въ путь-дорогу, сообразуясь лишь въ направленіяхъ съ картой, такъ какъ изслѣдованнаго колеснаго пути тогда еще не было,—черезъ перевалы, минуя Тифлисъ во Владикавказъ.

Хотя и труденъ былъ путь, но, слава Богу, дошли мы благополучно до Владикавказа. По спускѣ съ горъ, гдѣ климатъ ровный,

прохладный, въ жаркій зной равнинъ люди начали заболѣвать лихорадкой. Двухъ изъ команды моей пришлось оставить въ госпиталѣ во Владикавказѣ.

Сдѣлавъ дневку, я отправился дальше, но дня черезъ три въ моей командѣ еще оказалось пять, которые не могутъ слѣдовать. Оставлять еще этихъ я рѣшительно не имѣлъ возможности. Лошадей мнѣ предстояло купить 80 головъ и затѣмъ гнать ихъ табуномъ—люди были нужны.

Предвидя возможность заболѣваній, я еще во Владикавказѣ купилъ банку хинина и теперь по-неволѣ исполнялъ роль, если не доктора, то фельдшера. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что, для того, чтобы сдать больныхъ въ пути, нужно было идти дней пять до какого-нибудь госпиталя, гдѣ бы могли ихъ принять.

Придя въ Змѣйскую станицу, я принужденъ былъ сдать 8 человѣкъ въ страшнѣйшей лихорадкѣ. Въ довершеніе всѣхъ несчастій, самъ я въ пути заболѣлъ тою же лихорадкой.

Пароксизмы были столь сильны, что послѣ нихъ я по пяти часовъ лежалъ въ безсознательномъ состояніи. Самочувствіе мое было отчаянное. На рукахъ казенныхъ денегъ свыше пяти тысячъ рублей и порученіе, которое я долженъ былъ исполнить возможно скорѣе, такъ какъ батальонъ безъ лошадей меня ожидаетъ на линіи.

Не доходя Новогеоргіевской крѣпости, я окончательно слегъ. Мой старшій унтеръ-офицеръ (Матвѣевъ) распорядился запречь мою телѣжку и, даже уже не спрашиваясь, повезъ меня въ Новогеоргіевскъ. Дорогой я пришелъ въ сознаніе и приказалъ уже самъ везти къ комендантской квартирѣ.

Вошедши въ домъ, я уже стоять на ногахъ не могъ и повалился на стулъ. Пришедшій комендантъ (полковникъ Ясинскій) смутился.

— Господинъ офицеръ, потрудитесь встать!

На это приказаніе я только могъ снять съ шеи сумку съ деньгами; затѣмъ, назвавъ себя, я объяснилъ, для чего командированъ, просилъ отправить меня въ госпиталь и, если возможно, выручить меня съ покупкой лошадей, такъ какъ я не имѣю права мѣшкать съ этимъ порученіемъ.

Комендантъ отъ пріема денегъ отказался, говоря, что закупать лошадей для полка и отправлять ихъ по назначенію онъ не имѣетъ возможности, что единственно онъ можетъ отправить меня въ госпиталь, если я пожелаю.

Инстинктивно опасаясь госпиталя,—мнѣ казалось, что именно тамъ я надолго останусь, благодаря чему не выполню порученія и подорву къ себѣ довѣріе моего командира,—я сталъ на квартирѣ—точно это могло быть менѣе страшно.

Докторъ прописалъ мнѣ тотъ же хининъ, только въ порошкахъ, а не на глазъ, какъ я принималъ. Этимъ и ограничилось его лѣченіе. Подправившись (конечно, вылѣчиться совсѣмъ такъ скоро было немыслимо), вѣрнѣе, научившись съ помощью хины регулировать свою болѣзнь, я выѣзжалъ на ярмарки, закупалъ лошадей, ставилъ ихъ въ огороженный загонъ, и, набравъ, наконецъ, нужное количество, тронулся въ обратный путь, команду свою изъ пѣшей превративъ въ конную.

Ѣхали мы безъ промедленій, останавливаясь лишь для ночлеговъ,—гдѣ была получше трава и по близости отъ воды.

Дорогой подлѣчились всѣ, кто недомогалъ.

Наконецъ, сдалъ лошадей и, можно сказать, отдохнулъ душою,—лихорадка же все еще допекала.

Въ это время разнесся слухъ, что нашъ полкъ, выступившій въ Дагестанъ, возвращается съ дороги въ Россію.

Магическое дѣйствіе этого слуха было то, что къ моему выступленію съ слабосильными вслѣдъ за полкомъ этихъ выздоровѣвшихъ слабосильныхъ, выписавшихся изъ госпиталя, набралось до 220 человѣкъ!

Вновь запасся я книгами на требованія въ пути, открытымъ листомъ на взиманіе двухъ подводъ (двухъ арбъ, запряженныхъ волами), и выступилъ со всею командою.

Къ счастію, судьба сжалилась надо мною и послала мнѣ помощника и товарища въ лицѣ выписавшагося изъ госпиталя юнкера (Смирнова).

На этотъ разъ команда моя была лучше обезпечена.

Самое главное,—что у людей были палатки.

Шли мы безъ всякаго маршрута; переходы и дневки дѣлали въ зависимости отъ обстоятельствъ. По Лезгинской линіи мы двигались благополучно, но впереди было еще, по крайней мѣрѣ, 700 верстъ. Лишь только перевалили мы въ Дагестанскую область, начались для насъ испытанія.

Туземцы говорятъ: „Пришелъ урусъ—принесъ зиму“.

Такъ именно и было съ нами. Только-что мы вступили въ долину—повалилъ снѣгъ. Погода была хотя и не холодная, не болѣе 5° мороза, но снѣгъ—довольно глубокій, затруднялъ движеніе безъ дорогъ. Горные ручейки обратились въ рѣки.

Случалось иногда переходить ихъ по колѣна.

Начались заболѣванія въ командѣ, и самого меня снова забила лихорадка.

По Дагестанской линіи тянулись казачьи посты, которые изрѣдка чередовались со станціями, гдѣ мѣнялась почтовая передача.

Вотъ и все жилье, что мы встрѣчали по пути, избушка и вокругъ дворъ.

О ночлегахъ въ нихъ для команды нечего было и думать. Слава Богу, если нѣсколько тяжело больныхъ можно было помѣстить ночь въ теплѣ.

Лѣчить снова пришлось самому.

Практика моя расширилась.

Кромѣ хинина, которымъ я пробавлялъ по-старому команду, у меня былъ еще чай и перецъ.

При разстройствахъ я давалъ жевать и глотать сухой чай, при желудочныхъ боляхъ—зерна перца.

Наконецъ—наконецъ, въ укрѣпленіи Дашлагаръ нагналъ я штабъ нашего полка.

По прибытіи я остановился у моего замѣстителя, командовавшаго моей ротой, Соловьева.

Послѣ мѣсяца душевной и физической муки, я только теперь оцѣнилъ всю драгоцѣнность отдыха.

Взвинченные нервы сразу упали, и меня охватилъ пароксизмъ.

Это былъ какой-то апоѳеозъ страданій.

Придя въ сознаніе, я встрѣтилъ испуганное и недоумѣвающее, доброе лицо Соловьева, который въ какомъ-то страхѣ повторялъ:

— Боже мой, да какъ же вы могли. Да я бы, кажется, умеръ— не вынесъ этого.

Только на второй день нашелъ я достаточно силы явиться командиру полка.

Видъ мой его тронулъ. Онъ крѣпко расцѣловалъ меня и сказалъ, что, отправляя меня, онъ хорошо понималъ всю трудность своего порученія, а также и то, на кого это порученіе возлагалъ.

Этотъ случай сблизилъ меня съ Краузомъ. Я часто бывалъ у него и положительно чувствовалъ, какъ его заботы обо мнѣ, его угощенія „кофейкомъ“ и подливанія „ромку“ въ чай меня исцѣлялли отъ моего упорнаго недуга.

Не вполнѣ оправившись, я вступилъ въ командованіе ротою. Особенно ретивой службы и не требовалось: самъ Краузъ недолюбливалъ уставныя захожденія, ружейные пріемы и проч.

Какъ старый кавказскій рубака, онъ даже считалъ ихъ вредными для дѣла.

Охотничьи экскурсіи свои (уже не съ сборною командою, а съ своею стрѣлковой ротою) я продолжалъ. И могу сказать, что онѣ являлись истинною школою для солдатъ въ отношеніи развитія въ

нихъ смѣтливости и расторопности: на роту свою я положительно не могъ достаточно нарадоваться. Это были ребята — молодецъ къ молодцу—открытыя довѣрчивыя лица, а стрѣлки—на подборъ!

Охоты въ камышахъ по взморью за кабанами бывали всегда удачны, такъ что люди получали иной разъ по фунту на человѣка.

Командиръ мой не былъ охотникомъ и, однажды, заинтересованный нашей большой добычей, онъ просилъ меня взять и его съ собою, заранѣе поставивъ условіемъ свое полное подчиненіе моимъ распоряженіямъ.

Въ охотѣ приняли участіе многіе офицеры, и она имѣла характеръ праздника, особенно же для роты моей, для которой она являлась въ то же время смотромъ начальства.

Удача наша была особенно велика: мы убили что-то около 12-ти матерыхъ кабановъ, взяли живьемъ до 30-ти поросятъ и настрѣляли массу фазановъ.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю этотъ эпизодъ потому, что мнѣ необыкновенную радость доставляло послѣ того сознаніе, что и я за заботы обо мнѣ, въ свою очередь, могъ доставить удовольствіе Краузу.

Къ характеристикѣ этого прекраснаго командира, какъ товарища, я добавлю слѣдующее: командуя ротою, я былъ въ чинѣ поручика, тогда какъ въ полку были капитаны, не командовавшіе ротами. Это не было ненормальнымъ. Старшинство въ то отвѣтственное время у насъ, на Кавказѣ, не соблюдалось обязательно. Старшіе въ чинахъ, не командовавшіе ротами, назначались субалтернъ-офицерами къ болѣе старымъ ротнымъ командирамъ.

Ко времени нашего возвращенія въ Россію [1]), подоспѣлъ приказъ о томъ, что капитаны, которые не командовали ротами, должны были отставляться отъ производства.

Краузъ, не колеблясь, отставилъ меня отъ командованія ротою, поручилъ мнѣ въ походѣ обязанность квартирьера отъ полка. На моей обязанности было слѣдовать впереди съ командою ротныхъ артельщиковъ заготовлять для полка мясо, разсчитываться за фуражъ и провіантъ.

Я ѣхалъ преспокойно въ своей телѣжкѣ впередъ, отводилъ квартиры, по подходѣ полка, сдавалъ отчетъ и, заручившись снова деньгами, отправлялся опять впередъ.

Подъ сидѣньемъ у меня было два боченка съ порохомъ, который при выступленіи надлежало потопить, какъ излишній; но я, какъ охотникъ, никакъ не могъ этого сдѣлать, потому что зналъ, какъ онъ въ Россіи дорогъ и какъ трудно его доставать.

---

[1]) Мы только-что пришли въ укрѣпленіе Чиръ-Юртъ.

Этимъ я и закончу свои блѣдныя воспоминанія.

Описывать особые подвиги личной храбрости я избѣгалъ, находя это бахвальствомъ, такъ какъ исключительной доблести за ними я никогда не признавалъ, почитая долгомъ всякаго честнаго человѣка—разъ служишь, смотрѣть смѣло въ лицо всякой опасности, вѣруя только въ неисповѣдимый промыселъ Божій, а также памятуя, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба никогда не пропадетъ.

Господь хранилъ меня, хотя вся служба на Кавказѣ была изо дня въ день суровою борьбою за жизнь не только благодаря условіямъ войны съ туземцами, но и природѣ, потому что, по-истинѣ, покоряя Кавказъ, мы покоряли и его суровую природу. А за царемъ?—конечно, служба не пропала. Только она мнѣ и помогла—изъ недоросля-барчука, лишеннаго капризомъ судьбы отцовскаго наслѣдія, встать, какъ говорится, на ноги и поставить на ноги всѣхъ моихъ дѣтей.

И. Е—скій.

Журнальный фонд
ковской обл. библиотеки

Редакторъ-Издатель **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1906 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	стран.
I. Записки императрицы Екатерины II .	5—37, 241—294 497—522.
II. Записки княгини Дашковой	117—144
III. Воспоминанія В. Н. Никитина	582—669
IV. Мысли и воспоминанія поляка	670—714
V. Воспоминанія стараго кавказца	715—749

Портреты.

1. Императрицы Екатерины II.
(При 7-й книгѣ).

2. Графа Константина Лубенскаго.
(При 8-й книгѣ).

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

	стран.
I. Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія	74—116, 295—328, 523—535
II. Историческія замѣтки: Дикій маркизъ . . .	145—182
Турція и прогрессъ.	182—198
Вторичное отреченіе Наполеона и бѣлый терроръ	198—240
Второй терроръ	456—496
III. Епископъ Сейнынскій, графъ Константинъ Лубенскій. Г. А. Воробьева.	329—387
IV. Изъ дневника М. И. Михайлова .	388—455, 536—581

Библіографическій листокъ.

1. Книги, доставленныя въ редакцію (на оберткѣ іюльской книги).
2. Послѣ войны о нашей арміи. А. Геруа. Тип. А. С. Суворина. 1906 г. (на оберткѣ августовской книги).
3. Перечень книгъ (тамъ же).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1906 годъ.

Тридцать седьмой годъ изданія.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простаго обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и духовныхъ, при благосклонномъ участіи которыхъ журналъ издается въ теченіе 36 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка, по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1906 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1905 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

374-15/II				